

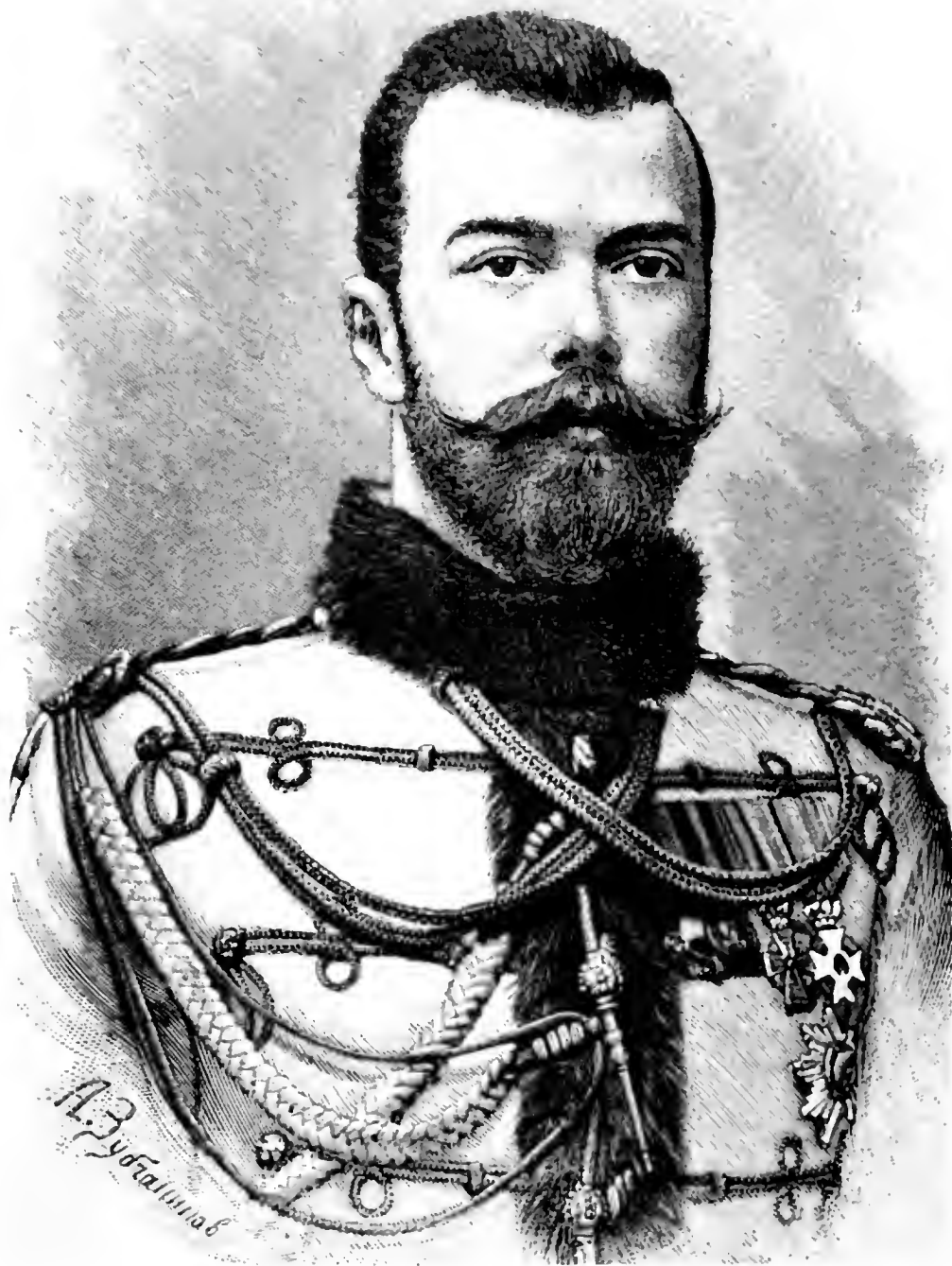
ПАМЯТКА
Николаевского
Кавалерийского Училища

ПАМЯТКА
Николаевского
Кавалерийского Училища

Издание бывших юнкеровъ
Николаевского Кавалерийского Училища.

1969.

**ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ ВТОРОЙ.**

**ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ.
(Въ кавалергардскомъ ницъ-мундирѣ).**

**ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАИ ПАВЛОВИЧЪ.
(Въ сюртукѣ л.-гв. Коннаго полка).**

**ПИСЬМО МИНИСТРА ИМПЕРАТОРСКАГО ДВОРА
НАЧАЛЬНИКУ НИКОЛАЕВСКАГО КАВАЛЕРІЙСКАГО УЧИЛИЩА**

отъ 26 сентября 1915 г. за № 8310.

Даръ Его Императорскаго Величества Государя Императора **НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА** Николаевскому Кавалерійскому Училищу.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было **ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ** соизволить пожаловать Николаевскому Кавалерійскому Училищу для помѣщенія въ новомъ залѣ Училища бронзовую статую **ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I** съ пьедесталомъ, по точному образцу статуи, находящейся въ Петергофѣ, въ Александриі, въ Собственномъ садикѣ.

О такомъ **ВЫСОЧАЙШЕМЪ** соизволеніи, сообщенномъ Военному Министру, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, добавляя при этомъ, что означенная статуя, по изготовленіи, будетъ поставлена въ Училищѣ.

Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи и совершенной преданности.

Графъ Фридериксъ

*«И были възными друзьями
Солдатъ, корнетъ и генералъ!»*

Привѣтствуя выходъ въ свѣтъ печатнаго труда, воздающаго должную честь дорогой намъ Славной Школѣ, мнѣ, какъ одному изъ старшихъ нынѣ живыхъ бывшихъ ея юнкеровъ, хочется сказать нѣсколько словъ объ основномъ нашемъ завѣтѣ.

Въ наши дни, когда нѣтъ Школы, когда конница обмѣняла лошадей на механическіе моторы, духъ нашего Училища можетъ остаться примѣромъ для всѣхъ будущихъ офицеровъ армій всѣхъ державъ.

Когда 70 лѣтъ тому назадъ, слѣдуя по пути своего отца, я имѣлъ честь вступить въ ряды Гвардейскаго Эскадрона, то, какъ и вся «сугубая молодежь», я смутно чувствовалъ, слыша нашихъ старшихъ «корнетовъ», завѣщавшихъ намъ блюсти традиціи Школы, что вѣчная дружба солдата, корнета и генерала является основнымъ принципомъ нашей офицерской этики, руководящей нашимъ поведеніемъ въ любомъ обстоятельствѣ, мирномъ или боевомъ.

Сегодня же, оглядываясь на далекое прошлое и видя, что надъ Россіей скоро засіяетъ заря національнаго возрожденія, я больше чѣмъ когда-либо увѣренъ, что нашъ завѣтъ тѣхъ дней разовьется надъ ея обновленной арміей и будетъ ей вѣрнымъ спутникомъ на тяжеломъ, но столь блестящемъ пути служенія Отчизнѣ.

Этому залогъ — исторія нашего стараго, но одновременно и вѣчно молодого Эскадрона и нашей славной Царской Сотни, сливаясь въ одно нераздѣлимое цѣлое Россійской Императорской Конницы.

Память о славѣ Школы сегодня обезпечена благодаря труду ея бывшихъ воспитанниковъ. Своей дружной и плодотворной работой они доказали, что Духъ нашей Школы не погасъ и не погаснетъ.

СЛАВНОЙ ШКОЛѢ И СЛАВНЫМЪ ЕЯ ЮНКЕРАМЪ — УРА!

Франція, 1968 г.

Генераль-маіоръ А. М. Грековъ †
выпуска 1899 г.
Бывшій Командиръ (1916—1917)
Лейбъ-Гвардіи Казачьяго
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка.

Николаевское Кавалерійское Училище.

Въ царствованіе Императора Александра I Высочайшимъ приказомъ 9 мая 1823 года была учреждена въ С.-Петербургѣ Школа Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ въ составѣ одной роты при Гвардейскомъ Корпусѣ. Сдѣлано это было по мысли Великаго Князя Николая Павловича съ цѣлью давать военное образованіе молодымъ людямъ, желавшимъ достигнуть офицерскаго званія въ гвардейской пѣхотѣ. Главный надзоръ за Школой былъ порученъ самому Вел. Кн. Николаю Павловичу, впослѣдствіи Императору Николаю I, а во главѣ Школы былъ поставленъ штабъ-офицеръ Гвардіи, въ помощь которому назначались ротный командиръ и шесть субалтернъ-офицеровъ; учебной частью завѣдовалъ Инспекторъ классовъ. Учебный курсъ продолжался два года, на классныя занятія полагалось ежедневно по 6 часовъ, — на фронтовыя — по 2 часа. Лѣтомъ рота выводилась въ Красное Село для несенія войсковой службы вмѣстѣ съ Гвардіей. Число обучавшихся въ Школѣ ограничивалось общей нормой подпрапорщиковъ въ полкахъ Гвардіи, по 24 человекъ на каждый; подпрапорщики въ Школѣ сохраняли полковую форму одежды. За свое содержаніе каждый вносилъ по 509 рублей въ годъ. Первое время Школа помѣщалась въ казармахъ л. гв. Измайловскаго полка, но въ 1825 году она была переведена въ бывший домъ графа Чернышева у Синяго моста, впослѣдствіи — зданіе Государственнаго Совѣта.

18 августа 1823 года состоялось открытіе Школы.

12 іюля 1826 года, взамѣнъ расформированнаго Дворянскаго эскадрона, учрежденнаго при Дворянскомъ полку въ августѣ 1810 года, при Школѣ былъ сформированъ эскадронъ юнкеровъ гвардейской кавалеріи въ числѣ 14 юнкеровъ отъ cadaго гвардейскаго кавалерійскаго полка и 14 унтеръ-офицеровъ и вахмистра. Общее число воспитанниковъ по штату было опредѣлено въ 192 подпрапорщика и 99 юнкеровъ. Школа была наименована Школой Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Кавалерійскихъ Юнкеровъ.

Въ 1828 году былъ произведенъ первый смотръ эскадрону, неудачный, и Вел. Князь Михаилъ Павловичъ поздравилъ съ производствомъ въ офицеры только юнкеровъ кирасирскихъ пол-

ковъ, а всѣхъ остальныхъ отставилъ отъ выпуска и они были произведены черезъ годъ.

15 октября 1838 года было Высочайше утверждено новое положеніе о Школѣ, которая должна была попрежнему готовить офицеровъ для службы въ Гвардіи. По этому положенію въ Школу стали приниматься по конкурсному экзамену молодые дворяне отъ 13 до 15-лѣтняго возраста, желавшіе служить въ Гвардіи. Въ ротѣ было положено имѣть 120 подпрапорщиковъ, а въ эскадронѣ — 108 юнкеровъ, съ платою въ ротѣ по 1204 руб., а въ эскадронѣ по 1254 руб. ассигнаціями въ годъ. вмѣсто прежняго двухгодичнаго курса былъ установленъ четырехгодичный, причемъ въ двухъ младшихъ классахъ заканчивалось общее образованіе, а два старшихъ посвящались военнымъ наукамъ. При поступленіи въ Школу подавалось прошеніе Командиру Школы, не означая полка, а по выдержанію экзамена молодые люди зачислялись въ роту или эскадронъ, согласно выраженному ими желанію. Болѣе пяти лѣтъ никому не дозволялось оставаться въ Школѣ, а потому, пробывъ 4 года и не перейдя въ послѣдній классъ, воспитанники выпускались офицерами въ армейскіе полки. Перейдя въ послѣдній классъ, подпрапорщики и юнкера приводились къ присягѣ подъ знаменами и штандартами Гвардіи въ Зимнемъ дворцѣ и отъ этого времени считались на дѣйствительной службѣ.

Къ Школѣ были прикомандированы пажи-кандидаты и дѣти потомственныхъ дворянъ, изъявившіе желаніе служить въ Гвардіи и имѣвшіе на то достаточныя средства. Изъ числа пажей-кандидатовъ 20 было принято на казенный счетъ, остальные же должны были внести положенныя суммы въ 1204 или 1254 рублей. Суммы эти распредѣлялись на столовое содержаніе, обмундированіе, бѣлье, постели и другія хозяйственныя надобности. Изъ этихъ же суммъ покрывался расходъ на учебныя пособія, бібліотеку и жалованье преподавателямъ. При производствѣ въ офицеры подпрапорщики и юнкера никакимъ пособіемъ на обмундированіе отъ казны не пользовались.

Эскадронъ имѣлъ 113 строевыхъ лошадей гнѣдой масти. Всѣмъ чинамъ Школы было присвоено однообразное обмундированіе: въ ротѣ — л. гв. Московскаго полка, а въ эскадронѣ — по образцу л. гв. Конно-Гренадерскаго полка, но съ драгунскимъ киверомъ и помпономъ. Всѣ офицеры Школы имѣли сверхъ петлицъ на обшлагахъ и воротникахъ мундировъ золотыя канты, а подпрапорщики и юнкера — вмѣсто басонныхъ галунныя петли-

цы. На такихъ основаніяхъ Школа просуществовала до 1864 года.

17 августа 1839 года Школа переселилась въ помѣщеніе Кондукторской Школы на углу 12 роты л. гв. Измайловскаго полка и Загороднаго проспекта, который былъ переименованъ въ Ново-Петергофскій, а затѣмъ въ Лермонтовскій, и въ этомъ помѣщеніи Школа и закончила свое 94-лѣтнее существованіе въ концѣ 1917 года.

Въ 1843 году Школа перешла въ вѣдѣніе Главнаго Начальника Военно-Учебныхъ Заведеній.

24 марта 1859 года, вслѣдствіе упраздненія званія подпрапорщика, Школа была переименована въ память ея Державнаго Основателя въ Николаевское Училище Гвардейскихъ юнкеровъ, и въ ея составъ вошелъ «Частный пансіонъ Шаклѣва», основанный 23 апрѣля 1833 года, какъ подготовительное учебное заведеніе.

1 сентября 1864 года рота была упразднена и оставленъ лишь эскадронъ въ 200 юнкеровъ. Новое Училище было образовано изъ двухъ старшихъ классовъ прежняго Училища, а два младшихъ класса были отдѣлены и преобразованы въ казенный пансіонъ, включивъ сюда и воспитанниковъ пансіона Шаклѣва, который, какъ таковой, прекратилъ свое существованіе.

По положенію 1867 года въ Училище принимались молодые люди не моложе 16 лѣтъ изъ сословій, не обязанныхъ рекрут-

Группа юнкеровъ 53-го выпуска, 1880 года.

Слѣва направо и сверху внизъ: Стрѣльбицкій, Лѣсниковъ, Ляшенко, Гюпе, гр. Гейманшъ, Лукашевичъ, Розаліонъ-Сошальскій, Вингореть, Мятлонъ, Васьяновъ, Родзевичъ, Торнау, Туманскій, шт. кап. Ивановъ, Башиловъ, Гербель, Остряковъ, Альфтопъ, Лихаревъ.

ской повинностью. Все юнкера были обязаны вносить ежегодно плату по 400 рублей; съ 1890 г. эта плата была увеличена до 450 рублей. Сверхъ того, отъ юнкеровъ требовался реверсъ въ размѣръ 300 рублей, который имъ возвращался передъ производствомъ въ офицеры.

27 ноября 1878 года Пансіонъ былъ переведенъ изъ помѣщенія Училища въ новое и сталъ самостоятельнымъ военно-учебнымъ заведеніемъ, а 6 декабря 1881 года былъ наименованъ Николаевскимъ кадетскимъ корпусомъ.

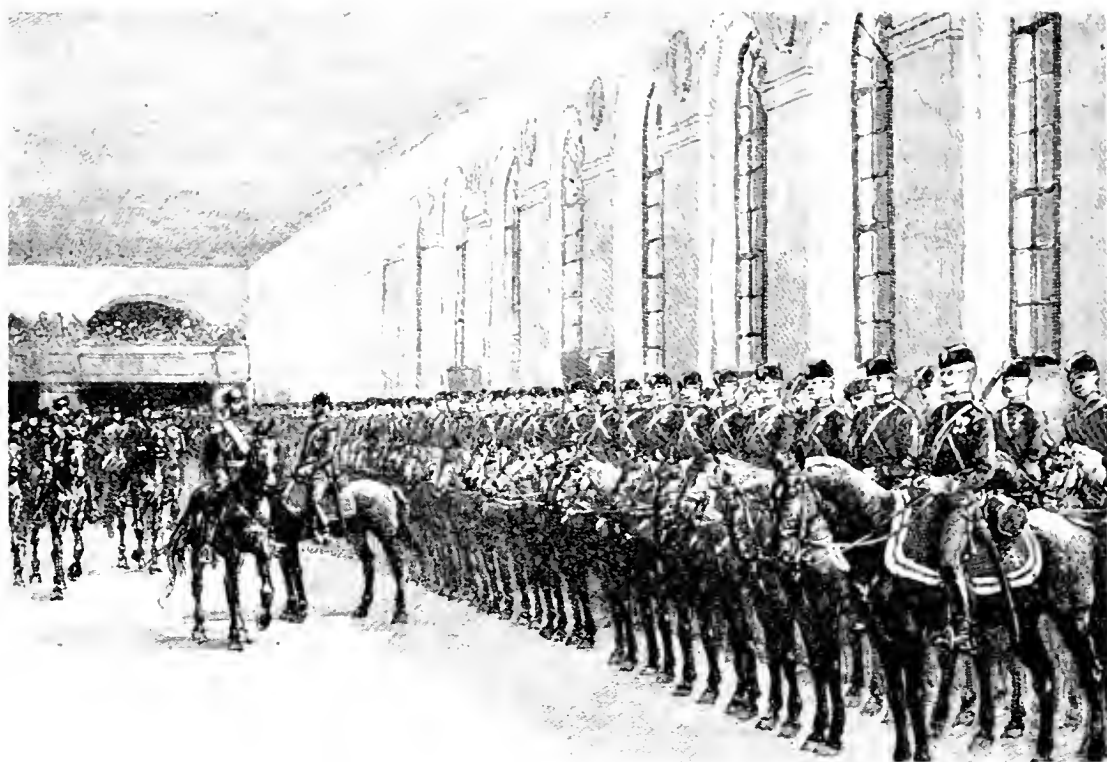
Въ 1882 году Училище переименовано въ Николаевское Кавалерійское Училище со штатомъ въ 200 юнкеровъ въ составѣ одного эскадрона.

4 іюня 1890 года Высочайшимъ повелѣніемъ, объявленнымъ въ приказѣ по Военному Вѣдомству № 156, учреждена казачья сотня, комплектуемая изъ казаковъ всехъ казачьихъ войскъ, окончившихъ среднее образованіе, со штатомъ въ 120 юнкеровъ.

Къ 1914 году право на поступленіе въ Училище имѣли воспитанники, окончившіе курсъ въ кадетскихъ корпусахъ, и молодые люди со стороны съ ограниченіями, указанными въ ст. 692 кн. XV Свода Военныхъ Постановленій 1869 года, изданіе 3-е. Въ составѣ эскадрона принимались казеннокоштными кадеты, имѣвшіе не меньше 8 балловъ по поведенію и не меньше 8 балловъ въ среднемъ по наукамъ, и своекоштными — съ платой по 550 рублей въ годъ. Поступавшіе въ эскадронъ обязаны были внести въ обезпеченіе первоначальнаго обзаведенія при выпускѣ въ офицеры сумму, размѣръ которой устанавливался Начальникомъ Главнаго Управленія Военно-Учебныхъ Заведеній. Положеніе это было отмѣнено въ началѣ войны съ поступленіемъ 1 августа 1914 года юнкеровъ перваго ускореннаго выпуска.

Въ составѣ казачьей сотни принимались казеннокоштными кадеты, принадлежащіе къ казачьему сословію, и сторонніе молодые люди того же сословія при соблюденіи той же ст. 692 Свода Военныхъ Постановленій.

Выпускъ въ части Гвардіи, кромѣ согласія общества господъ офицеровъ, былъ обусловленъ на общихъ основаніяхъ среднимъ балломъ не ниже девяти. Не имѣвшіе этого средняго балла выпускались въ армейскіе полки съ прикомандированіемъ къ Гвардіи, чтобы впослѣдствіи, по удостоенію строевого начальства, быть переведенными въ гвардейскую часть. Старшинство выпускаемыхъ юнкеровъ засчитывалось на общихъ основаніяхъ.

Эскадронъ Школы въ Михайловскомъ манежѣ (1890-е годы).

9 мая 1898 года, по случаю 75-лѣтія существованія и службы, Училищу былъ пожалованъ штандартъ.

13 декабря 1910 года казачьей сотнѣ была пожалована общая форма, такъ какъ до тѣхъ поръ юнкера носили войсковую форму одежды.

22 октября 1913 года Начальнику Училища, помимо формы одежды эскадрона, была присвоена и таковая — казачьей сотни.

4 июля 1915 года въ списки сотни былъ зачисленъ Е. И. В. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексій Николаевичъ, Августѣйшій Атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ.

Въ память того, что въ Училищѣ съ 1832 по 1834 годъ воспитывался знаменитый поэтъ М. Ю. Лермонтовъ, при Училищѣ въ 1883 году былъ открытъ богатый своей коллекціей «Лермонтовскій музей», а съ началомъ войны 1914 года сталъ дѣйствовать Историческій Музей и Георгіевская галлерей, которыми завѣдовалъ гв. полковникъ В. В. Граве, выпуска 1887 года.

1 октября 1913 года передъ зданіемъ Училища былъ заложенъ памятникъ «Корнету Лермонтову», открытый въ 1914 году. Во время войны были воздвигнуты памятники Н. П. Слѣпцову, М. П. Мусоргскому и П. П. Семенову-Тянь-Шанскому, воспитанникамъ Школы, освященные 9 мая 1916 года.

Съ объявленіемъ мобилизаціи и войны 1914 года наступилъ

періодъ спѣшной и усиленной подготовки и молодые люди, которымъ надлежало прибыть въ Училище 1 сентября, были телеграммой вызваны къ 1 августа и уже 15 августа 1914 года приняли присягу.

1 октября состоялся выпускъ корнетами и хорунжими юнкеровъ, поступившихъ въ Училище 1 сентября 1913 года, а 1 декабря 1914 года былъ произведенъ въ прапорщики 1-й ускоренный выпускъ поступившихъ 1 августа того же года. Дальнѣйшіе выпуски были:

2-й ускоренный	—	1 февраля 1915 года.
3-й	..	— 1 июня 1915 года.
4-й	..	— 1 октября 1915 года.
5-й	..	— 1 февраля 1916 года.
6-й	..	— 1 октября 1916 года.
7-й	..	— 1 февраля 1917 года.
8-й	..	— 1 октября 1917 года.

Послѣ захвата власти большевиками юнкера получили отпускъ «до конца Рождественскихъ каникулъ» и уже въ день св. Георгія Побѣдоносца, 26 ноября 1917 года, полуэскадронъ Николаевского Кавалерійскаго Училища въ составѣ болѣе 60 юнкеровъ 9-го и 10-го ускоренныхъ курсовъ, подъ командой л. гв. Конно-Гренадерскаго полка шт. ротм. гр. Коновницына и въ составѣ Юнкерскаго батальона Добровольческой Арміи подъ командой л. гв. Измайловскаго полка шт. кап. Парфенова, принялъ участіе въ бою противъ красныхъ у Балабановской роци въ Нахичевани (Ростовъ-на-Дону). Это была послѣдняя, преемственно связанная со Школой воинская часть и она поддержала имя и традиціи Славной Школы.

Въ дальнѣйшемъ, уже въ эмиграціи, одно изъ училищъ Добровольческой Арміи было наименовано Николаевскимъ Кавалерійскимъ Училищемъ. Воспитанники этого военно-учебнаго заведенія являются полноправными членами Объединеній Школы за рубежомъ.

Возвращаясь ко днямъ расцвѣта Школы, слѣдуетъ упомянуть тѣхъ, кто создалъ красивый и несравненный ореолъ этого Училища, вплоть до тѣхъ двухъ его Начальниковъ, которые, будучи по духу чуждымъ Школѣ элементомъ, приложили все усилія, чтобы искоренить сѣдые традиціи, создавшія плеяду блестящихъ офицеровъ Россійской Императорской Конницы.

Начальниками Школы и Училища были генералы:

П. П. Годенъ, 1823—1831.
Баронъ М. А. Шлиппенбахъ, 1831—1843.
А. Н. Сутгофъ, 1843—1863.
Я. Ф. Сиверсъ, 1863—1865.
Баронъ М. А. Таубе, 1865—1874.
В. Ф. Винбергъ, 1874—1878.
А. А. Бильдерлингъ, 1878—1890.
Е. Е. Рынкевичъ, 1890—1895.
П. А. Плеве, 1895—1899.
П. А. Машинъ, 1899—1901.
Ф. Ф. Грязновъ, 1901—1905.
Л. В. де-Виттъ, 1905—1910.
Е. К. Миллеръ, 1910—1912.
М. К. Марченко, 1913—1917.
Я. С. Сулейманъ-Улановскій, и. д. 1917 г.

Инспекторы классовъ Школы и Училища, — полковники:

Баронъ Деллинсгаузенъ, 1823—1827.
Князь Голицынъ, 1827—1828; 1830—1831.
Христіани, 1828—1830.

Генералы:

А. М. Павловскій, 1831—1850.
А. И. Ватаци, 1850—1858.
Ю. Ф. Нейманъ, 1858—1873.
М. А. Домонтовичъ, 1873—1878.
А. П. Цирга, 1878—1896.
С. А. Будаевскій, 1896—1900.
С. С. Хабаловъ, 1900—1903.
Г. С. Осиповъ, 1903—1913.
Полковникъ К. И. Сычевъ, 1913—1915.
Ген. Я. С. Сулейманъ-Улановскій, 1915—1917.

Статистическія данныя періода 1823—1898, 1-й до 71-го выпускн:

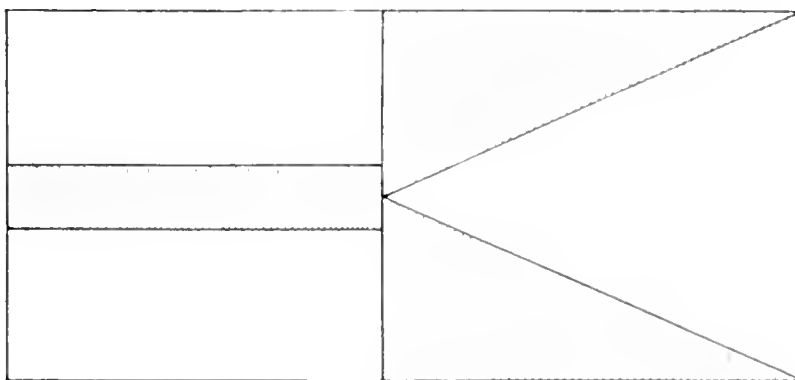
Поступило въ Школу и Училище	5964	человѣка
Окончило курсъ	4851	„
Произведено:		
въ гвардейскую кавалерію	1571	„
въ армейскую кавалерію	1523	„
въ гвардейскія казачьи части	94	„
въ армейскія казачьи части	293	„
въ гвардейскую пѣхоту	952	„

въ армейскую пѣхоту	99	..
въ конную артиллерію	52	..
въ полевую артиллерію	89	..
переведены въ другія училища	22	..
зачислены по гражданскому вѣдомству	138	..
переведены въ войска унт.-офицерами	18	человѣкъ.

Въ порядкѣ борьбы и искорененія традицій Школы въ 1915 году былъ сформированъ 2-ой эскадронъ, причеиъ въ отличіе отъ всѣхъ другихъ военныхъ училищъ, эскадроны Училища были комплектованы только юнкерами одного лишь выпуска каждый и, такимъ образомъ, не были смѣшанными, какъ въ другихъ училищахъ. Эскадронъ отъ эскадрона былъ строго изолированъ. 1-ымъ эскадрономъ командовалъ прибывшій съ фронта ротм. Булацель, а 2-ой принялъ старый смѣнный офицеръ ротм. Ф. Ф. Помазанскій, уступившій вскорѣ свое мѣсто ротмистру Левенецъ, также прибывшему съ фронта.

Однимъ изъ условій прикомандированія смѣнными офицерами до войны было успѣшное окончаніе курса Офицерской Кавалерійской Школы. Такимъ образомъ, въ строю эскадрона 1914 г. рѣдки были офицеры, не носившіе нагруднаго знака Офицерской Кав. Школы.

Училищный праздникъ, день основанія, праздновался 9 мая и этотъ день посейчасъ съ благоговѣніемъ воспоминается и по возможности празднуется разсѣянными по бѣлу свѣту воспитанниками Славной Школы. Храмовой праздникъ училищной церкви въ С. Петербургѣ приходился на День Св. Духа.

Флюгеръ эскадрона.

Гвардейская Школа.

Печальныя событія постигшія Россію не дали возможности Николаевскому Кавалерійскому Училищу въ С. Петербургѣ дожить до празднованія своего 100-лѣтняго существованія. Многіе славные дѣла и подвиги питомцевъ его такъ и остались не занесенными на страницы исторіи.

Большевицкая революція 1917 года разъ и навсегда прекратила существованіе этой колыбели нашей славной Императорской кавалеріи. Передо мной книга, можетъ быть единственная за границей. Ея заглавіе: «Историческій Очеркъ. Николаевское Кавалерійское Училище. Школа Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Кавалерійскихъ Юнкеровъ». 1823—1873 г. Санктъ-Петербургъ. 1873 г. Отпечатано въ Типографіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Составленъ В. Потто. 326 страницъ.

Считаю своимъ непремѣннымъ долгомъ подѣлиться, какъ съ друзьями моими по Школѣ, такъ и со всѣми интересующимися воспитаніемъ военной молодежи этой исторической эпохи, переписанными мною существенными строками этого труда, посвященнаго 50-лѣтнему юбилею Школы.

Приказомъ Императора Александра I отъ 9 Мая 1823 г. было опредѣлено учредить Школу для образованія тѣхъ молодыхъ дворянъ, которые, поступая въ гвардейскую пѣхоту изъ университетовъ или частныхъ пансіоновъ, не имѣли достаточной подготовки въ военныхъ наукахъ.

Въ проектѣ учрежденія Школы говорится: «Всѣ офицеры, начиная отъ командира Школы, никогда не должны упускать изъ виду высокой и лестной довѣренности, оказанной имъ Всемилоствѣйшимъ Государемъ. Они должны служить образцомъ для молодыхъ людей, готовящихся впослѣдствіи украсить и подкрѣпить собою славную російскую гвардію и своимъ примѣромъ образовывать изъ нихъ непоколебимыхъ и вѣрныхъ защитниковъ Государя и Отечества. Всякое упущеніе и послабленіе могутъ не только разрушить всю пользу, ожидаемую отъ сего заведенія, но и вовлечь его въ пагубныя послѣдствія». Инструкція была составлена лично Его Имп. Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ и утверждена Командиромъ Отдѣльнаго Гвардейскаго Корпуса Генераломъ-Адъютантомъ Уваровымъ.

Первымъ командиромъ Школы Подпрапорщиковъ былъ л.-гв. Измайловскаго полка Полковникъ Павелъ Петровичъ Годеинъ.

Все подпрапорщики, поступившіе въ Школу, приносили присягу на вѣрность службы въ портретной галереѣ Зимняго Дворца подъ знаменами Гвардейскихъ полковъ. Первоначально Школа помещалась въ казармахъ л.-гв. Измайловскаго полка, но черезъ два года по ходатайству Великаго Князя, купленъ былъ для помещенія Школы роскошный домъ графа Чернышева у Синяго моста. Торжественное открытіе Школы происходило 18 Августа 1823 г. Ровно въ 10 ч. утра прибылъ Великій Князь Николай Павловичъ, изъявившій желаніе прежде всего познакомиться со всеми подпрапорщиками. Ихъ было 39 человекъ. Поздоровавшись и обойдя ихъ фронтъ, Его Высочество вызвалъ впередъ старѣйшаго по службѣ. Вышелъ подпрапорщикъ л.-гв. Московскаго полка Геличѣвъ.

Великій Князь тутъ же поздравилъ его фельдфебелемъ роты и затѣмъ собственноручно вывелъ изъ строя трехъ, а именно Шипова, Арсеньева и Мореншильда. Ихъ онъ назначилъ отдѣленными унтеръ-офицерами, а остальныхъ самъ раздѣлилъ на три отдѣленія или капральства. Первое поручилъ Геличѣву, второе — Арсеньеву, третье Шипову, и запасное, для вновь поступающихъ на службу, — Мореншильду.

Въ память этого событія на сооруженномъ по сему случаю образѣ лика Св. Благовѣрнаго Вел. Кн. Александра Невскаго и Св. угодника Николая Чудотворца, сдѣлана была надпись: «Въ благополучное царствованіе Всепросвѣтленнѣйшаго Самодержавнѣйшаго Великаго Государя Императора Александра Павловича, въ лѣто 1823-е Мая 9, по Высочайше утвержденному Имъ въ сей день постановленію для Школы Гвард. Подпрапорщиковъ, она, при совершеніи Господу Богу молебствія: «да дастъ благая благимъ намѣреніямъ Его», тогда же 1823 г., Августа 18 числа, всеторжественно открыта въ присутствіи Его Имп. Высоч. Государя, Великаго Князя Николая Павловича, Коему Высочайшимъ Его соизволеніемъ поручено управленіе надъ оною». Икона эта находилась въ церкви Н. К. У. и въ день открытія Школы ежегодно совершался передъ ней благодарственный молебенъ.

Рота Школы въ полномъ составѣ участвовала на Высоч. смотрахъ и парадахъ, а въ лагеряхъ несла всю службу наравнѣ съ войсками гвардіи, располагаясь въ палаткахъ подъ Краснымъ Селомъ. Каникулъ въ Школѣ не существовало. Во время говніи все унтеръ-офицеры, ефрейтора и лучшие подпрапорщики приглашались Его Высочествомъ въ церковь Аничкова дворца, для причащенія св. Таинъ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ и Его Августѣй-

шимъ Семействомъ. Первый выпускъ изъ Школы былъ по желанію Вел. Князя экстреннымъ и безъ экзамена произведенъ въ Декабрѣ 1823 г. Послѣдующіе выпуски производились уже регулярно, а 19 Октября 1825 г. послѣдовало Высоч. Повелѣніе отмѣнить пріемъ въ Школу во всякое время года, а производить одинъ разъ въ годъ, именно въ теченіе Октября мѣсяца. 19 Ноября 1825 г. отошелъ въ вѣчность учредитель Школы Имп. Александръ Благословенный. Особая команда Школы въ продолженіи нѣсколькихъ дней стояла на часахъ у гроба почившаго Монарха. Особая бронзовая медаль была наградою отъ Государя этимъ подпрапорщикамъ — «Въ незабвенную память Великаго Монарха».

Еще при жизни Императора Александра I Вел. Князь Николай Павловичъ, въ бытность Ген.-Инспекторомъ Инженерной части, составилъ проектъ, въ которомъ предполагалъ упразднить Дворянскій кавалерійскій эскадронъ и на матеріальныя средства упраздненнаго эскадрона учредить новый гвардейскій эскадронъ при Школѣ Подпрапорщиковъ. Дворянскій эскадронъ былъ учрежденъ въ 1810 году и состоялъ сперва при Дворянскомъ полку, а потомъ при 2-омъ Кадетскомъ корпусѣ.

9 Апрѣля 1826 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы дворяне, поступающіе на службу юнкерами въ полки гвардейской кавалеріи, держали испытаніе въ наукахъ при Школѣ Гв. Подпрапорщиковъ. А 12 Іюля 1826 г. Школа переименовывается въ «Школу Гвард. Подпрапорщиковъ и Кавалерійскихъ Юнкеровъ». Число подпрапорщиковъ ограничено 192, число юнкеровъ въ эскадронѣ 99.

Эскадронъ подчинялся эскадронному командиру, въ помощь которому назначалось 6 оберъ-офицеровъ, по одному отъ cadaго гвардейскаго полка, расположеннаго въ окрестностяхъ столицы. Къ штату прибавлены были письмоводитель, берейторъ и докторъ. Все обмундированіе юнкера первоначально обязаны были дѣлать на свой счетъ. Для помѣщенія юнкеровъ къ главному корпусу дома пристроенъ третій этажъ и открытъ лазаретъ на 20 кроватей. Вахмистромъ былъ назначенъ юнкеръ Кавалергардскаго полка Михаилъ Храповицкій. Первымъ командиромъ эскадрона назначенъ былъ ротмистръ Кавалергардскаго полка Гудимъ-Левковичъ. При Школѣ для верховой ѣзды находилось всего 16 лошадей и еще не было манежа и конюшенъ. До конца 1828 г. юнкера прибѣгали къ частнымъ урокамъ, которые они брали въ частномъ манежѣ г. Моргенштерна. Къ концу 1828 г. былъ отстроенъ манежъ, но по малому числу лошадей занятія производи-

лись только одиночною фздой по вечерамъ отъ 5 до 8 часовъ въ тепломъ крытомъ манежѣ, который отапливался 6 голландскими печами и освѣщался 32 керосиновыми лампами. Расходъ на освѣщеніе былъ такъ великъ, что съ 1829 г. вторая утренняя лекція была перенесена на вечеръ, а вмѣсто нея отъ 10 часовъ утра до часу пополудни стала производиться манежная фзда. Наконецъ съ этого времени началось участвованіе Школы въ парадировкахъ или праздничныхъ разводахъ. Заботясь о томъ, чтобы молодые люди при существовавшей въ Школѣ строгой дисциплинѣ не отставали совершенно отъ свѣтскаго образованія, необходимаго гвардейскимъ офицерамъ, безпрестанно являвшимся тогда при дворѣ и въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, Его Высочество приказалъ имѣть танцовальнаго учителя. И ежегодный взносъ юнкера былъ повышенъ на 50 рублей. Изъ этихъ денегъ производилась и плата фехтовальному учителю.

Съ 1826 г. рота подпрапорщиковъ, паж и кондуктора главнаго Инженернаго училища стали образовывать сводный батальонъ, составлявшій съ 1-ымъ Кадетскимъ корпусомъ учебный полкъ; 2-ой учебный полкъ составлялся изъ батальоновъ Дворянскаго полка, 2-го Кадетскаго корпуса и Павловскаго, тогда Императорскаго военно-сиротскаго Дома; артиллерию отряда составлялъ дивизионъ Артиллерійскаго училища, а кавалерию полукэскадронъ гв. юнкеровъ и конный взводъ горцевъ, воспитывавшихся въ столичныхъ корпусахъ. Въ 1829 г. кадетскій лагерь окончательно былъ переведенъ изъ Краснаго Села въ Петергофъ. Самое выступленіе въ лагерь сопровождалось нѣкотораго рода торжественностью. Весь отрядъ военно-учебныхъ заведеній собирався на плацу — парадномъ мѣстѣ Измайловскаго полка и оттуда съ пѣснями и музыкой двигался по петергофской дорогѣ, тогда еще обставленной богатыми и роскошными дачами. Первый ночлегъ былъ въ Лиговѣ, второй близъ Стрѣльны въ Ижоркѣ, воспѣтой впоследствии Лермонтовымъ. На третій день самъ Государь встрѣчалъ отрядъ въ Петергофѣ и провожалъ въ лагерь на учебномъ полѣ л.-гв. Драгунскаго, нынѣ л.-гв. Конно-Гренадерскаго полка. Въ лагеряхъ для воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній открыты были все петергофскіе сады и даже Александрія. Въ періодъ лѣтнихъ занятій Школа имѣла счастье видѣть въ своихъ рядахъ Его Имп. Высочество Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, который, въ мундирѣ подпрапорщика л.-гв. Павловскаго полка, неоднократно участвовалъ въ ученьяхъ, подавая собою примѣръ подчиненности. Какъ драгоценность хра-

нилась въ Училищѣ картина, изображающая Его Высочество Наслѣдника Престола, окруженнаго товарищами дѣтства. На первомъ планѣ Цесаревичъ въ мундирѣ Павловскаго полка стоитъ облокотившись на ружье, рядомъ съ Нимъ на землѣ сидитъ Вел. Князь Константинъ Николаевичъ въ разстегнутой кадетской шинели. Ихъ окружаютъ воспитанники военно-учебныхъ заведеній, сгруппировавшіеся въ разнобразныхъ позахъ около орудія. Тутъ же, верхомъ, изображенъ извѣстный въ то время ѣздокъ и красавецъ, юнкеръ Кавалергардскаго полка Шереметьевъ. Далѣе въ глубинѣ картины, какъ бы любуясь этой группой, стоитъ командиръ роты полк. Медеръ. Картина рисована извѣстнымъ художникомъ Бюловымъ и во множествѣ гравированныхъ экземпляровъ разошлась тогда по Россіи; одинъ изъ этихъ эстамповъ украшалъ собою залъ Н. К. У.

По возвращеніи изъ Турціи Великій Князь Михаилъ Павловичъ былъ назначенъ начальникомъ Военно-учебныхъ заведеній. Онъ принялъ живое участіе въ преуспѣваніи Школы и сталъ посѣщать ее почти еженедѣльно. Эти посѣщенія всегда сопровождались грозой. Въ 1830 году неудовольствіе Великаго Князя началось съ неудачнаго представленія ординарцевъ. Сдѣлавъ строгій выговоръ командиру роты, Великій Князь приказалъ арестовать отдѣленныхъ офицеровъ, которые, по Его мнѣнію, мало внушали юнкерамъ и подпрапорщикамъ правильное понятіе о дисциплинѣ и обязанностяхъ нижнихъ чиновъ въ отношеніи къ офицерамъ. Послѣднее замѣчаніе, кажется, вызвано было тѣмъ, что Его Высочество встрѣтилъ на Невскомъ проспектѣ подпрапорщика Голубѣва, который шелъ рядомъ съ роднымъ братомъ своимъ, офицеромъ Преображенскаго полка; другіе юнкера также замѣчались неоднократно Его Высочествомъ въ разговорахъ съ офицерами на улицѣ. Всѣ они немедленно отправлялись въ Школу подъ строгій арестъ. Великій Князь приказалъ также прекратить всякія отлучки со двора въ будни. Съ назначеніемъ въ 1831 г. командиромъ Школы Генераль-майора барона Шлиппенбаха, командиромъ эскадрона, вмѣсто любимаго и уважаемаго полковника Гудима-Левковича, оставившаго службу, назначенъ былъ гвардіи ротмистръ Алексѣй Степановичъ Стунѣевъ, воспѣтый тогдашнимъ повѣсой-юнкеромъ, впоследствии безсмертнымъ поэтомъ Лермонтовымъ, въ шуточномъ стихотвореніи «Юнкерская молитва», что не помѣшало однако же всѣмъ, и прежде всего самому автору, любить и уважать Стунѣева за его доброе и простое съ ними обращеніе. Строевое дѣло при Шлиппенбахѣ — человѣкъ умномъ, но рѣзкомъ, крутомъ и строгомъ, до-

стигло отличныхъ результатовъ. Нельзя не вспомнить, что изъ числа тогдашнихъ юнкеровъ, наряжавшихся ординарцами, особенно отличались фздой юнкеръ Аршеневскій 2-ой, имѣвній счастье обратить на себя вниманіе Вел. Князя Михаила Павловича; юнкера Кавалергардскаго полка: Шенелевъ и Бенкендорфъ, князь Вяземскій и Ельяшевичъ, составляли лучшія пары, чаще другихъ наряжаемыя къ Вел. Князю. Къ сожалѣнію, Ельяшевичъ однажды былъ встрѣченъ Великимъ Княземъ катающимся въ экипажѣ по городу, и за это не только былъ лишенъ унт.-офицерскаго званія, но и отставленъ отъ выпуска на годъ. Чтобы имѣть возможность оцѣнить высокія душевныя качества Великаго Князя, старавшагося маскировать свои чувства, изрѣдка, какъ бы невольно, прорывавшіяся у Него наружу, приведемъ одинъ изъ школьныхъ анекдотовъ, передаваемыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Однажды, присутствуя при фздѣ юнкеровъ, Великій Князь обратилъ вниманіе на одного изъ нихъ, не отличавшагося посадкой, и въ минуту гнѣва крикнулъ: «Это не юнкеръ! Это кормилица! . . .» Однако же, узнавъ о примѣрномъ поведеніи и превосходномъ характерѣ этого юнкера, Великій Князь тотчасъ обратился къ Шлиппенбаху съ вопросомъ: «Не обидѣлъ ли я этого толстяка сравненіемъ съ кормилицей?» «Кто дерзнетъ, Ваше Высочество . . .» началъ въ отвѣтъ Шлиппенбахъ, но Великій Князь прервалъ его съ сердцемъ: «Не въ томъ, братецъ, дѣло, кто дерзнетъ, а я положительно не хочу никого обижать своими шутками. Совершенно другое — распечь за дѣло, для острастки по службѣ, — это я понимаю, — оскорблять такъ, ради краснаго словца — это не въ моей натурѣ». Затѣмъ Его Высочество выразилъ желаніе, чтобы товарищи этого юнкера не посмѣли никогда повторить по отношенію его названію, невольно вырвавшагося у него. Впослѣдствіи этотъ прекрасный юноша, добрый и благородный Афанасій Павловичъ Синицынъ, записанъ былъ на мраморную доску, какъ первый по выпуску 1834 года. Въ письмѣ Великаго Князя, помѣщенномъ въ «Русской старинѣ» (№ 3, 1873 года), къ отцу извѣстнаго повѣсы К. А. Булгакова — тогда еще подпрапорщика Школы, задуманномъ и искреннемъ, Великій Князь является передъ нами тѣмъ, что стязало ему справедливое названіе: «Отца и благодѣтеля Военно-учебныхъ заведеній».

Рота и эскадронъ жили дружелюбно; при отдѣльныхъ спальняхъ и классахъ, они ежедневно сходились въ общемъ столовомъ залѣ. Многіе подпрапорщики переходили въ кавалерію, но обратныхъ переходовъ изъ эскадрона въ роту почти не было. Справедливость требуетъ однако сказать, что съ эскадрономъ управлялся

было гораздо труднѣе, чѣмъ съ ротою. Кавалерійскіе юнкера вносили въ Школу нѣкоторый особый элементъ удалства, шалостей и товарищескихъ пирушекъ, не обходившихся, разумѣется, безъ жженки и шампанскаго; но относиться къ этому явленію строго было тогда невозможно потому, что въ такихъ фактахъ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь обнаруживались вліяніе и бытъ времени, — да и самъ мундиръ какъ бы обязывалъ юнкеровъ поддерживать въ извѣстной степени то направленіе, которымъ отличался духъ того или другого полка. Затронувъ эти обстоятельства, невольно вспоминается личность одного изъ эскадронныхъ офицеровъ, Штабс-ротмистра Клерона, который можетъ служить прототипомъ тогдашняго кавалериста. Французскій выходецъ двадцатыхъ годовъ, Иванъ Степановичъ Клеронъ началъ службу вольноопредѣляющимся въ Московскомъ драгунскомъ полку, добился офицерскихъ эполетъ и участвовалъ съ полкомъ въ Турецкой кампаніи 1828 года. Послѣ одной блистательной атаки, произведенной на глазахъ Самого Государя, Клеронъ представленъ былъ Императору, который тутъ же поздравилъ его съ переводомъ л-гв. въ Уланскій полкъ, и съ этихъ поръ, до конца жизни Клерона, называлъ его не иначе, какъ «чистокровнымъ уланомъ» (*Lancier pur sang*). Въ гвардіи Клеронъ былъ извѣстенъ какъ лучшій ѣздокъ и вслѣдствіе этого получилъ отъ Великаго Князя Михаила Пваловича названіе «центавра русской кавалеріи». Во время служенія въ Школѣ Иванъ Степановичъ сумѣлъ замѣнить отсутствіе педагогическихъ знаній и способностей приобрѣтеніемъ полнѣйшаго довѣрія молодежи, и хотя со многими изъ нихъ держалъ себя за панибрата, однако же никогда не «отдавалъ повода» правиламъ дисциплины и субординаціи, какъ говорилъ самъ. Юнкера его очень любили, а начальство нерѣдко, пользуясь его вліяніемъ, проводило съ помощью его тѣ нововведенія, которыя съ трудомъ къ нимъ прививались. Однако же одно происшествіе въ духѣ тогдашнихъ гусаръ заставило Клерона отчислиться обратно въ полкъ. Несмотря на эту неудачу, Клеронъ продолжалъ свою карьеру «если не въ карьеръ», — какъ выражался самъ, — «то все же доброй рысью». Впослѣдствіи онъ былъ командиромъ армейскаго уланскаго полка, отличился въ Венгерскую кампанію и умеръ въ Петербургѣ отъ холеры.

Напрасно утверждаютъ нѣкоторые, что Школа больше славилась верховой ѣздой и кутежами, нежели успѣхами въ наукахъ. Мнѣніе это едва ли справедливо, потому что кутежами отличалась тогда вся молодежь, не исключая и университетской, изъ которой многіе доканчивали въ Школѣ свое военное образованіе. Слѣдо-

вательно это одно еще не могло мѣшать наукамъ, которымъ въ Школѣ отводилось всегда почетное мѣсто. Объ этомъ свидѣтельствуется, между прочимъ, и Лермонтовъ въ письмахъ, относящихся ко времени его поступленія въ Школу. Въ одномъ изъ нихъ онъ говоритъ, напримѣръ, «что не пишеть къ извѣстному лицу теперь, потому что совершенно не имѣеть времени, такъ какъ черезъ нѣсколько дней экзамены». И далѣе, онъ просить передать одной, по всей вѣроятности, близкой особѣ, что ему хотѣлось бы очень имѣть отъ нея извѣстіе: «Что ей стоитъ письмо?», — восклицаетъ Лермонтовъ, — «полчаса, — она же не поступаетъ въ юнкерскую школу! Право, у меня въ распоряженіи одна только ночь». По окончаніи экзаменовъ Лермонтовъ пишеть: «Надѣюсь, вамъ пріятно будетъ узнать, что я выдержалъ экзамень въ 1-ый классъ всего черезъ два мѣсяца послѣ поступленія въ Школу и что я одинъ изъ первыхъ». Конечно, Лермонтову, обладавшему блестящими способностями, получившему первый призъ въ университетскомъ пансіонѣ и находившемуся нѣкоторое время въ университетѣ, не пришло бы въ голову тревожиться экзаменами и распространяться объ успѣхахъ, если бы они доставались легко. Въ тотъ замѣчательный періодъ, о которомъ мы говоримъ, черезъ Школу прошло много высокоталантливыхъ, даровитыхъ, свѣтлыхъ личностей, имена которыхъ сдѣлались достояніемъ исторіи и литературы. Отсюда тогда вышелъ Александръ Ивановичъ Барятинскій — покоритель Кавказа; государственные дѣятели какъ Ген.-адъютантъ Тимашевъ, Потаповъ, Перовскій и другіе. Школа этой эпохи подарила русской арміи многихъ генераловъ подобныхъ Слѣпцову, удивлявшихъ своею отвагой никогда и ничему не удивлявшихся кавказцевъ. Затѣмъ изъ Школы же появились въ свѣтъ добрые, милые, остроумные шалуны, огласившіе своими безвредными проказами Москву и Петербургъ, каковы были: Константинъ Булгаковъ и Яковъ Волковъ, а одновременно съ ними — замѣчательный прототипъ блестящаго свѣтскаго человѣка — А. А. Столыпинъ, извѣстный въ обществѣ подъ именемъ «Монго» и особенно памятный тѣсной дружбой съ родственникомъ своимъ М. Ю. Лермонтовымъ. Наконецъ, отсюда же вышелъ самъ Лермонтовъ, имя котораго въ исторіи нашей литературы блещетъ такъ ярко рядомъ съ именемъ Пушкина.

Первые дни пребыванія Лермонтова въ Школѣ сопровождались случаемъ, имѣвшимъ для него весьма непріятныя послѣдствія. Разъ послѣ ѣзды въ манежѣ, подстрекаемый старшими товарищами показать свое безстрашіе и удалъ, онъ сѣлъ на молодую, невыѣзженную лошадь, которая стала его сбивать, перепу-

гала другихъ лошадей, и одна изъ нихъ ударила Лермонтова въ ногу такъ сильно, что его безъ чувствъ вынесли изъ манежа. Спустя два мѣсяца онъ выздоровѣлъ, но на всю жизнь остался немного кривоногимъ, что вызывало дружескія шутки товарищей, окрестившихъ его въ своемъ кружкѣ названіемъ „Маусих“ или уменьшительно «Маёшкой».

„Маусих“ былъ герой одного вышедшаго въ то время французскаго романа, отличавшійся наружнымъ безобразіемъ. Лермонтовъ не только не сердился за шутку, но самъ увѣковѣчилъ за собой это имя въ шуточномъ стихотвореніи «Монго».

Съ распространіемъ кадетскихъ корпусовъ, всѣ юнкерскія школы, начавшія возникать во второй половинѣ царствованія Императора Александра I, были закрыты. Распоряженіе это отразилось на Школѣ только тѣмъ, что она должна была утратить свой первоначальный характеръ. Командиръ Школы управлялъ ею на общемъ основаніи съ директорами кадетскихъ корпусовъ.

Въ 1839 году мѣсто школы у Синяго моста было избрано для постройки дворца Вел. Княгини Маріи Николаевны. Комиссія по отысканію новаго помѣщенія остановилась на Кондукторской школѣ, помѣщавшейся въ казенномъ домѣ на углу 12-ой роты Измайловскаго полка и Загороднаго проспекта (Новопетергоф-

Слѣва направо:

Кавалерійскій Юнкеръ и

Гвардейскій Подпрапорщикъ.

(1844—1855).

скаго). 17 августа 1839 года учебный годъ былъ открытъ уже въ новомъ зданіи. Въ 1841 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе, чтобы всѣхъ юнкеровъ и подпрапорщиковъ, по примѣру прочихъ военно-учебныхъ заведеній, считать воспитанниками и къ присягѣ на вѣрность службы не приводить.

Въ 1843 году командиромъ Школы былъ назначенъ полковникъ Александръ Николаевичъ Сутгофъ, который и оставался на этой должности ровно 20 лѣтъ, до 1863 года. Въ 1849 году гвардейскій корпусъ выступилъ въ походъ и Великій Князь Михаилъ Павловичъ, отправляясь въ Варшаву, въ послѣдній разъ простился съ Военно-учебными заведеніями, а 28 Августа 1849 года послѣ тяжелой болѣзни скончался въ Варшавѣ. Тѣло усопшаго Великаго Князя привезено было въ Петербургъ 16 Сентября. Эскадронъ Школы въ полномъ составѣ сопровождалъ печальную процессію до Петропавловской крѣпости. По единодушному заявленію всѣхъ чиновъ Школы, желавшихъ увѣковѣчить въ стѣнахъ заведенія память о Почившемъ, пріобрѣтенъ былъ бронзовый бюстъ Великаго Князя — работы академиковъ Витали и барона Клода, который и стоялъ въ столовомъ залѣ Н. К. У. Подъ бюстомъ была выбита золотыми буквами надпись: «Благодѣтелю 1825—1849 г.», а на мраморномъ пьедесталѣ выгравировано: «Прощаніе съ моими дѣтьми военно-учебныхъ заведеній».

Высочайшимъ приказомъ 19 Сентября 1849 года главнымъ Начальникомъ военно-учебныхъ заведеній былъ назначенъ Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ. Въ лагерномъ сборѣ 1850 года Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи принимали участіе въ строевыхъ занятіяхъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ, а зимою съ 49-го на 50-ый годъ посѣщали Школу для слушанія лекцій по иппологій, читаемыхъ профессоромъ Миддендорфомъ. Между тѣмъ наступило время Крымской войны. Патриотическое воодушевленіе проникло во всѣ слои общества. Но посреди порыва общаго одушевленія несповѣдимому Промыслу угодно было поразить Россію неожиданнымъ и тяжкимъ ударомъ. 18 Февраля 1855 года Императоръ Николай I, среди неуспѣшныхъ заботъ о благосостояніи Россіи и славѣ русскаго оружія, скончался послѣ кратковременной, но тяжелой болѣзни. Для Школы эта великая утрата имѣла особое значеніе: Ему она была обязана своимъ существованіемъ. Онъ самъ руководилъ ея первыми шагами, самъ слѣдилъ за ея развитіемъ, радовался ея успѣхамъ... 21 Февраля 1855 года Государь Императоръ Александръ Николаевичъ въ Зимнемъ дворцѣ обратился ко всѣмъ чи-

намъ военно-учебныхъ заведеній со знаменательными словами: «Господа, я хотѣлъ всѣхъ васъ видѣть у себя, чтобы проститься съ вами какъ вашъ бывшій главный начальникъ. Шесть лѣтъ Я былъ съ вами и въ эти годы имѣлъ отъ васъ много душевнаго утѣшенія... Вы всѣ у Меня здѣсь въ моемъ сердцѣ». Государь перецѣловалъ всѣхъ, затѣмъ, обратясь къ стоящимъ здѣсь фельдфебелямъ отъ всѣхъ корпусовъ и вахмистру Школы, Государь сказалъ: «Подойдите вы сюда ко Мнѣ — ко Мнѣ!» Слезы послышались въ голосѣ Государя: «Любите, дѣти, и радуйте вашего Государя, какъ вы прежде любили и радовали вашего начальника, помните нашего общаго Отца и Благодѣтеля, передаю вамъ и Его и Мое благословеніе». Всѣ бросились цѣловать руки Государя, Государь цѣловалъ ихъ въ голову и сказалъ: «Я бы желалъ перецѣловать всѣхъ, передайте это вашимъ товарищамъ». Государь благоволилъ остаться непосредственнымъ начальникомъ Военно-учебныхъ заведеній, а бывшего начальника Штаба Ген.-адъютанта Якова Ивановича Ростовцева назначилъ начальникомъ Главнаго Штаба Е. И. В. по управленію Военно-учебными заведеніями. Съ этихъ поръ начинается періодъ государственной дѣятельности Я. И. Ростовцева, имя котораго неразрывно связано съ исторіей Военно-учебныхъ заведеній, а потомъ съ великимъ событіемъ — уничтоженіемъ въ Россіи крѣпостного права.

24 Марта 1859 года упразднено было названіе прапорщиковъ и Школа была переименована въ память незабвеннаго ея Основателя въ Николаевское Училище Гвардейскихъ Юнкеровъ, а воспитанникамъ, какъ роты, такъ и эскадрона повелѣно именоваться юнкерами. Изъ бывшихъ воспитанниковъ Школы періода 1838—1864 г. слѣдуетъ отмѣтить, кромѣ Генераль-фельдмаршала князя Барятинскаго и генерала-отъ-инфантеріи Майделя, имена отличившихся: при оборонѣ Севастополя — Подполковника Артемьева; въ Азіатской Турціи — Полковника Скобелева и штабсъ-капитана Кутлера; на Кавказѣ Поручика Шерешетова и, наконецъ, въ Туркестанскомъ краѣ — Подполковника Лерхе.

До 1856 года Школа вполне удовлетворяла своему назначенію, приготавливая офицеровъ для службы въ гвардіи не только въ достаточномъ числѣ, но даже болѣе, чѣмъ требовалось, а потому приходилось выпускать въ гвардейскіе полки сверхъ вакансій. Съ этого же времени, въ особенности послѣ Манифеста 19 Февраля 1861 года, число желающихъ поступить въ Школу стало значительно уменьшаться и къ 1864 году число недостающихъ до штата воспитанниковъ простиралось уже до 152 человекъ. Такое быстрое уменьшеніе числа воспитанниковъ указывало на необхо-

димось преобразованія Училища. Такъ какъ около этого времени послѣдовало учрежденіе военныхъ училищъ, то велѣдствіе этого положено было роту упразднить, а въ заведеніи оставить одинъ эскадронъ въ комплектѣ 200 человекъ. Старшіе два класса приравнять къ военной обстановкѣ пѣхотныхъ училищъ, придавъ имъ только характеръ спеціально кавалерійскій; младшіе же два класса отдѣлить въ особое помѣщеніе и преобразовать въ приготовительный пансіонъ, по образцу военныхъ гимназій. Во вновь образованное Училище положено принимать лицъ не моложе 16 лѣтъ изъ сословіи необязанныхъ рекрутской повинностью, а также состоящихъ на службѣ въ войскахъ юнкеровъ и унтеръ-офицеровъ сихъ сословіи. Положеніе о военныхъ училищахъ, а въ томъ числѣ и о Н. К. У. было Высочайше утверждено 20 Іюня 1867 года, а приказомъ по военному вѣдомству 4 Апрѣля 1873 года за № 105 повелѣно юнкеровъ военныхъ училищъ, при поступленіи приводить къ присягѣ. Для пажей-кандидатовъ Пажескаго корпуса положено 10 казенныхъ вакансій, остальные затѣмъ предоставляются своекоштнымъ пансіонерамъ съ платою по 400 рублей серебромъ за каждый годъ, а въ случаѣ неимѣнія нужнаго числа юнкеровъ, остающіяся вакансіи предоставляются тѣмъ воспитанникамъ, окончившимъ курсъ военныхъ гимназій и юнкерамъ военныхъ училищъ, которые желаютъ и имѣютъ средства служить въ кавалеріи. Впрочемъ, такіе переводы предположено было дѣлать въ ограниченномъ числѣ изъ числа воспитанниковъ лучшихъ по поведенію, «чтобы введеніемъ новаго элемента», какъ сказано въ Высочайшемъ докладѣ 19 Мая 1864 года, «не ослабить въ Николаевскомъ Училищѣ укоренившагося уже весьма хорошаго направленія». Всѣ юнкера воспитывающіеся на казенный счетъ, получаютъ при выпускѣ единовременное пособіе на обмундированіе въ размѣрѣ 225 рублей серебромъ, кромѣ того, во время пребыванія въ Училищѣ, въ видахъ матеріальнаго своего обезпеченія, обязаны вносить ежегодно по 150 рублей серебромъ. Курсъ преподаваемыхъ наукъ раздѣляется на 2 года, удостоенные выпуска по 1-му разряду производятся или корнетами прямо въ гвардейскую кавалерію, или старшими корнетами въ армейскую. Эскадроннымъ офицерамъ присвоено обмундированіе полковъ, въ которыхъ они числятся, а юнкерамъ даны сѣрыя шинели, а золотой галунъ на мундирахъ и шапкахъ замѣненъ гвардейскимъ басономъ.

Къ началу учебнаго курса 1864 года въ Училищѣ остался только эскадронъ въ числѣ 84 человекъ. Училище обязано было въ составѣ эскадрона участвовать наравнѣ съ войсками гвардіи

Два юнкера Школы и офицеръ л. гв.
Уланскаго Его Величества полка
(періода 1860-хъ годовъ).

церковному пѣнію и танцамъ.

Въ 1872 году Пажескому корпусу были даны средства для самостоятельнаго веденія работы. Годъ преобразованія Училища совпадаетъ какъ разъ съ годомъ назначенія Е. И. Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Генераль-инспекторомъ всей кавалеріи. Это счастливое событіе совершилось 15 Авг. 1864 года — день, съ котораго русская кавалерія начинаетъ считать новую эру въ своей исторической жизни. Съ преобразованіемъ Училища лагерь эскадрона былъ перенесенъ изъ Петергофа въ Красное Село, слѣдовательно на старое пепелище, гдѣ юнкера стояли лагеремъ 36 лѣтъ тому назадъ. Съ 1866 года введены были конныя ученія въ полковомъ одношерезномъ расчетѣ, что дало возможность приучить юнкеровъ не только къ отчетливой и громкой командѣ, но и къ сноровкамъ, необходимымъ при конныхъ ученіяхъ. Какъ на особенности въ строевомъ образованіи Училища слѣдуетъ указать на турниры, которые производятся разъ въ недѣлю, по вечерамъ, при звукѣ музыки. Турнирамъ придается характеръ не ученій, а, такъ сказать, добровольнаго состязанія юнкеровъ между собой въ ловкости, смѣлости, въ удали, въ искус-

на всѣхъ ученіяхъ, парадахъ, змотрахъ и маневрахъ. Поэтому верховая ѣзда, теоретическое изученіе уставовъ, примѣненіе ихъ на пѣше-по-конному ученіяхъ, вольтижированіе съ необходимымъ отдѣломъ гимнастики, фехтованіе, приемы оружія, рубки и фланкированіе, стрѣльба въ цѣль и, наконецъ, пѣшій строй, — вотъ тѣ отдѣлы строевого образованія, которые проходятся юнкерами въ теченіе зимняго времени. Къ этому нужно прибавить еще обученіе сомкнутому строю, чтобы поддерживать извѣстную готовность на случай осеннихъ или зимнихъ па-

ствѣ владѣть конемъ и оружіемъ. Эти чисто военныя упражненія заканчиваемыя всегда общимъ вольтижированіемъ на лошадяхъ, охотно посѣщались не только родными и знакомыми молодыхъ людей, но и посторонними зрителями и даже иностранными военными агентами. Для поощренія юнкеровъ въ манежѣ заведены были бѣлыя мраморныя доски, на которыхъ золотыми буквами вписаны фамиліи лучшихъ ѣздоковъ съ 1864 года.

28 Января 1868 года, при обычномъ воскресномъ разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ, на «ординарцы къ Его Величеству» имѣли счастье явиться отъ Училища л.-гв. Драгунскаго полка капитанъ Фалицынъ и юнкера Клейнгельсъ и Скаржинскій. Ызда ихъ обратила на себя особое милостивое вниманіе Государя Императора, и Его Величество, по окончаніи развода, подозвавъ къ себѣ начальника Училища Генерала-майора барона Таубе, соизволилъ удостоить его личнымъ выраженіемъ Своей благодарности какъ за отличную ѣзду ординарцевъ, такъ и за то, что «офицеры выпущенные изъ Училища въ гвардейскіе полки, по заявленію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича, вполнѣ знаютъ свое дѣло и служатъ усердно».

Этими драгоцѣнными Высочайшими словами заканчивается очеркъ.

В. Хороманскій

* * *

Подъ кровъ Двуглаваго Орла
Слетались юные вандалы, —
Ихъ Школа Славная влекла,
Сугубства ихъ были не малы.
Традиціи стойко одолѣвъ,
Они рождались юнкерами:
Такимъ же былъ Панаевъ Левъ,
И мы были такими сами.
Когда жъ исполнились мечты,
Простаясь со школьными стѣнами,
Другъ другу мы сказали «Ты»
И стали вѣчными друзьями.

В. Хороманскій

ПОСЛѢДНІЙ МАРШЪ ЭСКАДРОНА.

Вдали звучитъ аккордъ малиноваго звона,
Звенить блестящая, отпущенная сталь,
И справа по шести колонна эскадрона
Уходитъ отъ меня въ лазоревую даль.
Ушла навѣки вдаль — и больше не вернется,
Какъ не вернется молодость, уйдя отъ насъ . . .
Лишь пыль за эскадрономъ по дорогѣ вьется
И звонъ малиновый звучитъ въ послѣдній разъ.
И я стою въ тоскѣ, видѣнію не вѣря:
Оно приснилось мнѣ какъ бы въ волшебномъ снѣ,
И счастья прошлаго тяжелая потеря
Кладетъ на душу грузъ печали мнѣ.
Мы это прошлое всѣ пили бражной чашей
И хмѣльно, сладко было жизни то вино! . . .
Родной нашъ эскадронъ Гвардейской Школы нашей
Намъ видѣть болѣе уже не суждено . . .
Прошла передо мной колонна эскадрона,
Идя въ послѣдній разъ въ невѣдомую даль,
И слышенъ звукъ вдали малиноваго звона,
И въ солнечныхъ лучахъ играетъ ярко сталь.
А я стоялъ, съ дороги взора не спуская,
И съ горечью за эскадрономъ я слѣдилъ,
Какъ онъ, оружіемъ еще въ лучахъ сверкая,
Все дальше отъ меня навѣки уходилъ . . .

В. Іолкинъ

г. Киркукъ, Иракъ.

Юнкеръ Эскадрона (1838—1844).

Нѣчто о Школѣ Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ.

«Отечественныя Записки», 1825 г.

Съ давнихъ поръ попеченіе благодѣтельнаго правительства нашего устремлено на воспитаніе юношества; уже Россія можетъ похвалиться нѣкоторыми общественными благотворительными заведеніями, въ коихъ бдительность за нравственностью и ученіемъ простирается до нѣжности родительской. Сіе особенно замѣчается въ учрежденіи Школы Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ, коей цѣлью есть докончить военное воспитаніе молодыхъ дворянъ, поступающихъ на службу въ гвардейскіе полки, для чего не дозволено принимать въ сіе заведеніе моложе 17 лѣтъ. — Тутъ дается имъ твердое понятіе о настоящихъ обязанностяхъ военнаго званія, а тѣмъ паче гвардейскаго офицера; уравниваются правила обученій по фронтовой части и знакомятъ ихъ совершенно необременительными, но опытнымъ образомъ съ переходеніемъ службы нижнихъ чиновъ, коихъ предопредѣлены они быть начальниками. Замѣтимъ вдобавокъ, что надзоръ сей, сіе вѣрное

направленіе юноши принимается начальствомъ въ то шаткое время возраста его, въ тотъ критическій переходъ къ возмужалости, въ который обыкновенно оставляемся мы на произволь судьбы, и въ который наконецъ рѣшается часто жребій нашъ на цѣлую жизнь — отъ избранія пути.

Учредя сіе благодѣтельное заведеніе, Государь Императоръ Высочайше ввѣрилъ надзоръ за онымъ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Павловичу.

Кто видѣлъ въ семь же родѣ установленное Его Императорскимъ Высочествомъ Училище Инженернаго Корпуса, тотъ легко можетъ судить объ отеческихъ попеченіяхъ, принимаемыхъ Его Высочествомъ по симъ частямъ.

Постановленіемъ объ упомянутой Школѣ подтверждено Государемъ Императоромъ въ 9-й день мая прошлаго 1823 года и того же года 18 августа она была открыта въ одномъ нарочно для сего очищенномъ флигелѣ казармъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку. Командиромъ оной Школы Высочайше избранъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка полковникъ Павелъ Петровичъ Годеннъ; должность инспектора классовъ поручена Адъютанту Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Павловича, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка г. подполковнику барону Деллинсгаузену.

Для преподаванія наукъ избраны отличные профессеры, какъ то: г. Толмачеву, извѣстному въ ученomъ свѣтѣ изданіемъ правилъ россійской словесности, равно и переводами нѣкоторыхъ классическихъ книгъ и другими сочиненіями, порученъ классъ словесности и обученія военному слогу; г. Арсеньевъ, издатель россійской статистики и всеобщей географіи, преподаетъ какъ сіи части, такъ и исторію Всемирную и россійскую (географія преподается особенно въ военномъ смыслѣ, т. е. замѣчается преимущество, чѣмъ какое мѣсто ознаменовано въ военныхъ лѣтописяхъ); г. Клоковъ, ученый секретарь, служащій у г-на министра финансовъ, обучаетъ военному законоискусству, а г. Борде французскому языку. Замѣчательно, что математическія и военныя науки преподаются гг. гвардейскими офицерами, а именно: математика: гвардейскаго генеральнаго штаба г. поручикомъ Навроцкимъ, извѣстнымъ въ числѣ отличныхъ математиковъ изданными имъ сочиненіями о прямолинейной и сферической тригонометріи; полевая и долговременная фортификація: гвардейскихъ инженеровъ г. поручикомъ Шмидтомъ; а военная топографія — того же вѣдомства г. поручикомъ Вильманомъ; артиллерія — гвардейской артиллеріи штабсъ-капитаномъ Сиверсомъ; и, наконецъ, батальонное, стрѣлковое и линейное ученіе, гарнизонная и лагерная служба малой войны и вообще тактика — гвардейскаго сапернаго батальона капитаномъ Азанчевскимъ.

Подпрапорщики всѣхъ гвардейскихъ полковъ составляютъ одну роту; командиромъ оной назначенъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка штабсъ-капитанъ Звегинцовъ и изъ каждаго гвардейскаго полка прикомандировано по одному изъ отличныхъ оберъ-офицеровъ не менѣе поручичьяго чина.

Въ Школѣ находится нынѣ до 100 человекъ подпрапорщиковъ. Они имѣютъ ежедневно 1 весьма сытныхъ и вкусныхъ блюда для обѣда, два таковыхъ же на ужинъ, а поутру и въ вечеру чай съ бѣлымъ хлѣбомъ. Для сего каждый изъ нихъ вноситъ въ общую артель по 509 рублей въ годъ, и изъ коей суммы, благоразумными мѣрами экономіи, содержится и обмывается ихъ бѣлье: для прислуги позволено имѣть собственнаго служителя на каждаго пятаго человекъ.

Хотя и нынѣшнее помѣщеніе подпрапорщиковъ заслуживало бы особенное вниманіе по отличному порядку и чистотѣ, всегда, во всякое время царствующимъ въ семъ заведеніи, что пріучаетъ молодыхъ людей къ сей необходимости для житейскаго счастья; но мы оставляемъ оное до того времени, какъ Школа переведется въ извѣстный своею огромностью и великолѣпіемъ домъ, бывшій графа Чернышева (что у Синяго моста, при коемъ находится садъ и манежъ), который для сего уже отдѣланъ и, вѣроятно, попечительностію и ревностію командира, доведенъ будетъ до образца въ вышеупомянутыхъ качествахъ.

Въ прошедшемъ декабрѣ мѣсяцѣ происходило испытаніе г. г. подпрапорщиковъ, нравственнымъ поведеніемъ и успѣхами въ вышесказанныхъ наукахъ, пріобрѣтшихъ право быть офицерами гвардіи, которое получаютъ они, равномѣрно какъ и старшинство, единственно сими правами, такъ, что устраняется при томъ самое число лѣтъ прежней ихъ службы. Экзаменъ начался 4 декабря въ присутствіи начальника гвардейскаго штаба генераль-майора Нейдгарта 2-го, многихъ командировъ гвардейскихъ полковъ и другихъ приглашенныхъ особъ, испытаніемъ изъ математическихъ наукъ, что продолжалось еще и на другой день; 8 и 9 экзаменовались они изъ исторіи и географіи съ статистическимъ обзорѣніемъ Россіи и другихъ Европейскихъ Державъ; 10 изъ словесности и военнаго законоискусства; 11 и 13 изъ полевой и долговременной фортификаціи и военной топографіи; 15 изъ артиллеріи. Сей классъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ генераль-отъ-кавалеріи Воиновъ, вновь прибывшій въ сіе время для командованія гвардейскимъ корпусомъ; 16, 17, 18 и 19 изъ тактическихъ наукъ и военной экзерциціи; все же кончилось фехтованіемъ, коему обучаетъ фейхтмейстеръ гвардейскаго корпуса ротмистръ Вальвиль.

Оставляя дальнѣйшее начертаніе экзамена, скажемъ однимъ словомъ, что молодые люди сіи заслужили похвалу посѣтителей, не одною твердостію въ отвѣтахъ, не однимъ знаніемъ въ совер-

шенствѣ вышесказанныхъ предметовъ, но доказавъ, что они знаютъ ихъ, какъ люди, занимающіеся науками съ разсужденіемъ, съ убѣжденіемъ и въ несомнѣнной пользѣ ихъ и удовольствіи, которые и на поприщѣ военномъ и въ быту гражданскомъ могутъ составлять истинное счастье человѣка, содѣлывая его всегда отличнымъ, уваженія достойнымъ.

Къ довершенію всего скажемъ, что Государь Императоръ, въ ознаменованіе Своего благоволенія къ сему заведенію, дозволилъ посылать къ Себѣ на ординарцы въ праздничные дни по одному подпрапорщику. Пользуясь съ Всемиловѣйшимъ дозволеніемъ, командиръ Школы предоставляетъ счастье сіе отличающимся похвальнымъ поведеніемъ и прилежаніемъ въ наукахъ, кои обращаютъ на себя вниманіе и благоволеніе Его Императорскаго Величества.

Юнкеръ Эскадрона Школы Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Юнкеровъ
въ парадной формѣ 1855 г.

Изъ воспоминаній кн. Н. В. Репкина.

(выпуска 1854 г.)*

Авторъ воспоминаній былъ въ 1852 году переведенъ изъ Ришельевского лицея въ Одессу въ Петербургскій университетъ, но ему, по сравнению съ лицеемъ, очень не понравилось и онъ рѣшилъ поступить юнкеромъ въ полкъ. Однако, въ этомъ ему было отказано, такъ какъ пріемъ въ полкъ студентовъ, не окончившихъ свое образованіе, былъ запрещенъ. Предоставимъ дальнѣйшій разсказъ автору.

Ѣду въ Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, прошу доложить Директору Школы генералу Сутгофу о моей просьбѣ представиться ему по личному неотложному дѣлу. — онъ меня очень любезно принялъ, я ему подробно изложилъ затруднительность моего положенія и просилъ дать мнѣ изъ него выходъ, принятіемъ меня въ число юнкеровъ II класса во второй половинѣ курса. Генералъ сталъ описывать всю ожидающую меня непріятную обстановку: «мнѣ, бывшему студенту, придется сѣсть на школьную скамью, жить въ Школѣ по звонку, спать въ общихъ помѣщеніяхъ, получать отпуска только по праздникамъ и т. п.» На это я ему возразилъ, что у меня выхода другого нѣтъ и что я потому готовъ безропотно подчиняться всѣмъ требованіямъ военно-учебнаго заведенія. На это генералъ мнѣ отвѣтилъ, что мнѣ придется держать экзаменъ не только по общимъ предметамъ, но и по военнымъ въ той части, которая пройдена съ августа мѣсяца, на что я ему возразилъ, что экзаменъ по общимъ предметамъ мнѣ, какъ студенту II курса, не представляетъ никакихъ затрудненій, а что касается пройденнаго изъ военныхъ наукъ, то я берусь приготовиться въ три недѣли, къ сроку экзаменовъ, назначенныхъ на 8 декабря. Результатомъ этого разговора было обѣщаніе генерала Сутгофа принять меня въ Школу, лишь бы я выдержалъ экзаменъ. При помощи приглашеннаго мною артиллерійскаго офицера И. И. Стродецаго, я легко усвоилъ пройденное изъ военныхъ наукъ, 8 де-

* Извѣстія Лермонтовскаго и Историческаго Музеевъ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища. №1. Петроградъ. 1916

кабря благополучно выдержалъ экзаменъ и былъ принятъ въ Школу.

Въ то время Начальникомъ военно-учебныхъ заведеній былъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ. 7 января 1853 года меня и еще одного юнкера повезли въ Зимній Дворецъ представлять Великому Князю. Онъ насъ принялъ очень милостиво, причемъ меня поразило, что онъ обращается къ намъ на вы, въ то время совершенно необычайное явленіе со стороны членовъ Императорской фамиліи. При этомъ приѣмѣ Великій Князь сказалъ мнѣ, что я могу, если захочу, поступить юнкеромъ въ полкъ, потому что запретъ для неокончившихъ курса студентовъ отмененъ, но я просилъ Его Высочество разрѣшить мнѣ остаться въ Школѣ, рассчитавъ, что оставаясь въ Школѣ я могъ быть произведеннымъ въ офицеры на годъ раньше, чѣмъ въ полку.

Въ 50-хъ годахъ Школа Гвард. Подпрапорщиковъ и Кавалер. Юнкеровъ размѣщалась въ главномъ (нынѣшнемъ) зданіи слѣдующимъ образомъ: внизу были сѣни, размѣромъ соответствующимъ верхнимъ площадкамъ; здѣсь налѣво была квартира начальника Училища ген. Сутгофа; напротивъ входа въ корпусъ, выходящемъ во дворъ — столовая, а направо отъ сѣней залы для обученія маршировкѣ, ружейнымъ приѣмамъ и гимнастикѣ. Въ слѣдующемъ этажѣ — площадка; противъ ея оконъ церковь; направо пѣхота, а налѣво — классы. Во второмъ этажѣ площадка съ фортепіано; тамъ же происходили уроки танцевъ; налѣво спальни юнкеровъ эскадрона и дежурная комната; направо съ надворной стороны физическій кабинетъ и разныя коллекціи; съ лицевой стороны лазаретъ и аптека. Въ боковомъ лѣвомъ флигелѣ — квартира командира эскадрона полк. Лауница и дежурныхъ офицеровъ. Въ правомъ флигелѣ — квартиры остальныхъ служащихъ и канцелярія.

Дежурными офицерами по эскадрону были довольно симпатичные Власовскій, а по его смерти Сиверсъ, и два брата Штакельберга, Яковъ и Карлъ. Нашей грозой былъ командиръ эскадрона, нѣмецъ полковникъ Лауницъ, суровый, требовательный, можетъ быть справедливый, но отъ котораго, полагаю, никто изъ юнкеровъ не услышалъ ласковаго слова.

Преподавали намъ въ классахъ нѣкоторые военные и штатскіе профессора, изъ которыхъ мнѣ и теперь, черезъ шестьдесятъ лѣтъ, памятны генералъ Палибинъ, маленькій толстенный инженерный генералъ, который преподавалъ намъ очень толково и ясно фортификацію, Кармалинъ преподававшій тактику, штатскіе Ф. Ф. Эвальдъ математику и знаменитый въ свое время Миндендорфъ, преподававшій намъ въ физическомъ кабинетѣ гиппологию по большой разборной фигурѣ лошади, только что полученной изъ-за границы.

Въ конномъ строю насъ муштровали въ манежѣ три раза въ недѣлю, причемъ весь первый мѣсяцъ безъ стремянъ и мнѣ, какъ на зло, попалась самая трякая лошадь въ эскадронѣ.

Въ пѣшемъ строю преподавателемъ былъ пѣхотный офицеръ Нагель, фанатикъ господствовавшей тогда теоріи шагистики въ три пріема и ружейныхъ пріемовъ въ двѣнадцать темповъ. Скорый шагъ почти подходилъ къ нормальному, средній отъ него уже уклонялся, но тихій являлся верхомъ условности и неестественности, что въ особенности поражало глазъ и не предубѣжденный противъ шагистики умъ, въ особенности когда во время парадовъ цѣлые шеренги пѣхоты должны были медленно передвигаться, держа, при второмъ пріемѣ, ногу вытянутую впередъ, на отвѣсѣ, и производить послѣднее движеніе не какъ живые люди, а какъ автоматы. Притомъ въ Школѣ инструкторы и ихъ помощники унтеръ-офицеры старались насъ убѣждать въ непогрѣшимости такой шагистики, внушая намъ необходимость имѣть игру въ носкѣ. Все это дѣлалось въ то время въ подражаніе прусской системѣ обученія войскъ.

Передъ Пасхой я былъ произведенъ въ ефрейторы.

Каждое воскресенье, сначала въ Михайловскомъ манежѣ, а съ наступленіемъ весенней погоды на площади передъ Зимнимъ Дворцомъ противъ Салтыковскаго подъѣзда (гдѣ теперь садъ, окруженный оградой), происходили въ присутствіи Государя разводы съ церемоніей, причемъ Государю представлялись ординарцы отъ разныхъ войсковыхъ частей и военно-учебныхъ заведеній въ пѣшемъ и конномъ строю. Къ этимъ разводамъ всю зиму подготавливались самые лучшіе ѣздоки изъ юнкеровъ и шагистики изъ пѣхотинцевъ.

Въ іюнѣ, послѣ экзаменовъ въ каждомъ военно-учебномъ заведеніи, устраивались въ Высочайшемъ присутствіи, въ огромной залѣ Перваго кадетскаго корпуса, такъ называемые публичные экзамены, на которые насъ всѣхъ сводили и гдѣ вызывались на провѣрочный экзаменъ нѣсколько учащихся изъ военно-учебныхъ заведеній. Это была страшная для всѣхъ воспитанниковъ лотерея: полная неизвѣстность, кого вызовутъ, что спросятъ и необходимость хорошо отвѣтить на виду у нѣсколькихъ тысячъ глазъ и ушей.

Послѣ публичнаго экзамена насъ освобождали отъ класснаго обученія, но начиналось эскадронное ученіе на плацу противъ Школы. Тогдашняя амуниція для кавалериста была удобна, за исключеніемъ кожаной каски съ чернымъ волосянымъ султаномъ, который при скорыхъ аллюрахъ оттягивалъ каску назадъ.

Въ концѣ іюня 1853 года мы походомъ перешли въ кадетскій лагерь въ Петергофъ. По боковой (къ Петергофу) линейкѣ расположена была наша Школа, а ближе къ углу Пажескій кор-

пусъ. За нами, перпендикулярно къ передней линейкѣ, размѣщались остальные военно-учебныя заведенія. Для ночлега имѣлись длинныя палатки изъ толстой парусины, вдоль которыхъ съ каждой стороны расположены были досчатыя двойныя койки, раздѣленные доской на два ложа; здѣсь на тонкихъ матрацахъ подъ тонкими казенными одѣялами мы плохо были защищены отъ ночного холода и сырости, въ особенности въ дождливую погоду, и часто утромъ продрогшіе вставали съ ревматическими болями въ ногахъ. Столовыя были тоже примитивны и состояли изъ высокихъ навѣсовъ безъ боковыхъ стѣнъ.

Въ лагерѣ наши занятія постоянно чередовались: то была манежная ѣзда на открытомъ воздухѣ, то ученіе въ пѣшемъ строю, въ пѣшемъ по конному, то эскадронное ученіе; эти занятія чередовались со съемками, которыя производились между Петергофомъ и Бабьими Гонами. Мы туда отправлялись пѣшкомъ, имѣя при себѣ одноконную повозку съ инструментами, на которую, при возвращеніи въ лагерь по очереди усаживался одинъ изъ наиболѣе уставшихъ. Эти съемочныя экспедиціи служили намъ отдыхомъ, въ особенности благодаря хорошей погодѣ, преобладавшей въ лѣто этого года. Иногда производили намъ тревогу и однажды Государь Николай Павловичъ вызвалъ по тревогѣ нашъ эскадронъ на переднюю линію и лично произвелъ намъ манежную ѣзду и очень милостиво къ намъ отнесся.

Въ воскресные и праздничные дни я получалъ на нѣсколько часовъ отпускъ для посѣщенія жившихъ въ Петергофѣ родственниковъ и знакомыхъ, а послѣ лагеря меня отпустили на нѣкоторое время въ Москву къ моей родной теткѣ Е. Н. Кривцовой.

По возвращеніи въ Школу я былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, мнѣ порученъ былъ второй Лермонтовскій взводъ и я въ нашей спальнѣ занялъ съ лицевой стороны крайнюю угловую койку. Въ томъ же ряду первую койку, рядомъ съ дежурной койкой, занималъ Крапоткинъ, назначенный вахмистромъ. Я на службѣ былъ всегда аккуратенъ и потому не былъ подверженъ наказаніямъ за нарушеніе дисциплины и всегда въ праздничные дни отпускался домой къ отцу, который жилъ въ зиму 1853—1854 года въ Петербургѣ въ домѣ моей матери на Англійской набережной. Однако и со мной одинъ разъ стряслась бѣда. Обыкновенно въ субботу вечеромъ, передъ роспускомъ юнкеровъ въ отпускъ, полковникъ Лауницъ провѣрялъ обмундированіе юнкеровъ и за неисправность каралъ ихъ ближайшее начальство, насъ унтеръ-офицеровъ. Вотъ однажды одному изъ моихъ подчиненныхъ юнкеровъ онъ приказалъ разстегнуть шинель и мундиръ и — ужасъ, сей юноша не надѣлъ подтяжекъ — и со мной за это стряслась бѣда и кара: и онъ и я были лишены отпуска въ предстоящее воскресенье.

Зима 1854 года прошла какъ и предыдущая, мы усиленно готовились къ выпускному экзамену, но война разгоралась и вскорѣ стало извѣстнымъ, что послѣ экзаменовъ выпускные классы военно-учебныхъ заведеній въ лагерь не пойдутъ и что производство въ офицеры состоится не въ августѣ, а въ ноябѣ, и что вскорѣ послѣ того вся гвардія и гренадерскій корпусъ выступятъ въ походъ къ западной границѣ. Въслѣдствіе этого тотчасъ послѣ экзаменовъ мы подали заявленія о желаніи поступить въ тотъ или другой полкъ, причемъ изъ Школы мой товарищъ Лаппо-Данилевскій и я получили разрѣшеніе быть зачисленными въ дѣйствующіе эскадроны Кавалергардскаго полка и стали заниматься заказомъ обмундировки и походныхъ принадлежностей.

По существовавшему еще въ то время хорошему никольному обычаю, выпускные, до производства, отправлялись изъ Петербурга пѣшкомъ въ Стрѣльну на богомолье въ Сергіевскую пустынь и мы этотъ завѣтъ свято исполнили.

Наконецъ 17 іюня 1854 года выпускные всѣхъ военно-учебныхъ заведеній были собраны на плацу Перваго кадетскаго корпуса и здѣсь мы были произведены въ офицеры.

Конецъ іюня прошелъ въ представленіяхъ начальству и приготовленіяхъ къ походу. Я и мой товарищъ Лаппо-Данилевскій были зачислены въ 4-ый эскадронъ Кавалергардскаго полка, а 11 іюля 1854 года, послѣ Высочайшаго смотра, нашъ полкъ выступилъ въ походъ.

Ветеранъ Школы Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Кавалерійскихъ Юнкеровъ пятидесятихъ годовъ XIX столѣтія

Князь Николай Васильевичъ Репнинъ

Яготинъ, 18 іюля 1914 года.

* *
*

ШТРИХИ ПРОШЛАГО.

Въ началѣ этого столѣтія въ Школѣ служилъ лейбъ-гвардіи Конно-Гренадерскаго полка унтеръ-офицеръ Григорій Семеновичъ Перепуховъ, обучавшій юнкеровъ сѣдловкѣ и сбору кавалерійскаго сѣдла на деревянной кобылѣ. Одно изъ его поученій гласило:

«У правую переметную суму идетъ ситка, скребница и щетка». На замѣчаніе, какъ же сѣтка можетъ идти, онъ отвѣчалъ:

«Оно, конечно, всимъ извѣстно, што ситка для сина итить не можетъ, но усе-таки вона должна итить въ правую, а не въ лѣвую суму».

Въ Училищѣ.

Въ сентябрѣ 1894 года, по окончаніи Николаевскаго кадетскаго корпуса, я вмѣстѣ съ нѣсколькими друзьями по корпусу поступилъ въ Николаевское Кавалерійское Училище.

Юнкеръ баронъ фонъ Мендъ.

Непривѣтливо встрѣтила насъ Школа. Въ прихожей, на лѣстницахъ и во взводахъ мы встрѣчали юнкеровъ старшаго курса. Большинство критически насъ разсматривало, нѣкоторые даже со свирѣпымъ видомъ. Постоянно раздавались оклики: «Смирно, сугубые звѣри! Кругомъ! Трепещи, молодежь! Явитесь корнету...» и другіе не особенно подбадривающіе возгласы. Старшій курсъ какъ будто хотѣлъ съ первой минуты нашего пребыванія въ Школѣ запугать насъ на весь годъ. Мы, кадеты, знали уже заранѣе о жизни и обычаяхъ Школы, но бѣдные штатскіе, которые поступили вмѣстѣ съ нами, были совершенно ошеломлены такими приемами и обращеніемъ. Насъ распредѣлили по взводамъ и я попалъ въ первый взводъ къ «строгому, но справедливому» вахмистру Рудневу, впоследствии Сѣверскому драгуну. Эскадроннымъ вахмистромъ былъ князь Андронниковъ. Моими сосѣдями по койкѣ оказались два штатскихъ: одинъ былъ высокій, стройный и красивый студентъ Гельсингфорскаго университета Павелъ Линдеръ. Окончивъ Училище, онъ вышелъ въ Уланскій Ея Величества полкъ. Другой мой сосѣдъ, тоже студентъ, но Дерптскаго университета, былъ высокій, худой, съ длинными усами Фрицъ фонъ Грюневальдъ, вышедшій впоследствии со мною въ тотъ же полкъ.

Эти оба мои сосѣди плохо говорили по-русски и я думаю, что имъ было очень трудно привыкнуть къ необычной жизни юнке-

ровъ младшаго курса. Для насъ кадетъ режимъ въ Училищѣ также былъ совершенно инымъ, чѣмъ въ корпусѣ. Тамъ насъ воспитывали старые педагоги; они заботились о насъ и обращались съ нами, какъ съ дѣтьми. Въ Училищѣ же насъ воспитывали только военному дѣлу. Офицеры были молодые, требовательные, отношеніе между ними и нами было только служебное, дисциплина во всемъ, почти никакихъ частныхъ разговоровъ, — только служба и муштровка. Всѣ смѣнные офицеры были отличные кавалеристы, преданные своему роду оружія, любители и знатоки лошади и ея выѣздки; многіе изъ нихъ были выдающимися ѣздоками и спортсменами. Намъ, кадетамъ, еще съ корпуса обученнымъ строю и отчасти верховой ѣздѣ и уставамъ, было сравнительно легко продолжать ученіе въ Школѣ, но не то было съ поступившими штатскими, — имъ нужно было въ теченіе нѣсколькихъ недѣль воспринять все то, чему насъ учили въ корпусѣ годами. Взводные вахмистры, эстандартъ-юнкера и простые юнкера старшаго курса занимались съ нами съ утра до вечера: стойка, фронтъ, повороты, маршировка, отданіе чести, рапорты — смѣняли другъ друга. Бѣдные молодые юнкера изъ штатскихъ обливались потомъ, уставали до изнеможенія и бывали рады, когда ихъ учителя сами уставали или охрипали и прекращали на время ученіе. Многіе изъ поступившихъ со мною изъ не кадетъ не выдерживали муштровки и цуканія и покидали Школу въ первыя же недѣли по поступленіи.

Николаевское Кавалерійское Училище строго придерживалось старыхъ обычаевъ и традицій Школы передавались отъ выпуска къ выпуску. Въ центрѣ всѣхъ традицій стоялъ знаменитый юнкеръ-поэтъ М. Ю. Лермонтовъ, написавшій, между прочимъ, столь извѣстную «Звѣриаду», этотъ воистину юнкерскій гимнъ Николаевцевъ. Юнкера старшаго курса поколѣніе за поколѣніемъ пѣли «Звѣриаду» въ стѣнахъ Училища. Во время этого пѣнія юнкера младшаго курса стояли смирно и съ трепетомъ въ груди прислушивались къ мотиву и словамъ пѣсни. «Звѣриада» какъ-то сближала между собой юнкеровъ и послѣ окончанія Училища. Всегда, впослѣдствіи, когда собирались старые юнкера Школы хотя и разныхъ выпусковъ, а иногда и мало знавшіе другъ друга, при звукахъ «Звѣриады» всѣ немедленно объединялись и всѣ чувствовали себя въ своей товарищеской школьной семьѣ.

Одной изъ важнѣйшихъ традицій, строго соблюдавшейся съ основанія Школы, были похороны инспектора классовъ, происходившія два раза въ годъ: въ декабрѣ и весною по окончаніи экзаменовъ. Въ этихъ похоронахъ принималъ участіе весь старшій курсъ. Готовились къ похоронамъ тщательно и долго. Собирали старыя формы различныхъ кавалерійскихъ полковъ, гражданскіе мундиры, фраки, бухарскіе халаты, черкески и даже мо-

нашескія рясы. Появлялись парикмахеры съ париками и бородами. Въ четвертомъ взводѣ, въ которомъ были собраны юнкера маленькаго роста, видны были костюмы балеринъ, монашекъ и просто траурныя дамскія платья. Въ день похоронъ была необычайная суета въ эскадронѣ и вечеромъ около девяти часовъ происходили самыя похороны представителя науки, инспектора классовъ, въ мое время стараго генерала Цырги.

Младшій курсъ принималъ лишь пассивное участіе в обрядѣ: на его долю было стоять шпалерами по пути слѣдованія кортежа въ довольно оригинальной формѣ: ночная рубашка, кушакъ, винтовка за плечами и въ рукѣ зажженная свѣча. Медленно двигалось шествіе съ гробомъ Цырги: впереди пѣвчіе, за ними духовенство, за гробомъ маскированные юнкера, изображающіе родственниковъ и знакомыхъ покойника, и за ними разные фантастическіе костюмы и маски. Въ каждомъ взводѣ кортежъ останавливался и читалось надгробное слово. По окончаніи похоронъ провозглашалась анафема помощнику инспектора классовъ. Послѣ похоронъ младшій курсъ ложился, полный впечатлѣній, спать, а старшій собирался въ «корнетскихъ уголкахъ» на поминки, продолжавшіяся до раннихъ часовъ.

Школьное начальство, сами бывшіе юнкера, конечно, знало о днѣ похоронъ и о безпорядкѣ, вызываемомъ ими въ монотонной казарменной жизни эскадрона, но благосклонно закрывало на все это глаза и уши. Самъ генералъ Цырга, прослужившій въ Училищѣ около двадцати лѣтъ инспекторомъ классовъ, очень интересовался своими похоронами и какъ будто былъ даже доволенъ, когда узнавалъ, что его въ должное время, съ помпой, установленной традиціей, похоронили. Когда я былъ на старшемъ курсѣ, Училище принялъ строгій генералъ Павелъ Плеве, врагъ всѣхъ школьныхъ традицій и цуканія молодежи. Онъ строжайше запретилъ, между прочимъ, хорснить Цыргу. Все же къ Рождеству, хотя и съ большимъ рискомъ, мы устроили похороны. Для обезпеченія отъ внезапнаго появленія генерала въ эскадронѣ на все время похоронъ мы выставили махальныхъ отъ квартиры Плеве до нашего помѣщенія, а дежурный по Училищу офицеръ спеціально въ этотъ вечеръ посѣтилъ Начальника Училища и задержалъ его какимъ-то длиннымъ докладомъ. Но весною послѣ экзаменовъ, убѣдившись за зиму, съ какой непреклонной волей Плеве проводить свои нововведенія въ Школѣ, мы не пожелали рисковать своей карьерой и съ болью въ сердцѣ рѣшили отмѣнить похороны инспектора классовъ.

Итакъ, въ 1896 году весною, впервые за много лѣтъ юнкера не праздновали по старому обычаю окончаніе ученія. Генералъ Цырга, зная о нашихъ затрудненіяхъ и огорченіяхъ, связанныхъ съ запрещеніемъ похоронъ, самъ былъ очень огорченъ и даже

волновался. Онъ какъ будто предчувствовалъ что-то недоброе. Цырга неоднократно, въ очень деликатной формѣ, спрашивалъ нѣкоторыхъ юнкеровъ, не похоронили ли мы его все же, несмотря на всѣ угрозы свѣише. Получивъ отрицательный отвѣтъ, качалъ головою, вздыхалъ и казался разстроеннымъ. Кончились экзамены, дни проходили, похоронъ не было. Генералъ Цырга заболѣлъ, недолго пролежалъ и скончался. Мы его похоронили нѣсколько дней позже обыкновеннаго, но на этотъ разъ навсегда. Въ полной парадной формѣ шествовали мы за гробомъ. На его похороны собрались почти всѣ старые юнкера бывшіе въ Петербургѣ и его окрестностяхъ. Вечеромъ у насъ въ корнетскихъ углахъ состоялись, какъ всегда, поминки по усопшемъ, продолжавшіяся до глубокой ночи.

Четыре часа физическихъ занятій, три часа лекцій въ классахъ и два часа на подготовку къ репетиціямъ наполняли день. Важнѣйшими занятіями были верховая ѣзда и вольтижировка въ манежѣ. Младшій курсъ обучался ѣздѣ по взводамъ, а на старшемъ курсѣ смѣны составлялись по успѣхамъ юнкеровъ въ ѣздѣ. Въ первую смѣну назначались лучшіе ѣздоки, во вторую и третью похуже, а въ четвертую — слабые. Лошади на младшемъ курсѣ были старья, флегматичныя, не реагирующія ни на шенкеля, ни на шпоры и поводъ. Всѣ манежныя движенія онѣ производили на память, по-своему, по многолѣтней привычкѣ. Намъ надо было только сидѣть въ сѣдлѣ, наблюдать установленную уставомъ дистанцію и трястись, неимовѣрно трястись, такъ какъ до Рождества мы ѣздили для укрѣпленія шлюза безъ стремянъ. Моимъ смѣннымъ офицеромъ былъ штабсъ-ротмистръ лейбъ-драгунскаго Псковскаго полка князь Владиміръ Шаховской, высокій красивый офицеръ и отличный ѣздокъ. Въ манежѣ князь былъ строгъ и требователенъ, но внѣ службы пріятливъ и добръ. Юнкера любили его за жизнерадостность и веселый нравъ.

Кромѣ ѣзды и вольтижировки мы занимались фехтованіемъ, шашечными и ружейными приѣмами, пѣнимъ строемъ, гимнастикой, ковкой, сѣдловкой и иногда уборкой лошадей. Науки, по большей части военныя, мнѣ давались легко. Языки, французскій и нѣмецкій, проходились очень оригинально: лекцій или уроковъ не было, юнкерамъ предоставлялось самимъ заниматься языками по розданнымъ учебникамъ. Два раза въ годъ пріѣзжали учителя языковъ для провѣрки и производства экзаменовъ и для выставленія балловъ за успѣхи. При такой системѣ обученія учителя не могли знать своихъ учениковъ и юнкера этимъ широко пользовались. Хорошо знающій какой-нибудь изъ этихъ языковъ юнкеръ выходилъ отвѣчать не только за себя, но и за многихъ товарищей, плохо владѣвшихъ языками, конечно, съ нужнымъ перерывомъ между выходами. Я вспоминаю учителя

нѣмецкаго языка пожилого господина Брандта: онъ на репетиціяхъ очень уставалъ и не замѣчалъ злоупотребленій юнкеровъ. Но разъ я все же попался, выходя вторично къ кафедрѣ отвѣчать за моего друга Костю Скуратова. Брандтъ обратился ко мнѣ усталымъ, полнымъ укора голосомъ: «Господинъ Скуратовъ, на этотъ разъ я вамъ ставлю полный баллъ, но если вы выйдете сегодня еще разъ къ кафедрѣ, то получите ноль: я запомнилъ васъ и вашъ голосъ». Я, конечно, остерегся и въ этотъ день больше за другихъ не выходилъ.

Въ концѣ сентября 1894 года младшій курсъ присягалъ въ церкви Училища Императору Александру III, а черезъ мѣсяць вторично, но уже Императору Николаю II.

На похоронахъ Императора Александра III нашъ эскадронъ въ конномъ строю слѣдовалъ за гробомъ. Около семи часовъ утра мы выступили изъ Школы къ Николаевскому вокзалу, гдѣ выстроились на вокзальной площади. По всѣмъ улицамъ города двигались войска. Одни полки становились шпалерами вдоль пути отъ вокзала до Петропавловской крѣпости, другіе, назначенные слѣдовать за гробомъ, собирались у вокзала и на прилегающихъ улицахъ. Насъ спѣшили и мы долго держали коней въ поводу. Проѣзжало многочисленное начальство, постоянно раздавалась команда «смирно!». Около половины одиннадцатаго мимо насъ со стороны вокзала стало проходить духовенство по два въ рядъ, впереди ихъ пѣвчіе.

Я никогда въ жизни не видѣлъ столько священниковъ и высшихъ іерарховъ церкви, какъ на этихъ похоронахъ. Не было конца колонны духовныхъ лицъ, замыкали шествіе духовенства епископы и митрополиты. Въ числѣ духовенства я замѣтилъ также представителей евангелическо-лютеранской и римско-католической церквей. Полчаса тянулось шествіе духовенства, все время былъ слышенъ гулъ колоколовъ всѣхъ церквей Петербурга, уныло, монотонно гремѣлъ онъ какъ отдаленный громъ.

Прозвучали команды, раздались звуки «Коль Славенъ», всѣ замерли: мимо эскадрона движется окруженный генераль-адъютантами лафетъ. За нимъ — верховая лошадь Государя и большая группа членовъ Императорской Семьи, иностранныхъ монарховъ, ихъ представителей и затѣмъ обшитыя флеромъ кареты. Въ нихъ Императрицы, Великія Княгини и Княжны.

Далѣе сотня конвоя Его Величества, нашъ эскадронъ, другія военно-учебныя заведенія и части, шефомъ конхъ былъ почившій Императоръ. По Невскому проспекту шпалерами стояла гвардейская кавалерія: съ лѣвой стороны кирасирская дивизія, съ правой — легкая кавалерія. Всѣ въ глубокомъ траурѣ. Кортель былъ такой длинный, что прямой путь отъ Николаевского вокзала до крѣпости не могъ вмѣстить всю слѣдовавшую колонну, от-

чего процессія двигалась къ крѣпости кружнымъ путемъ. Шествіе часто останавливалось у церквей и дворцовъ, передъ которыми служились литіи. Когда мы дошли до крѣпости, насъ отвели дальше мимо, дабы дать возможность частямъ следовавшимъ за нами пройти мимо Петропавловскаго собора.

Нѣсколько часовъ длилось богослуженіе при погребеніи. Мы стояли далеко отъ храма и ждали, голодные и усталые, конца обряда. Около пяти часовъ эскадронъ тронулся обратно домой. Почти двѣнадцать часовъ безъ перерыва мы были въ строю. Хорошій экзамень выносливости молодымъ юнкерамъ и ихъ лошадямъ. Въ этотъ вечеръ мы опустошили все съѣдобные запасы нашего буфетчика Александра и спали всю ночь, не видя сновъ.

Прошла зима, сдали экзамены весной для перехода на старшій курсъ, торжественно сожгли учебники «сугубыхъ» наукъ — химіи и механики, и въ началѣ мая выступили въ лагерь къ Дудергофскому озеру, на красивомъ крутомъ берегу котораго наkodились наши бараки. Между бараками помѣщался большой навѣсъ — наша столовая и недалеко отъ нея лавочка и кофейная нашего буфетчика Александра. Вначалѣ въ лагеряхъ мы занимались съемками и топографіей, потомъ эскадроннымъ ученіемъ, стрѣльбою, аванпостной и развѣдывательной службами. Осенью участвовали въ маневрахъ Гвардейскаго корпуса. Въ началѣ августа окончился лагерный сборъ большимъ парадомъ съ производствомъ нашего старшаго курса въ офицеры и нѣкоторыхъ юнкеровъ младшаго курса въ портупей-юнкера. Портупей-юнкера или какъ мы ихъ называли въ Школѣ, эстандартъ-юнкера, получали офицерскій темлякъ и нашивки на погонахъ. По традиціи Школы бывшіе эстандартъ-юнкера при производствѣ въ офицеры передавали свои темляки новымъ эстандартъ-юнкерамъ. Мнѣ передалъ свой темлякъ корнетъ Булгаринъ, вышедшій л.-гв. въ Конный полкъ, а я со своей стороны, черезъ годъ, передалъ темлякъ эстандартъ-юнкеру Бискупскому.

Быстро прошелъ трехнедѣльный отпускъ и перваго сентября мы все опять собрались въ стѣнахъ Училища. Но какая разница въ обстановкѣ и самочувствіи! Годъ назадъ мы были въ Школѣ какими-то забитыми паріями, вздрагивавшими передъ всякимъ окликомъ юнкера старшаго курса, благороднаго корнета, теперь же мы были полными господами въ Школѣ и бѣдные новички-юнкера смотрѣли на насъ почтительно и боязливо. Мнѣ достался первый взводъ. Я старался, помня свои собственные невзгоды въ прошломъ году, какъ можно мягче обращаться съ молодежью, иногда даже заступался за нее, когда кто-нибудь слишкомъ усердно ее цукалъ. Отношеніе между мною и молодыми налаживалось хорошо. Я старался быть, какъ выражались въ Школѣ, «строгимъ, но справедливымъ». Младшій курсъ на совѣсть испол-

нялъ мои приказанія и, я это чувствовалъ, относился ко мнѣ съ довѣріемъ. Впослѣдствіи, когда я встрѣчалъ офицеровъ, бывшихъ моихъ молодыхъ, я убѣдился, что мое отношеніе къ нимъ въ Школѣ было ими оцѣнено. Со многими изъ нихъ я тѣсно подружился.

Большинство петербургскаго общества имѣло совершенно невѣрное представленіе о нашей Школѣ. Болѣе добродушные люди смотрѣли на насъ хотя и съ любезной улыбкой, но немного свысока, не принимали насъ «всерьезъ», нѣкоторые относились къ намъ насмѣшливо, называли насъ «моншерами», «пижонами», а нашу Школу «жеребьячьимъ пансіономъ». Болѣе строгіе критически удивлялись нашимъ, по ихъ мнѣнію, совершенно дикимъ обычаямъ, не одобряли подтягиваніе, цуканіе, нашу внутреннюю дисциплину. Были люди, и не глупые, считавшіе воспитаніе въ Школѣ прямо вреднымъ для нашей арміи. Они утверждали, что благодаря нелѣпымъ школьнымъ традиціямъ и глупѣйшей подтяжкѣ каждый младшій курсъ долженъ ненавидѣть свой старшій и навсегда сохранить въ сердцѣ злобу къ своимъ однокашникамъ за ихъ отношеніе къ нимъ въ Школѣ. Это нежелательное взаимоотношеніе между Николаевцами, по ихъ мнѣнію, должно было плохо вліять на сплоченность офицерскаго состава кавалерійскихъ полковъ и потому слѣдуетъ искоренить все старыя обычаи и традиціи Школы, цуканіе и подтяжку, и притомъ какъ можно скорѣе и радикальнѣе. Какъ все эти люди ошиблись въ своихъ взглядахъ и представленіяхъ! Нигдѣ не проявлялась такая сплоченность и дружба, какъ именно въ средѣ бывшихъ юнкеровъ нашей Школы. Выпускъ къ выпуску относился прекрасно, въ полномъ смыслѣ слова по-братски, и все старыя юнкера, гдѣ бы они не встрѣчались, всегда сходились въ общую тѣсную семью. Въ особенности ярко отмѣтилась наша сплоченность послѣ революціи. А во время войны все наши юнкера въ полкахъ всегда доблестно исполняли свой долгъ, никогда не забывая обязанностей начальника, истинной дружбы и понятія о взаимной выручкѣ, поддержкѣ и помощи.

Традиціи Школы, цуканіе и подтяжка не умалили силу нашей конницы, но наоборотъ, они дали ей стойкость, дали дисциплинированныхъ офицеровъ, связанныхъ между собою неподдѣльной дружбой и спаянныхъ воспоминаніями о славной старой Школѣ.

Осенью 1895 года Государь Императоръ со своей молодой Супругой пріѣхали въ Петербургъ и поселились въ Зимнемъ Дворцѣ. Въ первый внутренній карауль были назначены, въ видѣ исключенія, наши юнкера. Опять въ эскадронѣ начались безконечныя репетиціи, на этотъ разъ караульной службы. Стояли по два часа на посту, потомъ по два съ половиной приемы шашкой, от-

четливо смѣнялись. Эскадронный командиръ полковникъ Сухомлиновъ обходилъ посты, провѣрялъ амуницію, обмундированіе, стойку. Вечеромъ во взводахъ повторяли уставъ гарнизонной службы. Посты были ефрейторскіе, со мною въ парѣ стоялъ мой старый другъ по Николаевскому корпусу Левъ Фуксъ.

Хотя смѣна караула во дворцѣ происходила въ 12 часовъ дня, мы выступили изъ Школы уже въ восемь часовъ утра и, придя во дворецъ, цѣлыхъ три часа томилась въ караульномъ помѣщеніи въ ожиданіи смѣны. Ровно въ 12 часовъ началась смѣна постовъ. Фуксъ и я занимали постъ у дверей въ кабинетъ Государя и стояли на маленькихъ красныхъ коврикахъ, расположенныхъ у косяковъ дверей въ довольно большомъ залѣ-пріемной. Это былъ первый пріѣздъ Государя въ столицу и на смѣну караула пріѣхало все начальство во главѣ съ командиромъ войскъ Гвардіи и округа Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ. Днемъ въ пріемномъ залѣ толпилось много высокопоставленныхъ лицъ и намъ часто приходилось отдавать честь шапками, по-ефрейторски. Днемъ часы на посту проходили сравнительно быстро, но вечеромъ, когда залъ былъ пустъ и освѣщеніе скудно, было утомительно и скучно неподвижно стоять на коврикахъ. Новые казенные сапоги жали немилосердно, ремень винтовки давилъ грудь, время тянулось медленно.

Немного послѣ девяти часовъ вечера все же произошло событіе, оставшееся въ мой памяти на всю жизнь. Неожиданно мы услышали звукъ, происшедшій отъ поворота ключа двери, у которой мы стояли, потомъ нажимъ на ручку, дверь отворилась и черезъ нѣсколько мгновеній передъ нами очутилась Государыня Императрица Александра Федоровна. Какъ прекрасна была Царица! Стройная, молодая, съ нѣжнымъ цвѣтомъ лица, съ красивыми удлинненными глазами и чудными густыми волосами. Она была одѣта въ простое свѣтлое домашнее платье. Во всемъ Ея обликъ было что-то царственное, величественное, но отнюдь не холодное, наоборотъ, чувствовалась теплота души, привѣтливость, женственность и доброта, въ особенности когда Она улыбалась. Фуксъ и я восторжались, вытянулись, отдали Государынѣ честь и замерли, не шевелясь, еле дыша, даже стараясь не моргать, упорно смотря, какъ полагается по уставу, въ глаза Ея Величества. Увидѣвъ насъ, Государыня, повидимому, немного смутилась и покраснѣла. «Здравствуйте», — сказала Она, улыбувшись. Мы стоимъ и молчимъ, какъ истуканы. Государыня отступила на нѣсколько шаговъ и повторила свое привѣтствіе. Мы молчимъ. Царица недоумѣваетъ, краснѣя еще больше. Наше положеніе ужасно, хочется провалиться сквозь землю. Я понимаю: Ея Величество не знаетъ, что уставъ разрѣшаетъ часовымъ отвѣчать на вопросы и привѣтствія только Государю, коменданту, кара-

ульному начальнику, разводящему и своимъ прямымъ начальникамъ. Жалѣю Царицу, поставленную въ такое неловкое положеніе, жалѣю и себя . . . секунды проходятъ . . . смущеніе растеть. Но вотъ на порогѣ Государь.

«Здравствуйте, юнкера», — раздается Его звучный голосъ.

«Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество!» — громко отвѣчаемъ мы. Царская Чета отходитъ въ глубину зала и мы замѣчаемъ, что Государыня что-то говоритъ Государю, а Онъ, оглянувшись на насъ, усмѣхается. Царская Чета обошла всѣ наши посты и вернулась въ Свои покои. Проходя мимо насъ, Государь благодаритъ насъ за службу. Впослѣдствіи я убѣдился, что Государыня не забыла этого инцидента въ первый Свой вечеръ пребыванія въ Зимнемъ Дворцѣ.

Итакъ, я — юнкеръ старшаго курса нашей славной Школы, солидный эстандартъ-юнкеръ. Я въ первой смѣнѣ, ѣзды въ манежѣ много, больше требованій. Нашъ смѣнный офицеръ, знаменитый кавалеристъ Д. Д. Дидерихсъ, Конно-Гренадеръ, учитъ насъ выѣздкѣ молодыхъ лошадей и исправленію дурноѣзжихъ. Каждый юнкеръ имѣетъ двѣ лошади: одну молодую и одну старую. Я былъ очень доволенъ своей молодой лошадыю, конемъ «Мельникомъ», но ненавидѣлъ старую, такъ называемую дурноѣзжую. Это былъ конь «Леопардъ», онъ вовсе не былъ дурноѣзжимъ, но онъ страдалъ болѣзнью почекъ и оттого дѣлалъ все возможное, дабы не дать всаднику сѣсть въ сѣдло. Было мукой сѣсть на него, онъ дѣлалъ лансады, лягался, кусался, иногда катался по землѣ и когда, несмотря на всѣ его протесты, все же удавалось сѣсть въ сѣдло, онъ отчаянно козлилъ, потомъ покорялся и смирялся. «Леопарда» нужно было сдать въ бракъ, но такъ какъ онъ былъ красивъ и хорошо держалъ тѣло даже при скудной дачѣ овса, то эскадронный командиръ забраковать его не рѣшался.

Въ классахъ лекціи стали интереснѣе. Читались исключительно военныя науки, мы рѣшали на большой картѣ различныя военныя задачи, командовали полками и дивизіями, даже арміями, но рѣдко взводомъ или эскадрономъ. По вечерамъ ужинали въ корнетскихъ углахъ, иногда сидѣли въ курилкѣ или у буфетчика въ Гербовомъ залѣ. По субботамъ посѣщали циркъ Чинизелли, это поощрялось, но еще больше конкуръ-ипшикъ, которые происходили въ Михайловскомъ манежѣ по воскресеньямъ во время Великаго поста. Тамъ собиралась почти вся конница и всѣ любители спорта. Ложи были заняты дамами, среди нихъ масса красавиць; блестящіе туалеты, изящныя шляпы и цвѣты красиво окаймляли арену, на которой состязались. Сильныя мускулистыя лошади, среди которыхъ было много чистокровныхъ, отличные смѣлые ѣздоки, серьезныя препятствія — все приковывало къ

себѣ взгляды многочисленной публики. Обычно состязанія заканчивались лихой джигитовкой казаковъ.

Иногда насъ приглашали привилегированные женскіе институты, какъ Смольный и Екатерининскій, на балъ. Одинъ разъ я былъ на такомъ балу. Институтки старшихъ классовъ въ оригинальной, нарядной формѣ любезно принимали гостей. Танцевали усердно, но много разговаривать съ нашими дамами намъ не позволяли: протанцоваль вальсъ, поставилъ свою даму на мѣсто и прочь, — таково было институтское правило. Если же кавалеръ не покидалъ свою даму, то немедленно подходила «пепиньерка» и своимъ холоднымъ взглядомъ заставляла танцора удалиться.

Послѣ Пасхи жизнь въ Школѣ измѣнилась. Господа «корнеты» стали серьезными и прилежными, часто и надолго уединялись съ учебниками въ классный флигель или поздно вечеромъ, лежа на койкѣ, читали научныя книги. Приближались выпускныя экзамены, отъ которыхъ такъ много зависѣло.

Весною эскадронъ опять выступилъ въ лагерь въ Дудергофъ, опять вдоль Красносельскаго шоссе раздались наши пѣсни:

*По дорожку Красносельской
Эскадронъ идетъ гвардейскій,
Эскадронъ лихой, эскадронъ лихой . . .*

запѣвалъ Скуратовъ — дирижеръ хора пѣсенниковъ. Хоръ дружно подхватывалъ и лихая пѣсня текла и разливалась по окрестностямъ. Настроеніе у всѣхъ было хорошее, жили въ ожиданіи знаменательнаго дня производства въ офицеры. Вездѣ въ группахъ юнкеровъ разговоры о стоянкахъ и формахъ полковъ, о числѣ вакансій въ томъ или другомъ полку. Выходъ въ желаемый полкъ зависѣлъ отъ числа вакансій въ этомъ полку и отъ успѣховъ въ наукахъ и строю юнкера. Для выхода въ гвардейскіе полки требовалось согласіе командира и офицеровъ полка. Къ разбору вакансій подходили по старшинству средняго балла. Слѣдовательно, хорошо окончившіе Школу юнкера имѣли всѣ шансы выйти въ желаемый полкъ, менѣе удачно учившіеся — только при счастьѣ, а плохо — должны были довольствоваться неразобранными вакансіями.

Въ это лѣто съ нами въ баракѣ жилъ временно нашъ взводный вахмистръ Великій Князь Борисъ Владиміровичъ, веселый, безпечный человѣкъ видной наружности, немного тучный для своихъ лѣтъ, хорошій ѣздокъ. Онъ часто отлучался изъ лагеря и тогда мнѣ приходилось исполнять его обязанности по взводу. Онъ всегда былъ всѣмъ доволенъ и не особенно заботился о жизни взвода. Его мать, Великая Княгиня Марія Павловна, и сестра, предметъ мечтаній всѣхъ юнкеровъ, красавица Великая Княжна Елена Владиміровна, иногда навѣщали Школу. Помню, разъ послѣ очень пыльнаго ученья мы мылись и переодѣвались въ бара-

кѣ, вдругъ раздается команда «смирно»! Въ баракъ вошла Великая Княгиня съ дочерью. Нѣкоторые юнкера успѣли прикрыть свое неглиже одѣяломъ или шинелью, я же остался стоять въ нижнемъ бѣльѣ около умывальника, съ намыленной головой и съ глупѣйшимъ видомъ. Я думаю, что Высочайшимъ Особамъ нашъ взводъ показался очень забавнымъ. Онѣ быстро, Княжна съ опущенными глазами, прошли баракъ и вышли.

Въ іюнѣ насъ, выразившихъ желаніе поступить лейбъ-гвардіи въ Конно-Гренадерскій полкъ, пригласили на завтракъ въ полкъ. Мы очень волновались и боялись этого завтрака, ибо знали, что завтракъ только предлогъ, а цѣль: познакомиться съ нами и произвести намъ всесторонній и тщательный экзаменъ въ умѣніи держать себя, разговаривать и вообще въ воспитаніи. Мы также знали, что при такихъ пріемахъ вина въ собраніи не жалѣли. Нужно было пить много, не теряя фасона, быть до конца дисциплинированнымъ юнкеромъ, — задача нелегкая. Въ назначенный день и часъ мы стояли въ прихожей лагернаго офицерскаго собранія полка и ждали прихода командира Великаго Князя Дмитрія Константиновича. вмѣстѣ съ нами стоялъ старшій полковникъ Багговуть, къ которому мы явились заранѣе. Ровно въ назначенное время вошелъ Великій Князь, высокій, худой, отлично сложенный генералъ. Мы по очереди подходили къ нему и громко представлялись. Онъ жалъ всѣмъ руку и пригласилъ насъ въ большую столовую, въ которой были собраны почти всѣ конно-гренадеры. За завтракомъ мы сидѣли на концѣ стола съ корнетами послѣднихъ выпусковъ. Во время завтрака подали шампанское. Командиръ полка провозгласилъ тостъ за наше здоровье; все текло чинно и хорошо. Послѣ завтрака командиръ полка и большинство старшихъ офицеровъ удалилось, остались корнеты и поручики. Перешли на большую террасу клуба, тамъ на длинномъ столѣ стояли вмѣстительные жбаны съ виномъ и стаканы. Передъ террасой въ саду стоялъ хоръ пѣсенниковъ. Пили подъ пѣсни въ одиночку и сообща, хозяева и гости, пѣсенники насъ качали. Голова кружилась, но надо было во что бы то ни стало держаться и ни въ коемъ случаѣ не завяты. Изъ всѣхъ моихъ экзаменовъ этотъ былъ самымъ труднымъ. Около восьми часовъ намъ нужно было возвращаться въ Школу, до этого насъ чѣмъ-то накормили, затѣмъ посадили на наши таратайки и мы, блѣдные и страдающіе, пустились въ путь. Черезъ нѣсколько дней въ полку должно было быть общее собраніе офицеровъ для рѣшенія вопроса о принятіи или непринятіи насъ въ свою среду. Къ счастью для всѣхъ насъ онъ былъ положительнымъ.

Приближался августъ, вакансіи разобраны. Въ нашемъ баракѣ суета, приходятъ портные, сапожники, торговцы оружіемъ, шапошники; всѣ предлагаютъ свои товары, снимаютъ мѣрку, при-

мѣряють мундиры, сюртуки, рейтузы, бѣлье, — прямо какой-то базаръ, а не эскадронъ, но всемъ весело . . . Мы на порогѣ новой самостоятельной жизни, сулящей много счастья. Надеждамъ и мечтамъ полное раздолье, славное беззаботное время. Старшій курсъ въ баракахъ не снимаетъ свои новыя полковныя фуражки, картина пестрая; большой фуроръ производятъ парадныя головныя уборы гвардейцевъ, въ особенности кирасирскіе. Подъ навѣсомъ въ чайныхъ компаніяхъ шумно, буфетчики расширяютъ кредитъ, да и денегъ на рукахъ больше обыкновеннаго. Узнаемъ, что парадъ и производство назначены на 12 августа. Считаемъ дни. Послѣдніе маневры, я на красной кобылѣ «Золушкѣ», лошади, на которой обычно ѣздитъ Начальникъ военно-учебныхъ заведеній генералъ-лейтенантъ Махотинъ. Лежимъ на бивакахъ, ходимъ въ разѣзды, стоимъ на аванпостахъ, часто подъ дождемъ, но на душѣ радостно . . . Отряды приближаются къ Красному Селу, къ Царскому валику. Послѣ послѣдней общей атаки будетъ данъ сигналъ «отбой», маневры кончатся, а на слѣдующій день полки опять соберутся у Царскаго валика, но уже на парадъ, а послѣ парада — наше производство.

Двѣнадцатое августа 1896 года. Мы на парадѣ, нетерпѣливо часами ждемъ прохожденія пѣхоты, намъ кажется, что она проходитъ слишкомъ медленно, батальонъ за батальономъ ползутъ мимо Государя, имъ нѣтъ конца. Задвигалась, громыхая, артиллерія. Наконецъ очередь конницы, она проходитъ быстро, на рысяхъ и галопѣ, за нею славная конная артиллерія. Насъ выстраиваютъ въ каре, здѣсь собраны все училища. Въ середину каре въѣзжаетъ Государь со свитою. Все кругомъ замерло, слышенъ только голосъ Государя. Онъ желаетъ намъ успѣха въ жизни и поздравляетъ насъ съ первымъ офицерскимъ чиномъ. Гремитъ «ура», адъютанты раздаютъ намъ приказы о производствѣ. Эскадронъ на рысяхъ отправляется домой. Съ трудомъ нашему командиру удастся удерживать аллюръ, — все торопятся въ бараки: тамъ ихъ ждутъ новыя нарядныя формы.

Я надѣваю парадную форму. Насъ молодыхъ конно-гренадеръ трое: Юра Давыдовъ, Андрей Стефановичъ и я, и двое прикомандированныхъ къ полку: Фрицъ фонъ Грюневальдъ и Костя Скуратовъ. Все, кромѣ Грюневальда, мои друзья дѣтства, товарищи по корпусу. Все рѣшаютъ ѣхать въ полкъ, являются командиру. Полкъ встрѣчаетъ насъ аплодисментами, трубачи играютъ полковой маршъ. Вечеромъ большой обѣдъ въ Акваріумѣ со всеми школьными офицерами, а потомъ обѣздъ увеселительныхъ мѣстъ столицы . . .

«Изъ нашего прошлаго».

Гельсингфорсъ, 1943.

Э. ф. Мендъ

Высочайшее посѣщеніе Школы.

Время — довоенное.* Въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ регулярно идутъ занятія. Старшій курсъ усиленно готовится къ репетиціямъ. Время летитъ быстро. Прошли Рождественскіе праздники. Изъ газетъ и слуховъ въ Училищѣ уже знали, что въ этомъ году Государь Императоръ съ большимъ вниманіемъ относится къ посѣщенію Имъ военно-учебныхъ заведеній. Побывалъ у пажей и въ Павловскомъ училищѣ. Среди юнкеровъ происходятъ споры: одни говорятъ, что къ намъ не пріѣдетъ, другіе — наоборотъ, надѣялись на Высочайшее посѣщеніе. Нѣкоторымъ стало извѣстно, что на дняхъ инкогнито пріѣзжалъ осматривать вѣздъ въ Училище царскій кучеръ. Оптимисты не ошиблись.

Былъ будничнѣйшій январскій день. На Ново-Петергофскомъ было тихо, лежалъ растертый вѣдою снѣгъ. Вдругъ изъ-за угла класснаго флигеля вынесли сани, запряженныя парой крупныхъ вороныхъ. Спокойно правилъ своими лошадьми кучеръ, одѣтый въ синій кафтанъ и четырехугольную мѣховую шапку. Въ саняхъ сидѣлъ офицеръ въ обычномъ сѣромъ офицерскомъ пальто.

Одновременно всѣ поняли: Царь. Кто-то восторженно крикнулъ «Ура», которое громогласно понеслось по всему Училищу. Пріѣхалъ! Онъ уже внизу, у дежурной комнаты! Встрѣчаютъ, внизъ, ура! Одни помчались въ классы, другіе торопились въ манежъ на вѣзду. Гдѣ-то грянулъ отвѣтъ на привѣтствіе: «Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество!» Спустя нѣсколько минутъ стеклянныя двери классной комнаты открылись и въ нее просто и свободно вошелъ въ сюртукъ Преображенскаго полковника Императоръ Николай Александровичъ. Улыбаясь, онъ осмотрѣлъ ряды юнкеровъ, подошелъ къ окну и, прислонившись къ его косяку, сталъ слушать отвѣты юнкеровъ по стрѣлковому дѣлу.

Кто-то, отвѣчая у доски, сбился и сталъ «плавать». Царь его поправилъ, подсказалъ и вывелъ «плавающего» на вѣрную дорогу... Въ эти минуты, когда говорилось о построеніи кавалерійскаго полка въ резервную колонну, какъ бы неожиданно исчезъ въ классѣ Императоръ... У окна стоялъ простой штабъ-офицеръ, идеально знающій строевой уставъ.

Поблагодаривъ смѣну, Царь въ сопровожденіи Начальника

* 1898 годъ. Прим. ред.

Училища и другихъ офицеровъ направился въ церковь, а изъ нея въ манежъ, гдѣ шла ѣзда двухъ смѣнъ. Занявъ мѣсто по обыкновенному кавалерійскому порядку на серединѣ манежа, Онъ наблюдалъ ѣзду юнкеровъ.

Мѣнялись направленія, производилась строевая вольтижировка, брались всевозможные барьеры. Предманежникъ въ это время наполнялся остальными юнкерами эскадрона и сотни . . . Чинно и спокойно солидный и бородатый кучеръ подалъ къ воротамъ манежа свою вороную пару, которую моментально окружили юнкера, обласкивая благородныхъ животныхъ, привезшихъ Верховнаго Вождя необозримой и великой Имперіи. Улыбаясь и прикладывая руку къ козырьку, Преображенскій Полковникъ вышелъ къ своимъ санямъ.

Загремѣло и полилось «Ура», удержу которому не было. Все смѣшалось вокругъ царскихъ саней, въ которыя съ трудомъ вошелъ Царь, а вокругъ Него, уцѣпившись за выступы козелъ кучера, за царское сидѣнье, ставъ на полозья, судорожно хватаясь за запятки, виноградными гроздьями повисли юнкера. Ни Начальникъ Училища, ни смѣнные офицеры подѣлать ничего не могли, чтобы въ этотъ моментъ ихъ послушались юнкера.

«Ну, съ Богомъ, — сказалъ Императоръ. Шагомъ, но увѣренно, безъ всякаго усилія тронулась вороная пара. Двигались не сани, а какой-то пчелиный рой.

«Интересно!», усмѣхнулся Императоръ, съ удивленіемъ обнаружившій, что одинъ изъ юнкеровъ маленькаго роста сидѣлъ у него въ ногахъ согнувшись въ три погибели. «Сколько же всего насъ ѣдетъ?»

«Восемнадцать человѣкъ, Ваше Величество!»

«Недурно» . . . еще болѣе весело сказалъ Государь, «и всемъ удобно?»

«Такъ точно, Ваше Величество, очень!»

«Дайте что-нибудь на память, Ваше Величество», — сказалъ кто-то изъ болѣе откровенныхъ.

«Ничего больше нѣтъ», сказалъ Государь, «все что возможно взяли еще въ манежѣ».

Среди криковъ «ура» и бѣжавшихъ по сторонамъ людей, одѣтыхъ въ юнкерскія шинели, кони увѣренно шли впередъ. Вдругъ рѣзкій свистъ, гиканье и пронзительные крики выдѣлились изъ общаго гула. Взметая мокрый снѣгъ, одинъ за другимъ, лихо джигитуюя по бокамъ царскихъ саней, неслись на коняхъ юнкера сотни. Посѣдлавъ быстро коней, они сопровождали Императора по-своему.

Юнкера-счастливицы все продолжали слѣдовать съ Царемъ въ саняхъ, казаки же носились вокругъ, дѣлали джигитовку и показывали свое природное удалство. Только у Египетскаго моста

Государь поднялъ руку и показалъ путь къ Училищу.

«Домой, домой, господа! До свиданія...»

Кучеръ задержалъ пару... Освободившіяся сани двигались уже быстрѣе. Императоръ еще разъ обернулся и сдѣлалъ привѣтственный знакъ рукой въ бѣлой перчаткѣ. Воронье увозили Царя въ Зимній Дворецъ.

Училище опустѣло. Монаршей милостью юнкера были отпущены въ трехдневный отпускъ.

Е. Вадимовъ

изъ книги «Корнеты и звѣри».

Выпускъ изъ эскадрона 22 апрѣля 1905 года. Великій Князь Константинъ Константиновичъ, рядомъ съ нимъ Начальникъ Училища ген.-майоръ Грязновъ; третій справа впереди: вахмистръ Главче, л.-гв. Уланскаго Его Величества полка.

Изъ писемъ.

Папа мой привезъ меня въ Дудергофъ къ 1 іюля 1906 года и сдалъ дежурному офицеру. Начали прибывать молодые. Вновь испеченные «корнеты» взяли насъ въ «цукъ» и было все по-хорошему, одѣли насъ и къ вечеру я прицѣпилъ шпоры и, волоча ногу, иду въ капониръ «цукать» молодыхъ. Мы другъ друга еще и не знали, а я изъ Николаевского корпуса цукъ-то зналъ, ну и пошелъ пошалить, но тутъ игра другая вышла! Шпоры и на этотъ разъ уже настоящія, но и драма: и вращайся, и присѣданія, и безъ отпуска. Это пришелъ въ капониръ Палицынъ старшаго курса, мы потомъ съ нимъ были большими друзьями и спали недалеко другъ отъ друга.

На утро — разбивка по взводамъ и смѣнамъ и началось обученіе. Въ концѣ августа мы могли ѣхать въ отпускъ до 1 сентября. 1-ое сентября! Общій цукъ и обходъ, уже въ Петербургѣ, на меня произвелъ большое впечатлѣніе: темно, со свѣчами входятъ подъ пѣніе «Звѣриады» въ разныхъ фантастическихъ формахъ, впереди полковникъ Школы Терье — черный абиссинецъ, въ простынѣ и весь голый, по дорогѣ провѣряютъ бѣлье «квадратиками», молодежь, конечно, смиренно у своихъ тумбочекъ въ ночныхъ рубашкахъ. . . Дежурный офицеръ исчезъ. При мнѣ во взводахъ спали взводы цѣлые, то есть и молодые и корнеты. Такъ прошло время и пришла присяга на дѣйствительную службу.

До присяги немало ушло, — не выдержали, кто чего, кто не понялъ цука, а кто не поладилъ съ лошадыю. До этого наше корнетство съ нами знакомилось: «Молодой, вы, какъ ваше заглавіе? Изъ какого болота? и т. д.

Присяга была въ манежѣ торжественно, какъ и всегда, а потомъ отпускъ и вечеромъ — въ циркъ Чинизелли. Огромное оживленіе среди большой публики посмотрѣть юнкеровъ. Замеръ оркестръ и завѣса цирка пріоткрылась и появляется «земной богъ». Всѣ красныя шапочки, драгунки, въ струнку стоятъ и послѣ поклона онъ намъ отдаетъ честь. А затѣмъ, всѣ по пачкамъ забраны своими корнетами и поѣхали къ цыганамъ на Острова.

При мнѣ былъ въ Михайловскомъ манежѣ «Лермонтовскій праздникъ» съ Высочайшими Особами, но Государя не было. Старыя формы полковъ проходили передъ трибунами, карусель по звонку отборной смѣны юнкеровъ. Эймелеусъ на шестеркѣ беретъ идеально барьеры, Эймелеусъ со своей экипой гимнастовъ,

— красота, и ни одинъ циркъ этого еще не видѣлъ. Онъ былъ моего выпуска, плохо говорилъ по-русски, но здорово выгребъ потомъ, Кіевскій гусарь. Сотня съ ея джигитовкой и всякими фокусами, — очень хорошо все сошло, и, конечно, «лисичка».

Были и классные капониры съ репетиціями, все было хорошо, но химія, эта сугубая наука для упражненія мозговъ, какъ греческій языкъ въ гимназіяхъ, была въ этомъ году въ послѣдній разъ, — ее потомъ преподавали въ корпусахъ. Но въ этомъ году надо было ее зубрить. Моя первая репетиція была на ноль и по традиціи я былъ этотъ вечеръ на «корнетскомъ положеніи». Но ноль нолемъ, а потомъ? Если замаіорю, то съ папой — драма. А ноль былъ потому, что кап. Солонина (. . . кучу посолили, солонину получили) у доски все приказывалъ: «сотрите», «напишите снова». Я возмутился, щелкнулъ каблуками (шпоръ еще не было) и ушелъ. И такъ до конца года. Передъ экзаменами сижу, воскресенье, не пошелъ домой, въ капонирѣ и гляжу въ книжку. Вдругъ входитъ изъ отпуска другъ, тоже 4 по химіи, Кеппенъ, радостный. А ну, какъ? И началъ мнѣ объяснять, какъ составлять формулы по «таблицѣ Менделѣева». Я понялъ, — это его «гусь»-репетиторъ дома натаскалъ. На утро — зеленый столъ, билеты и химическій генералъ, а я и Кеппенъ — первыми у доски. Я вынулъ билетъ «вода» и потомъ началъ писать по неорганической, сошло; потомъ начали гонять меня по формуламъ, а я выводилъ ихъ изъ таблицы имѣлъ право. Солонина въ недоумѣніи, генералъ мнѣ 11 балловъ и Кеппену тоже, и мы счастливыми уѣхали въ отпускъ.

9-ое мая при мнѣ всегда были въ Дудергофѣ. Такъ что за нѣсколько дней до этого эскадронъ «по дорожкѣ Красносельской» прибывалъ въ Дудергофъ, «папа» Саша Ярминскій разворачивалъ эскадронъ и мы брали въ атаку наши бараки. Молодежь первый разъ была въ строю. Любилъ я лагерь, — вольнѣе и свободнѣе жилось, чѣмъ въ городѣ: съемки, ходили на съемки съ алидадой и планшетомъ и заходили ѣсть яичницу съ водчишкой къ Маріи Михайловнѣ, — гостепріимной хозяйкѣ чайной лавочки.

Но вотъ какъ-то дождало и мы встрѣтили двухъ хорошихъ балетныхъ звѣздочекъ, поговорили, вспомнили городъ и пошли посидѣть на вокзалъ, — строго это запрещалось. Сидимъ и вдругъ открывается дверь и папа Саша . . . Мы пулей къ нему и вытянулись. «Явитесь дежурному офицеру». Явились и «безъ отпуска». Воскресенье, скучно. Я и Чичинадзе рѣшили поговорить за шоколадомъ и ликерами и поплыли на лодкѣ въ Камыши, — строго было запрещено. Сидимъ, вдругъ «хлопъ, хлопъ» весла и появляется ротм. Непокойчицкій. «Энте мнѣ!» — его поговорка. Мы пулей бутылочки въ воду, лишь круги появились, соломка плаваетъ, и за нимъ гребемъ уныло, — подъ арестъ! Утромъ бу-

дитъ меня юнкеръ сотни из караула: «Скорѣй, Царская тревога!» Ну, въ баракъ, одѣлся, въ конюшню, уже лошадь посѣдлана, и карьеромъ къ Царскому валику по Военному Полю. Рядомъ скачетъ адъютантъ Офицерской кавалерійской Школы со штандартомъ: забыли!

Мы проходимъ повзводно на галопѣ. «Спасибо, юнкера!» и потомъ отпущъ и всѣ забыли про арестъ . . .

Быль смотрѣ въ Петергофѣ, проходили на карьерѣ съ прыжками, а сотня съ джигитовкой, ходили туда и обратно походнымъ порядкомъ.

Парсель . . . вечеръ, перекличка, молитва и потомъ, скинувъ шинели, всѣ къ лодкамъ, а тамъ ѣли мороженое. Пріѣзжали наши корнеты Князя Іоаннъ и Гавріилъ Константиновичи, ихъ заставляло корнетство насъ цукать, они были очень застѣнчивыми.

На 75-лѣтіе Школы мой двоюродный братъ принесъ книгу исторіи Школы отъ основанія до 1898 года, всѣ выпуски, фотографіи, очень интересно. Книга осталась въ Цѣхановѣ, гдѣ все и пропало.

Въ лагерь пріѣзжалъ съ Государемъ Итальянскій король Викторъ-Эммануилъ, — маленькій, меньше нашего Государя. Мы замѣтили у него чудно сшитое галифе и сапоги, — все очень отчетливо и элегантно.

Давно Школа не давала баловъ, да и соперничать съ Морскимъ корпусомъ намъ не было подъ силу. Но вотъ рѣшили устроить балъ. Во второмъ полуэскадронѣ была уютная гостиная, вся въ коврахъ, и на стѣнахъ разукрашена вальтрапами и прочимъ. Кіоскъ съ цвѣтами. Въ иппологическомъ классѣ буфетъ. А нашъ, — на голубятнѣ у станичниковъ и съ водочкой. Танцевали въ нижнемъ гимнастическомъ залѣ (со щитами полковъ). Были приглашены два ослика изъ цирка Чинизелли для котильона, вѣстовые что-то подбирали за осликами. Танцевали пѣли и веселились до утра, было много приглашенныхъ семей юнкеровъ.

Но вотъ офицерскіе экзамены, послѣдняя лекція въ году и трубачъ играетъ артиллерійскій отбой въ коридорѣ: «Полно вздоромъ заниматься, трубачъ, труби отбой!» Трубачу монета отъ насъ и подъ арестъ отъ начальства.* Опять въ лагеря и 14 іюня мы стали «корнетами» и ждали свою молодежь къ 1-му іюля, — знаменательный день перехода на «ты». Князь Гавріилъ Константиновичъ былъ штандартнымъ портупей-юнкеромъ, оба брата были очень милыми. Разборка вакансій и въ садикѣ трубачи Конной Гвардіи играютъ маршъ полковъ взявшихъ вакансіи.

* Традиція эта просуществовала во всякомъ случаѣ до начала 1915 года. Прим. ред.

Полковникъ Ярминскій.

Ксенъинскомъ институтѣ, послѣ бала будетъ ужинъ, желающіе запишутся у вахмистра». Завтракъ, каждый посылалъ камернаго лакея, по очереди, за булками, сыромъ или колбасой, такъ какъ кормили недостаточно, а мы были молодыми обжорами. Ну, вотъ, записались на балъ и поѣхали, насъ пачка, прямо въ ресторанчикъ къ «Братьямъ Макѣевымъ» и чудно провели бальное время. На утро — драма. «Здрасте, господа, печальный случай...» былъ на балу глазокъ и насъ, конечно, не видѣлъ: безъ отпуски и безъ баловъ.

Средняя площадка съ роялемъ, Коваленскій всегда садился, хорошо игралъ, а мы прогуливались по залу, вдругъ «Маршъ Школы», всѣ стоятъ смирно, потомъ «Паулина», ну и опять въ движеніи мы всѣ.

Корнетскій комитетъ хорошо работалъ, помню, за нехорошее поведеніе въ городѣ нѣкоторые были отчислены изъ Училища начальствомъ по представленію предсѣдателя. Все что внѣ Школы происходило, надо было докладывать. Такъ, Сметанниковъ на масленицу былъ въ Москвѣ и на вокзалѣ встрѣтилъ своихъ по корпусу, юнкеровъ Александровскаго училища, Маслова и Блинова, — это правда! Одинъ подпоручикъ ихъ цукнулъ, что подъ пирожки рюмочки пили, но не это было главнымъ: «Какъ фамиліи?» Подпоручикъ, думая, что его на масленицу дурачатъ, пригласилъ ихъ въ Комендантское управленіе, — все выяснилось.

Юнкерскій карауль въ Зимнемъ дворцѣ. Держали карауль и потчевали насъ и ѣдой и чуднымъ краснымъ Бордо. Но вотъ у Иорданскаго подъѣзда на набережной стоялъ нашъ Коля Зарнекау, стоитъ и видитъ, хорошенькая барышня идетъ, но, въ общемъ, поговорилъ-то съ ней два-три слова, а барышня оказалась племянницей генерала Троцкаго, Коменданта города, очень суровый старикъ былъ. О разговорѣ онъ узналъ, но все какъ-то на слѣдующій день уладилось.

Разумѣется, форма наша строго соблюдалась и у насъ не было какихъ бы то ни было лихихъ армейскихъ франтовъ. Такъ вотъ въ моей смѣнѣ одинъ бывший студентъ любилъ одѣваться, прибылъ въ Школу со шпагой. Онъ построилъ себѣ мундиръ и не у одного изъ нашихъ портныхъ, вродѣ Каплана, знающихъ нашу форму, а у кого-то другого: на бѣлой подкладкѣ, накладныя пуговицы съ орломъ и широкій галунъ, — ну и мы сами же конфисковали. Или еще начали заводить «галифе» широкіе, да еще цвѣтъ темнѣе, — тоже конфисковали. Одинъ или два, помню, перевелись изъ другого училища съ бумагой отъ ихъ комитета, что они «корнеты», пріѣхали франтами, пришлось ихъ отшлифовать по нашему.

Ротмистръ Непокойчницкій въ дежурной комнатѣ.

Да, Школа давала своему питомцу отпечатокъ воспитанія.

При мнѣ былъ печальный случай, — повѣсился нашъ библиотечарь Бѣликовъ или Бѣляевъ, не помню, въ извѣстномъ мѣстѣ классныхъ капонировъ, гдѣ его и нашель дежурный офицеръ. Кто-то изъ ловкачей досталъ кусокъ веревки и раздавалъ на счастье кусочки, — мнѣ кусочекъ никакъ не помогъ!

На младшемъ курсѣ* при мнѣ были корнеты, произведенные во время японской войны. Они жили, конечно, на частныхъ квартирахъ, но день проводили съ нами. Ходили завтракать на лѣвомъ флангѣ эскадрона; слушали лекціи, были на репетиціяхъ и потомъ держали офицерскій экзаменъ. Помню, были Нѣжинскаго полка и другихъ.

. . . Вотъ однажды наша смѣна ротм. Непокойчицкаго и смѣна есаула Грекова ѣздили на полѣ передъ Школой, кажется тамъ потомъ устроили стрѣльбище, что черезъ улицу. Непокойчицкій и Грековъ разговариваютъ, а смѣны спокойно кружатся на плацу. Вдругъ команда: «Смѣна, стой!» и станичники тоже остановились. «Помѣняться лошадьми!» . . .

Послѣ нашего англійскаго сѣдла какое для меня было неудобство, — высокое сѣдло, торчащая передняя лука, для колѣнъ нѣтъ крыльевъ, по воздуху. Ну, думаю, шагомъ да, но рысью — никакъ. И пошли обѣ смѣны рысью. Я кое-какъ усидѣлъ, а казаки на англійскихъ сѣдлахъ тоже навѣрно чувствовали себя отвратительно. Они имѣли «скошевку», то есть стремяна связаны подъ животомъ лошади, что позволяло имъ дѣлать всякіе фокусы. Конечно, посадка казаковъ, почти стоя, была красивой, но надо было имѣть къ этому привычку. Въ мое время до новой формы сотня носила форму своихъ войскъ, — строй былъ пестрымъ, но красивымъ.

. . . Командиромъ нашей сотни при мнѣ былъ полк. Пѣшковъ, который на своей бѣленькой лошаdkѣ «Сѣрко» прибылъ съ Дальняго Востока. Его лошадь я видѣлъ въ Царскомъ Селѣ въ лошадиномъ старческомъ домѣ, конюшнѣ-богадѣльнѣ, гдѣ я еще видѣлъ сѣдластую лошадь, которая ходила подъ Императоромъ Александромъ III.

Е. Лукашевъ

* Въ 1906/7 учебномъ году. Прим. ред.

Призовая Ызда.

Генераль-лейтенантъ Евгеній Карловичъ Миллеръ подъ сѣнью Георгіевскаго штандарта 7-го Гусарскаго Бѣлорусскаго Императора Александра I-го полка. Вице-вахмистръ Николаевскаго кадетскаго корпуса, 1884 г.; вахмистръ эскадрона Николаевскаго Кавалерійскаго Училища, 1886; офицеръ л. гв. Гусарскаго Его Величества полка; Командиръ 7-го Гусарскаго Бѣлорусскаго Е. И. В. Великаго Князя Михаила Николаевича полка; Начальникъ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища, 1910—1912.

Въ выпускѣ 1911 года было много хорошихъ Ыздоковъ, несмотря на то, что оцѣнка ея была очень строгой. Всѣ имѣли, за рѣдкими исключеніями, не ниже 9 балловъ, а 12 имѣли только 18 юнкеровъ. Вотъ эти-то юнкера и были предназначены для окончательнаго установленія, кто будетъ занесенъ на мраморную доску въ манежѣ.

Въ назначенный день эти юнкера выстроились по ранжиру передъ передней линейкой у условно обозначеннаго манежа, передъ комиссіей въ составѣ Начальника Училища ген. Миллера, командира эскадрона полк. Ярминскаго, адъютанта шт. ротм. Зякина и всѣхъ смѣнныхъ офицеровъ эскадрона. Каждый изъ участниковъ этого состязанія сидѣлъ на лошади, на которой онъ Ыздилъ цѣлый годъ на старшемъ курсѣ. Сѣдловка — учебная, на мундштукахъ. Юнкера — въ гимнастеркахъ, въ перчаткахъ и зимнихъ безкозырькахъ, безъ оружія. Остальные юнкера не только эскадрона, но и сотни, размѣстились вдоль своихъ барачковъ, чтобы посмотреть на Ызду.

Командовать этой смѣной былъ назначенъ шт. ротм. Зякинъ, который былъ въ то же время и смѣннымъ офицеромъ 3 смѣны, въ которой пишущій эти воспоминанія со дня поступленія въ Школу былъ головнымъ номеромъ. Состязаніе происходило по установленной программѣ: вызовъ въ разбивку изъ строя, остановка передъ комиссіей, манежная ѣзда по одному на всѣхъ аллюрахъ, полевая ѣзда по мѣстности за жожакомъ шт. ротм. Панаевымъ при наблюдающихъ шт. ротм. Тонъ и Яненко, и снова короткая манежная ѣзда. Каждый членъ комиссіи самостоятельно по своему усмотрѣнію ставилъ баллы. Увы, за что выставались именно эти баллы я точно не помню, но ихъ было у каждого не меньше семи. Главная же оцѣнка, конечно, была за посадку, управление лошадыю и общій видъ послѣ ѣзды. Состязаніе происходило послѣ съемокъ, мѣсяца за два до производства насъ въ офицеры.

День выдался очень жаркій и когда послѣ всей ѣзды снова построились, послѣдовала команда: «огладить лошадей!», «оправиться!», всѣ почувствовали облегченіе и могли размять ноги, вытереть потное лицо и въ особенности глаза, которые слезились отъ попавшаго въ нихъ соленого пота, а также оправить свои гимнастерки, промокшія отъ жары. У всѣхъ чувствовалась нѣкоторая усталость отъ напряженной ѣзды. Въ построенной шеренгѣ была тишина и только лошади, которыя у многихъ тоже вспотѣли, пофыркивали и трясли головой, нарушая тишину. Намъ всѣмъ было видно, какъ шелъ подсчетъ балловъ и ген. Миллеръ, въ имѣющемъ у него въ рукахъ списокъ, выводилъ средній баллъ каждого. Видно было, какъ всѣ члены комиссіи порвали на мелкіе кусочки свои записки, но продолжали еще оживленно совѣщаться. Словъ не было слышно, ихъ относилъ вѣтерокъ въ обратную отъ насъ сторону. Наконецъ, отдѣлившійся отъ группы офицеровъ шт. ротм. Зякинъ подошелъ къ намъ и, скомандовавъ «смирно!», приказалъ выѣхать изъ строя Матковскому и мнѣ, а остальнымъ спѣшиться и отдать своихъ лошадей подбѣжавшимъ вѣстовымъ, а самимъ строиться въ сторонѣ. Насъ двое остались верхомъ. Подошедшій ген. Миллеръ приказалъ намъ помѣняться лошадыми, что мы и исполнили, предварительно подогнавъ стремяна, и когда мы снова сѣли на лошадей, послѣдовала команда «справа по одному на двѣ лошади дистанціи рысью маршъ!» Снова короткая манежная ѣзда на лошадыхъ, намъ уже не извѣстныхъ. Для насъ двоихъ ѣзда эта была труднѣй, чѣмъ первая, но продолжалась она не больше 10 минутъ. Было приказано спѣшиться и огладить лошадей, а комиссія снова отошла въ сторону на совѣщаніе. Какъ потомъ выяснилось, подсчетъ балловъ при повторной ѣздѣ далъ снова ихъ равенство. Въ это время къ генералу подошелъ Бѣлявскій, вахмистръ эскадрона вѣстовыхъ, которому генераль отдалъ

какое-то приказаніе, и одинъ изъ вѣстовыхъ побѣжалъ въ конюшню, оттуда черезъ 10 минутъ вывели двухъ посѣдланныхъ лошадей. Въ одной изъ нихъ я сразу же узналъ коня «Аллюра», самаго трясака во всемъ эскадронѣ, да еще и дурноѣзжаго, другого я не зналъ, но былъ онъ, очевидно, не лучше «Аллюра». Намъ было приказано на этихъ лошадей сѣсть и мнѣ достался «Аллюръ». Послѣ продолжительной и напряженной ѣзды можно себѣ представить ѣзду, правда, непродолжительную, на такихъ лошадяхъ. Наконецъ наши мученія окончились и вѣстовымъ было приказано увести лошадей, а комиссія снова отошла въ сторону. Эта послѣдняя ѣзда насъ съ Матковскимъ окончательно доканала. Наконецъ все члены комиссіи подошли къ намъ и генераль обратился къ намъ двоимъ приблизительно со слѣдующими словами: «Комиссія затрудняется опредѣлить, кто изъ васъ лучше», и отъ себя добавилъ: «оба вы — отличные ѣздоки». Такая похвала изъ устъ бывшаго «земного бога», бывшаго лихого офицера л. гв. Гусарскаго Его Величества полка, спортсмена и старшаго офицера въ эскадронѣ, которымъ командовалъ будущій Императоръ Николай II, была для насъ наилучшей наградой. «Пусть сама судьба рѣшитъ, кто изъ васъ будетъ первымъ, а кто вторымъ», — и онъ протянулъ намъ зажатые въ рукѣ двѣ спички, добавивъ, что спичка съ головкой означаетъ первое мѣсто, безъ головки — второе. Мы одновременно потянули спички и Матковскому посчастливилось: онъ вытянулъ съ головкой. Послѣ этого къ намъ были вызваны Орловъ и Вольскій. Такъ закончилась призовая ѣзда и на доскѣ въ манежѣ были начертаны фамиліи: Матковскій, Рубецъ, Орловъ, Вольскій.

Наша третья смѣна ликовала, такъ какъ трое изъ ея состава, какъ лучшіе ѣздоки, занесены на доску. Дѣйствительно, наша третья смѣна была выше всякихъ похвалъ: мало того, что при приѣздѣ разнаго высшаго начальства третья смѣна всегда вызывалась для показа смѣнной ѣзды, трое изъ нея были записаны на доску: Рубецъ получилъ первый призъ за рубку, Заринъ — за фехтованіе, а Гурскій — за вольтижировку. Въ составѣ смѣны было 18 юнкеровъ, въ ней былъ вахмистръ, два взводныхъ и 7 младшихъ портупей-юнкеровъ, включая въ ихъ число и штандартнаго, а при производствѣ въ офицеры 11 вышли въ гвардію.

У меня сохранился списокъ всей смѣны, который и сообщаю:

Вахм. Вольскій, л. гв. Конно-Гренадерскаго полка.
Взв. порт. ю. 3 взвода Тарасовъ, л. гв. Конно-Гренадерскаго полка.
Взв. порт. ю. 4 взвода Орловъ, л. гв. Гусарскаго Его Величества полка.
Порт. ю. Боковъ, 2 л. гус. Павлоградскаго Императора Александра III полка.
Порт. ю. Гурскій, л. гв. Уланскаго Ея Величества полка.

- Порт. ю. Заринъ, 1 л. др. Московскаго Императора Петра Велика-
го полка.
- Порт. ю. Картаци — л. гв. Конно-Гренадерскаго полка.
- Порт. ю. Казаровъ — Королевской Конной Гвардіи Болгаріи.
- Порт. ю. Рубецъ, л. гв. Кирасирскаго Ея Величества полка.
- Порт. ю. Ханъ Нахичеванскій, л. гв. Уланскаго Его Величества
полка.
- Юнк. Кн. Бектабеговъ, 17 драг. Нижегородскаго Его Величества
полка.
- Юнк. фонъ Дервизъ, 13 гус. Нарвскаго съ прикомандированіемъ
л. гв. къ Гродненскому гусарскому полку.
- Юнк. Клейнъ, 17 гус. Черниговскаго полка.
- Юнк. Коваленко, л. гв. Кирасирскаго Его Величества полка.
- Юнк. Костинъ, 7 гус. Бѣлорусскаго полка.
- Юнк. Снѣгиревъ, 1 гус. Сумскаго полка.
- Юнк. Стельницкій, 6 ул. Волынскаго п. съ переводомъ въ 20 др.
Финляндскій.
- Юнк. Требертъ, 13 др. Военнаго Ордена, съ прикомандированіемъ
л. гв. къ Конно-Гренадерскому полку.

Прошло болѣе полувѣка со дня производства насъ въ офице-
ры и изъ всей смѣны къ 1966 году здравствуютъ только Дервизъ*
и Рубецъ.

Бывш. порт. юнкеръ РУБЕЦЪ, выпуска 1911 года.

* Скончался въ декабрѣ 1966 года. Прим. ред.

СПОРТЪ ВЪ ШКОЛѢ.

Спортивная жизнь Школы передъ войной стояла на должной высотѣ, особенно, когда пор. Эймелеусъ организоваль спортивное общество «Заря» и велъ подготовку юнкеровъ по вечерамъ въ манежѣ.

Зачастую юнкерамъ удавалось успѣшно конкурировать съ другими военно-учебными заведеніями. Вотъ что пишетъ по поводу строевой подготовки и спортивныхъ состязаній полк. И. Ф. Рубецъ, выпуска 1911 года.

«Читаю программу коннаго праздника Школы въ 1911 году* и мысленно переносусь въ красивую и молодую жизнь въ Славной Школѣ. Встаютъ передо мной всѣ подробности этого праздника, въ особенности бой на эскадронахъ въ конномъ строю. Я былъ старшимъ въ группѣ съ бѣлыми султанами и остался одинъ противъ двухъ, но благодаря ловкости моего коня «Бура» мне удалось у нихъ сбить ихъ султаны и оказаться побѣдителемъ, заслуживъ аплодисменты. Не хвастаясь могу сказать, что въ то время по спорту я былъ однимъ изъ лучшихъ въ Школѣ.

Кромѣ моего всегдашняго участія во всѣхъ состязаніяхъ въ Школѣ, я два раза попадалъ въ команду отъ Школы на состязанія между всѣми училищами въ Петербургѣ. По рубкѣ мы всегда забирали первый призъ. Какъ ни странно, на этихъ состязаніяхъ бой на ружьяхъ былъ въ обоихъ случаяхъ выигранъ Школой; по рубкѣ самыми опасными конкурентами, къ нашему удивленію, были Павлоны и Гардемарины. Однако, благодаря тому, что моей смѣны порт. юнкеръ Боковъ побѣдилъ при фехтованіи на винтовкахъ гардемарина и павлона, а на послѣднихъ ударахъ при рубкѣ Голубинцевъ, Терскій казакъ, и я вырвали побѣду у нихъ и намъ удалось стать на первое мѣсто. Какъ сейчасъ помню всѣ детали этого состязанія и тѣ наши волненія, которыя мы переживали, такъ какъ наши противники въ сравненіи съ нами были великанами. Въ особенности красивъ былъ финалъ небольшого роста Бокова съ великаномъ гардемариномъ, да и при рубкѣ противники наши были не только по росту, но и по силѣ выше и сильнѣе Голубинцева и меня. Но нужно было поддержать славу Школы и наши послѣдніе удары по глиня въ шинельныхъ

* См. Программу коннаго праздника 1911 года. Прим. ред.

чехлахъ превзошли даже наши ожиданія. Такъ, на примѣръ, мой вертикальный ударъ не только начисто разрубилъ глину, но казалось, что я отъ волненія вообще промахнулся, и только когда стоявшій у стойки солдатъ обѣими руками бережно отдѣлилъ отрубленную часть, то я увидѣлъ, что вмѣстѣ съ глиной разрубилъ и приставшую къ глинѣ половину доски, на которой глина стояла. Разумѣется, этому помогло то, что слои дерева были вдоль, а не поперекъ удара.

Вспоминается также и гимнастика въ Высочайшемъ присутствіи всѣхъ училищъ Россійской Имперіи, по 25 человекъ отъ cadaго . . .»

ПРОГРАММА

Коннаго праздника Николаевского Кавалерійскаго Училища въ Михайловскомъ манежѣ въ С. Петербургѣ 11 марта 1911 года въ пользу фондовъ: Общества взаимопомощи бывшимъ воспитанникамъ Николаевского Кавалерійскаго Училища и на сооруженіе при Училищѣ памятника М. Ю. Лермонтову.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

1) Смѣнная ѣзда юнкеровъ эскадрона.

Вахмистръ Больскій, юн. Рубецъ, юн. Каменскій, п. ю. Тарасовъ II, юн. Розановъ, ю. Бунаковъ, ю. Юрловъ, п. ю. Гурскій, ю. Михайловъ, ю. Муфтизаде, ю. Матковскій, ю. Хакольскій, ю. Стельницкій, ю. Марковъ, ю. ханъ Нахичеванскій I, ю. Казаровъ, ю. Тарасовъ I, ю. Гросманъ, п. ю. Орловъ и п. ю. Боковъ.

2) Лисизка.

Юнкера эскадрона: п. ю. Тарасовъ II, юнкера Муфтизаде и Михайловъ. Юнкера сотни: Голубинскій, Борисовъ и Шелаумовъ.

3) Ёзда съ дамами.

Г-жа Верстратъ.

Ротм. Бертрень.

Г-жа Комаровская.

Шт. ротм. Лермонтовъ.

Г-жа Змиградская.

Пор. Прибыловичъ.

Г-жа Лямина.

Шт. ротм. Готовскій.

Г-жа Кириштенъ.

Шт. ротм. Штенгеръ.

Г-жа Кириштенъ.

Пор. Пуговичниковъ.

Г-жа Голеевская.
Шт. ротм. Наврузовъ.

Г-жа Геништа.
Шт. ротм. Словицкій.

Г-жа Кокушкина.
Пор. Соколовскій.

Баронесса Розень.
Пор. кн. Эристовъ.

Г-жа Штоль.
Шт. ротм. баронъ Розень.

Г-жа Лямина.
Пор. Середницкій.

4) *Вольтижировка.*

Юнкера эскадрона: вахмистръ Вольскій, юнкера: Тарасовъ I, Хакольскій, Розановъ, Каменскій, ханъ Нахичеванскій II, Муфтизаде, Снѣжковъ, Бунаковъ, Матковскій, Михайловъ, Тарасовъ II, Рубецъ, Боковъ, Казаровъ, кн. Кочакидзе, Кузнецовъ, Можаровскій, Яковенко, Тумаевъ, Боуфаль, Кобылинъ, Алексѣевъ и кн. Оболенскій.

Юнкера сотни: юнкера: Борисовъ, Голубинскій, Ивановъ, Мачневъ, Шелаумовъ, Талалаевъ, Рычка, Андріановъ, Захаровъ, Кадошниковъ, Казановъ, Косовъ, Мохлинъ, Севастьяновъ, Титусъ, Сеоевъ, Безладновъ, Зиминъ, Угрюмовъ, Емельяновъ, Тирбахъ, Шестаковъ, Торбинъ, Полковниковъ.

5) *Смѣнная пѣзда 22. офицеровъ постоянного состава Офицерской Кавалерійской Школы:*

Ген. м. Химецъ — рыж. коб. «Единица» зав. бар. Медемъ.
Ген. м. князь Багратіонъ — бур. конь «Ералашъ» зав. Буднаго.
Полк. Божеряновъ — бур. конь «Жанна-Д'Аркъ» з. Старновскаго.
Ротм. Энгельгардъ — рыж. конь «Катонъ» зав. Пѣховскаго.
Ротм. Бертрень — рыж. коб. «Еловая», зав. Олендскаго.
Полк. Саксъ — св. гн. коб. «Житница» зав. Матчинскаго.
Ротм. Рѣзниковъ — гн. коб. «Жоржета» зав. Олендскаго.
Шт. ротм. Далматовъ — тем. гн. конь «Триумфъ» зав. Ф. Дервизъ.
Рот. Мясоѣдовъ — т. гн. конь «Диогенъ» з. Пилларъ ф. Пильхау.
Рот. Кузнецовъ — кар. коб. «Аллебарда» зав. Ципринскаго.
Шт. ротм. Пилкинъ — кар. коб. «Елетка» зав. Пяцинскаго.
Полк. Павлицевъ — т. гн. конь «Деспотъ» зав. Пяцинскаго.
Полк. Мерчуле — гн. конь «Аббатъ» зав. Фальць-Фейна.
Полк. Васильевъ — гн. конь «Гаремъ» зав. Ельскаго.
Ротм. Губинъ — гн. конь «Доръ» зав. кн. Кочубей.

Антрактъ 20 минутъ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

6) *Сокольская гимнастика.*

а) Вольныя движенія.

б) Упражненія на снарядахъ — исполняютъ юнкера старшаго курса.

Юнкера эскадрона: вахмистръ Вольскій, п. ю. Бурскій, Тарасовъ II, Боковъ, ю. Тарасовъ I, Каменскій, Хакольскій, Гросманъ, Розановъ, Бунаковъ, Кисловскій, Муфтизаде, Мустафинъ, Хомутовъ, Михайловъ, Матковскій, Рубецъ, Казаровъ, Стельницкій, Картаци, ханъ Нахичеванскій I, ханъ Нахичеванскій II, Заринъ, Снѣжковъ, Жеребятъевъ.

Юнкера сотни: Борисовъ, Голубинскій, Акуловъ, Зекрачъ, Кадошниковъ, Торбинъ, Сеоевъ, Бычковъ, Догадинъ, Севастьяновъ, Зиминъ, Угрюмовъ, Станицкій, Давыдовъ, Чеботаревъ, Новокрещеновъ, Мохлинъ, Титусъ, Казановъ, Жировъ, Талалаевъ, Шелумовъ, Болдыревъ, Гуревнинъ, Мачневъ, Андреевъ, Извоицковъ.

7) *Бзда нижнихъ чиновъ въ историческихъ формахъ.*

Кавалергардскаго Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны полка:

1. Эпохи Императора Павла I.
2. „ Императора Александра I.
3. Современная Императора Николая II.

Лейбъ-Гвардіи Кирасирскаго Его Величества полка:

4. Князя Григорія Волконскаго Драг. полка 1702 г.
5. Кирасирскаго Наслѣдника полка 1778—1796 гг.
- 6 и 7. Л.-Гв. Кирасирскаго Его Величества п. 1854—57 гг.

Лейбъ-Гвардіи Конно-Гренадерскаго полка:

8. Рядовой Л.-Гв. Драгунскаго полка 1809 г.
9. Рядовой Л.-Гв. Драгунскаго полка 1829 г.
10. Барабанщикъ Конно-Гренадерскаго полка 1832 г.
11. Рядовой Конно-Гренадерскаго полка 1872 г.

Лейбъ-Гвардіи Драгунскаго полка:

- Эпохи царствованія Императора Александра I.
12. Рядовой Л.-Гв. Конно-Егерскаго полка.
 13. Трубачъ Л.-Гв. Конно-Егерскаго полка.
 14. Эпохи Императора Николая I.
 15. „ Императора Александра II.

Лейбъ-Гвардіи Казачьяго Его Величества полка:

16. Эпохи Императрицы Екатерины II.

- Придворная Донская Лейбъ-Казачья Конв. Команда.
17. Эпохи Императора Павла I.
Лейбъ-Гвардіи Гусарскій Казачій полкъ.
Казачій Его Величества эскадронъ.
 18. Эпохи Императора Александра I.
Лейбъ-Гвардіи Казачій полкъ.
 19. Эпохи Императора Александра II.
Лейбъ-Гвардіи Казачій Его Величества полкъ.
 20. Современная Императора Николая II.
Лейбъ-Гвардіи Казачій Его Величества полкъ.
Его Величества сотня.

Лейбъ-Гвардіи Атаманскій Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича полкъ :

21. Эпохи Императрицы Екатерины II.
22. „ Императора Павла I.
23. „ Императора Александра I.
24. „ Императора Николая I.
25. Трубачъ эпохи Императора Николая I.
26. Эпохи Императора Александра II.
27. „ Императора Александра III.
28. Современная Императора Николая II.

Лейбъ-Гвардіи Сводный Казачій полкъ.

29. Лейбъ-Гвардіи Уральская Его Величества сотня.
30. Эпохи Императора Павла I, 1798—1802 гг.
31. „ Императора Александра I, 1802—1826 гг.
32. „ Императора Николая I, 1836—1845 гг.
33. „ Императора Николая I, 1845—1855 гг.
34. „ Императора Александра II, 1855—1867 гг.
35. „ Императора Александра II, 1867—1881 гг.

8) *Конный бой на эскадронахъ.*

Юнкера эскадрона: Вахмистръ Вольскій, ю. Хакольскій, Бунаковъ, ханъ Нахичеванскій I, Тарасовъ I, Матковскій, Рубецъ и Казаровъ.

Юнкера сотни:

1-й заѣздъ эскадроны:

Зиминъ.	Авдѣевъ.
Гетмановъ.	Андреевъ.
Торбинъ.	Андріановъ.
Сеолевъ.	Талалаевъ.

2-й заѣздъ

3-й заѣздъ:

Эскадроны:

Пики:

Эскадроны:

Пики:

Хрещатицкій.

Авдѣевъ. Болдыревъ.

Чеботаревъ.

Гуревнинъ.

9) *Джигитовка.*

Юнкера сотни: Вахмистръ Кофановъ, Извоицковъ, Зекрачъ, Костинъ, Лифановъ, Соляникъ-Красса, Плотниковъ, Савостьяновъ, Раздеришинъ, Чеботаревъ, Шундѣевъ, Мякутинъ, Вдовенко, Болдыревъ, Тарасовъ, Шамшевъ, Карповъ, Ушаковъ, Федосѣевъ, Жировъ, Лебедевъ, Ивановъ I, Леуховъ, Рогожинъ, Рычка, Андриановъ, Лесевицкій, Авиловъ, Борисовъ, Талалаевъ, Чеботаревъ I, Косовъ I, Косовъ II, Казаровъ, кн. Мисостовъ, Кременцовъ, Лиманскій, Голубинскій, Петрушевскій, Шелаумовъ, Петровъ I, Завьяловъ, Мачневъ, Акуловъ, Авдѣевъ, Титусъ, Сеоевъ, Чурѣевъ, Солнцевъ, Гуревнинъ, Зиминъ I, Догадинъ, Кадошниковъ, Гетмановъ, Бычковъ, Хрещатицкій, Казановъ, Мохлинъ, Торбинъ, Мелянинъ, Иноземцевъ, Крыловъ, Григорьевъ, Ливинцевъ, Табаевъ, Колосковъ, Андреевъ, Угрюмовъ, Ивановъ II, Хохлачевъ, Безладновъ, Чиковъ, Гурьевъ, Дьяковъ, Косякинъ, Каринъ, Лебедевъ II, Климовскій, Куликъ, Давыдовъ, Полковниковъ, Колесниковъ, Марченко II, Ларионовъ, Хлѣбниковъ I, Пахомовъ, Тирбахъ, Зиминъ II, Федоровъ, Емельяновъ, Зарѣцкій, Новокрещеновъ, Паначевный, Васильевъ I, Васильевъ II, Нагаецъ, Слесаревъ, Овчинниковъ, Фроловъ, Станицкій, Ежовъ и Лавровъ.

Трубачи Лейбъ-Гвардіи Коннаго полка, Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго Ея Величества полка и Офицерской Кавалерійской Школы.

Начало въ 8^{1/2} час. вечера.

Изъ корнетовъ Школы въ корнеты полка.

Всегда съ большимъ удовольствіемъ прочитывая всякія воспоминанія о пребываніи въ военныхъ училищахъ и о жизни въ нихъ той молодежи, переносусь мысленно и я въ свою эпоху этой жизни. Сколько интереса, сколько новизны военной службы, даже для кадета, сколько мечтаній о своемъ будущемъ, сколько перемѣнъ вносило въ эту жизнь это положеніе, — не мальчика-кадета, а уже, если не вполне самостоятельнаго, то все же военно-служащаго.

Какъ-то я прочелъ описаніе производства въ офицеры въ одномъ изъ провинціальныхъ военныхъ училищъ. Вся эта такая значительная церемонія очень отличалась отъ той, происходившей въ столицѣ, въ С. Петербургѣ. И въ нашей Памяткѣ нашей Славной Гвардейской Школы захотѣлось подѣлиться и своими воспоминаніями объ этихъ событіяхъ, какъ они у насъ происходили, и изложить ихъ правдиво, какъ помню и какъ умѣю. Вѣдь прошло болѣе полувѣка отъ этого событія, такого всеми нами желаннаго, такого ожидаемаго еще съ кадетской скамьи.

За мѣсяць-два до выпускныхъ экзаменовъ отъ насъ, кадетъ, потребовали представить записки съ указаніемъ трехъ военныхъ училищъ, въ которыя кадетъ хотѣлъ бы поступить. Этимъ были положены начала серьезныхъ рѣшеній о своемъ будущемъ; кончались мальчишескія фантазіи и увлеченія. Каждому кадету надлежало подвести итогъ своимъ возможностямъ и опредѣлить свой родъ войскъ. Быть можетъ, не всегда это совпадало съ внутреннимъ стремленіемъ каждаго, но рѣшеніе это, серьезно подумавъ, надо было вынести. Почти какъ правило, лучшіе по наукамъ записывались въ артиллерійскія и инженерное училища, затѣмъ шла пѣхота. Кавалерія же — не подлежала никакимъ правиламъ. Въ нашемъ Суворовскомъ кадетскомъ корпусѣ, несмотря на его «молодость», — всего только девять выпусковъ до войны, — два вице-фельдфебеля вышли въ кавалерію, въ Николаевское Училище. Одинъ изъ нихъ, Крейтеръ, окончилъ Училище вахмистромъ. Въ теченіе лѣта мы получили изъ корпуса сообщеніе и предписаніе, въ какое училище, какимъ порядкомъ и когда явиться. Обычно въ училищахъ занятія начинались 1 сентября.

Съ первыхъ дней пребыванія въ Училищѣ на младшемъ курсѣ, мы, «сугубые звѣри», настолько были заняты нашей внутренней училищной жизнью, новой для насъ учебной программой, тра-

Лѣто 1912 года въ лагеряхъ.

Смѣна вольтижировки подъ руководствомъ шт. ротм. Льва Панаева въ присутствіи его брата Гурія изъ переменнаго состава Офицерской Кавалерійской Школы. Сидятъ въ центрѣ слѣва направо: Гурій и Левъ Панаевы.

Юнкеръ Венгловскій въ парадной формѣ (выш. 1912 г.).

диціями, цукомъ и просто новизной положенія, что вопросъ о выборѣ полка былъ еще въ туманѣ и только къ концу перваго года и отчасти подѣ влияніемъ происходившихъ на нашихъ глазахъ приготовленій старшаго курса къ своему производству, — мы начинали задумываться надъ этимъ вопросомъ. Съ переходомъ на старшій курсъ, такъ какъ мы становились «корнетами Школы», то надо было для молодежи выбрать себѣ какой-либо полкъ, въ которомъ этотъ «корнетъ» состоитъ. Обычно въ этомъ случаѣ назначался такой полкъ, въ который данный «корнетъ» въ дѣйствительности и не собирался выходить.

Группа выпуска 1913 года.

Слѣва направо лежать: ю. Дороховъ и Дриневиць,
сидятъ — п. ю. Чеважевскій и ю. Вильчевскій,
стоятъ — ю. Пожидаевъ и п. ю. баронъ Бломбергъ.

Приблизительно въ концѣ зимы отъ юнкеровъ старшаго курса, такъ же какъ и въ корпусѣ, потребовали указать три полка, желательныхъ для производства. Служило это повидимому для цѣлей распредѣленія имѣющихся офицерскихъ вакансій въ полкахъ. Выборъ полка для многихъ оказывался вопросомъ не совсемъ легкимъ, кромѣ тѣхъ, кто, по семейнымъ или по какимъ-либо другимъ обстоятельствамъ, сдѣлали этотъ выборъ уже давно и точно знали, въ какой полкъ они будутъ кандидатами. Желаящіе выйти въ гвардейскіе полки обычно во время пасхальныхъ каникулъ являлись въ соотвѣтствующіе полки и представлялись обществу офицеровъ, а затѣмъ, по полученіи благопріятнаго для нихъ отвѣта отъ полкового адъютанта, уже не скрывали того полка, куда они ожидаютъ быть произведенными. Въ этихъ случаяхъ вакансія уже не играла роли. Она всегда имѣлась и только

отъ успѣховъ юнкера зависѣло прямое производство въ полкъ, или путемъ прикомандированія къ нему, выйдя въ одинъ изъ армейскихъ полковъ. Въ этомъ случаѣ данный юнкеръ бралъ вакансію изъ числа остававшихся неразобранными, послѣ всѣхъ. Выходящіе въ полкъ по семейнымъ или другимъ важнымъ основаніямъ, уже получали нерушимое право на этотъ полкъ и никто, даже изъ имѣющихъ право раньше выбрать вакансію, не осмѣливался перебивать это право. И, наконецъ, третья категорія, — это тѣ, которые не были связаны ни съ однимъ изъ полковъ и руководствовались только: мѣстомъ стоянки, боевымъ прошлымъ полка, обществомъ офицеровъ, жизнью полка и, наконецъ, формой одежды. Послѣднее имѣло иногда и немаловажное значеніе, такъ какъ отказывали себѣ въ другомъ, на примѣръ въ лучшей стоянкѣ. Носимая форма для молодого человѣка имѣетъ, конечно, свое важное значеніе, и понятное. Но въ вопросѣ этомъ мы всегда имѣли въ виду главнымъ образомъ парадную форму, совершенно забывая и не задумываясь надъ тѣмъ, что ее-то, благодаря трущобнымъ стоянкамъ кавалерійскихъ полковъ вообще, мы надѣнемъ три-четыре раза въ годъ, а остальное время будемъ ходить въ защитныхъ походныхъ мундирахъ и изрѣдка въ виць-мундирахъ.

Приблизительно въ началѣ іюня мѣсяца изъ Главнаго Штаба приходили списки вакансій, предназначавшихся для даннаго выпуска.

Вахмистры эскадрона и сотни получали копии этихъ списковъ и собирали своихъ выпускныхъ юнкеровъ для предварительной разборки, дабы при окончательной разборкѣ не было никакихъ недоразумѣній и неожиданностей. Эта процедура происходила вполне мирно, въ духѣ истиннаго товарищества, уступая иногда другъ другу желаемыя вакансіи. Была радость удовлетворенной мечты, но и разочарованіе порой, въ несбывшейся надеждѣ за отсутствіемъ желательной вакансіи. Разборка эта имѣла уже почти окончательный характеръ. Никакихъ измѣненій уже не предвидѣлось, все было предусмотрено, каждому давалось время подумать; точно выяснялись занятія и къ мѣсту вакансіи и число остающихся неразобранными. По окончаніи этой предварительной разборки списки представлялись командирамъ эскадрона и сотни.

И вотъ настаетъ и день окончательной, официальной разборки вакансій, окончательнаго рѣшенія своей судьбы. Хотя уже, казалось бы, и знали мы куда кто выходитъ, а все же сердце тревожно сжималось. Въ пустомъ взводѣ барака разставлялся столъ, раскладывались разныя бумаги, списки по старшинству, списки вакансій и такъ далѣе. Мѣста за столомъ занимали Командиръ эскадрона и смѣнные офицеры. Передъ столомъ въ положеніи «вольно» становились юнкера. Когда всѣ приготовленія были за-

кончены, Командиръ эскадрона вызывалъ юнкеровъ по званіямъ и старшинству балловъ. Вызываемый выходилъ изъ строя и, становясь передъ столомъ, громко называлъ выбранный полкъ, полностью его титулуя. Одинъ изъ смѣнныхъ офицеровъ дѣлалъ отмѣтку въ листѣ и объявлялъ, есть ли еще и сколько вакансій въ этотъ полкъ. На нашъ одинъ эскадронъ давалось, конечно, меньше вакансій, чѣмъ, напримѣръ, на Елисаветградское кав. училище. Вызванъ, наконецъ, послѣдній юнкеръ и разборка вакансій закончилась. Командиръ эскадрона громко прочелъ результаты разборки. Итакъ, свершилось — судьба, гдѣ и въ какомъ полку нести службу Государю и Отечеству, — рѣшилась.

Съ этого дня начались наши хлопоты по заказу обмундированія, сапогъ, фуражекъ, парадныхъ шапокъ и касокъ, офицерской амуниціи, сѣделъ, бѣлья и такъ далѣе. Работали портные — Капланъ, Игнатовскій, Климовъ, шапочникъ Херкусъ и знаменитый Пляцкій, сапожники Мѣщаниновъ, Шмелевъ, Макаровъ — всѣхъ и не вспомнишь. Офицерскія вещи покупались въ Гвардейскомъ Экономическомъ Обществѣ, въ 1-ой Артели офицерскихъ вещей и въ старинномъ магазинѣ на Мойкѣ, не помню фамиліи владѣльца. Сѣдла, строевыя и англійскія — въ Гвардейскомъ Экономическомъ Обществѣ и у знаменитаго Вальтера и Коха, шпоры — у не менѣе извѣстнаго Савельева. Каждый день къ вечеру съѣзжались въ лагерь всѣ многочисленные наши поставщики и раскладывали по столамъ всѣ свои издѣлія. «Господа офицеры» толпились здѣсь, примѣряя то то, то другое.

Началось дежурство полковъ. Оно заключалось въ томъ, что на стѣнѣ вывѣшивалась картонка, на которой объявлялось, что такого-то числа такого-то года назначается дежурнымъ такой-то полкъ. По номеру и роду полка узнавалось, сколько дней осталось до 6 августа — дня производства. Счетъ велся, считая съ конца по дивизіямъ, такимъ образомъ, чтобы 5 августа дежурнымъ былъ 1-ый лейбъ-драгунскій Московскій полкъ.

На стѣнахъ баракровъ появлялись исполненныя въ краскахъ полковыхъ цвѣтовъ надписи: «Такого-то полка корнетъ такой-то». Бревенчатыя стѣны нашихъ взводовъ всѣ были въ этихъ надписяхъ. По вечерамъ, послѣ зари, корнетство уже щеголяло въ офицерскихъ фуражкахъ. Корнетскія звѣздочки все ярче разгорались на горизонтѣ. Послѣ занятій «корнетство» принарядившись, при шашкахъ, отправлялось въ лагерь Офицерской Кавалерійской Школы представляться по случаю выхода въ полкъ находящимся въ прикомандированіи офицерамъ своихъ полковъ. Разумѣется, пріемъ оказывался самый сердечный и иногда затягивался до довольно поздняго времени.

Въ одинъ изъ вечеровъ, передъ послѣдними, большими маневрами, назначалась «корнетская заря». Заключалась она въ слѣ-

дующемъ. Приглашался хоръ трубачей Офицерской Кав. Школы, лагерь Школы былъ рядомъ съ Училищемъ, и трубачи занимали садикъ между бараконъ 1 взвода и Михайловскимъ артиллерійскимъ училищемъ. Сюда сходилось все «корнетство» въ своихъ офицерскихъ фуражкахъ. Молодежь почтительно становилась въ сторонкѣ. Капельмейстеру выдавался списокъ по очереди всѣхъ полковъ, куда есть вышедшіе. Первыми раздавались звуки марша Кавалергардскаго полка и такъ продолжалось до послѣдняго. «Корнетъ» этого полка выходилъ впередъ и становился передъ трубачами. Всѣ брали «подъ козырекъ». Полностью исполнялся полковой маршъ. Корнетъ благодарилъ трубачей и въ ящичекъ около капельмейстера опускалась соответствующая бумажка или монета. Какъ правило не давалось меньше 5 рублей.

Юнкера старшаго курса 1 взвода, 1913 г.

Слѣва направо, верхній рядъ: Кузьминъ-Караваевъ, Рейхардъ, ротм. Назимовъ, Жуковскій, Доленга-Ковалевскій, Дубенскій. Нижній рядъ: Окуневъ, Дороховъ, фонъ Викъ.

Близился необычайный и единственный во всей жизни день, — день производства въ офицеры лично самимъ Государемъ Императоромъ. Неповторяемый день!

Къ концу іюля заканчивались Большіе маневры въ присутствіи Государя. Полки и училища возвращались на свои лагерныя стоянки. Затѣмъ слѣдовалъ Высочайшій объѣздъ лагеря. Начинаясь онъ отъ Краснаго Села съ праваго фланга вдоль передней линейки Авангарднаго лагеря и заканчивался на передней линейкѣ Большаго лагеря. Училища и войска были выстроены передъ своими расположеніями. Государь слѣдовалъ сопут-

ствуемый колоссальнѣйшей свитой и съ многочисленными иностранными офицерами, всѣ верхомъ. Обѣздъ заканчивался торжественной «Зарей съ церемоніей» на полѣ противъ Большого лагеря, гдѣ стояла гвардейская пѣхота. Съ заходомъ солнца раздавались раскаты артиллерійскихъ залповъ, бой барабановъ, звуки трубъ. Играли молитву. Фельдфебель роты Его Величества л. гв. Преображенскаго полка читалъ «Отче нашъ», затѣмъ всѣ войска хоромъ пѣли ту же молитву и «Спаси Господи». Кончалась заря отбоемъ всѣхъ оркестровъ и гимномъ.

На другой день на Военномъ Полѣ происходилъ Высочайшій смотръ войскамъ всего лагернаго сбора. Зрѣлище было грандіозное, но жаль, что не въ парадной формѣ, а въ походной. Послѣ смотра младшій курсъ, то есть теперешній старшій, увольнялся въ отпускъ до 1 сентября.

Еще день-другой и, наконецъ, торжественный, единственный, незабываемый день 6 августа 1913 года приблизился. Послѣднее дежурство — 1 л. др. Московскій полкъ — сошло со стѣны.

Шестого августа, рано, чуть свѣтъ, поднялось «корнетство». Всю ночь не спалось, въ груди горѣло, сердце трепетало: завтра... Завтра, по волѣ Императора исполнятся всѣ долголѣтнія мечтания кадета, юнкера. Завтра начинается новая, самостоятельная, отвѣтственная жизнь, новыя права, но и новыя обязанности, настоящая служба Императору и Родинѣ. Начинался день . . . , залитый солнцемъ счастья, надежды и вѣры . . . Какъ этотъ день прекрасенъ! Какъ великолѣпенъ Божій міръ! Какъ прелестно то, что называется жизнью, то, во что мы вступаемъ и во что насъ вводитъ, Самъ лично, нашъ Государь!

Вскорѣ послѣ утренняго завтрака сводный эскадронъ изъ выпускныхъ эскадрона и сотни, въ гимнастеркахъ, при шашкахъ, выступилъ къ мѣсту своего назначенія. Въ этотъ день, 6 августа, день праздника Преображенія Господня, праздновалъ свой полковой праздникъ л. гв. Преображенскій полкъ. Къ концу церковной службы всѣ выпускные всѣхъ училищъ должны были быть построены на полѣ передъ Большимъ лагеремъ вблизи церкви Преображенскаго полка. По прибытіи туда мы заняли свое мѣсто лѣвѣе артиллеріи. На самомъ лѣвомъ флангѣ выстроились вольноопредѣляющіеся всѣхъ родовъ войскъ, выдержавшіе офицерскій экзаменъ при военныхъ училищахъ. На передней линейкѣ Преображенскаго полка происходило молебствіе, затѣмъ парадъ въ присутствіи Государя. Съ нашего мѣста все это было хорошо видно.

Наконецъ настаетъ долгожданный моментъ. Парадъ оконченъ, роты Преображенцевъ расходятся по своимъ палаткамъ, а отъ передней линейки направляется къ намъ группа — Государь со Своей свитой. Онъ въ лѣтней парадной формѣ л. гв. Преобра-

женскаго полка. Выйдя на середину построенаго «покоемъ» фронта выпускныхъ юнкеровъ, здоровается съ нами. Раздается громкій, дружный отвѣтъ. Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ впередъ, разгладивъ по Своей привычкѣ усы, Государь начинаетъ говорить. Несмотря на обширный строй, во всѣхъ концахъ его слышно каждое Государево слово, со свойственной Ему дикціей и ясностью.

Прошло больше полвѣка отъ этого великаго для насъ событія, но такъ ясно видишь мысленнымъ своимъ взоромъ всю эту картину, такъ ясно звучитъ въ ушахъ голосъ Государя. Увы, время взяло свое и не всѣ слова помнятся.

«Сегодня знаменательный для васъ въ жизни день... Сегодня вы производитесь въ офицеры великой Русской Арміи... Любите солдата... Служите честно... Будьте вѣрны своему Государю и Отечеству...»

Государь дѣлаетъ еще два-три шага впередъ и громко раздается: «Поздравляю васъ, господа, съ производствомъ въ офицеры». Громко отвѣчаемъ: «Покорнѣйше благодаримъ, Ваше Императорское Величество!» и откуда-то изъ глубинъ сердца и молодой души вырывается «ура» и широко разливается по всему полю...

Юнк. Доленга-Ковалевскій, 1913 г.

(кобыла «Динная»)

Юнкерь баронъ Палень

вып. 1913 г.

Веселый, улыбающийся Государь приближается къ фронту и начинаетъ не спѣша обходить ряды, останавливаясь то около одного, то около другого юнкера, задавая вопросы, въ какую часть выходить. Внимательно оглядываетъ всѣхъ молодыхъ офицеровъ и нѣтъ, конечно, ни одного, который не былъ увѣренъ, что въ одинъ какой-то мигъ взглядъ Государя не остановился на немъ. И, конечно, это было такъ, — Государь cadaго видѣлъ, cadaго своего новаго офицера, слышалъ бiеніе сердца cadaго...

Слѣдующіе за Государемъ офицеры Главнаго Штаба раздаютъ каждому изъ насъ тетрадку съ отпечатаннымъ старинными буквами Высочайшимъ приказомъ о производствѣ, по училищамъ и поименно. Каждый стремится скорѣе развернуть эту тонкую тетрадь и увидѣть напечатаннымъ свое имя съ указаніемъ родного для него теперъ полка. Приказъ стараемся укрѣпить подъ погономъ, по традиціи, но онъ тамъ не держится...

Но вотъ обходъ оконченъ. Государь удаляется, сопровождаемый свитой. Раздаются для насъ команды для посадки на коней, команды уставныя, но только съ прибавленіемъ «господа офицеры», — и сводный эскадронъ вытягивается «справа по три» къ своему расположенію. И хотя насъ называли самымъ распущеннымъ Училищемъ, — но, кажется, мы единственная воинская часть господъ офицеровъ, идущая строемъ въ полномъ порядкѣ, съ Командиромъ эскадрона полковникомъ Ярминскимъ во главѣ. Кругомъ видны группы свободно расходящихся, идущихъ безъ строя воспитанниковъ другихъ училищъ. Выйдя на дорогу задней линейки, переходимъ въ рысь, проходимъ между Павловскимъ и Владимірскимъ училищами на переднюю линейку и подходимъ къ нашей Школѣ.

Выстраиваемся. Командиръ эскадрона поздравляетъ насъ нѣсколькими теплыми словами и приглашаетъ, переодѣвшись, прибыть въ столовую на бокалъ шампанскаго. Строго по уставу, выполнивъ всю процедуру «слѣзанія» съ коней, прощаемся съ нашими вѣрными четвероногими друзьями, послѣдній разъ ихъ угощаемъ кускомъ сахара и передаемъ поводъ подскочившимъ вѣстовымъ.

Пулей несемъ въ бараки. Тамъ все уже готово, одежда разложена. Въ моментъ переодѣваемся и идемъ въ столовую. Разливаютъ шампанское. Входитъ Начальникъ Училища. Первый бокалъ за Его Величество, второй за насъ, за нашу будущую службу. Много теплыхъ, хорошихъ словъ и пожеланій. Тутъ же и всѣ офицеры эскадрона и сотни. Всѣ пьютъ, поздравляютъ друга друга, чокаются, веселы, довольны. Солнце надежды и радости все больше и больше насъ озаряетъ. Обѣдать, конечно, никто не хочетъ, а особенно торопимся мы, имѣющіе своихъ родныхъ по петербургскимъ дачамъ.

Въ этотъ же день вечеромъ — товарищескій обѣдъ у Эрнеста, которымъ молодые офицеры эскадрона привѣтствуютъ всѣхъ своихъ бывшихъ смѣнныхъ офицеровъ и наставниковъ. Присутствуетъ также и Начальникъ Училища. Затѣмъ, всю ночь, сплошное веселье. Раздѣляемся на группы и объѣзжаемъ всѣ ночные рестораны, сады, Аквариумъ, Неметти, Луна Паркъ, Буффъ, Табаренъ и такъ далѣе, всюду полно офицерской молодежи всѣхъ родовъ войскъ.

На другой день, 7 августа, къ полудню, въ лѣтней парадной формѣ, собираемся въ Школѣ. Служится молебенъ, затѣмъ снимаемся въ общей группѣ. Затѣмъ остатокъ дня и 8 августа посвящаются расчету съ Училищемъ: получаемъ обратно свои реверсы, выдаются прогонныя деньги и жалованье за августъ мѣсяць, личныя бумаги, удостовѣренія и тому подобное. Разсчитываемся и прощаемся съ персоналомъ намъ служившимъ, — лакеями, вѣстовыми.

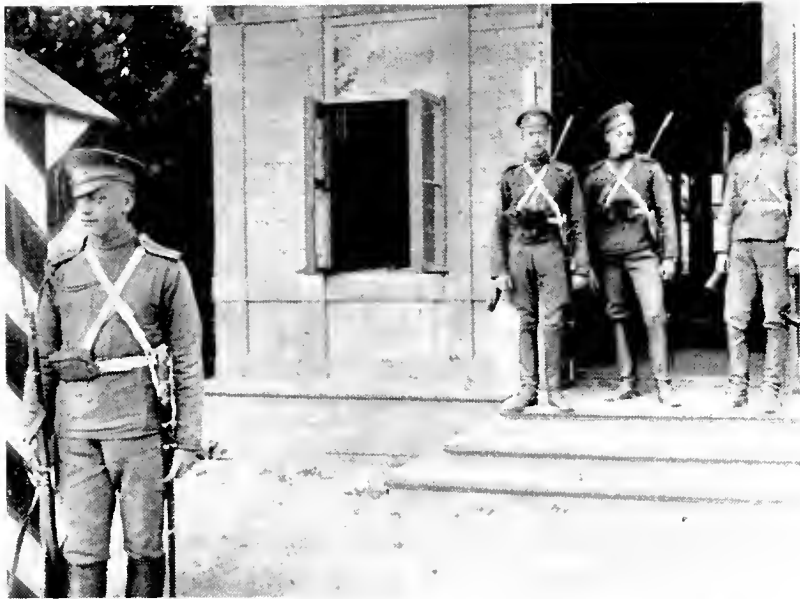
И вотъ, конецъ всему, — мы свободны на 28 дней, чтобы послѣ этого отпуска явиться по поверстному сроку въ свои полки.

Въ сердцѣ и въ памяти остается неизгладимое, яркое и красивое впечатлѣніе и чувство пережитаго дня производства Государемъ Императоромъ въ офицеры великой Россійской Императорской Арміи.

Сергѣй Дриневиць

Юнкеръ Пожидаевъ, вып. 1913 г.

Карауль въ лагерѣ. Часовой: ю. Хоружинскій. Кар.
начальникъ: п. ю. Чеважевскій. Смѣна часовыхъ:
ю. гр. Ворошовъ-Дашковъ и ю. Соболевскій.

СТРАНИЧКА БЫЛОГО.

Какъ-то, когда мы были уже на старшемъ курсѣ, поздней осенью 1914 года, въ Школу невзначай пріѣхалъ Великій Князь Константинъ Константиновичъ. Намъ было приказано построиться во взводахъ у своихъ коекъ.

Великій Князь вошелъ въ «корнетскія» двери второго взвода, повернулъ налево и пошелъ разговаривая съ юнкерами. Проходя мимо Абашидзе II, онъ спросилъ его фамилію. Спросилъ и его брата Абашидзе I. Когда тотъ ему сказалъ свою фамилію, Великій Князь спросилъ, насколько онъ старше своего брата.

«На пять минутъ, Ваши Императорское Высочество».

Оба были близнецы и даже мы ихъ съ трудомъ различали. Отвѣтъ этотъ развеселилъ Великаго Князя.

А я былъ дежурнымъ по эскадрону и моя койка была противъ послѣдней двери. Рука моя подъ козырекъ застыла, онѣмѣла, но я стиснулъ зубы и держусь.

Наконецъ Великій Князь заворачиваетъ, дойдя до конца взводнаго помѣщенія, на мою сторону. Увидя меня съ рукою подъ козырекъ, онъ быстро идетъ ко мнѣ и опускаетъ мою руку.

«Ты Перваго Московскаго?» — спрашиваетъ онъ меня и говоритъ нѣсколько ласковыхъ словъ.

Какъ Великій Князь могъ меня узнать, видѣвши меня кадетомъ и чаще всего безъ фуражки, когда я теперь имѣлъ фуражку на головѣ?

К. Розеншильдъ

Обычаи и традиціи.

*Виль стѣнъз родимой нашей Школы
Мы съ прежней гордостью поемъ
О томъ, какъ жилъ въ былые годы
Нашъ вѣчно славный Эскадронъ . . .*

Работая надъ нашей Памяткой и мысленно обращаясь къ прошлому, ко времени беззаботной и иногда легкомысленно-безшабашной юности, нельзя не вспомнить тѣ неписанные обычаи, правила, зачастую традиціи, которые строго и неукоснительно соблюдались въ эскадронѣ въ 1914 году. Этому слѣдуетъ предпо-слать то, что составъ прибывшихъ 1 августа 1914 года молодыхъ людей былъ еще мирнаго времени, то есть, это были кадеты и ученики, выбравшіе Училище еще въ мирное время, желая посвятить себя службѣ въ конницѣ въ нормальныхъ условіяхъ жизни. Не ихъ вина была, что, вмѣсто сентября, ихъ вызвали къ 1 августа, и уже черезъ четыре мѣсяца выпустили прапорщиками изъ Школы, гдѣ они хотѣли получить полное военное образованіе и приобщиться къ школьной жизни и ея традиціямъ. Еще одинъ-два такихъ выпуска, и мысли, чаянія и стремленія молодыхъ поступающихъ круто мѣняются: вмѣсто подготовки къ мирной службѣ въ опредѣленномъ «своемъ» полку, появляется въ высшей степени похвальное съ національной точки зрѣнія желаніе и стремленіе скорѣй попасть на фронтъ, принять участіе въ войнѣ, все равно, въ какомъ полку. Въ этомъ случаѣ отношеніе къ школьнымъ обычаямъ претерпѣвало измѣненіе, — все отодвигалось на второй планъ въ сравненіи съ главной цѣлью каждаго юнкера — войной. Нашей же ближайшей цѣлью была Школа, а только потомъ — полкъ.

Эти соображенія о конечной цѣли пребыванія въ Школѣ однако не дѣлали разницы въ отношеніи къ ней юнкеровъ обоихъ типовъ: всѣ они, какъ показало будущее, ею гордились, ее любили и съ благоговѣніемъ вспоминали о времени, проведенномъ въ ея стѣнахъ. Разумѣется, второй типъ юнкера не былъ всеобъемлющимъ, — ежегодно во время войны поступавшіе кадеты и добрая часть молодыхъ изъ другихъ учебныхъ заведеній являли собою впоследствии типъ офицера по призванію. Многіе же, вообще окончившіе Училище во время войны, остались бы въ полкахъ,

случайно выбранныхъ въ военное время, и послѣ войны, полюбивъ свой полкъ и войдя въ его офицерскую семью.

Внѣшній видъ эскадрона того времени совершенно соответствовалъ виду офицеровъ Гвардіи и Петербургскаго Военнаго Округа: форма одежды, хотя и собственной, носилась юнкерами строго по формѣ. Алыя безкозырки, о которыхъ мы мечтали долгіе кадетскіе годы, уступили мѣсто защитной фуражкѣ, пусть на бѣлой муаровой или лайковой подкладкѣ, а цвѣтные пояса — бѣлому ременному. Отъ прежней красоты остался лишь этикетный шнуръ съ драгунскимъ костьюлькомъ въ петлѣ. Скромность внѣшняго вида юнкера подчеркивалась къ тому же его нѣкоторой изолированностью отъ широкой публики тѣмъ, что онъ ѣздилъ по городу на извозчикѣ. Какъ курьезъ можно упомянуть, что, пріѣхавъ въ Школу, мы должны были себѣ для отпуска въ городъ на два мѣсяца пребыванія на младшемъ курсѣ сшить рейтузы, и на двѣ недѣли остающагося лѣтняго распisanія формы одежды, послѣ присяги 15 августа, заказать лѣтнія гимнастерки установленнаго въ Школѣ образца.

Ходить пѣшкомъ можно было по Большой Морской, Дворцовой площади и набережной. Извозчикамъ платился рубль за конецъ, безъ торговли, принятой тогда въ столицѣ. Исключеніе составляли концы между Училищемъ и Варшавскимъ или Балтійскимъ вокзалами, расположенными почти визави на Обводномъ каналѣ и таксированными полтинникомъ. Длинная вереница извозчиковъ стояла у подъѣзда Школы въ отпускные дни, ожидая выхода сѣдоковъ. Пользоваться лихачами съ ихъ экстравагантнымъ видомъ строго воспрещалось. Обгоняя на извозчикѣ «корнета Школы» или кавалерійскаго офицера, нужно было спросить

Спальня 1-го взвода эскадрона.

разрѣшеніе обогнать, что знали все училищные извозчики и задерживались, равняясь съ другимъ извозчикомъ, когда это было нужно.

Была установленная обязательная такса въ 5 руб. въ мѣсяць своему лакею. Лакеи эти, служившіе долгіе годы въ Училищѣ, составляли артель съ круговой порукой въ отношеніи честности и исполнительности своихъ членовъ. Нѣкоторые стали уже богатыми людьми. Вспоминается «Иванъ большой», бывший лейбъ-гусарь, который имѣлъ мастерскую трикотажныхъ издѣлій и поставлялъ юнкерамъ свои товары; другимъ былъ извѣстный многимъ «генераль Малина», — маленькій юркій старичокъ съ огромной лысиной черезъ всю голову и мясистымъ малиновымъ носомъ, откуда и произошла его кличка.

Другимъ обязательнымъ взносомъ было 3 рубля въ мѣсяць своему вѣстовому за постоянный уходъ за винтовкой и шашкой и крашеніе портупей и боевого ремня бѣлой эмалевой краской. Этотъ же вѣстовой принималъ и держалъ въ порядкѣ собственное сѣдло, покупаемое еще до выпуска, чтобы его объѣздить еще въ Училищѣ, а иногда и ходилъ за собственной лошадыю, если она покупалась въ Петербургѣ. Особенно хорошія строевыя лошади выдержанныхъ полковыхъ мастей и роста, а также прекрасно выѣзженные, были на продажѣ въ манежѣ Кона, того Кона, сынъ котораго впослѣдствіи былъ инструкторомъ въ группѣ ѣздоковъ Польской конницы, одно время въ 30-хъ годахъ забиравшей лучшіе призы на международныхъ конкурсахъ.

Вѣстовыми, конюшнями, манежемъ и кузницей автономно правилъ уже десятилѣтіе, если не больше, знаменитый вахмистръ Бѣлявскій, котораго знаетъ буквально каждый выпускъ эскадрона.

Вахмистръ Бѣлявскій (на уборкѣ).

Все обмундированіе для отпуска должно было быть собственнымъ, за исключеніемъ кивера и эполетъ. Казенной также оставалась шашка съ темлякомъ, бѣлые крашеные портупея и поясъ, если не носился цвѣтной. Въ стѣнахъ Училища младшій курсъ носилъ казенное обмундированіе, старшій — по желанію. На младшемъ курсѣ не разрѣшалось носить бриджи, даже нашего скромнаго петербургскаго фасона, и, поэтому, портные ухитрялись создавать фасонъ брюкъ, на первый взглядъ похожихъ на рейтузы, если ихъ смять по бокамъ и обтянуть назадъ. Экстравагантности въ формѣ одежды вообще строго преслѣдовались, да, впрочемъ, такіе портные, какъ Капланъ, Каплунъ, Норденштремъ и другіе, знали свое дѣло и зачастую охлаждали стремленіе молодыхъ къ экстравагантности и ему съ успѣхомъ препятствовали. Шпоры съ рѣзкимъ звонкомъ не носились. Вообще, общій видъ юнкера долженъ былъ быть выдержаннымъ и, можетъ быть, подчеркнуто, скромнымъ.

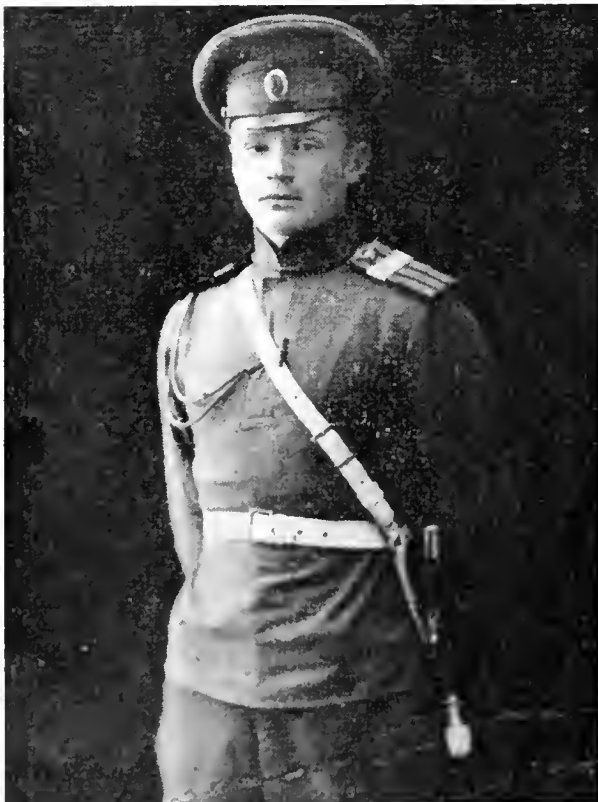
Юнкеръ долженъ былъ имѣть 6 паръ бѣлыхъ замшевыхъ перчатокъ, изъ коихъ три пары были въ еженедѣльной стиркѣ у лакея, а три расходовались въ теченіе недѣли, начиная съ субботы. Отъ казны полагалась пара толстыхъ замшевыхъ перчатокъ, тоже бѣлыхъ, для ѣзды.

Въ порядкѣ борьбы съ ношеніемъ собственного обмундированія, генераль Марченко однажды запретилъ ношеніе собственныхъ вещей въ отпуску. Тотчасъ же въ цейхгаузѣ были отображены самыя скверныя вещи, распределены роли, и эскадронъ отправился въ отпускъ. Мнѣ нужно было ѣхать въ Гвардейское экономическое общество на Конюшенной. Приѣхавъ туда, я сталъ вертѣться, чтобы попасться на глаза кому-нибудь изъ офицеровъ, что мнѣ вскорѣ и удалось. На вопросъ одного полковника Генеральнаго Штаба, въ какомъ я видѣ, я бодро отвѣтилъ, что это приказаніе Начальника Училища, запретившаго носить собственную форму. Полковникъ отправилъ меня въ Училище, «что и требовалось доказать». Приѣхавъ домой, я тамъ засталъ уже добрую половину отпускныхъ, подобно мнѣ выставленныхъ изъ разныхъ мѣстъ. На слѣдующее утро, въ воскресенье, ген. Марченко, въ формѣ сотни, что означало немилость къ эскадрону, вышелъ на среднюю площадку, прошелъ по фронту, и сказавъ: «Не узнаю моего эскадрона», отмѣнилъ свое запрещеніе. Конечно, причиной тому не было его эстетическое чувство, а, вѣроятно, слухи изъ города объ эффектѣ, который мы произвели въ людныхъ мѣстахъ.

Возможно съ цѣлью стать популярнымъ, а, можетъ быть, желая получить «внутреннюю информацію» о дѣлахъ въ эскадронѣ, ген. Марченко постоянно приглашалъ по нѣсколько юнкеровъ къ себѣ на чай. Предсѣдательствовала его супруга, которую онъ на-

зываетъ «Вэра», и часовое пребываніе за его столомъ и скучные разговоры успѣха у юнкеровъ не имѣли. Не было также и слушаевъ, чтобы «внутренняя информація» достигла его ушей секретнымъ путемъ. Этимъ рѣшительно опровергается слухъ, циркулировавшій въ одномъ изъ послѣдующихъ выпусковъ, о какомъ-то «генералѣ Школы» выпуска, который, и такъ далѣе.

Первые признаки предстоящихъ «гоненій» и мѣръ противъ «цука» появились уже съ нашимъ приѣздомъ въ августѣ 1914 года, когда насъ, молодыхъ, размѣстили въ помѣщеніи второго полэскадрона, помѣстивъ въ первомъ, гдѣ была дежурная комната и противъ нея телефонъ, старшій курсъ. Однако, больше никакихъ преградъ не было: съ нами жили наши взводные и младшіе «эстандарты», старшій курсъ безпрепятственно появлялся въ нашей половинѣ для своихъ «корнетскихъ» дѣлъ. Мы же, разумѣется, къ нимъ ходить не смѣли: это было равно самоубійству. Проходя строемъ въ капониры, мы видѣли ихъ въ дверяхъ, въ полковыхъ фуражкахъ, и слышали классическія фразы, такъ хорошо всѣмъ извѣстныя. Въ строю стояли все вмѣстѣ, разумѣется, въ передней шеренгѣ мы, а сзади насъ шипящіе и позванивающие шпорами «корнеты». Все это прекращалось съ появленіемъ

Александръ ЛИННИЦКІЙ

Вахмистръ 88-го выпуска 1 окт. 1914 г.

«Земного бога», нашего дорогого вахмистра А. А. Линицкаго, а затѣмъ и дежурнаго офицера. Иногда поздно вечеромъ, послѣ обхода «Земного бога» и взводнаго «капрала», при наличіи дежурства въ этотъ день офицера изъ эскадрона или одного изъ «хорошихъ» изъ сотни, насъ вдругъ поднимали, посылали на тумбочки, открывали форточки оконъ и спрашивали, чѣмъ пахнетъ; ставили въ позу «Лубенскаго гусара», почему Лубенскаго, такъ для меня и осталось милымъ секретомъ. Въ училищномъ буфетѣ были мы все вмѣстѣ. Долженъ сознаться, что по сравненію съ корпусомъ кормили насъ плохо. Не знаю, когда произошла эта перемѣна, такъ какъ старшіе утверждаютъ обратное. Поэтому и мы лѣзли въ буфетъ, пренебрегая очевидной опасностью. Въ гимнастическомъ залѣ были

снаряды, и тамъ иногда приходилось повисѣть нѣкоторое время на лѣстницѣ надъ головами «корнетовъ», что, впрочемъ, вполне вознаграждалось выдаваемой послѣ этого порціей ростбифа или ветчины. «Скрипки» ставились рѣдко и только за проступки, — больше всего закармливали тѣмъ, что молодой имѣлъ неосторожность назвать своимъ любимымъ блюдомъ. Очень было популярно закармливать «финь-шампань», — шоколадными бабками съ жирной ликерной, приторной начинкой, которыхъ нельзя было съѣсть больше двухъ-трехъ.

Былъ и обходъ, когда предсѣдатель корнетскаго комитета С. Трофимовъ появился въ фуражкѣ «лейбъ-гусарскаго Шампанскаго полка», бѣлой съ тремя желтыми кантами, полка, которымъ, какъ извѣстно, командовалъ старый полковникъ «Редереръ», а также упоминалась «Вевъ Клико», вдова, если не ошибаюсь, вахмистра 4-го эскадрона. Фуражки эти перешли потомъ къ намъ, большинство изъ нихъ было маленькаго размѣра и держались онѣ на головѣ резинкой на подбородкѣ, но были сшиты Пляцкимъ. Я все время имѣлъ малиновую фуражку доблестныхъ Сѣверскихъ драгунъ, судя по надписямъ фамилій внутри ея. Зрѣлище обхода было занятнымъ и совсѣмъ не страшнымъ, такъ какъ наши корнеты, увлекшись собственнымъ маскарадомъ, забывали про цукъ, но, разумѣется, намъ смѣяться и гоготать не приходилось, ибо расплата за это веселье была строгой.

Гораздо большее впечатлѣніе своей серьезностью производилъ вечерній обходъ «Земного бога». Тихій перезвонъ шпоръ и медленно приближается процессія. Во главѣ идетъ вахмистръ, за нимъ взводный «капраль», затѣмъ одинъ-два «эстандартъ» и замыкается все дневальнымъ — молодымъ. Вахмистръ проходитъ, иногда останавливаясь передъ отдѣльными квадратиками. Не дай Богъ, если онъ молча покажетъ на какой-нибудь квадратикъ: неприятностей не оберешься, а ужъ подъ шашкой все равно стоять придется. Послѣ обхода всѣ, и взводный капраль, и дежурный по эскадрону эстандартъ, и свой эстандартъ, обрушивались на несчастнаго, и, кромѣ приведенія квадратика въ порядокъ, и вертятъ его, и присѣдаетъ онъ, и стоитъ въ позѣ «Лубенскаго гусара» такъ, чтобы не качался висящій темлякъ. А завтра все равно будетъ еще стоять подъ шашкой.

Подъ шашкой, разумѣется, могли стоять только молодые, — господа корнеты же шли «на охоту». Здѣсь нужно было держать ухо остро, проходя мимо дверей въ церковь, гдѣ всѣ стояли, такъ какъ многимъ изъ молодыхъ былъ шансъ попасться и замѣнить охотящагося корнета, особенно, если дежурный офицеръ былъ изъ сотни и, пересчитавъ шеренгу наказанныхъ, удалялся въ дежурную комнату.

Вообще, средняя площадка таила въ себѣ массу опасностей

для молодого. Тамъ нужно было все время быть готовымъ отдавать честь «безъ головного убора» проходящимъ корнетамъ, становиться во фронтъ смѣннымъ и дежурному офицерамъ, наконецъ, имѣть музыкальное ухо, такъ какъ на роялѣ часто наигрывалъ кто-нибудь изъ старшаго курса и въ какой-нибудь романсъ или маршъ вкрапливалъ нѣсколько аккордовъ «марша Школы», когда все должно было замереть и горе тому, кто во-время этого не сдѣлалъ.

Въ курилкѣ тоже нельзя было преступить черту, сдѣланную шпорой корнета Лермонтова, хотя было извѣстно, что въ его время Школа не помѣщалась въ этомъ зданіи.

Для тѣхъ, кто, можетъ быть, прочтутъ этотъ очеркъ, не будетъ яснымъ, какъ же могли при такой дисциплинѣ и такомъ цукѣ молодые еще ѣздить по два часа въ день, заниматься вольтижировкой и гимнастикой, а по утрамъ слушать лекціи и готовиться къ репетиціямъ по вечерамъ. И могли, и дѣлали все, и кончали Школу, и вспоминаютъ о ней съ любовью. Трудно было первые дни, пока не установился темпъ этого режима, а потомъ находили время еще и влюбляться въ городѣ, и ѣздить въ «самодралки», и въ субботу вечеромъ ужинать въ отдѣльномъ кабинетѣ излюбленнаго ресторана, такъ какъ въ общемъ залѣ юнкерамъ появляться не разрѣшалось.

Приоткрытая дверь ночного столика «корнета» съ лакомствами могла служить приглашеніемъ для молодыхъ и истребленіе вкусныхъ вещей происходило безнаказанно, разумѣется, въ отсутствіе владѣльца и при послѣдующемъ сознаніи виновниковъ. За это не взыскивалось.

Въ не совсѣмъ трезвомъ видѣ иногда пріѣзжали корнеты изъ отпуска, и ихъ скрывали; для молодыхъ это было немислимо, но въ стѣнахъ Школы употребленіе алкоголя принято не было.

Въ вопросахъ цука и его иногда несправедливыхъ проявленій, сдерживающую и посредническую роль игралъ «дядюшка», которому можно было всегда пожаловаться. Онъ былъ у каждого молодого и обыкновенно это былъ старшій товарищъ по корпусу. Ему жаловались на придирки какого-нибудь черезчуръ «лихого» корнета и, обыкновенно, все улаживалось. Вспоминаю и моего «дядюшку», благополучно здравствующаго Н. Н. Римскаго-Корсакова и благодарю его за дружбу, а также и второго «дядюшку», М. Ю. Языкова, давашаго мнѣ своего портного и передавашаго мнѣ «на всякій случай» свою парадную форму. О немъ я больше никогда ничего не слышалъ.

Дружба была краеугольнымъ камнемъ взаимоотношеній юнкеровъ старшаго и младшаго курса, несмотря на строгій и подчасъ несправедливый цукъ. Поэтому, въ частной жизни всѣ юнкера одного курса были на «ты», а послѣ даже непродолжительна-

го отсутствія, возвращаясь въ эскадронъ и подавая руку, «лобызались» со своими товарищами. И до сего дня у меня есть нѣсколько товарищей по выпуску, съ которыми я автоматически цѣлуюсь, подавая руку. Это «ты» осталось и посейчасъ; со старшимъ курсомъ переходили на «ты» передъ ихъ производствомъ. Нынѣ же переписка со многими, много меня старшими Николаевцами, проходитъ на «ты», разумѣется, по ихъ почину.

Вынимать кошелекъ и расплачиваться молодому не разрѣшалось въ присутствіи корнета. Это правило было удобно на младшемъ курсѣ, когда можно было, напримѣръ, поѣхать въ городъ на даровщинку со своимъ «дядюшкой». На старшемъ же курсѣ правило это вызывало иногда неожиданные и нежелательные расходы.

Входя въ зданіе Училища, младшій курсъ и новоприбывшіе должны были пользоваться лишь правой лѣстницей, на что почтительно указывалъ швейцаръ всѣмъ прибывающимъ молодымъ людямъ, уже называя ихъ «господинъ корнетъ» и отбирая у кадетъ штыки, чтобы не было непріятностей «наверху».

Кусочкомъ прошлаго Школы, которымъ такъ гордился взводный вахмистръ «лейбъ-взвода», была его шашка, на первый взглядъ обыкновенная, казенная съ гнѣздами, но на клинкѣ которой золотомъ было начертано: «Борисъ, 1893—1896». Великій Князь Борисъ Владиміровичъ провелъ въ стѣнахъ Школы даже не два, а три года, и кончилъ «взводнымъ капраломъ» 1 взвода.

Терминологія, или юнкерскій жаргонъ, была своеобразной и не лишеной практическаго смысла. Такъ, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ кѣмъ-либо изъ начальствующихъ лицъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не возбуждать подозрѣній свистками или шипѣніемъ, были выработаны цифровые шифры, означавшіе приближеніе опасности съ ея обозначеніемъ. Такъ, для смѣнныхъ и дежурныхъ офицеровъ была цифра «26», для командира эскадрона «150 малое», произносившееся съ нѣкоторымъ небольшимъ измѣненіемъ, для Начальника Училища «150 большое», для инспектора классовъ «150 капонирное» и для старшаго врача «150 клистирное». Такимъ образомъ, войдя въ помѣщеніе взвода или въ классъ, можно было обыкновеннымъ голосомъ назвать одну изъ этихъ цифръ и въ тотъ же моментъ все приходило въ порядокъ и всѣмъ была ясна степень грозящей опасности, безъ возбужденія подозрѣнія у этой опасности. Разумѣется, смѣнные офицеры эскадрона, прошедшіе ту же Школу, все это прекрасно знали, но нарушать это правило не могли да и, видимо, не хотѣли.

Вообще было впечатлѣніе, что при этихъ преслѣдованіяхъ и гоненіяхъ на традиціи и обычаи Школы, смѣнные офицеры и Командиръ эскадрона полковникъ Назимовъ не проявляли особаго рвенія въ исполненіи мѣръ, предназначенныхъ генераломъ Мар-

ченко. Вспоминается такой случай. После очередной охоты за цукавшими, добрый десятокъ ихъ или больше попали въ 3-й «запаль», то есть разрядъ по поведенію, и были оставлены безъ отпуска. Это не смутило «лихихъ корнетовъ» и они спокойно уѣхали въ воскресенье въ «самодралку». Въ церкви или въ столовой Начальникъ Училища обратилъ вниманіе, что въ эскадронѣ мало юнкеровъ въ строю, считая оставленныхъ безъ отпуска, и приказалъ адъютанту шт. ротм. Зякину число это провѣрить, сдѣлавъ переключку оставшихся, и доложить о результатѣ. Зякинъ приказалъ эскадрону построиться и сталъ вызывать фамиліи оставшихся, на что неизмѣнно получалъ обычное «е». Было совершенно очевидно, что изъ строя отвѣчаютъ за отсутствующихъ, но шт. ротм. Зякинъ этого не пожелалъ замѣтить, какъ и не обратилъ вниманія на то, что въ строю стояло, скажемъ, 30 вмѣсто 40 юнкеровъ, и счелъ свою миссію выполненной, о чемъ и доложилъ Начальнику Училища.

Другой случай былъ, когда авторъ этихъ строкъ, съ тремя другими товарищами-маіорами, сидѣлъ въ карцерѣ и его смѣнный офицеръ, шт. ротм. В. В. Никифоровъ иногда появлялся въ карцерахъ съ лакеемъ, несшимъ намъ въ подарокъ блюдо вкусныхъ вещей изъ училищнаго буфета, которымъ онъ завѣдовалъ и который находился черезъ коридоръ напротивъ карцеровъ. Ключи отъ карцеровъ находились у дежурнаго по Училищу взводнаго портупей-юнкера, который никогда не запиралъ внутреннихъ дверей отдѣльныхъ камеръ, а лишь общую входную дверь въ карцеръ и, въ случаѣ провѣрки, долго возился съ ключами у этой входной двери, давая время всѣмъ сидящимъ разойтись по своимъ камерамъ и закрыть свои двери, которыя потомъ дежурный дѣлалъ видъ, что открываетъ ключомъ. Въ этомъ случаѣ было совершенно безразлично, былъ ли дежурный по Училищу изъ сотни или изъ эскадрона, такъ какъ это было частью общаго кодекса.

Однако, кодексъ этотъ не относился къ нѣкоторымъ офицерамъ сотни, дежурившимъ по Училищу наравнѣ съ офицерами эскадрона. Здѣсь нужно было держать ухо востро и ожидать даже придирокъ и записей въ журналъ дежурства. Конечно, этимъ занимались такъ называемые «охотники за скальпами», недоброй памяти, имена которыхъ лучше не называть, такъ какъ они не «вѣдали, что творять», да и было-то ихъ два-три. Другіе же офицеры сотни, вродѣ милаго Володи Наумова, гвардейскаго Оренбуржца, были вполне на мѣстѣ съ нашей точки зрѣнія.

Хотя составъ юнкеровъ и былъ однороднымъ: 80% его составляли кадеты, а бывшіе лиценсты, правовѣды и гимназисты моментально ассимилировались, были однако и исключенія. Къ такимъ, не поддавшимся ассимиляціи юнкерамъ, относились двѣ

личности «экзотическія»; не слились они со всѣми товарищами, несмотря на то, что этого сліянія они желали и дѣлали все отъ нихъ зависящее. Это были два молодыхъ китайца, украшавшихъ своимъ видомъ строй эскадрона моего времени: Лю Ци-сянь, маленькій, безцвѣтный, сѣренькій, и Тсу Шао-янъ, крупный смуглый брюнетъ. Оба они имѣли какое-то отношеніе къ китайскому посольству, каждую субботу за ними присылался посольскій автомобиль. Оба были славные молодые люди, бѣда была лишь въ томъ, что по-русски они почти не говорили. Впрочемъ, корнетамъ удалось выучить Лю правильно выговаривать полное названіе 4 гусарскаго Мариупольскаго полка, еще съ «Витгенштейномъ»; почему именно этого полка — не знаю, можетъ быть оно больше всего отвѣчало какимъ-то слогамъ китайскаго языка. Во всякомъ случаѣ, на этомъ и закончились познанія русскаго языка у Лю; какъ далеко въ этомъ направленіи пошелъ Тсу — не знаю. Послѣ 1 декабря оба китайца исчезли изъ Училища.

Былъ одинъ симпатичный и подчеркнуто скромный датчанинъ, имѣвшій отношеніе къ кому-то изъ лицъ свиты Вдовствующей Императрицы. Онъ говорилъ неплохо по-русски; куда онъ вышелъ и произведенъ ли вообще въ офицеры Русской арміи, не знаю. Уже вполне ассимилировавшимися прибыли изъ корпуса, кажется Николаевскаго, два брата — персидскіе принцы династіи Каджаръ. Они отличались отъ другихъ юнкеровъ лишь своимъ богатствомъ, что съ воспитательной точки зрѣнія могло быть чревато послѣдствіями, если бы не строгая дисциплина и цукъ, сравнивавшіе всѣхъ, стригшіе всѣхъ безъ исключенія подъ одну гребенку. Вышли они въ гвардейскіе гусары.

Этотъ, по мнѣнію Начальника Училища, вредный и унижающій человѣческое достоинство цукъ былъ, однако, сдерживающимъ началомъ въ такихъ сложныхъ случаяхъ жизни, какъ примѣръ «кровавая мечь», когда на одномъ и томъ же курсѣ оказались два князя Д., кавказцы, грузины, дядя одного изъ нихъ былъ убитъ родственникомъ другого. Имъ было корнетами строго-настрога приказано не встрѣчаться и не разговаривать другъ съ другомъ, не говоря уже объ активныхъ выступленіяхъ другъ противъ друга, и, съ помощью этого цука, ихъ удалось держать на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого, пока одинъ изъ нихъ не перевелся въ Пажескій корпусъ. Встрѣтились ли они впоследствии въ томъ же прославленномъ драгунскомъ полку, гдѣ служили ихъ предки, мнѣ не извѣстно.

За мальчишескую выходку, косвенно относившуюся къ тому же цуку, изъ Пажескаго корпуса былъ переведенъ къ намъ одинъ молодой человѣкъ, благополучно окончившій и произведенный въ офицеры Гвардіи.

Отдѣльной группой стояли финны. Они иногда недурно гово-

Поручикъ Эймелеусъ-Эйме и порту-
юнкеръ Кузнецовъ въ лагерѣ.

рили по-русски, очень старались и, впоследствии, изъ нихъ должны были выйти прекрасные офицеры. Ихъ главнымъ представителемъ былъ шт.-ротмистръ Эймелеусъ-Эймя, знаменитый международный ѣздокъ и гимнастъ, впоследствии военный агентъ Финляндіи въ Берлинѣ, сдѣлавшій много хорошаго нашимъ эмигрантамъ. Своихъ финновъ онъ очень грѣлъ и только изъ его усть и можно было въ манежѣ услышать: «О, финскій шляпа!»

Къ «экзотикамъ» можно было также отнести и отпрыска одного знаменитаго торговаго дома обѣихъ столицъ, посылавшаго своего лакея въ свой гастрономическій мага-

зинъ за вкусными вещами, а иногда и за бутылкой шампанскаго. Вышелъ изъ него прекрасный офицеръ одного изъ нашихъ полковъ, богатаго историческимъ прошлымъ.

Преслѣдованіе за цукъ, видимо, не ограничивалось нашей Школой, такъ какъ по средамъ въ пріемной комнатѣ можно было видѣть правовѣдовъ, вѣроятно, ихъ «корнетскій комитетъ», приходившихъ совѣтоваться съ нашимъ «комитетомъ». Они являли собою странный для Училища видъ своими черными шинелями, такими же треуголками, а также и таинственностью своихъ совѣщаній.

Заканчивая этотъ очеркъ, приходитъ въ голову, что рѣшительныя мѣры по искорененію цука, то есть раздѣленіе курсовъ, образованіе второго эскадрона и другія, совпадаютъ съ кончиной Великаго Князя Константина Константиновича, то есть произошли послѣ его смерти. Какъ извѣстно, двое его сыновей, князя Іоаннъ и Гавріилъ, воспитывались въ Школѣ еще во времена расцвѣта цука, самъ же Великій Князь въ августѣ 1914 года не преминулъ порадовать насъ своимъ посѣщеніемъ два раза, одинъ разъ въ формѣ Конной Гвардіи, а другой — въ формѣ Оренбургскаго казачьяго войска.

Интересно также отмѣтить, что самъ по себѣ ген. Марченко былъ очень далекъ отъ жизни, несмотря на свое знаменитое прошлое военнаго агента въ Вѣнѣ; такъ, всѣ наши помнятъ его вѣч-

ный вопросъ: «почему вы не выходите въ Конную Гвардію?» и на отвѣтъ, что на это нѣтъ средствъ, онъ говорилъ: «Пустяки, когда я выходилъ въ Конный полкъ, у меня не было и шести тысячъ въ годъ!»

Его борьба съ цукомъ носила личный характеръ, такъ какъ ни въ Елисаветградскомъ, ни въ Тверскомъ училищахъ не было тѣхъ драконовскихъ мѣръ, которыми ген. Марченко хотѣлъ утратить насъ всѣхъ.

Таковъ былъ эскадронъ нашей Школы передъ началомъ ея конца, больше 50 лѣтъ тому назадъ. Жизнь въ Училищѣ со всѣми ея ежедневными трудностями и заботами осталась однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній счастливой юности и нѣтъ, и не можетъ быть, ни одного Николаевца, который не вспоминалъ бы и не говорилъ о своей Школѣ съ умиленіемъ и благодарностью. Лишь ускоренные выпуски моего времени жалѣли, что насъ такъ скоро производятъ и не даютъ намъ возможности дольше побыть въ старинной благословенныхъ и корнетомъ Лермонтовымъ воспитанныхъ стѣнахъ Славной Школы.

Г. Гриневъ

Группа юнкеровъ выпуска 1 октября 1916 года съ командиромъ эскадрона ротм. Помазанскимъ.

Изъ воспоминаній.

Послѣ превосходно написанной книги Галича трудно что-либо дополнить къ его несравненной «Звѣриадѣ». Книга эта охватываетъ пребываніе автора въ Школѣ въ періодъ 1895—1897 гг., но сами годы совершенно не играютъ роли, — такъ было всегда въ Школѣ, мѣнялись люди, но Школа была полна своихъ непоколебимыхъ идеаловъ и традицій. Проходили года, но девизъ Школы оставался неизмѣннымъ. Кто изъ петербуржцевъ не зналъ лихихъ юнкеровъ Школы? Всегда блестяще одѣты въ собственное обмундированіе, они были украшеніемъ любого бала, любой гостиной. Ихъ можно было видѣть въ театрѣ, на балетѣ, на субботникахъ въ циркѣ. Тѣ, кто бывалъ на конкурсахъ въ Михайловскомъ манежѣ, съ нетерпѣніемъ ожидали момента начала состязанія. Въ поддѣкѣ стоялъ весь эскадронъ въ строю и ожидалъ только прихода «Земного бога», который долженъ былъ ввести эскадронъ въ манежъ. По традиціи вахмистръ всегда немного опаздывалъ, но вотъ вошелъ вахмистръ и эскадронъ, какъ одинъ, замеръ на мѣстѣ въ ожиданіи его команды, — ударъ и звукъ шпоръ былъ какъ одинъ — ясно слышенъ въ сосѣднемъ манежѣ. Это всегда было такъ хорошо и красиво, что вызывало улыбку на лицѣ даже у сердитаго и строгаго Великаго Князя — Генераль-инспектора Кавалеріи. Можно привести сотни примѣровъ изъ жизни юнкеровъ внѣ Школы.

Но вотъ наступила война и уже на первые ускоренные выпуски, помимо тѣхъ, кто вообще поступилъ бы въ Школу, пришелъ чужой элементъ, уже въ большемъ количествѣ, чѣмъ это бывало въ мирное время. Правда, подавляющее большинство были кадеты и, несмотря на то, что младшій курсъ продолжался всего два мѣсяца, всѣ быстро усвоили традиціи Школы. Еще въ 1913 году, приблизительно за годъ до войны, Начальникомъ Училища былъ назначенъ генераль Марченко, который началъ свою военную службу Л. Гв. въ Конномъ полку вольноопредѣляющимся, выдержалъ офицерскій экзаменъ при Константиновскомъ арт. училищѣ и, естественно, традицій Школы не зналъ, или ихъ знать не хотѣлъ. Онъ началъ уничтожать традиціи, но вначалѣ всѣ его попытки успѣха не имѣли. Онѣ разбивались, какъ о каменную стѣну, ничто не могло поколебать старые устои. Онъ пытался всякими способами проникнуть и узнать о томъ, что происходило

въ Школѣ, но ни одинъ смѣнный офицеръ, самъ бывшій питомецъ Школы, не выдалъ никогда того, что происходило послѣ занятій. Магическая цифра «150» и все смолкало, цукъ прекращался и генераль зналъ, что только до его появленія было строгое раздѣленіе на сугубыхъ и корнетовъ, но онъ вошелъ, и здѣсь — только юнкера старшаго и младшаго курсовъ. Всевозможныя мѣры успѣха не имѣли и цукъ продолжался на 2-омъ и 3-емъ ускоренныхъ выпускахъ.

Тогда генераль рѣшился на крайнюю мѣру и отдѣлилъ младшій курсъ отъ старшаго, поселивъ ихъ въ отдѣльныя помѣщенія, далъ на младшій курсъ вахмистра изъ своихъ же юнкеровъ младшаго курса и двухъ взводныхъ. Если третій ускоренный былъ цукаемъ по всѣмъ правиламъ въ теченіе двухъ недѣль, пока генераль не рѣшился на раздѣленіе, то, начиная съ 4-го ускореннаго выпуска, цукъ, по мнѣнію генерала, былъ совершенно прекращенъ, какъ казалось, по крайней мѣрѣ, внѣшне. О четвертомъ ускоренномъ выпускѣ мнѣ и хотѣлось бы написать нѣсколько строкъ.

Приемъ сразу же былъ внѣ всякаго соприкосновенія со старшимъ курсомъ, котораго вновь поступавшіе вообще не видѣли. Былъ назначенъ вахмистръ, у котораго сразу же было три лычки. Какъ и по какимъ причинамъ онъ былъ назначенъ, было, конечно, дѣломъ генерала, но вахмистръ былъ изъ охотниковъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка и имѣлъ два Георгіевскихъ креста и медаль, говорили, что онъ изъ развѣзда привезъ тѣло погибшаго Князя Олега Константиновича. Былъ онъ очень милый и пріятный человекъ. Одинъ взводный вахмистръ былъ тоже вольноопредѣляющимся лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка съ двумя Георгіевскими крестами (кажется онъ былъ изъ запаса), другой же былъ весь младшій курсъ въ Школѣ въ мирное время и, если мнѣ память не измѣняетъ, не то въ 1910 году, а можетъ быть и раньше, такъ какъ онъ былъ женатъ и имѣлъ маленькую дочь, раньше онъ не кончилъ Школу по болѣзни. Въ каждой смѣнѣ былъ одинъ старшій, въ большинствѣ случаевъ изъ кавалерійскихъ вольноопредѣляющихся. Всѣ эти старшіе несли дежурства съ первыхъ дней, другихъ же постепенно вводили въ служебныя обязанности. Было конечно странно, что начальства совершенно не было, не говоря о цукѣ. Марченко, казалось, совершенно уничтожилъ цукъ . . . Но это ему только казалось и вотъ что происходило.

Послѣ обѣда, когда всѣ шли на занятія въ классы, то обыкновенно въ «капонирахъ» были двѣ смѣны и среди нихъ находились два-три бывшихъ юнкера того или другаго училища, и всѣ тѣ, кто не зналъ о традиціяхъ и цукѣ, жадно ловили каждое слово, сказанное такимъ знатокомъ. Откуда-то появились книжки съ

дислокаціей полковъ и картинки съ формой и началась усиленная зубрежка стоянокъ, названій, формъ, журавлей; фактически, я не помню ни одного человѣка, кто бы смотрѣлъ въ учебникъ въ капонирахъ. Всѣ интересы сводились къ тому, какъ бы скорѣе выучить формы полковъ. Помню, что въ нашей смѣнѣ оказался юнкеръ, который прошелъ весь младшій курсъ 1-го ускореннаго выпуска и, такимъ образомъ, очутился въ роли майора и всѣ охотно это признавали и подходили къ нему съ добровольнымъ желаніемъ, чтобы онъ поцукалъ. Въ другой смѣнѣ было еще лучше, — тамъ были два Тверца и одинъ бывший юнкеръ Школы, который въ мирное время былъ отчисленъ въ полкъ. Какія воспоминанія, какіе рассказы про своихъ друзей (у каждого оказался другъ, вышедшій въ тотъ или иной полкъ изъ кавалерійскаго училища по окончаніи гимназіи). И если раньше существовалъ анекдотъ, какъ офицеръ подсмѣялся надъ ученой собакой студента, говоря — «учись, учись, студентомъ будешь, а не доучишься, въ офицеры попадешь», то все это отошло теперь въ область преданій, — теперь, наоборотъ, вспоминали именно тѣхъ, кто изъ выпуска гимназіи не пошелъ въ студенты, а поступилъ въ то или другое кавалерійское училище, или ужъ, по крайнѣй мѣрѣ, отбывалъ воинскую повинность гусаромъ или въ томъ или иномъ кавалерійскомъ полку. Если слова «Трепещи, молодежь!» и не раздавались, то они какъ бы висѣли въ воздухѣ. Уже всѣ какъ-то знали, что ротмистръ Никифоровъ былъ «генераломъ Школы», а ротмистръ Помазанскій — «пассажиромъ», и ужъ никто не думалъ даже быть «пассажиромъ», а всѣ мечтали именно стать «корнетами Школы». Конечно, теперь, когда прошло такъ много времени и все казалось забытымъ, видно, что отсутствіе юнкеровъ старшаго курса на большой промежутокъ наложило свой отпечатокъ: не было присуще той лихости, которая быстро усваивалась при цукѣ. Цукъ былъ — великое дѣло, которое сблизало другъ съ другомъ, но по мѣрѣ того, какъ юнкеръ становился быстръ, отчетливъ и лихъ, стѣна между старшимъ и младшимъ курсами совершенно исчезала и великій лермонтовскій завѣтъ «за друга другъ стоялъ горою», являлся во всей своей силѣ.

Чувство дружбы, товарищество въ лучшемъ понятіи этого слова, чувство стремени, все это родило одну семью. Зная болѣе или менѣе тогдашнія обстоятельства, думаю, что изъ 108 юнкеровъ моего приѣма найдутся, можетъ быть, два десятка, которые смѣло смотря въ глаза сказали, что предпочитаютъ жить по уставу. Всѣ были гражданцы, путейцы, юристы, математики, правовѣды, кончающіе высшія учебныя заведенія со значками, никогда ни одной минуты не задумались бы о томъ, что надо жить по традиціи и, имѣя инженерный дипломъ, пошли въ артиллерію или

саперы. Въ моей смѣнѣ былъ горный инженеръ Сережа Силинъ, который съ гордостью говорилъ, что его отецъ былъ кирасиромъ Его Величества, братъ — уланомъ Его Величества, другой — Конно-Гренадеромъ, а онъ, по жестокой ошибкѣ, просидѣлъ шесть лѣтъ въ Горномъ институтѣ, а не здѣсь въ Школѣ.

Воспоминаній о Школѣ было много и среди этихъ воспомина- ній есть такія, которыя надо помнить и любить. Рассказывали, что на какомъ-то ускоренномъ выпускѣ какой-то «пассажиръ» перебивалъ вакансію въ Ингерманландскій гусарскій полкъ старому вольноопредѣляющемуся этого полка, георгіевскому кавале- ру. Недолго думая, онъ пошелъ къ командиру дивизіона (въ то время было два эскадрона) полковнику Назимову, который самъ служилъ въ Ингерманландскомъ полку, съ просьбой помочь ему удержать эту единственную вакансію, бывшую за нимъ на това- рищеской разборкѣ. Пассажиръ былъ вызванъ и на вопросъ пол- ковника Назимова, какія причины заставляютъ его остановить свой лестный взоръ именно на Ингерманландскомъ полку, тотъ сталъ лепетать о фамильныхъ традиціяхъ, вродѣ того, что отецъ его и дѣдъ служили въ этомъ полку, на что рѣзкимъ тономъ пол- ковникъ возразилъ, что ни дѣдъ «пассажира», ни отецъ въ полку не служили, да и ему, видно, не придется носить форму этого пол- ка. Это лишній разъ подтверждаетъ, что полковникъ Назимовъ прежде всего былъ хранитель старыхъ традицій и выходъ въ полкъ не носилъ случайнаго характера, — мнѣ, молъ, понрави- лась форма полка или стоянка. По слухамъ, въ какомъ-то кадро- вомъ выпускѣ на вопросъ Государя, почему взводный вахмистръ выходитъ въ армейскій полкъ, тотъ отвѣтилъ, что въ этомъ пол- ку его дѣдъ и отецъ служили честно и онъ проситъ разрѣшенія продолжать эту семейную традицію. Какое должно быть счастье такъ отвѣтить, и Государь былъ доволенъ тѣмъ, что въ Его ар- мии свято хранили завѣты старыхъ полковъ.

Въ конницѣ, съ первыхъ дней пребыванія въ Школѣ сталъ извѣстнымъ величайшій девизъ, которому были всѣ вѣрны: въ Императорской Кавалеріи нѣтъ плохихъ полковъ. Съ этимъ де- визомъ и шла всегда товарищеская разборка вакансій, каждый выбиралъ свой полкъ, имѣя къ тому тѣ или другія основанія, и эта традиція была и въ ускоренныхъ выпускахъ и никто никогда не перебивалъ вакансію у другого, если тотъ имѣлъ вѣскія при- чины туда выйи.

Итакъ, мнѣ хотѣлось сказать кое-что о 4-омъ ускоренномъ вы- пускѣ, выпускѣ, по мнѣнію Начальника Училища, безъ цука и традицій.* Насъ сразу же повели на медицинскій осмотръ, среди принятыхъ было много вольноопредѣляющихся съ георгіевскими

* Произведены въ прапорщики 1 октября 1915 года. Прим. ред.

крестами и просто изъ запасныхъ кавалерійскихъ полковъ, но все же подавляющее большинство было штатское или, какъ говорили, «молодыхъ людей съ вокзала». Первое, что осталось въ памяти, это дежурный по лазарету, естественно, казакъ старшаго курса, такъ какъ старшій курсъ эскадрона былъ совершенно изолированъ и всѣ дежурства по Училищу первое время несли юнкера сотни. Хорошо помню этого юнкера, это былъ человекъ лѣтъ подь тридцать, со значкомъ Демидовскаго лица. Вновь поступающіе завели съ нимъ разговоръ. Особенно осталось въ памяти, что кто-то сталъ разсматривать его шашку и задалъ вопросъ, почему у сотни шашка безъ дужки на эфесѣ. Казакъ насмѣшливо спросилъ, зачѣмъ казаку вообще дужка. Кто-то- видно изъ знатоковъ, пояснилъ, что дужка, молъ, защищаетъ руку. Какъ сейчасъ помню отвѣтъ казака, что, молъ, пока эскадронецъ руку защищаетъ, казакъ ему голову снесетъ. Надо отдать справедливость, что хотя отвѣтъ, можетъ быть и ударилъ по самолюбію, но не былъ лишенъ остроумія. Затѣмъ дальше у насъ была нерѣдко дружба съ казаками. Помню, въ сотнѣ былъ старшаго курса юнкеръ Руденковъ, который, такъ же какъ эскадронцы, носилъ свою собственную форму и даже не шаровары, а бриджи, за что и сидѣлъ подь арестомъ, и не разъ. Въ остальномъ же жизнь сразу раздѣлилась и какъ ни старался генераль Марченко спаять эти два лагеря, ничего не получилось. При встрѣчѣ съ сотней въ капонирахъ начинались обыкновенно разговоры о томъ, что лучше, сотня или эскадронъ, въ особенности напирали на само слово «сотня», говоря, что неизвѣстно сотня чего, яиць, яблокъ, а вотъ теперь сотня людей, то ли дѣло эскадронъ, какъ гордо и красиво звучить это слово! Даже Начальникъ Училища и тотъ всегда, когда здоровається стоя на лѣстницѣ такъ, чтобы видѣть и сотню и эскадронъ, кричитъ: «Здорово, эскадронъ!» и потомъ прибавляетъ: «и сотня» . . .

Надо отдать справедливость, въ большинствѣ случаевъ генераль носилъ форму эскадрона, но если эскадронъ приносилъ ему тѣ или инья огорченія, онъ надѣвалъ форму сотни. Тогда надо было ожидать грозы и разноса. Послѣ второго ускореннаго выпуска, когда генераль запретилъ юнкерамъ ѣздить на извозчикахъ и, самое главное, пытался выпустить юнкеровъ въ казенномъ обмундированіи, юнкера выдумали новый полкъ, назвавъ его «19-й гусарскій Іерусалимскій», который имѣлъ простой рогожный штандартъ за приказаніе надѣть казенное обмундированіе, 12 самоварныхъ трубъ съ посеребрянными ручками за дѣло снятія шпоръ при уходѣ въ отпускъ тѣмъ, кто не имѣлъ ихъ за ѣзду, и за дѣло 1 марта полку дали старшій автомобильный гудокъ, такъ какъ генераль ѣздилъ въ автомобилѣ и ловилъ юнкеровъ, снимая съ нихъ шпоры. Зналъ ли объ этомъ

генераль? Вѣроятно зналъ, хотя и вѣрилъ, что цукъ онъ вырвалъ съ корнемъ. Но для насъ встрѣча гдѣ-нибудь въ городѣ съ юнкеромъ старшаго курса была большой радостью. Кто изъ насъ не ходилъ въ дни отпуска по воскресеньямъ въ кинематографъ «Пикадилли» на встрѣчу съ юнкерами старшаго курса. Выпустили насъ послѣ присяги въ формѣ. Какъ было заманчиво надѣть все свое, китель, этишкетъ, сапоги отъ Мѣщанинова, бриджи отъ Каплуна и шинель до пятъ. Со мной былъ ужасный случай: помня «приказъ по курилкѣ», я въ первый день отпуска попалъ въ «Пикадилли», гдѣ насъ ожидали юнкера старшаго курса. Уже почти достигнувъ верхняго фойе, вижу навстрѣчу по лѣстницѣ спускается смѣнный офицеръ ротмистръ Сиверсъ. Вставъ ему во фронтъ посрединѣ лѣстницы, я завернулся въ длинныя полы шинели и со всего размаха полетѣлъ внизъ. Ни боли, ни испуга я не почувствовалъ, но стыдъ просто сковалъ меня, ужасъ, что скажутъ юнкера, товарищи по смѣнѣ, какой позоръ! Ротмистръ Сиверсъ былъ замѣчательнымъ человѣкомъ, (къ сожалѣнію, онъ вскорѣ покинулъ Школу), онъ бросился мнѣ помогать встать и не сказалъ ни слова упрека, а тѣмъ болѣе насмѣшки за мою неловкость.

Въ мой пріемъ было много глубоко штатскихъ людей и съ каждымъ изъ нихъ поначалу происходили тѣ или иныя непріятности. Одного изъ такихъ «пожилыхъ» я зналъ давно, — онъ былъ земскимъ начальникомъ и въ его участокъ какъ разъ входило наше имѣніе. Онъ и самъ былъ помѣщикъ и одинъ изъ нашихъ сосѣдей, человѣкъ интересный и чрезвычайно остроумный. Театръ онъ любилъ до самозабвенія, а особенно балетъ. Городъ нашъ былъ въ 128 верстахъ отъ Петербурга и онъ частенько по воскресеньямъ ѣздилъ въ Петербургъ. И вотъ то, что онъ часто ходилъ въ балетъ, видимо, было ему недостаточнымъ: онъ бросилъ службу и самъ сталъ танцовать въ оперѣ въ Народномъ Домѣ. Было ему за тридцать, былъ онъ совершенно лысъ, но удивительно подвиженъ и съ дѣтства любилъ лошадей, такъ что тягости юнкера несъ онъ хорошо, но отсутствіе цука было у него весьма чувствительно. Явился онъ послѣ отпуска и никакъ не могъ понять, почему дежурный офицеръ не принимаетъ его рапорта и вотъ уже третій разъ прогналъ его обратно и заставилъ снова рапортовать. Онъ оглядывалъ себя съ ногъ до головы, — все какъ будто хорошо, рапортъ онъ вызубрилъ, перчатки свѣжія . . . Какъ оказалось, онъ не прикладывалъ руки къ головному убору, а стоялъ руки по швамъ. Въ нашей смѣнѣ былъ еще другой случай: это былъ инженеръ съ законченнымъ образованіемъ и, кажется, со стажемъ, во всякомъ случаѣ, у него была сѣдина на вискахъ, былъ онъ небольшого роста, но страшно любилъ выбирать большихъ лошадей и дѣйствительно сидѣлъ на нихъ, какъ

чижъ на заборѣ, но былъ исключительнымъ гимнастомъ. На барьерѣ, еще не доходя до него, онъ летѣлъ черезъ голову лошади и бралъ барьеръ какъ бы раньше своей лошади, но успѣвалъ въ воздухѣ дѣлать сальтомортале и всегда становился на ноги, быстро ловилъ свою лошадь и, несмотря на свой ростъ, садился въ сѣдло, какъ ни въ чемъ не бывало, и все это продолжалось изо дня въ день.

Послѣ перваго отпуска помню безконечные разговоры о встречахъ и впечатлѣніяхъ о той лихости, которой, конечно, еще не было, но все же, помню, чувствовали мы себя юнкерами Славной Школы. Всѣ мы были влюблены въ Школу и во встрѣчи со старшимъ курсомъ, хотя онъ былъ всего на два мѣсяца старше насъ. Никто не задавалъ себѣ вопроса почему, а просто они были корнетами Школы и этимъ все объяснялось. Иногда мы приходили на ужинъ и еще заставляли нѣкоторыхъ юнкеровъ старшаго курса въ столовой и, если дежурный офицеръ смотрѣлъ на это сквозь пальцы, мы норовили войти съ ними въ контактъ. Помню, среди нихъ бывали видимо «калѣки», еще безъ шпоръ, и на вопросъ такого юнкера, какія шпоры у офицера, слѣдовалъ отвѣтъ: «Невидимки, господинъ корнетъ».

Въ моей смѣнѣ было много очень интересныхъ людей и, пожалуй, изъ всѣхъ смѣнъ наша была наиболѣе колоритной. Начну съ того, что возрастъ былъ самый различный, отъ 17 до 30, можетъ быть и старше. Самымъ молодымъ былъ только что ускореннымъ темпомъ окончившій гимназію, то есть вмѣсто весны выпущенный специально для поступленія въ Училищѣ къ 1 февраля 1915 года, самымъ старшимъ же былъ бывшій юнкеръ Тверскаго училища еще до Японской войны, онъ былъ участникомъ этой войны и имѣлъ два Георгіевскихъ креста. Ѣздилъ онъ исключительно хорошо и, естественно, имѣлъ шпоры съ момента поступленія въ Школу, посадка у него была поразительная. Былъ и еще въ смѣнѣ юнкеръ, возвратившійся по болѣзни изъ 1 ускореннаго выпуска* и онъ тоже имѣлъ шпоры и, несмотря на то, что наша смѣна казалась куда слабѣе другихъ, у насъ было двое со шпорами, чего не было совсѣмъ въ другихъ смѣнахъ.

Самаго старшаго, естественно, звали «дѣдомъ», а младшаго «внукомъ», такимъ образомъ какъ бы существовало три поколѣнія, «отцомъ» звали юнкера, стараго, чуть ли не кончившаго Институтъ Инженеровъ Путей Сообщенія, обладателя довольно порядочнаго живота, а «сыномъ» былъ очень эlegantный молодой человекъ съ маленькими усиками и мефистофельскимъ лицомъ. Смѣна была въ большинствѣ изъ студентовъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній и, если она была слаба по строю, то

* Ю. Агафоновъ, сломавшій ногу на вольтижировкѣ. Прим. ред.

ужъ капониръ шелъ очень высоко. Одинъ изъ смѣны былъ сибирякъ, бывшій студентъ Томскаго Технологическаго Института, онъ и вышелъ въ Приморскій полкъ. Былъ онъ явно съ наклонностями злостнаго «пассажира» и никакого цука не признавалъ, это, пожалуй, былъ единственный въ смѣнѣ. Но былъ онъ отличнымъ товарищемъ и очень веселаго нрава, кромѣ того и отличный гимнастъ. Несмотря на то, что было очень трудно привыкать къ военной службѣ, изъ всей смѣны, кажется, только одинъ былъ кадетомъ, а всѣ остальные сугубо штатскіе люди, юморъ не покидалъ насъ. Такъ какъ одинъ изъ насъ буквально ничего не могъ сдѣлать на турникѣ, его въ шутку звали «королемъ воздуха», «папаша» очень часто падалъ на барьерѣ и его звали «королемъ прыжка»; два очень высокихъ юнкера были всегда вмѣстѣ, какъ сіамскіе близнецы и были очень плохи на параллельныхъ брусьяхъ, — ихъ въ шутку звали «дьяволы брусьевъ», и такъ со всѣми, и никто никогда не обижался. О томъ, что мы были очень слабы въ строевомъ отношеніи, мнѣ всегда вспоминается случай нашей первой встрѣчи съ завѣдующимъ спортивнымъ обществомъ «Заря» шт. ротм. Эймелеусомъ, когда, посмотрѣвъ на насъ, онъ со своимъ финскимъ акцентомъ сказалъ: «Ай, ай, ай, какой плохой молодежь!» Всѣ знаютъ этого исключительно лихого смѣннаго офицера, который чуть ли не съ перваго дня училъ свою смѣну на галопѣ и всѣ, кто не могъ этого вынести, отчислялись въ пѣхоту. При мнѣ онъ былъ на старшемъ курсѣ. Вся Школа его просто обожала, портретъ его висѣлъ въ гимнастическомъ залѣ съ извѣщеніемъ, что онъ сдѣлалъ 4444 присѣданія. Насколько это правда, боюсь судить. Тамъ, какъ я ясно помню, висѣлъ цѣлый рядъ портретовъ особенно отличившихся юнкеровъ, въ томъ числѣ Александрійскаго полка корнета Жеребятъева.*

Въ мой выпускъ пришелъ почти полувзводъ бывшихъ гардемаринъ, какъ они себя называли «Декабристовъ», то есть за не сдачу удовлетворительно полугодовыхъ экзаменовъ отчисленныхъ отъ Морского корпуса. Естественно, что они были уже искушены въ строю и службѣ и ихъ первыми назначали и на дежурство и на дневальство. Въ особенности дежурнымъ по кухнѣ назначался, въ большинствѣ случаевъ, юнкеръ изъ 1 взвода, солидный, съ двумя значками высшихъ учебныхъ заведеній, — вѣроятно вахмистръ думалъ, что у него большія кулинарныя познанія. Кстати, насколько помню, онъ, окончившій по инженерному отдѣлу Политехнической институтъ и математикъ въ прошломъ, не могъ осилить глазомѣрной съемки.

Нашъ пріемъ уже былъ 8-мѣсячнымъ и цѣликомъ два мѣсяца мы провели въ лагерѣ, это были самые лучшіе лѣтніе мѣсяцы:

* Скончался отъ раны полученной въ бою 11 іюля 1915 г. Прим. ред.

іюнь и іюль. Производство старшаго курса 1 іюня 1915 года было въ лагеряхъ и носило старій торжественный характеръ. Нашъ выпускъ имѣлъ до лагерей четырехмѣсячную подготовку, чего нельзя сказать о слѣдующемъ приѣмѣ, который только послѣ двухъ мѣсяцевъ предварительной манежной подготовки долженъ былъ выступить въ лагерь и, какъ они потомъ говорили, было имъ очень трудно, а петербургская осень, въ особенности въ октябрѣ въ лагеряхъ, — холодъ, дождь, который иногда хлесталъ весь день, — давали себя знать. Мы же были счастливыми, — 1 августа вернулись домой изъ лагеря черные отъ загара и всѣ какъ-то окрѣпли и помолодѣли. Это были уже настоящіе юнкера, до производства оставалось два мѣсяца, опять экзамены, репетиціи, зубрежка и мечтанія объ офицерскомъ мундирѣ. Такъ какъ выпускъ выразилъ желаніе сразу попасть на фронтъ, вакансіи были далеко не блестящи и ихъ было мало. Цѣлыя дивизіи не прислали ни одной вакансіи, приходилось выходить въ Туземную дивизію и во вновь формируемые полки изъ Корпуса Пограничной стражи. Желаніе идти на фронтъ было такъ велико, что примѣромъ можетъ служить слѣдующій случай: одинъ юнкеръ имѣлъ брата въ полку, который не прислалъ вакансій, но братъ выхлопоталъ ему именную вакансію, но не сразу въ полкъ, а черезъ запасный полкъ, формировавшій пополненія для этой дивизіи. Перспектива попасть въ запасный полкъ, когда весь выпускъ идетъ на фронтъ, была ему не по душѣ, и онъ вышелъ въ другой полкъ. Нѣсколько человекъ вышло на именную вакансію и попали сразу въ дѣйствующій полкъ. Кстати, одинъ изъ взводныхъ вахмистровъ, самъ бывшій юнкеръ Школы до войны, вышелъ на именную вакансію и въ чинѣ корнета, — ему засчитали его прошлое пребываніе въ Школѣ. Тѣ, кто выходили въ Гвардію, но по балламъ не могли выйти сразу, должны были быть прикомандированными къ своему полку, но дружески не перебивали вакансій, а брали Пограничную стражу, давая возможность другимъ, хуже ихъ по балламъ, выйти въ регулярную кавалерію. Дружеское отношеніе при выборѣ вакансій было удивительнымъ, — я не помню случая, чтобы кто-либо спорилъ или старался отнять ту или иную вакансію.

Вспоминая свой приѣмъ, не могу забыть цѣлую группу поляковъ, пришедшихъ въ Школу въ своихъ живописныхъ нарядахъ, всѣ они были въ бекешахъ, въ конфедераткахъ и на высокихъ сапогахъ у нихъ были кисточки, просто изъ временъ Евгенія Онѣгина. Всѣ они были изъ привилегированныхъ польскихъ семей, почти всѣ вскорѣ привели своихъ собственныхъ лошадей и въ большинствѣ были прекрасными строевиками. Одинъ изъ нихъ, довольно высокій и очень представительный, прекрасно танцевалъ чечетку на верхней площадкѣ, гдѣ стоялъ рояль и гдѣ мы

всѣ по очереди «сушили клинки», — этимъ онъ насъ часто развлекалъ.

Нѣсколько человѣкъ очень хорошо играли на роялѣ и одинъ былъ настоящимъ опернымъ пѣвцомъ. Другой тоже хорошо пѣлъ и я помню при большевикахъ, уже въ маѣ 1918 года, онъ выступалъ на концертной эстрадѣ. Было это тяжелое время, гражданская война еще не началась, и мы въ Петроградѣ занимались чѣмъ могъ, и вотъ, устраивая концертъ въ маленькомъ городкѣ около Петербурга, я его встрѣтилъ. Несмотря на тяжелую обстановку, встрѣча была особенно дружеской, мы молча крѣпко пожали другъ другу руки и поняли все безъ словъ. Надо сказать, что большой процентъ юнкеровъ были коренными петербуржцами, которые особенно любили свой городъ, и вотъ они, естественно, ближе всего воспринимали и любили и гордились Школой.

Надо ли говорить, съ какой радостью всѣ пошли въ отпускъ въ формѣ, въ своей собственной. Говорили, что Марченко преслѣдовалъ юнкеровъ, носившихъ свою форму и заставлялъ носить въ отпускъ казенную, — въ нашемъ выпускѣ я этого не наблюдалъ. Всѣ какъ-то сразу усвоили эту лихую традицію и портные появились въ Школѣ на третьей недѣлѣ послѣ поступленія, всѣ эти Капланы, Каплуны, Рыбаковы, Пляцкіе и Херкусы, кто ихъ не зналъ и кто ихъ могъ забыть, — фуражка отъ Херкуса или Пляцкаго, бриджи только отъ Каплуна. Въ старое время корнетство не разрѣшало носить бриджи на младшемъ курсѣ, только рейтузы, но тутъ ужъ, по вольности дворянства, всѣ заказали себѣ бриджи, шинель до пятъ, китель, рубашку со стоячимъ крѣпкамъ воротникомъ и, самое главное, этишкетъ и шпоры. Въ Школѣ шпоры носили только тѣ, кто получилъ ихъ отъ полковника Назимова за ѣзду, но въ отпускъ шпоры надѣвались всѣми, уже послѣ того, какъ являлись дежурному офицеру, внизу въ вестибюлѣ, передъ тѣмъ, какъ выйти изъ помѣщенія, чтобы, не дай Богъ, не очутиться внѣ Школы безъ шпоръ. Кто не помнитъ швейцара Василя, который помогалъ и какъ бы своимъ знающимъ глазомъ осматривалъ юнкера, выходящаго въ отпускъ. Извозчики уже стояли въ ожиданіи . . .

В. Великосельскій

ТРЕВОГА.

Лѣто 1916 года. Мы — въ лагеряхъ, въ Дудергофѣ. Дни заняты ученьями, саперными работами и маневрами, а сегодня, кромѣ того, ходили еще довольно далеко, въ пѣшемъ строю и по жарѣ — знакомиться со стрѣльбой тяжелыхъ гаубицъ новѣйшаго типа, присланныхъ съ заводовъ Крезо.

Послѣднее время усиленно поговаривали, что Марченко (нелюбимый н-къ Училища) обязательно устроить на дняхъ пробную тревогу, безъ которой лагерная жизнь не обходилась ни разу; но намъ и въ голову не приходило, что это можетъ произойти сегодня, послѣ такого тяжелаго и утомительнаго дня. Мы знали, что по приказанію генерала, въ случаѣ тревоги, казарма нижнихъ чиновъ запирается (вѣстовые) на ключъ, и что сѣдловка и выводъ лошадей изъ конюшенъ должны производиться самими юнкерами. Поэтому мы еще заранѣе сговорились и распредѣлили между собой — кто возьметъ на себя заботу объ обмундированіи, кто — лошадей.

Было уже около 10 часовъ. Многіе уже спали, другіе раздѣвались и укладывались: усталость валила съ ногъ. И, вдругъ — серебряный звонъ трубы: тревога!

Въ баракахъ поднялась бѣготня и суетня; полураздѣтые и совсѣмъ раздѣтые юнкера, которымъ полагалось сѣдлать и вывести лошадей, сломя голову понесли въ конюшни; другіе спѣшно собирали оружіе, сапоги, подсумки и ремни и выбѣгали къ передней линейкѣ, гдѣ долженъ былъ строиться эскадронъ. Тамъ, на своемъ огромномъ гунтерѣ, уже возвышалась фигура самого генерала Марченко въ сопровожденіи училищнаго адъютанта, ротм. Карновича; одинъ за другимъ появлялись г. г. офицеры. Для нихъ, какъ и для насъ, тревога была неожиданностью, а быстрота построенія эскадрона — вопросомъ самолюбія. Эскадронный — ротм. Помазанскій, съ трудомъ скрывая волненіе, безпрестанно взглядывалъ на часы-браслетъ, съ часами же въ рукѣ невозмутимо стоялъ и генераль.

Юнкера, приведшіе лошадей, бросились одѣваться и приводить себя въ порядокъ. Наконецъ, раздалась команда ротм. Помазанскаго:

— Эскадронъ — равняйся! Смирно!

Генераль прячетъ часы и произноситъ безстрастно, но не безъ чувствующагося удовольвенія:

— Десять минут!

К-рь эскадрона и г. г. офицеры обмѣниваются довольными взглядами.

— Ротмистръ Помазанскій, ведите эскадронъ къ Лабораторной роще; по дорогѣ вскроете конвертъ съ задачей, — обращается генераль къ эскадронному.

Мы двигаемся; сотня, строившаяся невдалекѣ отъ насъ, уходитъ въ направленіи Кавелахтскаго хребта. Чудная тихая ночь; полная луна начинаетъ подниматься и вправо отъ Лабораторной роши тянется длинная черная тѣнь. Чуть прохладно; кони пофыркиваютъ, изрѣдка звякаютъ подкова о подкову. Ротм. Помазанскій вскрываетъ конвертъ: предстоитъ встрѣчный бой съ сотней за овладѣніе Кавелахтскимъ хребтомъ, покрытымъ кустарникомъ. Задача — явно пѣхотнаго характера и все разочарованы. Войдя въ тѣнь, бросаемую Лабораторной рощей, эскадронъ спѣшивается и, оставивъ коноводовъ, приступаетъ къ выполнению заданія. Я попадаю въ число коноводовъ.

Медленно и нудно тянется время. Мы чутко вслушиваемся, стараясь угадать, что происходитъ «тамъ». Тишина. Только слышно стрекотанье сверчковъ и кузнечиковъ, да порой откуда-то доносится собачій лай. Курить запрещено, и ярые курильщики тоскуютъ вдвойнѣ. Поднявшійся вѣтерокъ прошелестѣлъ листьями тополей надъ нашими головами и стихъ. Но, вотъ, гдѣ-то далеко стукнулъ выстрѣлъ, за нимъ — другой, третій . . . Началось! Все наши мысли — съ эскадронномъ, удастся ли овладѣть хребтомъ? Чей будетъ успѣхъ?

Изъ-за дальняго угла Лабораторной роши появляется какая-то темная масса. Мигъ — и передъ нами, вокругъ насъ и среди насъ — какъ изъ-подъ земли — вырастаютъ фигуры всадниковъ; дикій визгъ, отъ котораго шарахаются наши лошади, свистъ, вой . . . Въ свѣтъ поднявшейся уже высоко луны сверкаютъ поднятыя надъ головами шашки, вспыхиваютъ огоньками острія пикъ . . . Вотъ она — мощь конницы, «царицы полей»! Мы уничтожены, это ясно всемъ. Лукавая младшая сестра эскадрона — сотня — перехитрила старшаго брата, и пѣхотную задачу рѣшила въ кавалерійскомъ духѣ: глубокимъ обходомъ и стремительнымъ ударомъ по коноводамъ — нерву всякой спѣшенной кавалеріи! Но — какъ они успѣли — по времени? Впрочемъ, сотня щеголяетъ быстротой перестроеній и передвиженій: сказывается воспитанная длиннымъ рядомъ поколѣній врожденная способность къ войнѣ!

Бой оконченъ; эскадронъ его проигралъ и въ мрачномъ настроеніи направляется къ баракамъ. Сотня уже ушла и издалика вѣтерокъ доносить до насъ нѣжный теноръ запѣвалы:

Не орелъ подь о-о-облаками
Высоко-о-о лета-а-еть!

И дружный, мощный хоръ десятковъ молодыхъ и свѣжихъ
голосовъ подхватываетъ:

То-о штандартъ надь ка-а-а-заками
Гордо ра-а-звѣва-еть!

Училищный штандартъ съ зимы, по приказу генерала, недовольнаго «традиціонностью» эскадрона, переданъ въ сотню — она этимъ горда и поетъ эту пѣсню.

— Штандартъ — развѣваетъ!!! Штандартъ можетъ развѣваться, а не развѣвать! — слышенъ сзади чей-то недовольный голосъ. Замѣчаніе, конечно, справедливое, но отклика оно не находитъ: не до того!

— Дѣла давно минувшихъ дней...

А. Арсеньевъ †

«*Наши Вѣсти*».

Смѣна караула отъ сотни.

Изъ воспоминаній генерала Улановскаго.

27 марта 1917 года я вступилъ въ исполненіе обязанностей Начальника Николаевскаго Кавалерійскаго Училища.

ПРИСЯГА ВРЕМЕННОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ.

Правительство потребовало всѣхъ военно-служащихъ привести къ присягѣ. Я подъ разными предлогами оттягивалъ исполненіе этого приказа и въ концѣ концовъ Училище никому не присягнуло.

ОХРАНА ВОСПИТАННИЦЪ СМОЛЬНАГО ИНСТИТУТА.

Однажды въ кабинетѣ моей квартиры при Училищѣ раздался телефонный звонокъ. Звонила Начальница Смольнаго института княгиня Голицына. «Я въ большомъ волненіи и тревогѣ за судьбу ввѣреннаго мнѣ института и моихъ воспитанницъ. Не можете ли вы прислать мнѣ юнкеровъ вашего Училища для охраны?» Я отвѣтилъ: «Немедленно посылаю вамъ нарядъ», а самъ составилъ лично списокъ юнкеровъ и приказалъ дежурному по эскадрону прислать ихъ ко мнѣ. Когда они явились, я объявилъ имъ, какая почетная и завидная задача возлагается на Школу. Отъ нихъ зависитъ оправдать это особо исключительное довѣріе Начальницы Смольнаго института. Рѣдкая, просто небывалая миссія Училища. Черезъ часъ выбранные юнкера въ шикарномъ видѣ, при шашкахъ и револьверахъ съ боевыми патронами, были отправлены на лихачахъ въ институтъ. Вскорѣ я получилъ по телефону донесеніе отъ старшаго наряда: «Приняли прекрасно, кормятъ и поятъ вкусно и обильно, чувствуемъ себя прекрасно и, если возможно, не смѣняйте насъ какъ можно дольше. Отвели намъ помѣщеніе въ первомъ этажѣ въ отдѣльной комнатѣ, всѣмъ и всѣми очень довольны». На слѣдующій день по телефону отъ Начальницы института я получилъ благодарность и лестный отзывъ о присланныхъ юнкерахъ: «Ваши юнкера воспитаны, приличны, держатъ себя выше похвалы. Завоевали симпатіи всего состава ввѣреннаго мнѣ института. Благодарю васъ за нихъ». Этотъ нарядъ пробылъ въ институтѣ около недѣли, выполнивъ точно свою историческую миссію.

ОХРАНА ПОСОЛЬСТВЪ.

Однажды французское и англійское посольства обратились ко мнѣ съ просьбой прислать юнкеровъ для ихъ охраны. Нѣсколько

дней подрядъ назначенный нарядъ несъ службу при этихъ посольствахъ. По минованіи надобности юнкера были возвращены въ Школу со слѣдующимъ лестнымъ отзывомъ: «Искренне благодаримъ васъ за надежную охрану. Ваши юнкера вели себя въ высшей степени джентльменами. Въ службѣ были точны и исполнительны».

ПОПЫТКИ ЕВРЕЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ СТАТЬ ЮНКЕРАМИ ШКОЛЫ.

Временное правительство разрѣшило евреямъ поступать въ Военныя училища. Сейчасъ же ко мнѣ стали являться молодые еврейчики съ настоятельной просьбой принять ихъ въ Училище. У меня было нѣсколько свободныхъ вакансій, но что было дѣлать для спасенія Училища отъ еврейскаго элемента? Я объѣхалъ всѣ военныя училища Петрограда и Пажескій корпусъ съ предложеніемъ желающимъ перевестись въ Училище. Директоръ Пажескаго корпуса генералъ Усовъ, принимая меня лично, обнялъ, расцѣловалъ и благодарилъ меня за такой мудрый шагъ, благодаря которому Училище, спасаясь отъ евреевъ, спасаетъ тѣмъ самымъ 12 пажей его спеціальнаго класса, которыхъ онъ сегодня же высылаетъ въ Школу. Откликнулись и другія училища и, такимъ образомъ, всѣ свободныя вакансіи были заполнены. На запросъ Керенскаго и генерала З. А. Макшѣва о дальнѣйшемъ приѣмѣ евреевъ, я неизмѣнно отвѣчалъ, что не имѣю свободныхъ вакансій.

Януарій Сулейманъ-Улановскій

*

* *

Убійство Полковника Г. В. Левенца.

Убійство толпой запасныхъ солдатъ командира эскадрона Николаевскаго Кавалерійскаго Училища полковника Г. В. Левенца въ дни революціи.

(По свідѣтельству вдовы покойнаго А. И. Левенецъ, по второму браку Шинманъ).

Командиръ эскадрона
подполк. Г. В. Левенецъ.

Между 8 и 9 часами утра 1 марта 1917 г., когда усталый отъ провѣрки ночныхъ карауловъ мой мужъ, полковникъ Г. В. Левенецъ, легъ отдохнуть и еще не спалъ, въ нашу квартиру ворвалось человекъ 20 запасныхъ и матросовъ, окружили его, не допустивъ деньщика помочь ему одѣться и повели полураздѣтаго, безъ оружія, на улицу. Я предполагала, что его хотятъ силой и угрозами заставить идти въ Государственную Думу, гдѣ былъ сосредоточенъ штабъ революціи. Быстро одѣвшись, бросилась вслѣдъ за ними и увидѣла посрединѣ улицы, лежащаго въ небольшихъ саяняхъ съ раздробленной головой, своего мужа, и какіе-то

солдаты и неизвѣстные люди везли его въ направленіи Обводнаго канала, повидимому, съ намѣреніемъ бросить въ каналъ. полный грязной воды. Къ счастью, юнкера бросились и отбили его, не допустивъ совершиться этому злему поруганію. Момента борьбы юнкеровъ съ толпой я не видѣла, такъ какъ должна была вернуться обратно въ открытую настежь квартиру, гдѣ остался нашъ 4-лѣтній сынъ. По квартирѣ совершенно свободно расхаживали запасные солдаты и какіе-то подозрительные типы. Въ это время юнкера на простыняхъ внесли тѣло мужа и

бережно положили его въ столовой на столѣ. Подробности этой страшной, звѣрской расправы съ моимъ мужемъ революціонной черни я узнала отъ находившагося неотлучно около мужа деньщика, отъ офицеровъ и юнкеровъ Училища. Какъ непосредственный свидѣтель происшедшаго злодѣянія, деньщикъ рассказывалъ, что когда банда запасныхъ и матросовъ очутилась съ мужемъ на улицѣ, они начали наносить ему грубыя оскорбленія и кто-то изъ толпы пытался сорвать съ него погоны. Мужъ старался этого не допустить, сопротивлялся и обругалъ разсвирѣпѣвшихъ запасныхъ, въ этотъ моментъ изъ толпы раздался выстрѣлъ, пуля попала въ нижнюю полость живота мужа. Онъ упалъ какъ подкошенный и при попыткѣ подняться получилъ прикладомъ винтовки ударъ въ голову, раздробившій ему черепъ. Впослѣдствіи мнѣ говорили, что одинъ изъ юнкеровъ, находившихся недалеко слышалъ, что сказалъ мужъ толпѣ, но, къ огорченію, фамилію этого юнкера мнѣ установить не удалось.

Вскорѣ собрались въ квартирѣ всѣ офицеры Училища и была отслужена панихида по убитомъ моемъ мужѣ. Генераль Марченко предложилъ похоронить тѣло мужа около алтаря училищной церкви. На другой день утромъ гробъ былъ внесенъ въ церковь Училища, гдѣ была совершена заупокойная литургія и отпѣваніе одной изъ первыхъ жертвъ «солнечной, радостной и праздничной». Къ вечеру опять появилась на дворѣ Училища толпа запасныхъ съ различными угрозами и наглыми требованіями. Спѣшно пришлось вынести гробъ изъ церкви въ манежъ и тамъ спрятать его отъ возможныхъ надругательствъ и издѣвательствъ революціонно настроенной банды.

Во избѣжаніе новыхъ столкновеній и всякихъ выпадовъ запасныхъ я просила меня не навѣщать и не подвергать себя опасности. Неожиданно въ этотъ день, поздно вечеромъ, зашелъ ко мнѣ нашъ чудный священникъ и сообщилъ, что ему удалось получить отъ главарей запасныхъ обѣщаніе меня болѣе не трогать и никакихъ насилій не дѣлать. Не довѣряя искренности и правдивости его словъ и боясь новыхъ оскорбленій и надругательствъ толпы надъ тѣломъ мужа, я рѣшила отъ похоронъ мужа около алтаря церкви отказаться и искать возможности его похоронить на одномъ изъ ближайшихъ отъ Училища кладбищъ. Утромъ меня посѣтила жена брата мужа и сообщила утѣшительное извѣстіе, что нашелся человекъ, который обѣщаетъ перевезти гробъ на Охтенское кладбище. За неимѣніемъ перевозочныхъ средствъ этимъ предложеніемъ необходимо было воспользоваться. Мы вдвоемъ съ моей belle soeur сопровождали тѣло моего погибшаго мужа до кладбища, гдѣ и похоронили его въ склепѣ, принадлежащемъ семьѣ моей belle soeur. Склепъ былъ огороженъ желѣзной рѣшеткой и въ немъ уже были похоронены ея отецъ

генераль Папафанасопуло и скончавшаяся въ раннемъ дѣтствѣ ея дочь. Впослѣдствіи на могилѣ былъ поставленъ деревянный крестъ.

Между прочимъ, когда 28 февраля появилась первая депутація революціонеровъ въ Училищѣ, генераль Марченко просилъ мужа переговорить съ ними, что мужъ и исполнилъ, но по окончаніи разговоровъ въ дверь уборной, гдѣ онъ мылъ руки, кто-то два раза выстрѣлилъ. Мужъ этому не придалъ особаго значенія и отнесъ это происшествіе къ случайной, неумѣстной забавѣ революціонно настроенной толпы.

Вотъ тѣ грустныя подробности, которыя мнѣ удалось возстановить въ памяти послѣ 50-лѣтней давности жуткаго убійства моего несчастнаго мужа.

Сообщилъ К. Скуридинъ

* * *

НИКОЛАЕВЦАМЪ.

«И будутъ вѣчными друзьями
Солдатъ, корнетъ и генераль», —
Такъ за далекими морями
Поэтъ на кольцахъ начерталь.
Но налетѣла злая вьюга,
Всѣ кольца разметала врозь
И лишь немногимъ удалось
По звону отыскать другъ друга.
Держитесь тѣсно, милы други,
Какъ въ пѣснѣ завѣщаль пѣвецъ, —
Не изъ кольца, а изъ колець
Ковали пращурьы кольчуги!
Короче сроки и дороги
И все растетъ число разлукъ, —
Уже идутъ «земные боги»
Къ Царю Небесному на цукъ.
И вы, я вѣрю, на парадѣ
Россійской конницы въ раю
Предстанете, завѣта ради,
Предъ Богомъ въ сомкнутомъ строю.
Въ глаза глядите не робѣя, —
За вами столько славныхъ лѣтъ!
Провѣрьте пальцемъ портупею,
А заодно и этишкетъ.

Н. Воробьевъ
С. Франциско.

Изъ писемъ...

«Надо бы и съ печалью вспомнить и конецъ Школы. Къ несчастью, онъ былъ безславенъ. Рискую послать на Твое усмотрѣніе фотографическую карточку.* Это снимокъ электро-технической мастерской въ зданіи Школы, въ 1918 году зимой, которую, съ благословенія наркома просвѣщенія Луначарскаго, организовалъ бывший офицеръ Училища, 4 гус. Мариупольскаго полка ротм. Горленко. Онъ при мнѣ былъ нашимъ «профессоромъ» по пулеметному, конно-саперному (подрывному, телефонно-телеграфному) и инженерному (мосты, желѣзныя дороги и т. д.) дѣлу. Человѣкъ, кончившій всевозможные техническіе курсы. Ужъ не помню какъ, но онъ собралъ насъ, проживавшихъ тогда въ Петербургѣ бывшихъ юнкеровъ Школы, и предложилъ это дѣло съ тѣмъ, что послѣ прослушанныхъ лекцій мы исполняли бы заказы по домамъ по исправленію и провѣркѣ электрическихъ установокъ и, такимъ образомъ, что-то зарабатывали бы. Насъ собралось что-то около 10—15 человѣкъ, конечно, большей частью послѣднихъ выпусковъ. Горленко, какъ я уже упоминалъ, отправился къ Луначарскому, былъ очень хорошо принятъ, и тотъ вполне поддержалъ эту идею. Разрѣшилъ также занять помѣщеніе въ зданіи Училища, но потребовалъ зарегистрироваться тамъ же при учрежденіи, которое эти зданія занимало (не помню ужъ это). Такимъ образомъ я побывалъ въ канцеляріи этого учрежденія, въ бывшей квартирѣ Начальника училища. Какъ она, такъ и все что удалось увидѣть внизу при входѣ — представляли мерзость запустѣнія. Повсюду шныряли какіе-то каторжные типы, солдатня и растрепанныя дѣвицы. Грустно, до слезъ грустно было все это видѣть. Наверхъ, въ помѣщеніе эскадрона, насъ не допускали, быть можетъ и къ лучшему, — меньше душевнаго разстройства. Представилось все то, что такъ вѣдь недавно было: блестящія формы, щеголеватые юнкера, нашъ представительный, что твой министръ, швейцаръ Михайла, дежурный трубачъ — у дверей теперь загаженной квартиры ген. Миллера. Тяжело становилось на душѣ.

Намъ подъ мастерскую предоставили помѣщеніе въ одномъ изъ флигелей, ужъ не помню, въ старомъ ли или уже новомъ. Многое тамъ было перестроено, появились новыя зданія, манежъ. Все, какъ говорили тутъ же бывшіе у насъ молодые, устроилъ Марченко; онъ же и отдѣлилъ юнкеровъ, уничтожилъ цукъ и вся-

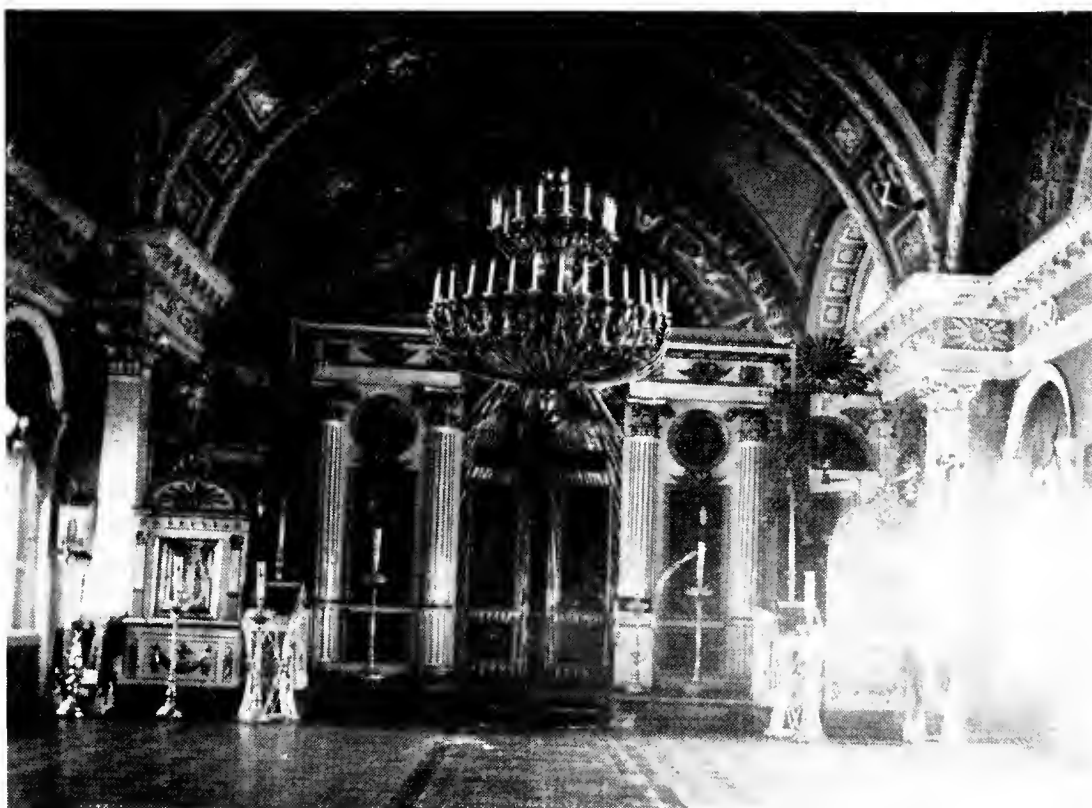
* Къ сожалѣнію, качество снимка не позволило его воспроизвести въ Памяткѣ. Прим. ред.

кія традиції. Все это уже было послѣ меня. Но намъ не позволяли ходить по расположенію Училища и такъ я и не видѣлъ всѣхъ перемѣнъ, только кое-что издали. Такъ мы учились, работали, ходили по домамъ, что-то зарабатывали.

Къ лѣту 1918 года это было прекращено, а въ іюнѣ я съ братомъ уѣхали на югъ . . .»

С. Дриневиць

* *
*

Церковь Училища.

* * *

Съ Кубани, Терека, Урала,
Донскихъ раздольныхъ береговъ
Родная Сотня собирала
Къ себѣ удалыхъ казаковъ.
Съ равнинъ широкихъ Семирѣчья,
Съ пустынь Сибири снѣговой
Звала къ себѣ, и всѣ нарѣчья
Звучали въ Сотнѣ боевой.
Донцу товарищъ былъ Кубанецъ,
Амурцу — гордый осетинъ.
И всѣ — Уралецъ, Астраханецъ,
Всѣ дружно шли, всѣ какъ одинъ.
Завѣты дѣдовъ памятуя,
Всегда рвались въ кровавый бой,
Чтобы за Родину Святую
Пасть безшабашной головой.

Его Императорское Высочество
НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ и ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ
Августѣйшій Атаманъ всѣхъ Казачьихъ войскъ.
Зачисленъ въ списки Сотни Николаевского Кавалерійскаго
Училища 4 Іюля 1915 года.

Сѣрый день едва мерцаетъ,
Скоро ночь пройдетъ,
Офицерство совершаетъ
Свой ночной обходъ.

Впереди полковникъ бравый,
Велѣдъ хорунжихъ рядъ,
Жаждой удали и славы
Очи ихъ горятъ.

Блещутъ шашки боевыя,
Шпоры чуть звенятъ,
На погонахъ золотыя
Звѣздочки горятъ.

Раздаются пѣсни звуки
Храбрыхъ казаковъ
Про великія заслуги
Дѣдовъ и отцовъ.

Про Азовское сидѣнье,
Вѣчную войну,
И Сибири покоренье,
И тоску въ плѣну.

Запорожскіе походы
Къ туркамъ, полякамъ,
Покоренные народы
Храбымъ казакамъ.

Мнится вольность удалая
Въ прежніе вѣка
Сагайдачнаго, Нечая,
Слава Ермака.

Русь, гляди какую силу
Кзаки таятъ!
За тебя сойти въ могилу
Каждый будетъ радъ.

Группа офицеровъ сотни Николаевского Кавалерійскаго Училища въ дни Великой войны:

Сидятъ, слѣва направо: Есауль Фоминъ (завѣдующій оружіемъ), Полковникъ Соколовъ (командиръ сотни), Генераль-майоръ Марченко (1-ый начальникъ Училища, носящій мундиръ сотни), Есауль Сутуловъ (старшій офицеръ сотни), Подъесауль Деменикъ, Подъесауль Тургіевъ. Стоять: Подъесауль Паумовъ, Подъесауль Сучилинъ, Есауль Мальшченко.

Четверть вѣка Сотни.

1890 — 4 іюня — 1915.

Давно ощущавшаяся необходимость поднять уровень образованія въ средѣ казачьихъ офицеровъ вызвала открытіе въ 1883 году Донского Кадетскаго Корпуса въ Новочеркасскѣ.

Ко времени 1-го выпуска изъ этого корпуса, къ 1890 году, рѣшенъ былъ вопросъ, гдѣ именно выпускаемые изъ этого корпуса кадеты должны получать специальное военное образованіе.

4 іюня 1890 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе, объявленное въ приказѣ по Военному Вѣдомству того же года за № 156, объ учрежденіи въ Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ казачьей сотни на 120 юнкеровъ всѣхъ казачьихъ войскъ для приготовленія ихъ къ службѣ въ офицерскомъ званіи въ конныхъ казачьихъ частяхъ. Впослѣдствіи къ нимъ присоединилось еще 15 стипендіатовъ кубанцевъ, и въ настоящее время штатъ сотни — 135 юнкеровъ. Такимъ образомъ, казачья сотня соединила въ себѣ всѣ 11 казачьихъ войскъ Имперіи, которыя съ 1910 года объединены общей училищной формой.

Въ сотню ежегодно поступаютъ кадеты-казаки и казачья молодежь, имѣющая аттестаты зрѣлости. Въ 1890 году принято было 30 юнкеровъ; въ 1891 году вновь принято 60 юнкеровъ, а съ 1892 года введенъ полный штатъ, причемъ число желавшихъ поступить въ сотню всегда превосходило число имѣвшихся вакансій. Сотня сразу стала любимымъ учебнымъ дѣтищемъ казаковъ, причемъ оканчивавшіе ее юнкера, хотя совершенно произвольно, но традиціонно, неизмѣнно, съ любовью и отъ сердца называли свою родную сотню — «Царской».

За 25-лѣтіе существованія сотни она выпустила 1498 офицеровъ, изъ нихъ: 1331 хорунжихъ, 166 прапорщиковъ и 1 урядника; въ гвардейскія казачьи части выпущено было за это время 107 офицеровъ, въ среднемъ по 4 офицера въ годъ.

По войскамъ больше всего выпущено въ Донское войско (605 человекъ), меньше всего въ Астраханское (20); затѣмъ цифры выпускныхъ за 25 лѣтъ распредѣляются такъ: въ Кубанское войско выпущено 350 офицеровъ; въ Терское 103; въ Оренбургское 158; въ Уральское 74; въ Сибирское 71; въ Забайкальское 54; въ

Уссурійское 22; въ Амурское 20; въ Семирѣченское 27. За время войны съ Германіей и Австріей, съ 12 іюля 1914 по 1 іюня 1915 г., выпущено въ казачьи части 163 хорунжихъ и 166 прапорщиковъ, всего 329 офицеровъ.

При основаніи сотни — эскадрону пришлось потѣсниться, что послужило къ сближенію юнкеровъ, и только понемногу Училище отстранялось: надстроены были третій этажъ, построены особыя конюшни, манежъ; 6 сентября 1914 г. заложенъ училищный тиръ, открытый 8 ноября и, наконецъ, съ 10 мая 1915 г. приступлено къ перестройкѣ двухъ интендантскихъ магазиновъ на Обводномъ каналѣ въ одинъ грандіозный сотенный манежъ.

Комплектованіе сотни лошадьми произошло въ три пріема: 1-й и 3-й годы поступило по 30 лошадей, а во 2-й годъ — 63 лошади. Ежегодный ремонтъ, одна десятая штата, приобретался штабомъ Донского войска. Съ 1896 года покупка и выѣздка ежегоднаго ремонта для сотни производится изъ 7 запаснаго кавалерійскаго полка. Опытъ показалъ, что никакого особеннаго «казачьяго» ремонта для сотни не нужно и что лучшія лошади въ ней тѣ, которыя передаются въ нее изъ эскадрона.

Строевое обученіе и завѣдованіе юнкерами возложено на командира сотни и на смѣнныхъ офицеровъ подъ общимъ руководствомъ Начальника Училища.

Годы:	Начальники Училища:	Командиры сотни:
1891—1902	Ген. маіоры Рынкевичъ, Плеве и Машинъ.	Есауль, впоследствии гвардіи полковникъ Дьяковъ.
1902	Ген. м. Машинъ.	Войск. ст. Исѣевъ.
1902—1908	Ген. м. Машинъ, Грязновъ и де Виттъ.	Войск. ст. Пѣшковъ.
1908—1912	Ген. м. Миллеръ и Марченко.	Гв. полк. Грековъ.
1912	Ген. м. Марченко.	Гв. полк. Соколовъ.

Въ 1890 году въ сотнѣ было 2 офицера: ес. Дьяковъ и подѣс. Логиновъ; въ 1891 г. назначены были еще подѣс. Лобачевъ и сот. Галушкинъ, а въ 1892 г. назначенъ былъ еще 5-й офицеръ подѣс. Скасырскій. Въ настоящее время въ сотнѣ, кромѣ командира, 7 смѣнныхъ офицеровъ.

Съ 13 декабря 1910 г. сотнѣ пожалована общая объединяющая все 11 казачьихъ войскъ форма, а съ 22 октября 1913 года Высочайше повелѣно начальнику Николаевскаго Кавалерійскаго Училища присвоить, кромѣ формы эскадрона, также форму обмундированія сотни.

Въ строевомъ отношеніи сотня дѣлится на 4 взвода, коими вѣдаютъ офицеры, какъ взводные командиры. Кромѣ того, для

строевого обученія сотня дѣлится на 6 смѣнъ, а для учебныхъ, классныхъ, цѣлей юнкера сотни разверстываются между 10 классными отдѣленіями и сидятъ въ классахъ вмѣстѣ съ юнкерами эскадрона. Каждое отдѣленіе для репетицій дѣлится на двѣ партіи.

Юнкера, поступившіе въ Училище, считаются на дѣйствительной службѣ и приводятся къ присягѣ передъ училищнымъ штандартомъ. Курсъ длится два года, во время войны: сначала 4, потомъ 6 и 8 мѣсяцевъ. Всѣ юнкера воспитываются на казенный счетъ и по окончаніи курса производятся въ офицеры и командуются въ полки.

Внутренняя жизнь сотни приноровлена, по возможности, къ внутреннему порядку строевыхъ частей. Нормальный учебный годъ начинается съ 1 сентября и кончается въ половинѣ августа. Занятія дѣлятся на зимнія (лекціи, репетиціи и строевыя до начала мая) и лѣтнія (въ лагеряхъ, съемки, полевыя занятія, стрѣльба, ученья и маневры). Для возбужденія соревнованія и поощренія достойные юнкера награждаются званіемъ портупей-юнкеровъ; изъ нихъ избираются вахмистръ и 4 взводныхъ. Лучшие ѣздоки записываются на мраморную доску въ манежѣ, одинъ изъ юнкеровъ за фехтованіе получаетъ въ призъ шашку. Лучшій по стрѣльбѣ юнкеръ получаетъ револьверъ или жетонъ; отличный рубака или пикинеръ, гимнастъ и вольтижеръ также награждаются училищными призами.

Въ періодъ зимнихъ занятій юнкера проходятъ всѣ отдѣлы строевой подготовки, причемъ при командирѣ сотни полковникѣ Грековѣ особенно прочно и основательно поставлено было владѣніе холоднымъ оружіемъ и, особенно, рубка, а также вольтижировка и джигитовка. Смѣнные офицеры сотни, будучи до глубины души сами проникнуты спортивнымъ духомъ, шли показомъ впереди юнкеровъ; развитію спорта особенно содѣйствовало училищное юнкерское спортивное общество «Заря», въ которомъ преимущественно серьезное участіе принимали юнкера сотни. Юнкера сотни отличились на конномъ «Лермонтовскомъ» праздникѣ въ Михайловскомъ манежѣ 21 марта 1914 года.

Поздравляя юнкеровъ съ успѣхомъ отлично выдержаннаго строевого экзамена за предѣлами училищныхъ стѣнъ, начальникъ Училища просилъ ихъ съ должной скромностью отнестись къ успѣху и, не покладая рукъ, съ патріотическимъ подъемомъ, работать дальше на пользу будущаго славной русской конницы и казачества на пути завѣщанныхъ традицій. Эти традиціи создавались естественно, потому что каждый представитель своего войска стремился въ той или другой отрасли строевого дѣла внести новую долю удалства въ общемъ укладѣ жизни и духа сотни. Этотъ, свойственный казачьей натурѣ, задоръ всегда сопро-

вождался традиционными удалыми пѣснями, захватывалъ общей волной всѣхъ юнкеровъ сотни, которые, воодушевляясь до энтузіазма и забывая про опасность, шли на всякія ухищренія, чтобы внести въ жизнь сотни что-то необычайно новое и тѣмъ поддержать ея славу, которая за 25 лѣтъ гремитъ по всѣмъ казачьимъ войскамъ.

За 25 лѣтъ много трудовъ и заботъ положено было въ дѣло усовершенствованія подготовки будущихъ казачьихъ офицеровъ и труды эти не пропали даромъ. Много доблестныхъ офицеровъ-казаковъ сложили съ честью свои головы на поляхъ сраженій Великой войны и украсили именами своими скорбныя доски училищной церкви. Въ память cadaго изъ нихъ учреждена кровать въ лазаретѣ для раненыхъ нижнихъ чиновъ родной арміи при Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ. Другіе доказали на дѣлѣ беззавѣтную преданность долгу службы, свою храбрость и лихость, на которыхъ воспитывается на утѣшеніе Государю славная сотня юнкеровъ. Хотятъ они быть «Царевы» и отдають своему Царю, своему земному солнцу, все и самую жизнь.

*Выдержки изъ брошюры «Четверть вѣка сотни Н. К. У.»,
Петроградъ, 1915.*

XXV-лѣтіе Сотни. Дудергофъ, 1915 г.

Гвардейская Школа.

*Съ чувствомъ глубокаго уваженія посвящаю
воспоминанія моимъ однокашникамъ.*

30 августа 1891 года. Окончивъ Омскій кадетскій корпусъ, мы, кадеты, подъѣзжали къ Невской столицѣ, творенію Петра. Надъ городомъ сѣрватая дымка отъ пыли и фабричныхъ трубъ. Вдали синѣетъ громада Исаакія съ горящими въ свѣтѣ заходящаго солнца куполами. Поля смѣнились огородами. Огороды — заводами, фабриками. Все ближе и ближе надвигается на насъ городъ. Втянулись подъ стеклянный навѣсъ Николаевского вокзала.

Офицеръ-воспитатель, сопровождавшій кадетъ въ пути, раздѣлилъ бывшихъ своихъ питомцевъ на группы: михайловцевъ, николаевцевъ, павловцевъ и константиновцевъ. Михайловцамъ и николаевцамъ приказалъ самимъ явиться въ свои училища.

Черезъ полчаса ѣзды на извозчикѣ мы, трое, были у цѣли. Ново-Петергофскій проспектъ. Большое сѣрое зданіе «глаголемъ», съ садикомъ впереди и желѣзной оградой вдоль улицы.

Обширный вестибюль сіялъ навощеннымъ до блеска паркетомъ. Въ глубинѣ его двѣ пологихъ лѣстницы вдоль стѣнъ вели во 2-й этажъ. Вправо отъ входной парадной двери комната дежурнаго офицера. Дежурилъ лейбъ-гвардіи уралець подъяесаулъ Логиновъ.

Послѣ нашего представленія подъяесаулъ сказалъ:

— Въ часъ добрый! Пойдемте въ сотню.

На пути въ 3-й этажъ мы пересѣкли помѣщеніе эскадрона. Средняя площадка при всей своей простотѣ произвела на насъ впечатлѣніе. Въ широкихъ золоченыхъ рамахъ съ бронзовыми оградками были прекрасной кисти портреты четырехъ императоровъ — во весь ростъ. Противъ средней стѣны памятникъ бывшему главному начальнику Военно-учебныхъ заведеній Великому Князю Михаилу Павловичу — на каменномъ цоколѣ бюстъ темной бронзы. На стѣнѣ бѣлыя мраморныя доски съ именами лицъ, окончившихъ Училище первыми. Въ противоположной стѣнѣ дверь въ училищную церковь. Въ церкви по стѣнамъ черныя мраморныя доски съ фамиліями питомцевъ, павшихъ въ бояхъ. Двери въ боковыхъ стѣнахъ вели въ помѣщенія полуэскадроновъ.

Средняя площадка въ помѣщеніи сотни была безъ всякихъ украшеній. Къ ней въ сторону улицы примыкалъ Лермонтовскій музей. Помѣщенія полусотенъ были надъ полуэскадронами. По другую сторону коридора были курительная комната, умывальная и цейхгаузы.

— Вахмистръ Епифановъ, примите и размѣстите прибывшихъ, — отдалъ приказаніе подѣсауль.

Я попалъ во 2-й взводъ къ взводному портупей юнкеру Африкану Петровичу Богаевскому, въ революціонные годы возглавлявшему Донское казачество. Уже въ Училищѣ онъ поражалъ своимъ спокойствіемъ и тактомъ.

На другой день по прибытіи насъ въ Училище посѣтилъ сотню ея командиръ есауль Донского казачьяго войска Дьяковъ. Средняго роста, плотный брюнетъ, съ бритымъ лицомъ, закрученными въ кольца усами и проборомъ посреди головы. Юнкера не любили его за грубое обращеніе и окрики. За нимъ прочно установилась кличка «Камерный» — названіе лакеевъ, обслуживающихъ юнкеровъ. Стоило Дьякову показаться въ сотнѣ, какъ раздавалось въ разныхъ концахъ «камерный». Лакеи, зная по опыту, что этотъ одновременный зовъ къ нимъ не относится, прятались на время въ служительской комнатѣ. Юнкера чутьемъ чували, что Дьяковъ болѣе заботится о лошадяхъ, чѣмъ о нихъ; при паденіи всадника съ лошадыю онъ всегда спрашивалъ: «Что, конь не ушибся?»

Поздоровавшись съ прибывшими, командиръ сотни приказалъ слѣдовавшимъ за нимъ портному, шапошнику и сапожнику снять мѣрки съ насъ.

Знакомимся со всеми училищными помѣщеніями. Прежде всего съ Лермонтовскимъ музеемъ, открывавшимся въ опредѣленные дни. Въ глубинѣ его стоитъ памятникъ поэту — бюстъ на глыбѣ камня. По стѣнамъ висятъ портреты писателя и его родныхъ. На столахъ мелкія вещи, принадлежавшія поэту: кошельки, туфли, трубка съ длиннымъ чубукомъ. Главное — многочисленныя рукописи. Строки порнографическаго содержанія были подчеркнуты читателями. На двухъ подставкахъ стоятъ двѣ небольшія фигуры всадниковъ въ бѣлыхъ мундирахъ Школы Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Кавалерійскихъ Юнкеровъ, нынѣ Николаевского Кавалерійскаго Училища.

Вдоль коридора, идущаго черезъ все помѣщеніе сотни, противъ первой полусотни, была обширная курительная комната съ двумя дверьми по концамъ ея, съ асфальтовымъ поломъ, двумя каминами съ вѣчно горящимъ коксомъ, желѣзной клюкой толщиной въ одинъ сантиметръ, по преданію связанной въ узелъ Лермонтовымъ. Глубокая поперечная отъ стѣны до стѣны борозда въ асфальтѣ сдѣлана Лермонтовымъ раскаленной клюкой —

грань, за которую «сугубые звѣри» не смѣютъ переходить на корнетскую половину. Это ограниченіе не распространяется на «корнетовъ», то есть юнкеровъ старшаго курса. Собственно корнетъ — первый офицерскій чинъ въ кавалеріи. Бѣдные звѣри не имѣютъ укрытія отъ «цука» корнета.

Къ счастью нашему, въ сотнѣ цука не было. О немъ напоминала историческая реликвія — борозда въ асфальтѣ, которую въ силу традицій училищное начальство не рѣшалось залить. О цукѣ пришлось слышать отъ товарищей драгунъ и кой-что видѣть самимъ. А было интересное, наводящее на размышленіе.

— А изъ какого болота пожаловали, сугубый? А ну-ка, вернитесь на 360, то есть полный оборотъ круга на одномъ каблукѣ. — Такъ встрѣчали второкурсники вновь поступившихъ.

— Отчетливый оборотъ. Быстрый! Ну-ка, еще кругомъ... Разскажите, сугубый, что вы знаете о безсмертіи души рябчика? Какія сугубыя науки существуютъ въ Школѣ и какъ должно относиться къ нимъ съ точки зрѣнія кавалериста?

Подобные вопросы задавалъ любой корнетъ любому звѣрю, какимъ бы тотъ графскимъ или княжескимъ титуломъ не обладалъ. По неписаннымъ законамъ Школы, любой корнетъ могъ дать звѣрю нарядъ на службу или поставить подъ шашку. Вопреки дисциплинарному уставу взводнымъ отдавали честь, становясь во фронтъ. Средняя площадка эскадрона въ любое время была занята «малоуспѣвающими», которыхъ дрессировали господа корнеты. Къ позднему вечеру площадка бывала занята «добровольцами».

— Желающіе подъ шашку, выходи! — раздавался голосъ дежурнаго.

И строятся звѣри. Желающимъ жить не по традиціи, а по уставу, приходилось уходить изъ Училища.

Слушающіе повѣствованіе о цукѣ быть можетъ спросятъ, какъ объяснить существованіе цука въ Училищѣ, претендовавшемъ на привилегированное положеніе среди другихъ военныхъ училищъ? Терпимое отношеніе родовитыхъ благовоспитанныхъ юношей къ цуку, полное смиреніе и выносливость ихъ въ перенесеніи грубыхъ уколовъ по самолюбію и издѣвательствъ господъ корнетовъ тѣмъ болѣе удивительны, что черезъ какой-нибудь годъ психологія ихъ совершенно мѣняется, показавшееся обиднымъ слово товарища служитъ поводомъ къ вызову оскорбившаго на дуэль. Единственнымъ объясненіемъ дуэли въ войскахъ и цука въ училищахъ служитъ массовый гипнозъ; въ полкахъ честь мундира, въ училищахъ — традиціи, слѣпое преклоненіе передъ завѣтами прошлаго, особенно Николаевцевъ, передъ памятью былого кумира Школы, поэта Лермонтова.

Училищное начальство знало объ этомъ цукѣ, но не препят-

ствовало его существованію, пройдя само въ стѣнахъ этого заведенія подобную муштру и видя въ цукѣ помощь при воспитаніи юнкеровъ.

Какъ драгуны, такъ и казаки помѣщались въ обширныхъ залахъ, заставленныхъ въ два ряда кроватями со столиками-тумбочками.

Къ вечеру 31 августа становится шумно: прибываютъ изъ отпуска юнкера старшаго курса. Въ 9 часовъ внизу на площадкѣ эскадрона дежурный трубачъ заигралъ повѣстку къ зарѣ.

— Выходи на повѣрку! — раздалась команда одновременно въ эскадронѣ и сотнѣ.

Вахмистръ сотни начинаетъ перекличку: «Портупей-юнкеръ Абрамовъ». — «Я», слѣдуетъ отвѣтъ. — «Юнкеръ Сычовъ». — «Эге-жъ». — «Юнкеръ Сычовъ, послѣ зари отправляйтесь на сутки подъ арестъ!» — говоритъ вахмистръ Епифановъ юнкеру старшаго курса, донцу, за его «эге-жъ». Арестъ вахмистромъ однокурсника — явленіе, недопустимое традиціями эскадрона, оказался въ сотнѣ своевременнымъ и полезнымъ; однокурсники, одностаничники, товарищи стали видѣть въ Епифановѣ начальника.

Снизу слышались вызовы: «Юнкеръ князь Голицынъ, юнкеръ графъ Кайзерлингъ, юнкеръ князь Аргутинскій, юнкеръ князь Долгоруковъ». Много князей, графовъ, бароновъ и фоновъ. Были и кавказскіе князья, персидскій принцъ Фасуль Мирза, былъ сынъ послѣдняго Геокъ-Тепинскаго хана, были здѣсь дѣти окультуренныхъ по заграницамъ коммерціи совѣтниковъ, банкировъ и представители неторгующаго купечества. Позднѣе это Училище воспитывало Великаго Князя Бориса Владиміровича и сына Бухарскаго эмира.

Прочитанъ приказъ по Училищу: служебный приказъ на слѣдующій день, назначенія на должности вахмистра, портупей юнкеровъ, распредѣленіе юнкеровъ по взводамъ.

— Смирно! — скомандовали вахмистра эскадрона и сотни.

Дежурные и дневальные приложили правыя руки къ головнымъ уборамъ. Трубы мягко запѣли кавалерійскую зорю «Господи, спаси, сохрани воиновъ и Россію во тьмѣ ночной» . . .

— На молитву, шапки долой!

«Отче нашъ» и «Спаси, Господи» стройно пропѣли юнкера.

— Накройсь! Смирно!

Торжественно пропѣли и гимнъ. Теперь можно и спать, но можно и не ложиться до 10 часовъ.

Въ отличіе отъ корпуса, гдѣ кадетамъ не разрѣшалось курить, имѣть на рукахъ деньги, часы, гдѣ мы должны были брить усы и бороду, коротко стричь волосы, сами чистить себѣ сапоги — здѣсь все ограниченія отпали. Для нашихъ услугъ имѣлись лакеи, которымъ по традиціямъ Славной Школы каждый драгунъ да-

еть ежемѣсячно не менѣе трехъ рублей, ну а въ сотнѣ всего по рублю. Отъ щедротъ юнкеровъ и отъ жалованья лакеи имѣли тысячныя сбереженія; одинъ изъ нихъ въ эскадронѣ имѣлъ ихъ до 60 тысячъ рублей.

Для преподаванія были приглашены лучшія научныя силы. Достаточно сказать, что въ числѣ преподавателей были полковникъ Щербачевъ, во время міровой войны командовавшій Румынскимъ фронтомъ, полковникъ Алексѣевъ — впоследствии начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго, а затѣмъ и самъ Главковерхъ.

Да не упрекнутъ меня въ неполной зарисовкѣ всѣхъ качествъ нашихъ бывшихъ учащихся — за 50 лѣтъ многое сгладилось въ памяти. О большинствѣ осталось въ сознаніи только хорошее, да и то затянутое какой-то дымкой.

Законоучителемъ и священнослужителемъ былъ протоіерей Жилинъ. Удивительно былъ скромный и мягкій человѣкъ. Юнкера не знали его имени и временами звали его то корнетомъ, то ротмистромъ.

При входѣ законоучителя въ классъ 3 или 4 человѣка говорятъ вразъ: «Корнетъ Жилинъ, за безпорочную службу и примѣрное поведеніе вы производитесь въ ротмистра».

— Вотъ это хорошо . . . Ну а теперь я расскажу вамъ исторію 7-го Вселенскаго собора.

Исторію литературы читалъ дѣйств. ст. совѣтникъ Мохначѣвъ. Своимъ ораторскимъ талантомъ, умѣніемъ вложить душу въ декламируемое, Мохначѣвъ привлекалъ къ себѣ слушателей даже съ другихъ лекцій изъ другихъ аудиторій.

Какая-нибудь сантиментальная баллада приковываетъ къ себѣ общее вниманіе.

Леноръ снился страшный сонъ . . .

Проснулась я въ испугъ.

Гдѣ милый? Что съ нимъ? Живъ ли онъ?

И въренъ ли подругъ? . .

Полная тишина въ аудиторіи. Только кой-гдѣ начинается сморканіе въ платокъ — нервы!

Талантливо, захватывающе читали: военную исторію ген. штаба полковникъ Епанчинъ и исторію конницы ген. шт. полковники Щербачовъ и Дедюлинъ — позднѣе дворцовый комендантъ.

Передъ слушателями ярко, какъ въ современномъ кино, проходитъ конница всѣхъ временъ и народовъ, начиная со временъ Ганнибала, гунновъ и скифовъ, конница Зейдлица, Стюарда, русское казачество и кавалерія.

Тактику преподавалъ ген. шт. полковникъ Дюропъ и ротмистръ Морицъ. Послѣдній у юнкеровъ былъ извѣстенъ подъ

кличкой «Морицъ Кавелахтскій» въ отличіе отъ Морица Саксонскаго. Кавелахты — село на возвышенности за лѣвымъ флангомъ Авангарднаго лагеря, районъ съемоковъ и полевыхъ задачъ для юнкеровъ.

Топографію — ротмистръ Трамбицкій, «моментъ», то есть генеральнаго штаба, охотникъ и уже потому любитель разсказовъ въ стилѣ походовъ барона Мюнхгаузена.

Во время топографическаго черченія подходитъ онъ къ юнкеру, чисто, отчетливо, словно типографская машина, накладывая на бумагу штрихъ за штрихомъ.

— Очень хорошо. Только немного медленно. Вотъ я, бывало, въ академіи на карьерѣ ситуировалъ.

— Г-нъ ротмистръ, — обращается къ Трамбицкому какой-либо юнкеръ, — вы бывали на охотѣ на волковъ?

— Какъ же, какъ же. Вотъ былъ случай . . .

Онъ долго разсказывалъ объ этихъ случаяхъ.

Артиллерію читали въ параллельныхъ отдѣленіяхъ академикки Будаевскій и Христинъ. Первый извѣстенъ своимъ прекраснымъ учебникомъ артиллеріи. Второй — сербъ, питомецъ Николаевского Кавалерійскаго Училища, прозванный за длинную развѣвающуюся бороду и небольшой ростъ «Черноморомъ». Въ теченіе года Христинъ былъ требователенъ на репетиціяхъ. Во время же дней для подготовки къ экзаменамъ говорилъ: «Кто что плохо понялъ, приходите въ аудиторію, и я трудныя мѣста вновь объясню».

Такъ вмѣстѣ съ «Черноморомъ» и готовились юнкера. И должно сказать, что Павелъ Афанасьевичъ умѣлъ привить намъ любовь къ артиллеріи.

Администрацію читалъ ген. шт. капитанъ Даровскій, дослужившійся до чина ген.-отъ-инфантеріи.

Фортификацію — безталанный, заучившійся чуть ли не въ трехъ академіяхъ, полковникъ Шейманъ.

Законовѣдѣніе читали старикъ дѣйств. стат. сов. Бакшеевъ и академикъ полк. Чарторыжскій. Мнѣ пришлось слушать Бакшеева.

Юнкера злоупотребляли добротой старика. Ставитъ Бакшеевъ юнкеру 10 балловъ. Очень хорошая отмѣтка. Но юнкеръ возмущенно говоритъ: «Что вы, ваше превосходительство? Я хочу выйти въ гвардію — мнѣ нужно не менѣе 12». И старикъ ставитъ 12.

Химію и электромеханику преподавалъ академикъ Флоренсовъ. На его «сугубомъ» предметѣ бывало не менѣе курьезовъ. Ничего не знающаго юнкера Флоренсовъ спрашивалъ уже объ азахъ:

— Скажите, что значитъ обозначеніе NaCl? Не знаете? Ну, что значитъ H₂O?

Унылое лицо юнкера воодушевляется — онъ вспомнилъ кой-что изъ химіи по корпусной программѣ:

— H_2O есть соединеніе водорода и кислорода. И притомъ такого рода, что на двѣ частицы водорода приходится одна часть кислорода.

— Вѣрно. И что же, какъ назвать эту смѣсь?

Молчаніе.

— Вода?

— Такъ точно. Вода. Вспомнилъ.

Памятенъ питомцамъ Славной Школы преподаватель другого сугубаго предмета — механики, дѣйств. ст. сов. Фицтумъ, добрѣйшій души человѣкъ. Ему нравилось, когда юнкера называли его «Ваше Превосходительство». Каждую свою лекцію о движеніи точки въ пространствѣ по какой-нибудь параболѣ профессоръ начиналъ молчаливымъ вычисленіемъ формулъ на доскѣ. Кончивъ писать, поворачивался къ аудиторіи и видѣлъ однихъ спящими съ положенной на парту головой, другихъ читающими книги.

— Господа, вы бы послушали что-нибудь и запомнили бы. Я знаю, мой предметъ неинтересенъ и бесполезенъ для васъ. А все же послушали бы!

— А что, ваше превосходительство, — перебиваетъ его юнкеръ, — скоро у васъ въ институтѣ балъ будетъ?

— А скоро, скоро, — отвѣчаетъ Фицтумъ.

— Есть и хорошенькія институтки?

— Есть, есть. Много хорошенькихъ. Есть румяныя пышечки, есть античныя фигурки, есть какъ дымка, мечта — говорилъ механикъ, сходя съ кафедры.

— Пришлютъ намъ приглашеніе на балъ?

— Ну, конечно. Какъ же не пригласить господъ кавалеристовъ?

Въ такомъ родѣ заканчивались лекціи о параболахъ, гиперболахъ и хорошенькихъ личикахъ.

Иппологию — науку о лошади — преподавалъ магистръ ветеринарныхъ наукъ Соколовъ. Иногда Соколовъ при насъ производилъ вскрытіе почему-либо павшей лошади.

Слѣдуетъ вспомнить и инспектора классовъ ген.-маіора Циргъ. По необъяснимой причинѣ, источники коей затерялись въ стародавнія времена, добрый старикъ сталъ мишенью для шутки юнкеровъ.

По традиціи, съ началомъ репетицій, т. е. черезъ мѣсяць послѣ начала учебныхъ занятій, юнкера устраивали буффонаду — шуточные похороны инспектора классовъ. Циргъ зналъ объ этомъ. Подобно рыбакамъ и охотникамъ, которымъ вмѣсто желанія удачи говорятъ: «ни пуха, ни пера», Циргъ не обижался на юнкеровъ, считая свою жизнь застрахованной въ текущемъ году.

Говорятъ, что во времена болѣе позднія, когда цукъ и похороны были искоренены новымъ начальникомъ Училища ген.-маіоромъ Плеве, инспекторъ классовъ Циргъ былъ очень опечаленъ этимъ, высказывая своимъ знакомымъ: «Пока юнкера хоронили меня, я былъ спокоенъ за свою жизнь. Ну, а теперь значитъ умру». И скоро умеръ.

Начальникъ Училища ген. штаба ген.-маіоръ Рынкевичъ. Юнкера любили заботившагося о нихъ генерала. Проявленіе заботы было, очевидно, въ нашемъ питаніи; насъ кормили отлично, много лучше, чѣмъ въ другихъ училищахъ. При обходахъ помѣщеній генераль спрашивалъ фамиліи вновь прибывшихъ. И эти фамиліи разъ навсегда оставались у него въ памяти.

О командирѣ сотни есаулѣ Дьяковѣ было уже сказано ранѣе.

Насколько мало былъ симпатиченъ юнкерамъ Дьяковъ, настолько любимъ былъ ими уралецъ подьесаулъ Логиновъ и кубанецъ подьесаулъ Галушкинъ.

Первый живой, безбородый, худощавый, строгій по службѣ и внѣ ея старшій товарищъ. Бывало на вольтижировкѣ разговариваетъ съ ожидающимъ очереди и вдругъ, вспомнивъ, говоритъ юнкеру: «Вчера на Садовой вы не отдали мнѣ чести. Четыре наряда на службу». И затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаетъ прерванный разговоръ.

Понесшіе наказаніе не обижались, зная, что воинская дисциплина требуетъ отъ начальника не оставлять проступковъ подчиненныхъ безъ взысканія. Зато и вырабатывались изъ насъ службисты съ глазами на затылкѣ; даже на Невскомъ, въ самой суетолокѣ, юнкеръ образцово отдавалъ честь, не исключая обгонявшихъ его на рысакахъ.

Галушкинъ — спокойный, невозмутимый, средняго роста, съ черной окладистой бородой, въ плотно облегающей фигуру черкескѣ съ серебряными травленными газырями на цѣпочкахъ, съ такими же кинжаломъ и шашкой... На жеребцѣ «Громъ», ворономъ съ бѣлой звѣздой на лбу, Галушкинъ былъ достоинъ кисти художника. Но эта картинность дала ему недѣлю грустнаго размышленія о тлѣнности земной славы.

На похоронахъ Великаго Князя Константина Николаевича, бывшихъ зимой, Императоръ Александръ III, проходя мимо сотни юнкеровъ, слегка задержался передъ Галушкинымъ, залюбовавшись конемъ и всадникомъ. Словно отдавая честь, круто собравъ шею, отбивая копытомъ землю, конь склонилъ голову передъ своимъ царемъ.

Военный министръ ген. Ванновскій тотчасъ записалъ что-то у себя въ записной книжкѣ. На другой день намъ былъ прочитанъ приказъ объ арестѣ Галушкина на семь сутокъ за несоблюденіе

формы одежды. По толкованію военнаго министра, Галушкинъ, при парадной формѣ въ черкескѣ, долженъ былъ быть въ эполетахъ. Обоснованіе шаткое: черкеска зимой замѣняетъ пальто, а всѣ остальные чины были въ пальто съ погонами.

Недобрую память оставилъ по себѣ Ванновскій. Второй случай его «отеческаго вниманія» испыталъ на себѣ нашъ вахмистръ Епифановъ.

Дѣло было на Пасхѣ. По обычаю, фельдфебеля и вахмистры военныхъ училищъ въ назначенный часъ пріѣзжали во дворецъ, гдѣ христосовались съ Государемъ и цѣловали руку Государынѣ.

— Чѣмъ бы я могъ порадовать васъ въ такой день? — спросилъ Государь.

Епифановъ, слышавшій ранѣе, что Царь обычно задаетъ такой вопросъ, подалъ спрятанное до того за бортомъ мундира прошеніе своего отца, генерала въ отставкѣ. Отецъ его въ бытность на службѣ получилъ, взамѣнъ пенсіи, штабъ-офицерскій участокъ земли. При производствѣ въ генералы ему не сдѣлали прирѣзка земли, несмотря на многіе его хлопоты.

Прочтя прошеніе, Государь сказалъ военному министру:

— Дѣло ясное. Удовлетворить просителя.

Дня черезъ два намъ былъ прочитанъ приказъ по Училищу. Первая половина его была повтореніемъ приказа военнаго министра: «Вахмистръ сотни Николаевскаго Кавалерійскаго Училища Епифановъ допустилъ нарушеніе службы, обратившись съ прошеніемъ къ Государю Императору не по командѣ. За такое нарушеніе правилъ службы приказываю смѣстить вахмистра Епифанова съ должности и арестовать его на семь сутокъ!»

Далѣе въ приказѣ Начальникъ Училища ген.-маіоръ Рынкевичъ говоритъ: «Съ грустью выполняя приказъ военнаго министра, смѣщаю вахмистра Епифанова на должность взводнаго портупей-юнкера перваго взвода и арестовываю его на семь сутокъ съ содержаніемъ на гауптвахтѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ считаю своимъ долгомъ искренне благодарить вахмистра Епифанова отъ лица службы за идеально образцовый порядокъ въ сотнѣ и умѣнье поддерживать среди юнкеровъ дисциплину...»

Содержаніе на гауптвахтѣ вмѣсто училищнаго карцера, благодарность Начальника Училища и сознаніе принесенной сыновней жертвы отцу значительно скрасили наказаніе.

Третій смѣнный офицеръ сотни — донецъ есаулъ Лобачевъ. Данное ему юнкерами прозвище «бабушка» лучше всего характеризуетъ его. Мягкій, добросердечный Викторъ Ивановичъ въ должности бібліотекаря Училища былъ болѣе на мѣстѣ, чѣмъ въ строю.

Осенью 1892 года прибылъ въ сотню четвертый смѣнный офицеръ-донецъ есаулъ Скасырскій. Мелочною придирчивостью къ

юнкерамъ младшаго курса и заискиваніемъ передъ старшими Скасырскій съ первыхъ своихъ шаговъ заслужилъ названіе «собака».

Теперь отъ команднаго состава Училища перейду къ офицерамъ эскадрона.

Командиромъ эскадрона былъ подполковникъ Николай Александровичъ Сухомлиновъ, братъ начальника Офицерской кавалерійской школы, впослѣдствіи военнаго министра. Съ лысиной во всю голову и солидной полнотою, онъ все же былъ представителемъ. Будучи добродушнѣйшимъ человѣкомъ, онъ тѣмъ не менѣе, собственноручно рѣзалъ ножницами собственную неформенную одежду юнкеровъ эскадрона.

Смѣнные офицеры эскадрона: ротмистръ Муромцевъ, племянникъ военнаго министра Ванновскаго, ротмистръ Корибутъ-Дашкевичъ, мужъ знаменитой оперной пѣвицы Мравиной, — оба спокойные, уравновѣшенные. Ротмистръ Трамбицкій былъ уже обрисованъ ранѣе, какъ преподаватель топографіи и черченія и . . . какъ охотникъ стила барона Мюнхгаузена. Штабсъ-ротмистры Брунеманъ, Дитрихсъ, Химецъ, Ковако.

Брунеманъ чуть не навлекъ на меня большую непріятность. Зайдя къ намъ въ манежъ и указывая на меня смѣнному офицеру подъесаулу Логинову, онъ сказалъ: «Вчера этотъ юнкеръ на Невскомъ не отдалъ мнѣ честь». Такое заявленіе училищнаго офицера могло имѣть для меня до восьми нарядовъ на службу и столько же потерянныхъ дней отпуска. Къ счастью, подъесаулъ Логиновъ отвѣтилъ:

— Это не могло быть; вчера я былъ дежурнымъ по Училищу, а юнкеръ весь день на моихъ глазахъ былъ дневальнымъ.

Шт.-ротмистры Дитрихсъ и Химецъ остались въ памяти, какъ лихіе неѣздники и рубаки. Химецъ съ 1908 года былъ начальникомъ Офицерской Кавалерійской Школы.

Позднѣе былъ зачисленъ въ эскадронъ Училища Гродненскій гусарь штабсъ-ротмистръ Ковако, самовлюбленный, жизнерадостный и легкомысленный. Еще позднѣе, — поручикъ князь Шаховской, быстро сошедшійся со многими на товарищескую ногу.

Всѣ офицеры эскадрона, сами питомцы Николаевского Кавалерійскаго Училища, были хранителями его традицій — традицій Гвардейской Школы.

1 сентября — начало учебныхъ и строевыхъ занятій. Послѣ слушанія лекцій въ аудиторіяхъ и завтрака въ столовой, начались строевыя занятія съ 1 ч. и до 3 ч. 30 м. Юнкера, разбитые на группы, отправлялись въ манежъ, гимнастическій залъ, въ гербовый залъ на фехтованіе и въ учебную кузницу.

Такъ какъ манежъ сотни не былъ готовъ, то мѣсяца два мы пользовались половиной двойного манежа эскадрона съ двумя предманежниками. Въ манежѣ шло обученіе ѣздѣ, рубкѣ и фланкировкѣ пикой; въ предманежникѣ вольтижировкѣ.

Я попалъ въ группу, руководимую подъесауломъ, л.-гв. уральцемъ, А. М. Логиновымъ.

Помню день моей первой ѣзды. Проведя безвыѣздно годы ученья въ кадетскомъ корпусѣ, я ни разу не ѣздилъ верхомъ. И теперь я сгоралъ отъ стыда обнаружить свое неумѣнье въ ѣздѣ, — со мной въ смѣнѣ были донцы Новочеркасскаго кадетскаго корпуса, въ которомъ кадеты обучались верховой ѣздѣ.

На мое счастье на всѣхъ поступившихъ въ сотню, не исключая донцовъ, училищное начальство смотрѣло какъ на новичковъ, нуждающихся въ обученіи ѣздѣ съ «азовъ». Никто не спрашивалъ насъ объ умѣніи ѣздить. Подъесаулъ привелъ смѣну и командовалъ: «Разобрать лошадей!»

Противъ cadaго юнкера стоялъ вѣстовой съ лошадыю безъ сѣдла, покрытой лишь одной попоной.

Будучи хорошимъ гимнастомъ, я легко очутился на конѣ, разобралъ поводья такъ, какъ намъ было объяснено.

— Тпру!, — останавливаетъ голосомъ юнкеръ рвущагося впередъ коня.

— Въ строю ни «тпру», ни «но». Поводъ, шенкель и ничего больше, — слышенъ изъ ложи голосъ командира сотни.

Значить не я одинъ новичокъ въ ѣздѣ.

— Справа по одному на одну лошадь дистанціи шагомъ маршъ!, — командуетъ подъесаулъ.

Слѣдуютъ поправки обучающаго: «Поверните правое плечо впередъ. Оттяните пятку. Приверните носокъ къ лошади. Прижмите локоть лѣвой руки къ тѣлу. Держите лѣвую руку большимъ пальцемъ вверхъ. Рысью ма-аршъ! Не срѣзать угловъ манежа — для этого и чучела поставлены. Держитесь плотнѣе шлюзомъ. Наметомъ ма-аршъ!»

Наметъ — неправильный галопъ, допускаемый для казаковъ.

Мнѣ досталась довольно горячая и нѣсколько упрямая лошадь. На углахъ она норовила обойти чучело, забирая во внутрь манежа.

«Погоди!», думаю. Проѣзжая уже на шагу мимо бульфинча, — хворостянаго стриженнаго поверху барьера, раздѣлявшаго правую половину манежа отъ лѣвой, я выдернулъ изъ него пруть и при первой попыткѣ коня на наметѣ срѣзать уголь, я ударилъ его по шеѣ. Обиженный конь поддалъ задомъ, я перелетѣлъ черезъ него, конь черезъ меня, и выбѣжалъ на средину манежа, поигрывая слегка и вскидывая то передъ, то задъ. Упасть съ конемъ простительно и старому кавалеристу, но съ коня?

Краска стыда залила мнѣ лицо — «засмѣютъ!»

Подбѣжавъ къ коню и ухватившись за гриву, я моментально былъ на немъ. Конь взвился на дыбы. Припавъ къ шеѣ коня, я усидѣлъ.

— Молодецъ, юнкеръ! — слышалось одобреніе командира сотни.

Въ то же время прозвучалъ робкій голосъ: «Г-нъ есаулъ, разрешите слѣзть».

— Что съ вами?

— Животъ болитъ.

— Слѣзайте.

Кончилась ѣзда. Слѣзли съ дымящихся парнымъ потомъ лошадей, передавъ ихъ вѣстовымъ. Чувствую, что подгибаются закованншія отъ напряженія ноги, и не у меня только, а и у донцовъ, ѣздившихъ въ корпусѣ въ сѣдлѣ. Зато послѣ похвалы командира сотни все во мнѣ ликовало, — боязнь стать посмѣшищемъ у товарищей прошла.

Теперь, стоя уже на ногахъ, я почувствовалъ, какъ ломить правую руку отъ кисти до локтя. Очевидно конь при моемъ паденіи лягнулъ меня въ мякоть руки. Теперь рука вспухла. Пришлось идти въ лазаретъ, въ которомъ старшимъ врачомъ былъ дѣйствительный ст. сов. Гриммъ, бывший хирургомъ въ Руссукскомъ отрядѣ Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича въ войну 1877—1878 г.

Гриммъ встрѣтилъ меня своей обычной фразой: «Рѣзать будемъ». Къ счастью для меня, разрѣзали только рукавъ и наложили на опухоль компрессъ.

Слѣдующими занятіями были фронтовое ученіе, вольтижировка, гимнастика, фехтованіе, рубка прутьевъ и сырой глины, уколы пикой, разборка винтовки, револьвера и уставы.

Несмотря на серьезныя требованія, всѣ строевыя занятія были по душѣ юнкерамъ. Молодость, соревнованіе, самолюбіе превращали трудныя занятія въ веселый спортъ, доводя ихъ до высокой степени совершенства. На гимнастикѣ, вольтижировкѣ и фехтованіи была полная непринужденность. Смѣнные офицеры и ожидающіе очереди юнкера вели разговоры на разныя, ничуть не касающіяся службы темы.

По отношенію къ неудачникамъ въ выполненіи какого-либо труднаго номера слышались шутки. Смотришь: на вольтижировкѣ галопирующій по кругу діаметромъ въ 5—6 саж. закружившійся конь вдругъ останавливается отдохнуть, — юнкеръ по инерціи летитъ на опилки, смѣшанныя съ пескомъ, забирающіяся несчастливцу въ уши, волосы, за воротникъ. Общій хохотъ. Раздаются остроты:

«Блаженны падающіе, ибо тѣи облобызаютъ землю».

— До десяти еще девять осталось.

Ѣзда бывала ежедневно, кромѣ праздниковъ. На второй урокъ Ѣзды мнѣ достался спокойный, уравновѣшенный, нетряскій конь. Теперь я чувствовалъ себя вполнѣ освоившимся съ конемъ.

Опять, какъ и вчера, на наметѣ раздается голосъ: «Г-нъ есауль, разрѣшите слѣзть!»

— Опять животъ болитъ? — баситъ командиръ сотни. — Сидите и поѣзжайте.

— Г-нъ есауль, я въ пѣхотное училище хочу перевестись.

— А, это другое дѣло! Слѣзайте!

Не къ намъ однимъ казакамъ предъявлялись суровыя требованія, но и къ драгунамъ. Въ сосѣдней половинѣ манежа шт.-ротмистръ Дитрихсъ заставляетъ смѣну дѣлать гимнастику на стоящихъ на мѣстѣ лошадяхъ. Команды: «сизо», т. е. ножницы или «стрижка» . . . И всѣ обучаемые, опершись руками передъ собой въ спину коня, быстрымъ наклономъ туловища къ холкѣ и взмахомъ прямыхъ ногъ кверху мѣняютъ положеніе, садясь уже лицомъ къ хвосту.

— Прыжокъ съ зада на землю!

Спрыгнули. Одинъ въ бокъ.

— Что же это вы? Бойтесь?

— Такъ точно, г-нъ ротмистръ.

— А ну-ка, пролѣзьте подъ лошадь! — приказываетъ послѣдній юнкеру.

— Ну, лѣзьте же, когда вамъ приказываютъ! — сильно повысилъ голосъ офицеръ.

Бѣдный «звѣрь» нагнулся и, помянувъ царя Давида и всю кротость его, боязливо прошмыгнулъ подъ животомъ лошади. Видавшая виды лошадка стояла, равнодушно поводя ушами. Обрадованный благополучнымъ исходомъ «смертельнаго предпріятія» звѣрь съ чувствомъ поцѣловалъ лошадь въ морду и губы.

Учебныя и строевыя занятія начинались 1 сентября.

Въ будни подъемъ бывалъ въ 7 ч. утра, въ праздники часомъ позже, въ 7.30 — чай; отъ 8 ч. до 12 лекціи. Полчаса на завтракъ. Съ 1 ч. дня до 3.30 строевыя занятія. Въ 4 ч. обѣдъ.

Къ чаю, завтраку и обѣду идемъ черезъ коридоръ эскадрона въ строю. Громадная столовая раздѣлялась колоннами на два зала, — столовыя для эскадрона и сотни и проходъ между ними.

Завтракъ изъ двухъ блюдовъ и обѣдъ изъ трехъ мы нашли отличными. Столомъ и кухней вѣдалъ юнкеръ-артельщикъ, по выбору товарищей, — полгода драгунъ, полгода казакъ.

Молитва передъ ѣдой была общей для эскадрона и сотни. Изъ столовой расходились поодинокѣ, заходя иногда въ эскадронъ къ товарищамъ по классу.

Частенько на обратномъ пути изъ столовой юнкера задерживались въ одной изъ проходныхъ комнатъ, около коннаго клинковаго орудія. Переносъ подъемнымъ механизмомъ центръ тяжести тѣла орудія, вѣсившаго 21 пудъ, мы по очереди упражнялись въ развитіи мускуловъ, поднимая или опуская казенную часть тѣла орудія упоромъ ладони въ рукоять замка.

Частыя остановки около этого орудія незамѣтно для меня запечатлѣли въ мозгу орудіе со всѣми деталями. Это оказалось такъ существенно важнымъ, когда я черезъ годъ службы въ казначеѣ полку былъ назначенъ въ конно-горную артиллерію Сибирскаго казачьяго войска.

Моложе меня по выпуску Николаевцы рассказываютъ, что начальникъ Училища въ ихъ время, ген.-маіоръ Де-Виттъ, видя двухъ-трехъ юнкеровъ около орудія и возвращавшагося изъ столовой дежурнаго офицера, спросилъ юнкеровъ: «Какого года орудіе?» Не получивъ отвѣта, генераль спросилъ о томъ же офицера. «Того самаго, Ваше Превосходительство, когда вы начали свою службу въ конной артиллеріи». За такой дерзкій отвѣтъ офицеръ былъ отчисленъ въ полкъ.

Послѣ обѣда по вторникамъ бывали репетиціи, что равносильно сдачѣ зачетовъ. По четвергамъ послѣ обѣда языки — французскій и нѣмецкій.

Иностранные языки не преподавались, въ точномъ значеніи слова. Но знаніе языковъ предполагалось и, чтобы его поддержать, по каждому предмету намъ задавалось перевести по 8—10 страницъ на русскій языкъ въ теченіе недѣли. Въ четвергъ передъ обѣдомъ вахмистры эскадрона и сотни передъ строемъ вскрывали полученные ими отъ инспектора классовъ конверты и читали списокъ четырехъ или пяти человекъ, вызванныхъ на французскій и столько же на нѣмецкій языкъ.

Послѣ обѣда до языковъ оставалось еще полчаса. Въ это время «козлы отпушенія» или «жертвы вечернія» обступали «язычниковъ», т. е. графа Кипарскаго или графа Кайзерлинга, барона Толя и др.; въ другомъ углу какого-либо офранцузившагося, вродѣ Базилевича, выросшаго въ Парижѣ и думавшаго по-французски. Язычники легко переводили, а жертвы вечернія едва успѣвали надписывать слова между строкъ въ своей книгѣ.

Не вызванные юнкера могли спать послѣ обѣда или заниматься чѣмъ угодно.

Однажды вахмистръ Елифановъ случайно пропустилъ въ запискѣ инспектора классовъ мою фамилію. Послѣ обѣда я легъ спать, послѣ ночного дежурства. Вдругъ меня будятъ:

— Иди на нѣмецкій языкъ.

Едва увѣрили меня о вызовѣ. Вошелъ въ классъ одновременно съ учителемъ нѣмецкаго языка Брандтъ.

— Герръ Баженофъ.

Выхожу совершенно неподготовленный.

— Юберзетценъ зи, — говоритъ нѣмецъ, показывая мнѣ пальцемъ отъ строки до конца страницы.

Перевожу, немилосердно искажая содержаніе.

— Швахъ, зеръ швахъ. Зетценъ зи зихъ! (Плохо, очень плохо. Садитесь).

Ну, думаю, поставитъ мнѣ нѣмецъ добрую единицу.

— Герръ Бибикофъ . . . Юберзетценъ зи. Ихъ хере зи. (Переводите. Я васъ слушаю). А ви какой войскъ? — обращается нѣмецъ къ юнкеру.

— Кубанскаго.

— Кубанскаго . . . А ви?

— Астраханскаго.

— А ви?

— Сибирскаго.

— Сибирскаго? Сама Сибирь?

— Аусъ зельбстъ Сибирь, — отвѣчаю я.

— Какъ ви ѣхаль сюда?

— О, ѣхаль я ауфъ тундра . . . дремучій лѣсъ . . . ѣхаль на оленяхъ, собакахъ, лошадяхъ; плылъ черезъ быстрыя, широкія, опасныя рѣки, плылъ на пароходѣ, ѣхаль по желѣзной дорогѣ . . .

— О, эсъ истъ вундербаръ. (О, это чудесно). Скажите пожалуйста: много въ Сибири золота?

— Много! Недаромъ говорятъ: «Сибирь — золотое дно». Нѣтъ денегъ, выйдешь на дворъ, копнешь разъ-другой лопатой, смотришь: найдешь самородокъ фунта въ два вѣсомъ.

— Я кончилъ, — говоритъ драгунъ Бибиковъ.

— Герръ Баштаникъ. Юберзетценъ зи. Ихъ хере . . . Ну, а много тамъ волковъ, медвѣдей?

— Да, въ зимнюю пору не знаешь, то ли вьюга завываетъ, то ли волкъ воетъ подъ окномъ . . .

— О, эсъ истъ шрекликъ. (О, это ужасно).

Но вотъ всѣ кончили переводъ.

— Герръ Баженофъ . . . Ахъ, это ви . . . ельфъ (11 балловъ). Герръ Бибикофъ — ценъ (10 балловъ). — Всѣ довольны: 11, 10, 11, 10, 11. Вывезли формы и эйне гешихте, т. е. сказка о Сибири.

Несмотря на значительную обособленность эскадрона и сотни, все же жизнь юнкеровъ Училища тѣсно переплеталась между собой. Единеніе устанавливалось въ аудиторіяхъ, гдѣ кавалеристы сидѣли съ казаками на однѣхъ партахъ, товарищески помогая другъ другу. Объединялись въ училищномъ оркестрѣ, въ церковномъ хорѣ, общимъ по Училищу дежурнымъ офицеромъ.

Въ эскадронѣ, особенно близокъ былъ ко мнѣ Макаровъ, товарищъ по Омскому кадетскому корпусу. Единственный сынъ умершаго богатаго купца, Макаровъ былъ баловнемъ своей матери-польки. Обладая стройной фигурой, недурной внѣшностью, представительностью и практическимъ умомъ, онъ не былъ способенъ къ наукамъ. По дружбѣ я много помогаль Макарову. Всѣ письменныя работы для него я дѣлалъ болѣе тщательно, чѣмъ для себя.

Поэтому на совѣщаніяхъ педагогическаго комитета, со страннымъ названіемъ «дисциплинарнаго», недоумѣвали, почему при исполнѣ хорошихъ письменныхъ работахъ Макаровъ при устныхъ отвѣтахъ выказываетъ полное незнаніе. Командиръ эскадрона подполковникъ Сухомлиновъ заступался за своего любимца, отличнаго наѣздника и строевика, говоря: «На военной службѣ нужны не Цицероны, а преданные долгу воины. Макаровъ безусловно хорошъ: онъ будетъ учить солдатъ личнымъ показомъ, не требующимъ краснорѣчія. А что знанія у него есть, необходимыя офицеру, показываютъ письменныя работы».

Не мало изъ подобныхъ Макарову юнкеровъ вышло доблестныхъ офицеровъ кавалеріи. Поэтъ М. Ю. Лермонтовъ, генералы: Д. И. Скобелевъ, А. В. Самсоновъ, Плѣшковъ — всѣ они питомцы славной Школы, которые не всегда уважали военныя казни, но зато всею душою отдавались строевому дѣлу.

Говоря о единеніи юнкеровъ Училища, необходимо сказать и о самобытности юнкеровъ эскадрона, или драгунъ и сотни, такъ называемыхъ казаковъ.

Въ чемъ она заключалась у тѣхъ и другихъ, сказать коротко и опредѣленно трудно.

Казакъ, жители станицъ, унаслѣдовали отъ отцовъ качества природныхъ казаковъ. Отцы привыкли сами и приучали своихъ дѣтей добиваться самимъ намѣченной цѣли. Юнкера сотни видѣли въ станицахъ, какъ тяжело казакамъ на свой счетъ снаряжать сыновей въ полкъ — въ нѣкоторыхъ семьяхъ подрядъ 3—4 года. Поэтому они старались учиться по мѣрѣ силъ, чтобы выйти вскорѣ самостоятельно на дорогу и прибыть въ полкъ во всеоружіи знанія. Многіе старались, мечтая попасть въ гвардію.

Прилежаніе казаковъ въ наукахъ цѣнилось профессорами. Читавшій артиллерію академикъ полковникъ П. А. Христинъ порой ставилъ казаку 5 балловъ за лучшія знанія, чѣмъ у отвѣчавшаго предъ нимъ драгуна и тѣмъ не менѣе получившаго 8 балловъ.

— Не огорчайтесь, юнкеръ, неудовлетворительной отмѣткой. Не кивайте на г-на Бибикова. У него папенька полный генераль и денегъ куча. Хочетъ служить, хочетъ — нѣтъ. Ну, а вы должны жить приобрѣтенными въ Училищѣ знаніями. Во время войны перебьютъ офицеровъ въ вашихъ батареяхъ, кого пошлютъ на за-

мѣну ихъ? Васъ, кончившихъ Николаевское Кавалерійское Училище. Приходите еще разъ. Отвѣтите отлично, такъ пятерку на 12 переправлю».

Были, однако, и драгуны, серьезно относившіеся къ ученію. Но для большинства питомцевъ Славной Гвардейской Школы ея традиціи, знаніе Лермонтовской «Звѣриады» и манежъ были выше научныхъ знаній. Химія и механика признавались сугубо вредными предметами, изучать которые было позорно. За полученные хорошія отмѣтки по нимъ товарищи звали юнкера «мыловаромъ». Если же было необходимо исправить дурной баллъ, то «приказомъ по курилкѣ» предписывалось держать передъ собой книгу руками въ перчаткахъ.

Химія была все же болѣе приемлема, такъ какъ добрѣйшій химикъ Флоренсовъ порой устраивалъ намъ пріятные сюрпризы:

— Итакъ, нѣкоторыя простыя тѣла: фосфоръ, углеродъ, сивушное масло и пр. бываютъ въ аморфномъ и диморфномъ видѣ. Въ слѣдующій разъ мы будемъ дѣлать духи изъ сивушнаго масла. Принесите съ собой флакончики и я вамъ ихъ налью . . .»

И духи выходили на славу. Жаль, забылъ способъ превращенія аморфнаго вида въ диморфный — или наоборотъ. «Эхъ, химія, химія — сугубая химія», — припѣвъ кавалериста.

Чтеніемъ книгъ славные гвардейцы не увлекались. Несмотря на царившій въ Школѣ культъ Лермонтова, музей его имени почти не посѣщался ими.

Идеологія юнкера-кавалериста юмористически формулировалась въ словахъ:

Никакихъ картъ, кромѣ игральныхъ.

Никакихъ исторій, кромѣ скандальныхъ.

Никакихъ языковъ, кромѣ копченыхъ.

Никакихъ тѣлъ, кромѣ женскихъ.

Карты, исторіи, языки и тѣла, сходные съ учебными предметами по названію, кавалеристы находили въ отдѣльныхъ кабинетахъ ресторановъ, гдѣ отдыхали душой отъ суроваго училищнаго режима. Несмотря на уставъ Училища, запрещавшій юнкерамъ посѣщеніе ресторановъ, въ пирушкахъ иногда участвовали училищные офицеры: кн. Шаховской и Ковако.

Какія расходовались суммы внѣ Училища, не знаю. Обладая значительными «карманными» средствами, тотъ или иной юнкеръ приглашалъ въ лѣтніе вечера въ столовую оркестръ какого-нибудь гвардейскаго полка, платя за вечеръ по сто и болѣе рублей.

Служба въ кавалеріи была всегда самою дорогою. Но и богатые кутилы кавалеристы становились героями на войнѣ.

Любое учебное заведеніе имѣетъ свое лицо, свой цукъ, свои традиціи. Многие въ Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ

казалось несерьезнымъ, сейчасъ кажется даже юмористическимъ. Николаевцевъ называли «моншерами»; много въ нихъ было барскаго, но много больше военнаго. Самый цукъ былъ прекрасной муштрой для выработки отважнаго кавалериста изъ избалованнаго «пижона».

Исторія конницы знаетъ немало примѣровъ доблести духа бывшихъ питомцевъ Гвардейской Школы. Помню хорошо картину «Атака Изюмскихъ гусаръ» въ Русско-Турецкую войну 1877—1878 гг. Эту картину можно было видѣть въ любомъ эскадронѣ, въ любой сотнѣ нашей конницы. На картинѣ изображенъ моментъ лихого преодоленія на карьерѣ изгороди изъ жердей. Въ первой мировой войнѣ были конныя атаки на пѣхоту черезъ проволочныя загражденія, когда ради достиженія цѣли сознательно жертвовали на загражденіяхъ половиной состава своихъ частей.

Уже было сказано ранѣе, что цукъ способствовалъ воинской выправкѣ «звѣрей», частью поступившихъ изъ гимназій и университетовъ, а также внѣдренію въ нихъ воинской дисциплины. Полезнымъ онъ оказался и при ознакомленіи съ многочисленными полками русской кавалеріи. Въ Училищѣ былъ большой гербовый залъ. По стѣнамъ зала висѣли красивые цвѣтные гербы всѣхъ полковъ кавалеріи. Въ каждомъ гербѣ были наименованіе и номеръ полка, цвѣтъ приклада, время основанія полка, перемѣны въ немъ, въ общемъ краткая исторія полка. Эти свѣдѣнія юнкера изучали и знали куда лучше, чѣмъ лекціи по фортификаціи, законовѣдѣнію, механикѣ и другимъ наукамъ.

Близится время присяги. Отсчитываются дни, а затѣмъ часы. Томитъ ожиданіе момента, когда скажемъ: «Теперь мы вступили на дѣйствительную службу». Чувствуется подъемъ духа. Въ сознаніе вступаютъ завѣты Суворова: «Богъ, Царь, Отечество... Горжусь, что я русскій».

Для военнослужащаго такая идеологія понятна. Въ огромномъ большинствѣ юнкера — дѣти офицеровъ, съ малыхъ лѣтъ видѣвшіе и дома и въ корпусѣ портреты Царя, участвовавшіе въ торжественныхъ парадахъ въ царскіе дни, ежедневно пѣвшіе въ корпусѣ народный гимнъ; предъ ихъ глазами въ залахъ и въ классахъ висѣли картины, изображавшія воинскіе подвиги. При такихъ условіяхъ воспитаніе преданности Царю и Родинѣ незамѣтно становилось неотъемлемой отъ нашихъ душъ.

По традиціи Славной Школы присягѣ предшествовало накануне чтеніе приказа по курилкѣ. Во время вечерняго чая въ столовой драгунской половины слышится: «Трепещи, сугубая молодежь!»

Послѣ чая изъ эскадрона долетало въ сотню: «Выходи, сугу-

бые, въ первую аудиторію. Пулей, звѣри! Послѣднему пачка нарядовъ».

Черезъ годъ, уже будучи портупей-юнкеромъ, по приглашенію пріятелей изъ корнетовъ я пошелъ посмотрѣть комическую сцену.

На сдвинутыхъ вплотную столахъ стояли господа корнеты въ цвѣтныхъ фуражкахъ, облюбованныхъ ими въ дальнѣйшей службѣ полковъ. Внизу стояли тѣсной толпой съ зажженными свѣчами звѣри.

— Приказъ по курилкѣ! — объявляетъ старшина изъ корнетовъ. — Трепещи, звѣрье!.. Трепещи, сугубые!.. — раздаются голоса съ импровизированной эстрады.

— Звѣри косматые, звѣри лохматые, звѣри сугубые, сердце благороднаго корнета обливается кровью при видѣ гнусныхъ дѣлъ, кои вы вершите . . .

Приказъ прерывается пѣніемъ корнетовъ:

*Пора нагать намъ звѣріаду —
Собрались звѣри всѣ толпой . . .
Безсмысленныхъ барановъ стадо,
Продернетъ васъ корнетъ лихой.
Какъ наша Школа основалась,
Тогда разверзлись небеса,
Завьса надвое порвалась
И были слышны голоса . . .*

Продолженіе въ рукописяхъ Лермонтова въ музеѣ его имени.

Въ это время два, три корнета обходятъ звѣрей, задувая у нихъ свѣчи. Наступившая темнота должна изображать, какъ

*Авангардный лагерь спитъ.
Лишь на вершинѣ Дудергофа
Филинъ жалобно кричитъ:
Капралъ, капралъ, капралъ . . .*

Свѣчи зажигаются вновь. Пѣніе «Звѣріады» чередуется съ чтеніемъ длиннаго приказа по курилкѣ. Въ памяти сохранились немногіе параграфы этого «Домостроя» Гвардейской Школы.

«Проходя мимо мясныхъ лавокъ, зубами не щелкать . . .

Въ салфетку не сморкаться, ибо для этого у звѣря долженъ быть носовой платокъ.

Мимо пѣхоты гнать извозчика аллюромъ не ниже галопа.

Своему лакею платить не менѣе трехъ рублей, ибо карманъ звѣря не отощаетъ, а семья лакея сыта будетъ . . .»

Чтеніе приказа заканчивалось словами:

*Сердца корнетовъ полны муки:
Сугубствамъ звѣрскимъ мѣры нѣтъ . . .*

«Трепещи, сугубые звѣри!»

Но не видно трепета у звѣрей, — все происходящее, — весе-

лый традиціонный водевиль. И если бы все изложенное было ужасно, не воспитывался бы въ Славной Гвардейской Школѣ Великій Князь Борисъ Владиміровичъ съ 1894 г. по 1896 г.

Въ день присяги занятій учебныхъ и строевыхъ не было. Вступаемъ на дѣйствительную службу. Съ этого дня намъ будутъ исчисляться сроки по службѣ и на пенсію. Съ этого дня намъ наши проступки, считавшіеся въ корпусѣ мальчишеской шалостью, теперь будутъ разсматриваться, какъ преступленія, предусматриваемыя Военскимъ Уставомъ о наказаніяхъ и въ болѣе мелкихъ случаяхъ Уставомъ дисциплинарнымъ. Есть отчего поволноваться!

Съ утра идетъ усиленная чистка винтовокъ, шашекъ, портупей, одежды, обуви.

— Федоръ, вычисти мнѣ мундиръ!

— Василій, притащи тряпку обтереть ножны!

Лакеи перебѣгаютъ отъ одного юнкера къ другому, торопливо исполняя просимое. Но большинство юнкеровъ, по пріобрѣтенной въ корпусѣ привычкѣ, сами заботились о приведеніи себя въ порядокъ и нарядный видъ.

Съ заботливостью матери, одѣвающей дочь къ вѣнцу, взводные портупей-юнкера обходятъ юнкеровъ своего взвода, подбодряя молодыхъ:

— Хорошенько начищайте портупей стеариномъ, чтобъ передъ эскадрономъ въ грязь лицомъ не ударить. Слышали, какъ они поютъ: «Снѣга бѣлаго бѣлѣ блещутъ наши портупей шашки боевой».

Но и безъ понуканія юнкера старались; на славу блестяли начищенные бѣлоснѣжныя портупей и клинки шашекъ и золотомъ сіяли мѣдные наконечники ноженъ.

Для принесенія присяги сотня выстроилась въ большомъ манежѣ противъ эскадрона — старшій курсъ при холодномъ оружіи и полусотня младшаго курса при шашкахъ, съ винтовками за плечами и патронташами на поясѣ.

Изъ сотни вышелъ нарядный букетъ, парадные мундиры, обшитые широкимъ серебрянымъ галуномъ по воротнику и рукавамъ и продольными серебряными нашивками на погонахъ; черкески кубанцевъ съ бешметами алаго шелка и у терцевъ голубого, съ газырями, кинжалами, съ бѣлыми башлыками, съ золотой галунной тесьмой и кистью. Алые, голубые, синие, желтые, малиновые погоны и лампасы степовыхъ казаковъ — лампасная радуга, разслоенная черными черкесками кубанцевъ и терцевъ.

Дивизиономъ командовалъ подполковникъ Н. А. Сухомлиновъ, командиръ эскадрона.

Въ дверяхъ манежа показался Начальникъ Училища генераль-маіоръ Рынкевичъ.

— Дивизионъ, смирно! Слушай на кра-уль! Г-да офицеры!

Трубачи заиграли «встрѣчу».

— Здравствуйте, юнкера, — здоровался генераль, обходя фронтъ.

Послѣ краткой вступительной рѣчи Начальника Училища о важности момента — принятія присяги, церковный служитель поставилъ на средину манежа аналой, къ которому подошли протоіерей Жилинъ и училищный адъютантъ шт.-ротм. Княжевичъ.

Вновь взяты шашки на карауль. Адъютантъ прочелъ статьи изъ военныхъ законовъ, за что жалуется орденъ св. Великомученика Георгія и кары за нарушеніе обязанностей службы.

— Шашки въ ножны! На молитву шапки долой!

Теперь протоіерей Жилинъ сказалъ:

— Сложите пальцы правой руки для крестнаго знаменія и поднимите ихъ вверхъ. Повторяйте за мной слова присяги: «Я, нижепоименованный, обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Господомъ, предъ святымъ Его Евангеліемъ, въ томъ, что хочу и долженъ Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному всемилостивѣйшему Великому Государю Императору Александру Александровичу вѣрно и нелицемѣрно служить . . .»

Отчетливо, слово за словомъ, произносилъ протоіерей слова присяги на вѣрность службы Царю и Его Наслѣднику. Торжественно звучали слова присяги. Вышедшія изъ современнаго языка слова «хочу», «споспѣшествовать», «потщуся» — казались намъ особенно важными и существенно нужными въ текстѣ присяги.

«Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь».

Вдумчиво серьезные, одинъ за другимъ подходили юнкера къ Кресту и Евангелію.

Поздравивъ насъ со вступленіемъ на службу, Начальникъ Училища пропустилъ дивизионъ мимо себя церемониальнымъ маршемъ. Поблагодаривъ за выправку, молодецкій видъ, равненіе, Начальникъ Училища разрѣшилъ отъ сего числа отпускать юнкеровъ младшаго курса въ городъ.

А. Баженовъ

«ГУНИБЫ».

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О СОТНѢ НИКОЛАЕВСКАГО КАВАЛЕРІЙСКАГО УЧИЛИЩА.

Предлагаемый очеркъ былъ напечатанъ въ видѣ отдѣльныхъ статей въ журналъ «Родимый Край», Парижъ (номера 50—59, 1964—1965 г.). Къ сожалѣнію, размеры настоящаго изданія не позволили полностью воспроизвести воспоминанія Н. Е. Русскаго, которыя съ разрѣшенія автора здѣсь приводятся, въ сокращенномъ видѣ, переработанныя Н. И. Грековымъ, Парижъ.

Въ 1890 г. по инициативѣ Начальника Николаевского Кавалерійскаго Училища ген. Бильдерлинга при эскадронѣ Школы была сформирована казачья сотня для молодыхъ людей всѣхъ казачьихъ Войскъ.

До этого въ Россіи были три казачьихъ юнкерскихъ училища: Ставропольское, Оренбургское и Новочеркасское, а также казачьи отдѣленія при Иркутскомъ пѣхотномъ и Елисаветградскомъ кавалерійскомъ Училищахъ.

Сотня была создана съ цѣлью сблизить кавалерійскихъ и казачьихъ офицеровъ уже со школьной скамьи для будущей совмѣстной службы въ общихъ дивизіяхъ.

Строевой, дисциплинарный и другіе уставы были общіе, но эскадронъ за свое почти столѣтнее существованіе, еще со времени Школы Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Кавалерійскихъ Юнкеровъ, сложилъ свои крѣпкія традиціи. «Славная Школа», какъ ее называли бывшіе воспитанники, дала многія сотни офицеровъ, которые если и умѣли шалить и кутить, то также умѣли служить и работать и съ честью умирать за Родину. Объ этомъ говорили длинные списки именъ, записанныхъ на черныя мраморныя доски въ храмѣ Училища. И многіе, если не всѣ, казаки-кадеты мечтали попасть по конкурсу именно въ Николаевское Училище, чтобы осеннимъ днемъ войти въ широкій подъѣздъ зданія на Новопетергофскомъ проспектѣ, какъ бы осѣняемый острокрылымъ Николаевскимъ орломъ.

Для юнкеровъ Славная Школа была храмъ, орденъ, войдя въ который посвященный уже не принадлежалъ себѣ, а только лишь конницѣ — «оружію боговъ».

Въ казачьей сотнѣ не было традиціоннаго «цука» эскадрона, того «цука», съ которымъ боролось начальство, но который-то именно и привлекалъ молодыхъ людей, жаждущихъ стать настоящими кавалерійскими офицерами. Этотъ «цукъ» и дѣлилъ молодыхъ юнкеровъ на двѣ части: эскадронъ и сотню. И поэтому юнкеръ-казакъ не считалъ себя окончившимъ «Славную Школу», а лишь «Лихую и Славную Сотню» юнкеровъ Николаевского Кавалерійскаго Училища.

Вставъ съ извозчика, кадетъ провинціального корпуса Аргуновъ, съ трудомъ таща свои вещи, приближался къ широкому подъѣзду, на ступенькахъ котораго стоялъ покручивая усики скучающій молодой человекъ въ драгунской формѣ, смотрѣвшій на Аргунова, какъ посѣтитель зоологическаго сада смотритъ на диковиннаго звѣря.

— Вы ку-ю-ю-д-а!?

— Въ сотню.

Тутъ Аргуновъ увидѣлъ, что онъ потерялъ всякій интересъ для молодого человека, тотъ отвернулся и занялся снова своими усиками.

Въ цейхгаузѣ, куда пошелъ Аргуновъ, вновь прибывшіе молодые люди мѣняли свое кадетское обмундированіе на юнкерское. Въ эти годы, то есть до 1910 г., юнкера сотни не имѣли общей формы, а носили формы своихъ Войскъ.

Сѣдой, коренастый вахмистръ спокойно и ловко бросалъ то тому то другому или пару бѣлья, или штаны съ лампасами, или пару сапогъ, выдавалъ настоящія казачьи шашки съ грубыми ременными портупеями. Но тутъ даже вахмистръ придерживался училищныхъ традицій: проходя сзади новоиспеченнаго юнкера, онъ высоко поднималъ ноги, какъ бы переступая черезъ невидимый, но безусловно существующій у «звѣря» хвостъ.

Сибиряки, Кубанцы, Оренбуржцы, Уральцы, Забайкальцы, Уссурійцы, Астраханцы, Донцы . . . Пройдетъ два года и всѣ они какъ молодые сокола разлетятся до самыхъ далекихъ границъ Россійской Имперіи, отъ Польши, Пруссіи, Галиціи и Румыніи до Персіи, Афганистана, Китая, Кореи, по захолустнымъ мѣстечкамъ Польши и Украины, по степямъ и безводнымъ пустынямъ Туркестана, по горамъ Закавказья, по лѣсамъ Усури и Амура. Но сегодня они еще душой кадеты, сидятъ на койкахъ, дѣлятся впечатлѣніями, воспоминаніями о домѣ, говорятъ о предстоящей жизни въ Училищѣ, о новой дисциплинѣ, мало похожей на кадетскую. Прощай, дѣтство! Здравствуй, юность, военная, суровая. Настоящая служба Царю, Отечеству и родному Войску . . .

На плацу построены тридцать неосѣдланныхъ лошадей, покрытыхъ только попонками, перетянутыми троками. Это — «смѣна», на которую дѣлится сотня, расчетъ юнкеровъ для строевыхъ и для классныхъ занятій. Сотня дѣлится еще на взводы, которыми живутъ, идутъ обѣдать, строятся на повѣрку и сотенное учение.

Юнкера ожидаютъ своего смѣннаго офицера сотника Солдатова, коренастаго крѣпыша, прозваннаго юнкерами «Пупыремъ».

На младшемъ курсѣ постоянныхъ лошадей нѣтъ. Юнкеръ каждый день мѣняетъ лошадь.

Но вотъ смѣнный офицеръ отдалъ команду къ посадкѣ и юнкера «кто во что гораздъ» полѣзли на коней.

Пока двигались шагомъ, внѣшне какъ будто все шло хорошо. Юнкера бойко посматривали на дѣвицъ верхнихъ этажей домовъ сосѣдняго переулка и не одинъ изъ нихъ чувствовалъ себя уже джигитомъ. Но вотъ сотникъ посмотрѣлъ на небо и, напыжившись, пропѣлъ:

— Р-р-р-ы-с-с-ь-ю ма-аршъ!

Смѣна затрусила рысью и тутъ-то началась «царская служба» юнкеровъ младшаго курса. Кто свѣшивался на бокъ въ поискахъ опоры въ воздухѣ и, не найдя ея, возвращался на мѣсто, кто мужественно переносилъ удары судьбы, воплощаемой конскимъ хребтомъ, кто переѣзжалъ съ крупа на холку или наоборотъ отъ холки къ хвосту въ поискахъ болѣе мягкаго мѣста. И такъ — полтора часа.

Послѣ двухъ мѣсяцевъ пребыванія въ Училищѣ — присяга и первый отпускъ въ городъ. Вернувшись изъ отпуска и явившись дежурному офицеру, осматривавшему каждого, провѣрившему правильность формы, четкость рапорта, точность отданія чести, юнкера поднялись къ себѣ наверхъ и уснули крѣпкимъ сномъ.

Вдругъ Аргуновъ почувствовалъ толчокъ въ бокъ и шепотъ:

— Вставай, офицерскій обходъ. Не одѣвайся, стой какъ есть.

Какъ есть, то есть въ одной рубахѣ, босой, какъ стояла вся молодежь.

Въ дверяхъ появилась мускулистая фигура юнкера Асанова, совершенно голая, но въ полномъ боевомъ вооруженіи съ шашкой подвысь и горѣвшимъ на ея кончикѣ огаркомъ свѣчи... Дальше шли такіе же голые, но въ боевомъ вооруженіи «хорунжіе» со свѣчными огарками на клинкахъ, за ними весь старшій курсъ, но одѣтые вполне прилично, по формѣ и даже съ офицерскими погонами на плечахъ...

Послѣ обхода, въ помѣщеніи второй полусотни все собрались, въ костюмахъ, какъ были, вокругъ бочѣнка водки, неизвѣстно какъ проникнувшаго въ помѣщеніе Училища. Первыми выпили «Господа офицеры», за ними, въ круговую, «хвостатые звѣри».

Потомъ — танцы: казачокъ, гопакъ, наурская . . . Чувствовалось приподнятое настроеніе, спайка, сознание единства всѣхъ казачьихъ Войскъ.

Такія традиціи, подчасъ нелѣпныя, не мѣшали созданію въ стѣнахъ Училища крѣпкой спайки эскадрона и сотни въ одну общую массу Россійской Императорской Конницы. Никакіе обходы не развращали юнкеровъ, а наоборотъ объединяли ихъ.

Эти обходы дѣлались обычно на дежурствѣ офицера наиболѣе любимаго юнкерами; въ этотъ годъ это былъ «Левушка», офицеръ эскадрона, храбрый ахтырецъ, павшій въ конной атакѣ въ первую міровую войну и награжденный орденомъ св. Георгія 4-ой степени.

Сотня спала крѣпкимъ сномъ молодости, «Левушка» Панаевъ, не гремя шпорами, тихо прошелъ по всему помѣщенію сотни, подчеркнувъ своимъ видомъ, что все благополучно. И не предполагала вся эта молодежь, что пройдетъ немного лѣтъ и большинство изъ нихъ останется лежать на поляхъ сосѣднихъ странъ, а также и на родныхъ въ братоубійственной войнѣ. Другая же часть будетъ кончать свои дни на чужбинѣ, на положеніи изгнанниковъ.

Утромъ трубачъ Плѣшаковъ разбудить всѣхъ одновременно. Всѣ вскочатъ, помчатся въ строй, спустятся въ помѣщеніе эскадрона и общей волной направятся въ столовую для утренняго чая съ булочкой и двумя кусками сахару.

Лекціи, профессора, репетиціи, зачеты. Военная исторія, военная администрація, топографія, артиллерія, другія науки — общія съ эскадрономъ.

Юнкеръ Тургіевъ стоялъ у доски и ждалъ очереди, чтобы отвѣчать зачетъ по военной исторіи. Тема — Петровскія войны.

Вдругъ дверь класса открылась и вошелъ командиръ сотни полковникъ Грековъ. Всегда подтянутый, своей крадущейся «шакальей» походкой онъ подошелъ къ столу профессора исторіи полковника Одинцова и что-то ему прошепталъ, показывая списокъ и стальными, колючими какъ иглы глазами обводя весь классъ.

Грековъ вышелъ на середину класса и вызвалъ нѣсколькихъ юнкеровъ, въ томъ числѣ и Тургіева.

«Маршъ, живо переодѣваться и въ конюшню. Ъдете въ Михайловскій манежъ на репетицію по джигитовкѣ».

Когда поздно вечеромъ Тургіевъ вернулся изъ манежа, то узналъ, что по военной исторіи получилъ девятку. Оказывается, полковникъ Одинцовъ поставилъ всѣмъ джигитамъ на одинъ баллъ меньше чѣмъ въ прошлый разъ, не спрашивая ихъ!

Молодые юнкера въ первый разъ увидѣли Государя на траурномъ парадѣ — встрѣчѣ гроба съ тѣломъ Великаго Князя Алексѣя Александровича, брата Императора Александра III, умершаго въ Парижѣ. Гробъ слѣдовалъ отъ Николаевского вокзала въ Петропавловскую крѣпость, усыпальницу Императорской фамилии со временъ Петра Великаго.

Училище, со штандартомъ обернутымъ въ черное, стояло съ утра на Марсовомъ полѣ возлѣ Лебяжьей канавки. Долго стояли въ конномъ строю. Лошади подъ всадниками, уставъ, переминались съ ноги на ногу. Разнообразно одѣтые въ казачье обмундированіе, юнкера сотни походили на партизанъ Платова, Грекова, Сеславина, Давыдова, Фигнера и другихъ героев двѣнадцатаго года.

Лишь къ полудню неожиданно громко ударилъ барабанъ и шопеновскій маршъ поплылъ надъ войсками. Въ появившейся темной массѣ уже ясно стали видны золотыя хоругви, ризы духовенства, странные архалуки пѣвчихъ Императорской капеллы, султаны на черныхъ пополахъ надъ головами лошадей и по полю пронеслась команда:

— Шашки, сабли и палаши вонъ, пики въ руку, слу-ша-а-й!

Гдѣ же Онъ? Вонъ рядомъ съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, съ тѣмъ, что самый высокій.

Наконецъ, всѣ увидѣли офицера въ сѣрой шинели съ погонями полковника съ вензелями, въ красной лейбъ-гусарской фуражкѣ рядомъ съ Великимъ Княземъ, возвышающимся своей сѣдой бородкой клиномъ надъ всей Императорской свитой. Какое счастье видѣть Того, ради Котораго и старались-то выйти въ столичное Училище. Смотрѣли только на Него и, казалось, скажи Онъ только одно слово приказанія, и вся юнкерская масса бросится куда онъ укажетъ.

Училище пошло домой только подъ вечеръ. Проходя снова по Марсову полю, сотня вдругъ услышала команду:

— Сотня смирно, господа офицеры!

— Равненіе направо!

На тройкѣ прекрасныхъ сѣрыхъ въ яблокахъ коней промчался Онъ. Одинъ съ кучеромъ, запорошенный снѣгомъ, въ бѣломъ вихрѣ кидаемой лошадьми снѣжной пыли, держа правую руку въ бѣлой перчаткѣ у козырька красной фуражки, къ Екатериненскому Каналу, къ тому мѣсту, гдѣ 30 лѣтъ назадъ палъ отъ руки злодѣевъ Его царственный дѣдъ, такъ же любившій народъ, какъ и Онъ . . .

Когда проѣзжали по Конюшенной улицѣ, Астраханецъ Ногаевъ, какъ бы между прочимъ, сказалъ своему сосѣду Аргунову:

— А тутъ красивая дѣвица живетъ, съ мамашей. Эхъ! Хорошо жить на свѣтѣ!

Тутъ онъ, подмигнувъ, нагнулся съ сѣдла и подхватилъ какой-то мерзлый комокъ съ мостовой.

— Ногаевъ! Два наряда не въ очередь. За неумѣніе держать себя въ строю!

Ловко сидя на своей лопаухой чистокровной кобылѣ, вездѣ-сущій «Шакалъ» промчался, строго озирая своими стальными сѣрыми глазами юнкеровъ своей сотни.

Для практики караульной службы, каждый годъ военныя училища и старшіе классы Пажескаго корпуса несли караулы въ Зимнемъ дворцѣ.

Часовая стрѣлка большихъ стѣнныхъ часовъ подходитъ къ часу ночи. Передъ выходомъ на посты юнкера ждутъ въ караульномъ помѣщеніи. Смѣна тяжелая, сонъ давить на вѣки, тѣло слабѣетъ. Пока еще всѣ бодры, подчищены, на рукахъ бѣлыя замшевыя перчатки, въ рукахъ винтовки. Разговоры — къ случаю, то есть страшные: о трофеяхъ, знаменахъ висящихъ на стѣнахъ, о Мальтійскихъ рыцаряхъ, о портретахъ Павла Перваго.

Въ этотъ день въ числѣ караульныхъ — юнкеръ сотни Уссуриецъ Курбатовъ. Незадолго до этого онъ съ разрѣшенія Начальника Училища ген. де Витта поднесъ Государю свою скульптуру «Пластунъ въ дозорѣ», въ день, когда Его Величество посѣтилъ Училище. Послѣ счастливаго дня Курбатовъ просто не находитъ себѣ мѣста. Но здѣсь, во дворцѣ, затянутый въ зимнюю форму, съ папачой на головѣ, онъ стоялъ на посту у «Бриллиантовой комнаты».

Вдругъ онъ слышитъ по гулкимъ коридорамъ шаги — это разводящій юнкеръ съ новымъ часовымъ: странно, раньше времени. Но разводящій повелѣ Курбатова въ помѣщеніе дежурнаго офицера, гдѣ онъ увидѣлъ стоящаго на вытяжку поручика въ фельдъегерской формѣ, Начальника Училища, «Шакала» и, наконецъ, дежурнаго офицера.

Фельдъегерь протянулъ Курбатову большой тяжелый конвертъ:

— Государь Императоръ сегодня вечеромъ вспомнилъ о васъ и приказалъ передать вамъ этотъ пакетъ.

А въ пакетѣ оказалась золотая монета въ два съ половиной имперіала, вѣсомъ 32 золотника 44 доли!

На другомъ посту, у Кордегардіи, стоялъ въ это же время Донецъ Шляхтинъ, другъ Курбатова. Онъ присматривался къ освѣщеннымъ окнамъ Великаго Князя Николая Николаевича, вспоминалъ свою Усть-Медвѣдицкую станицу, рѣку, лодку, сирень...

Вдругъ окрикъ:

— Фельдъегерь Его Величества!

Услыхавъ слово «Величество», Шляхтинъ съ размаху хва-

тилъ два раза въ колоколь, что дѣлалось для вызова всего караула, въ случаѣ пожара или прїѣзда самого Государя. Въ то время, когда весь караулъ въ полной боевой готовности выбѣгалъ къ Шляхтину, по телефону свирѣпый, знакомый всему гарнизону голосъ Великаго Князя Николая Николаевича кричалъ въ трубку:

— Почему два звонка? Кто прїѣхалъ?

Строевая подготовка была въ Училищѣ на большой высотѣ. Гимнастика, фехтованіе, вольтижировка, джигитовка. Обычно юнкера старались джигитовать на знакомыхъ лошадяхъ, но какъ-то, на младшемъ курсѣ, Курбатовъ получилъ совершенно незнакомую лошадь, очень красивую на видъ, съ прекраснымъ экстерьеромъ, подъ кличкой «Аметистъ». Вѣстовой, подававшій лошадь, предупредилъ Курбатова, что лошадь опасная: «Аметистъ» неожиданно переходилъ отъ спокойнаго настроенія къ веселому и не давалъ юнкеру джигитовать на немъ.

Скрѣпя сердце, Курбатовъ сѣлъ на «страшилище» и при первыхъ же шагахъ «Аметиста» почувствовалъ, что подъ сѣдломъ прекрасный, сильный конь, просящій поводъ, но съ удивительно размѣреннымъ шагомъ. Началась джигитовка.

— Вы тамъ, кажется, на «Аметистѣ» не дѣлайте прыжковъ черезъ сѣдло, убьетесь!

Крикнулъ подъесаулъ, Терецъ, смѣнный офицеръ старшаго курса, замѣнившій въ этотъ день сотника «Пупыря». Онъ зналъ этого «Аметиста», бывшаго раньше въ его смѣнѣ, которая теперь вся столпилась у высокаго барьера и наблюдала — какъ будетъ джигитовать молодой хвостатый?

Курбатовъ, тайно перекрестившись, пустилъ «Аметиста» во весь карьеръ и началъ прыжки. «Аметистъ» мчался, какъ пуля. . . Но Курбатовъ замѣтилъ, что его аллюръ удивительно ровный, безъ толчковъ, и что на немъ очень легко дѣлать прыжки. Словно земля сама отталкивала ноги юнкера и перебрасывала его тѣло съ одной стороны на другую. Только въ самомъ концѣ, не рассчитавъ своего дьявольскаго хода, «Аметистъ» взвился на дыбы, чтобы не разбиться о деревянную стѣнку манежа.

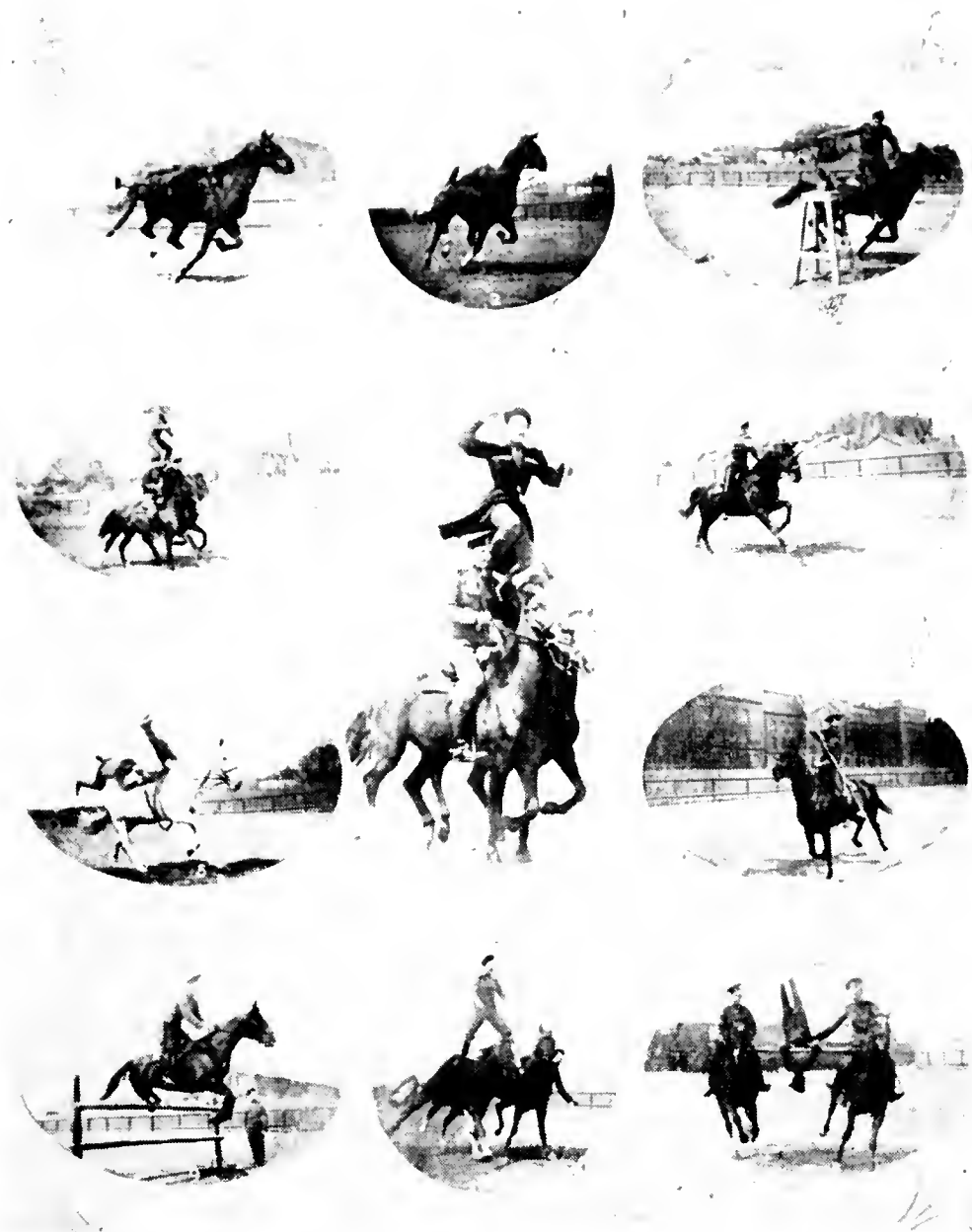
— Я приказалъ вамъ не дѣлать прыжковъ!

Въ голосѣ подъесаула слышалось не недовольство, а похвала ловкому и отчаянному юнкеру. Въ душѣ онъ, какъ каждый казакъ, былъ доволенъ и гордъ молодымъ казакомъ.

Проѣзжая потомъ съ видомъ побѣдителя мимо смѣны старшаго курса, Курбатовъ услышалъ, какъ портупей-юнкеръ Хрипуновъ говорилъ сосѣду:

— Видалъ, Губа, какъ вставляетъ тебѣ молодой перо?

Юнкера сотни джигитовали на конномъ праздникѣ въ Михай-

Джигитовка юнкеровъ Сотни.

ловскомъ манежѣ, при сборѣ средствъ на постройку памятника въ саду Училища — питомцу Славной Школы Лермонтову. Джигитовка была послѣ фигурной ѣзды юнкеровъ эскадрона и ѣзды съ дамами.

Лихо вылетали на полномъ карьерѣ: будущій кубанскій герой Бабіевъ, Шкура — будущій Шкуро, Агоевъ, Асановъ, Зиминъ, Уральцы братья Акутины, Оренбуржець Мякутинъ, Уссуріецъ Курбатовъ, Астраханецъ Ногаевъ, Донецъ Шляхтинъ, Оренбуржцы Чулошниковъ и Михайловъ и лихой вахмистръ Зборовскій, будущій Конвоець . . . и много другихъ лихихъ наѣздиговъ показали себя въ этотъ день.

Оренбуржець Михайловъ былъ какъ всегда оригиналенъ. На

полномъ карьерѣ онъ умышленно свалился съ лошади, приведя въ ужасъ женскую половину ложъ. Слѣдующій за нимъ юнкеръ, поваливъ рядомъ съ нимъ свою лошадь, подхватилъ Михайлова съ безжизненно болтающейся головой на крупъ лошади, вскочилъ на нее и карьеромъ помчался впередъ.

Праздникъ закончился казачьими пѣснями.

Вечеромъ на повѣркѣ «Шакаль» объявилъ:

— Михайловъ, двое сутокъ подъ арестъ за исполненіе не предусмотрѣннаго номера на конкурѣ!

Но подъ жесткими усами, въ углахъ рта у него таилась хитрая улыбка. «Шакаль» любилъ лихость и всѣ знали, что Михайловъ не будетъ отбывать наказаніе.

Великій Князь Константинъ Константиновичъ установилъ конкуры съ переходящимъ кубкомъ для училищъ по физическому воспитанію. Юнкера эскадрона и сотни участвовали въ состязаніяхъ по фехтованію на эспадронахъ, по рубкѣ лозы, глины и жгута. Спеціальная комиссія, состоящая изъ лучшихъ спортсменовъ Петербурга, во главѣ съ извѣстнымъ всѣмъ полковникомъ Мордвиновымъ, подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Константина Константиновича судила о результатахъ и давала побѣдителя кубокъ.

Долго шли состязанія, въ финалѣ остались только Николаевское кавалерійское и Владимірское военное училища. За первымъ старья традиціи эскадрона Гвардейской Школы и лихихъ казачьихъ рубакъ, за вторымъ — бывшимъ окружнымъ, только что получившимъ права военнаго училища — ихъ будущее.

Острыя какъ бритвы шашки, смазанныя масломъ, уже нѣсколько разъ рубили глину, но все съ тѣмъ же результатомъ, у обоихъ училищъ — 96 процентовъ. Наконецъ комиссія рѣшила оставить такой же кусокъ глины, 8 на 8 вершковъ, но съ критической полосой поперекъ въ одинъ вершокъ, изъ которой клинокъ не долженъ выходить.

Опять новыя шашки, опять вздохи и волненія, и вотъ снова Аргуновъ подходитъ первый, какъ самый низенькій изъ всѣхъ рубакъ.

— Господи, благослови! — шепчетъ онъ. Лучше провалиться на экзаменѣ по артиллеріи, презираемой кавалеристами, чѣмъ оскандалить здѣсь вотъ, на этомъ кускѣ глины, Училище.

Офицеры дѣлаютъ видъ, что они совершенно не заинтересованы, равнодушно осматривая потолокъ манежа, но всѣ знаютъ, что у нихъ на сердцѣ кошки скребутъ.

— Чи-и-и-къ! — слышится въ общей тишинѣ.

Аргуновъ смотритъ на глину и не вѣритъ глазамъ. Глина стоитъ на мѣстѣ... На ней двѣ полоски, начерченныя комиссіей, а

между ними широкая полоса пройденного пути шашки. Кубокъ остался за Николаевскимъ Кавалерійскимъ Училищемъ.

Прошла зима, кончилось ученье въ городѣ и Училище вышло въ конномъ строю въ лагеря подъ Красное Село на берегъ Дудергофскаго озера. Начались лѣтнія практическія работы по топографіи и усиленные занятія въ конномъ строю всей сотней. Среди юнкеровъ казаковъ рѣдко кто имѣлъ знакомыхъ въ городѣ и воскресные дни проводили большей частью лежа на травѣ или катаясь по озеру на лодкахъ.

Неожиданно вышелъ приказъ Николаевскому Кавалерійскому Училищу и Лейбъ Гвардіи Казачьему Его Величества полку выйти на маневры въ районъ города Луги, гдѣ стоялъ цѣлый пѣхотный корпусъ, но не было кавалеріи.

Это были уже настоящіе маневры, не то, что подъ хорошо знакомымъ Краснымъ Селомъ, а среди малоизвѣстныхъ деревушекъ, болотъ, лѣсовъ и малопроходимыхъ рѣчушекъ. Пѣхотнымъ корпусомъ командовалъ ген. Лечицкій, изъ отличившихся въ японскую войну командировъ пѣхотныхъ полковъ, строгій и требовательный, и передъ нимъ юнкерамъ особенно хотѣлось показать себя.

А тутъ еще разнесся слухъ, что офицеры Л.-Гв. Казачьяго полка обѣщали своимъ казакамъ по полтиннику за cadaго пойманнаго юнкера Николаевца.

Темная августовская ночь, черныя тучи закрываютъ небо, на псковскихъ дорогахъ черно отъ тѣней сосноваго лѣса, куда даже показаться жутко. На глубокомъ пескѣ не слышно конскихъ шаговъ, ничего не видно, и за каждымъ кустомъ чудится «страшный лейбъ казакъ» съ черной бородой и серьгой въ ухѣ. Лошади у нихъ у всѣхъ отличныя, лучше чѣмъ у многихъ юнкеровъ, и уйти отъ такого голубчика трудно. А попасться ему въ лапы — позоръ Училищу, сотнѣ и родному Войску.

На маневрахъ, особенно въ конницѣ, когда она далеко на развѣдкѣ отъ посредниковъ, иногда бываютъ драки и иной «плѣнный» вырывается и утаскиваетъ своего «захватчика». Разбирай потомъ, кто кого подкараулилъ.

Конечно, мальчику-юнкеру не стащить съ коня громаднаго лейбъ-казака, отца семейства и пахаря . . .

Прислушиваясь къ каждому шороху, юнкеръ Ногаевъ возвращался шагомъ съ донесеніемъ къ командиру одной изъ пѣхотныхъ дивизій «синихъ». Еловая вѣтка непрерывно шелестятъ подъ ночнымъ вѣтеркомъ, что-то начинаетъ бѣлѣть на востокѣ, природа становится блѣдной и однотонной. Лошадь Ногаева осторожно ступала по песчаному грунту, словно понимала, что нужно быть начеку.

Вдругъ сильный разбойничій свистъ пронизалъ воздухъ. Ногаевъ обернулся и увидѣлъ здороваго казачину съ черной бородой, выскочившаго изъ можжевельника и устремившагося за нимъ. Ногаевъ успѣлъ проглотить бумажку съ донесеніемъ и вылетѣлъ на берегъ топкой рѣчѣнки съ берегомъ метра въ полтора вышины. Уже слышитъ, какъ за нимъ, какъ медвѣдь, ломится сквозь кусты лейбъ-казачья лошадь.

— Неужели мнѣ цѣна полтинникъ, — подумалъ Ногаевъ и, хлестнувъ своего рыжаго мерина, ринулся съ нимъ въ рѣку.

Тучи брызгъ и грязи взвились надъ нимъ и, зажавъ уши коню, онъ поплылъ на немъ на противоположный берегъ. Теперь онъ былъ спасенъ, зная, что за полтинникъ казакъ не полѣзетъ пачкаться въ болото.

Онъ оглянулся и увидѣлъ на берегу на ворономъ конѣ браваго гвардейца, улыбающагося во весь ротъ.

— Полтинникъ за мной, — крикнулъ ему Ногаевъ.

— Возьми себѣ, не жалко: заработалъ, — отвѣтилъ ему лейбъ-казакъ и, повернувъ своего скакуна, скрылся въ кустахъ, очевидно поджидая новую дичь.

Послѣ маневровъ, командующій корпусомъ остался очень доволенъ юнкерами и далъ имъ два дня отдыха передъ отправкой въ Петербургъ.

Безъ малаго черезъ годъ подошли экзамены. Подтянутый Донецъ Сердюковъ, отмѣчая схемами и датами на доскѣ, отчетливо отвѣчаетъ о войнѣ 1877—1888 годовъ. За нимъ выходитъ тонный до послѣдней степени юнкеръ эскадрона Гентеръ, собирающійся выйти въ 13-ый гусарскій Нарвскій полкъ лишь потому, что въ немъ не разрѣшено жениться ранѣ чина ротмистра.

И такъ проходятъ постепенно юнкера сотни вмѣстѣ съ юнкерами эскадрона . . . Кому достается Японская война, кому Семилѣтняя, кому взятіе Плевны.

Послѣ начальникъ Училища поздравилъ всѣхъ съ удачнымъ экзаменомъ.

Послѣ экзаменовъ, уже почти офицерами, вышли, какъ всегда 6 мая, въ конномъ строю въ лагерь, мимо фабрики «Треугольникъ», за Нарвскія ворота, на широкій просторъ петербургскихъ дачныхъ мѣстъ къ Дудергофу. На другой день начались съемки группами: эскадронъ отдѣльно, сотня отдѣльно, подъ руководствомъ офицеровъ Генеральнаго Штаба.

То тамъ, то здѣсь мелькаютъ фигуры юнкеровъ, разставляющихъ вѣхи для триангуляціи участка, иногда можно видѣть красносельскаго мальчишку, нагруженнаго какъ верблюдъ, помогающаго юнкеру эскадрона.

Съемка пѣшкомъ — трудное дѣло. Молодежь съ завистью

смотреть на юнкеровъ старшаго курса, проѣзжающихъ на лошадяхъ съ легкими планшетами подмышкой. Ихъ раіоны дѣйствиі широки. Иногда юнкеръ попадаетъ подъ самое Красное Село, гдѣ онъ или усердно работаетъ цѣлый день, или отдыхаетъ на травѣ, или же проводитъ время въ компаніи дачницъ.

Неожиданно подошелъ праздникъ св. Ольги. Но юнкера продолжали работать на поляхъ по рѣшенію топографическихъ и тактическихъ задачъ. Для нихъ эти дни были особенно тяжелыми, такъ какъ іюль мѣсяцъ совпадалъ съ провѣркой всѣхъ лѣтнихъ работъ.

Какъ-то утромъ отдохавшія смѣны лежали на кроватяхъ или сидѣли возлѣ бараконъ, приводя въ порядокъ плохо исполненныя работы.

Неожиданно по всей линіи лагерей пронеслось пѣвучее:

— Де-жур-ныхъ на ли-ні-ю-ю-ю... Дежурныхъ на линію...

Легковая машина катила по передней линейкѣ изъ Главнаго лагеря въ Авангардный. Черезъ баракъ пробѣжалъ всполошенный дежурный офицеръ, за нимъ дежурный по сотнѣ портупей-юнкеръ. Командиры взводовъ примчались въ баракъ, поднимали всѣхъ и приводили баракъ въ порядокъ.

Уже было извѣстно, что въ эскадронѣ находился Великій Князь Константинъ Константиновичъ. Юнкера его цѣнили и уважали, но ихъ иногда смущало то, что Великій Князь обращался съ ними какъ съ мальчиками-кадетами, забывая, что передъ нимъ уже взрослые молодые люди. Поэтому нѣкоторые сразу помчались на берегъ озера и въ конюшни.

Великій Князь какъ бы гордился своей памятью, хотя иногда попадалъ впросакъ. Посмотрѣвъ на какого-нибудь юнкера, напоминоваго ему кого-нибудь изъ бывшихъ кадетъ, онъ говорилъ:

— Ты Воронежскаго, я помню тебя... Твоя фамилія Му... Ми... Ма... Мо...?

— Такъ точно, Ваше Высочество, Ногаевъ, Владикавказскаго, — бывалъ бойкій отвѣтъ.

— А ты Нижегородскаго... Ро... Р... Ру...?

— Второго Оренбургскаго, Акутинъ, Ваше Высочество.

— Ты Псковскаго?

— Такъ точно, Псковскаго..., гаркалъ обрадованный юнкеръ обрадовавшемуся Великому Князю.

— Ну, вотъ видишь, я тебя узналъ, хорошо помню.

Однаго юнкера, имѣвшаго очень узкій лобъ, онъ спросилъ:

— Какъ учишься?

— Неважно... — отвѣтилъ юнкеръ, зная свои успѣхи

— Это и видно, — проговорилъ Великій Князь, постукавъ молодого человѣка по лбу. Немедленно къ юнкеру прилипла кличка: «Дуракъ Высочайше утвержденнаго образца».

Но вообще же Великаго Князя Константина Константиновича любили, какъ добраго человѣка и начальника, спасавшаго юнкеровъ на экзаменахъ умышленно легкими побочными вопросами и широко пользовавшагося своимъ правомъ набавлять юнкерамъ баллы, когда юнкеру не хватало одного балла до перваго разряда, для выхода въ Гвардію или въ желанный полкъ. Память о немъ всегда будетъ жить въ сердцахъ юнкеровъ-николаевцевъ.

Послѣ съездовъ начали готовиться къ окончанію Училища. Были строевыя занятія и небольшіе маневры. Юнкера часто ѣздили въ городъ къ портнымъ, примѣрять обмундированіе. Въ казачьихъ войскахъ въ это время вводились шпоры для офицеровъ. Многіе, особенно любители танцевъ, встрѣтили эту новость восторженно, другіе хоть и ворчали объ уничтоженіи казачьихъ обычаевъ, но сами очень скоро ихъ надѣли. Въ концѣ концовъ всѣ казаки знали, что они такіе же русскіе люди, въ далекія времена оставившіе центральныя земли и ушедшіе на окраины. Тутъ постоянная борьба съ воинственными сосѣдями создала изъ нихъ ловкихъ наѣздниковъ, хитрыхъ воиновъ, буйныхъ людей и свободолюбивыхъ хлѣбопашцевъ. Казачки отличались отъ крестьянокъ своей самостоятельностью, незамкнутостью и всегда пользовались полной свободой наравнѣ съ мужчинами.

Послѣ разбора вакансій по полкамъ юнкерамъ старшаго курса была предоставлена нѣкоторая свобода. Занятій съ ними не производили и они наслаждались заслуженнымъ отдыхомъ. Валялись на койкахъ, болтали, строили воздушные замки на будущее или пѣли вполголоса грустныя казачьи пѣсни.

За день до царскаго смотра были состязанія: рубка, стрѣльба, уколы пикой и джигитовка.

Нѣсколько кандидатовъ на призы выстроились на своихъ лошадяхъ передъ бараккомъ. Сотникъ Солдатовъ — «Пупырѣ» — злой и красный какъ буракъ, осматривалъ лошадей.

— На «Жетонѣ» хотите призъ взять? Не слишкомъ ли увѣрены? — пробурчалъ онъ, провѣряя сѣдловку у Курбатова.

Первымъ пошелъ Акутинъ. Онъ ловко продѣлалъ всѣ номера рубки жгута, лозы налѣво и направо, укололъ пикой лежащее чучело и прокололъ стоячее, выстрѣлилъ кокосовой пулей въ мишень и попалъ, на скаку закинулъ винтовку и снова рубилъ лозу. За нимъ Шляхтинъ продѣлалъ то же самое. Потомъ прошли Парфентьевъ, Сердюковъ и Мурзаевъ. Всѣ продѣлали хорошо, но не такъ какъ первые. Пошелъ Курбатовъ. «Жетонѣ» съ мѣста взялъ широкій карьеръ, не предвѣщавшій ничего хорошаго. Но Курбатовъ успѣлъ продѣлать всѣ номера и только передъ послѣдней лозой «Жетонѣ» круто повернулъ влѣво и всадникъ не досталъ клинкомъ до лозы.

«Пупырь» сіяль какъ мѣдный тазъ, словно въ его обязанности входило проваливать юнкеровъ на состязаніяхъ.

Акутинъ получилъ первый призъ, Шляхтинъ второй.

Весь вечеръ и на другой день рано утромъ сотня готовилась къ предстоящему царскому смотру. Сапоги начищены до блеска, обмундированіе пригнано, оружіе почищено. Лошади прибраны.

Еще только свѣтало, когда Училище вышло на поле передъ бараками для провѣрки. Вѣстовые выводили начищенныхъ и смазанныхъ керосиномъ лошадей такъ, что трудно было отличить гнѣдыхъ отъ рыжихъ подъ блескомъ шерсти. Копыта смазанныя масломъ блестяли, какъ лакированныя туфельки, хвосты расчесаны какъ женскіе волосы и колышались отъ дувшаго съ озера утренняго вѣтерка. Вѣстовые съ любовью осматривали своихъ лошадей, но вахмистра все же находили недостатки и тихая перебранка висѣла въ воздухѣ.

Юнкера вышли по командѣ изъ бараконъ и кони, узнавая своихъ сѣдоковъ, утробно ржали и получали кусочки сахара и хлѣба, оторванные отъ утренняго чая.

Вьюки пригнаны. Впереди скатанныя шинели, сзади переметныя сумы. Сотня готова. «Шакаль» на своей чистокровной вислоухой кобылѣ, какъ богъ грома и молніи, въ послѣдній разъ обозрѣваетъ сотню своими жесткими глазами, словно онъ смотритъ на провинившихся.

По Военному полю Училище пошло къ Царскому Валику, гдѣ будетъ рѣшаться судьба каждой строевой части, вышедшей на царскій смотръ. Всѣ знаютъ, что Государь по своей добротѣ не осудитъ никого. Но также знаютъ, что рядомъ съ нимъ будетъ стоять гроза всего Петербургскаго военнаго округа Великій Князь Николай Николаевичъ, тощій какъ Донъ-Кихоть, великанъ съ глухимъ громкимъ голосомъ, строгими глазами и совершенно независимый начальникъ. Поэтому волновались всѣ, кажется волновались даже и лошади.

На высококомъ искусственномъ «Валикѣ» огромная палатка-шатеръ, толпы военныхъ въ высшихъ чинахъ, иностранные военные атташе.

Вотъ уже пошла подъ музыку нѣсколькихъ оркестровъ гвардейская пѣхота. Солдаты идутъ поротно, неся винтовки, кажушіяся на этихъ богатыряхъ игрушечными ружьями, съ особымъ гвардейскимъ шикомъ, почти отвѣсно. Всѣ красавцы, загорѣлые, подобранные одинъ къ одному здоровой деревенской красотой. Съ молодецкимъ видомъ, какого не было ни въ одной арміи міра, они легко несутъ на плечахъ пудовую выкладку, словно не чувствуя тяжести, и гулъ ихъ шаговъ наполняетъ поле, какъ шумъ землетрясенія. Думали ли тогда кто-нибудь, что вся эта масса

ляжетъ костью въ неудачныхъ бояхъ подъ Окатовымъ и въ Пруссіи по винѣ начальниковъ?

Конница форситъ одинаковыми мастями лошадей по полкамъ, эскадронамъ и батареямъ. Одиннадцать гвардейскихъ частей тянутся къ «Валику», и съ ними, впереди, дивизионъ Николаевского кавалерійскаго Училища — эскадронъ, за нимъ сотня. Идутъ рысью, развернутые эскадроннымъ строемъ.

Равненіе неподражаемое.

Но Великому Князю этого мало. Онъ приказываетъ штабъ-трубачу конвойцу играть галопъ. Трудно держать аллюръ конной массѣ, выстроенной шеренгой въ одну линію. Но еще труднѣе его мѣнять, когда лошади уже приняли одинъ аллюръ.

Надъ войсками несутся мелодичные по формѣ, но тревожные по содержанію звуки трубы императорскаго штабъ-трубача.

Небольшая секундная суэта, утробные вздохи прижатыхъ флангами коней, неясные стоны всадниковъ, сдавленныхъ сосѣдями, — и шеренги выравнены какъ по ниточкѣ.

На правомъ флангѣ сотни Курбатовъ на чужомъ конѣ «Банкетѣ». Не рѣшился юнкеръ выѣхать на «Жетонѣ» послѣ провала на состязаніи и сѣлъ на семивершковую лошадь.* Онъ смотритъ направо на Царскій Валикъ. Тамъ подъ бѣлыми зонтиками въ бѣлыхъ платьяхъ Императрица и Великія Княжны, тамъ самъ Императоръ. Курбатовъ не видитъ, какъ идетъ сотня; всѣ равняются по немъ.

— Только бы не подвелъ «Банкетъ», Господи — шепчетъ юнкеръ.

Уже прошла сотня и не слышно звука трубы . . . И вдругъ надъ полемъ пропѣлъ желанный сигналъ:

— Государь благодаритъ Училище.

И сейчасъ же былъ поданъ сигналъ «Рысь», но это уже для слѣдующей за Училищемъ конной части.

Восторженно гаркнувъ:

— Рады стараться, Ваше Величество!

Училище мчится галопомъ съ поля. «Шакаль» непроницаемъ, но юнкера знаютъ, что онъ уже прикидываетъ себѣ хорошій полкъ, который получить за прекрасный смотръ.

На другой день юнкера разсматривали фотографіи на первой страницѣ журнала «Огонекъ», какъ шли эскадронъ и сотня. Курбатовъ узналъ себя на правомъ флангѣ и успокоился: сотня ровнялась на него, какъ одинъ всадникъ. Даже пики были идеально выравнены.

Тому, кто не знакомъ съ кавалерійскимъ дѣломъ, равненіе можетъ показаться дѣтской забавой и ненужнымъ занятіемъ.

* Кавалерійская мѣрка въ 2 аршина 7 вершковъ.

Нѣтъ! Чтобы умѣть выровняться массѣ въ двѣсти человѣкъ, нужно хорошо владѣть лошадью и самимъ собой. Поднять на желаемый аллюръ цѣлую шеренгу и не потерять равненіе, это и есть выѣздка коня.

«Шакаль» приказываетъ пѣсенникамъ выѣхать впередъ. Это доказываетъ, что смотръ прошелъ хорошо и что онъ доволенъ.

Впереди эскадронъ поетъ свои любимыя «Звѣриада» и «Буль-буль-буль бутылочка». Сотня: «Изъ набѣга удалого ѣдутъ Сунженцы домой».

Прошли два долгихъ года и наступилъ долгожданный день производства въ первый офицерскій чинъ. Въ этотъ годъ производство было въ день Преображенія Господня, 6 августа, въ Главномъ лагерѣ у палатокъ Преображенскаго полка.

Государь прибылъ ровно въ назначенный имъ часъ и началъ обходъ училищъ. Разговаривалъ съ каждымъ, задавая вопросы обыденные, но запоминаемые на всю жизнь.

Въ сотнѣ выпускные строились не по балламъ, а по старшинству казачьихъ Войскъ, изъ которыхъ Уссурійское, куда вышелъ Курбатовъ, было самымъ молодымъ, такъ что онъ стоялъ на лѣвомъ флангѣ, даже послѣ второразрядниковъ. Государь жалъ каждому руку и Курбатовъ съ волненіемъ ждалъ его приближенія. Онъ надѣялся, что Государь вспомнитъ о немъ, узнаетъ его и что-нибудь спроситъ . . . Но Государь навѣрно считалъ, что стоящій послѣднимъ окончилъ по второму разряду и, не доходя человѣкъ шесть-семь, повернулъ, лишь только откозырнувъ имъ.

Вчерашніе юнкера — теперь молодые офицеры, сѣли на коней и пошли строемъ. Пошли было толпой, но по механически пріобрѣтенной за два года привычкѣ шли какимъ-то порядкомъ. Не хотѣлось какъ-то разставаться съ юнкерскимъ строемъ. Вспоминались слова «Шакала» передъ производствомъ:

— Помните, господа, что чѣмъ дольше, уже будучи офицерами, вы будете чувствовать себя юнкерами, тѣмъ больше вы выиграете.

Въ Училищѣ узнали, что въ сотнѣ впредь отмѣняется разнообразная по Войскамъ форма одежды, а будетъ общая. Темно-синій мундиръ, штаны безъ лампасъ, парадный лейбъ-казачій киверъ, бѣлая портупея и поясъ. Безкозырка красная, эскадронная.

Лодка наполнена разноцвѣтными фуражками, металлическими приборами, красными гусарскими чакчирами, драгунскими синими рейтузами, казачьими разноцвѣтными лампасами и околышами вперемѣшку съ еще не переодѣвшимися въ офицерскую форму, у кого подъ юнкерскимъ погономъ торчалъ Высочайшій приказъ о производствѣ въ первый офицерскій чинъ. Это спеці-

ально для «свирѣпыхъ» подпоручиковъ, любившихъ подтягивать юнкеровъ на улицахъ столицы.

Медленно отплывали берега съ юнкерскими бараками и конюшнями, съ другой стороны также медленно приближались другіе берега, полные новой жизни и новыми впечатлѣніями, заботами и борьбой.

Тихій августовскій вечеръ садился гдѣ-то за «Царскимъ Валикомъ». Внизу подъ Дудергофомъ бѣлѣло озеро, фіолетовыми и синими казались юнкерскіе бараки и конюшни и грустная казачья пѣсня тихимъ лебединымъ полетомъ поплыла надъ затихающимъ къ ночи озеромъ.

И вдругъ традиціонное ежевечернее пожеланіе спокойной ночи дудергофскимъ красавицамъ, исполненное хоромъ, грянуло надъ озеромъ:

— Спокойной но-чи! Ду-у-дер-го-фу-у!

И эхо, привыкшее каждый вечеръ отвѣчать юнкерамъ, громко ахнуло въ воздухѣ:

— ...о-чи! ...о-фу!

Прощайте, юнкера! Здравствуйте, господа офицеры!

Н. Е. Русскій

*

* *

Первые шаги въ Царской Сотнѣ.

Мои воспоминанія о Сотнѣ возвращаютъ меня къ тому далекому и незабываемому прошлому, когда еще кадетомъ пятаго класса второй роты Перваго кадетскаго корпуса я имѣлъ случай въ 1908 году быть на генеральной репетиціи Коннаго праздника Николаевскаго Кавалерійскаго Училища, который, какъ и многія другія спортивные испытанія, происходилъ во время Великаго поста. Это было тогда, когда послѣ Русско-Японской войны, учитывая уроки ея, въ Императорской Россійской Арміи обратили очень серьезное вниманіе на физическую подготовку всего состава вооруженныхъ силъ страны и, поэтому, различнаго рода спортивные праздники и состязанія весьма поощрялись. Нужно отмѣтить, что высшему командованію не пришлось употреблять большихъ усилій, чтобы привлечь кадетъ, юнкеровъ и, конечно, офицеровъ къ занятію спортомъ, а скорѣе наоборотъ, оберегать ихъ отъ излишняго имъ увлеченія.

Помню очень хорошо, что когда офицеръ-воспитатель нашего I отдѣленія подполковникъ Василій Яковлевичъ Андреевъ, самъ извѣстный и выдающійся фехтовальщикъ, объявилъ намъ, что въ пятницу такого-то числа вечеромъ желающіе могутъ пойти въ Михайловскій манежъ на генеральную репетицію коннаго праздника Н. К. У., то нашему восторгу не было предѣла, особенно среди тѣхъ, кто мечталъ служить въ конницѣ. То, что весь доходъ отъ праздника пойдетъ на сооруженіе памятника поэту М. Ю. Лермонтову, окончившему въ 1834 году Школу, еще больше насъ всѣхъ воодушевило и укрѣпило наше стремленіе быть на репетиціи праздника. Желающихъ, конечно, было больше чѣмъ мѣстъ предоставленныхъ нашему корпусу, но какъ-то всѣ, кто хотѣлъ быть на праздникѣ, — тамъ были.

Все, что мы увидѣли въ этотъ памятный вечеръ, превзошло всѣ наши ожиданія. Все, каждое выступленіе, вызывало у насъ восторженное одобреніе, но два изъ нихъ произвели на насъ особенно сильное впечатлѣніе: смѣнная ѣзда юнкеровъ эскадрона и джигитовка юнкеровъ сотни. Послѣдняя казалась намъ чѣмъ-то исключительнымъ по удали, ловкости и легкости исполненія, а такъ какъ всѣ упражненія дѣлались на карьерѣ, то у насъ отъ

волненія захватывало духъ. Ничего подобнаго мы, конечно, никогда и нигдѣ не видѣли, да и не только мы, а и всѣ присутствующіе на репетиціи и на самомъ праздникѣ, — весь С. Петербургъ. Среди насъ, кадетъ Перваго корпуса, было шесть казаковъ: донецъ Дмитрій Жировъ, уссурійцы Николаи Емельяновъ и Михаилъ Климовскій, терець Артемій Негодновъ, кубанецъ Владиміръ Куликъ и я — донецъ. Была чудная морозная и ясная ночь и весь обратный путь въ корпусъ мы шли пѣшкомъ, — разговорамъ и воспоминаніямъ не было конца. Въ этотъ зачарованный вечеръ наша судьба была рѣшена — мы должны и мы выходимъ въ Сотню. Ничего другого для насъ не существовало и ничто не могло сравниться съ ней.

1 сентября 1910 года нашъ 162-й выпускъ собрался послѣдній разъ въ стѣнахъ корпуса. Послѣдній разъ мы построились развернутымъ строемъ въ Сборномъ залѣ; въ залѣ, который и теперь мнѣ кажется самымъ величественнымъ изъ всѣхъ, мною когда-либо видѣнныхъ, и не только въ Петербургѣ. Настроеніе у насъ было приподнятымъ, но мы невольно поддавались чувству сожалѣнія, естественному при разставаніи. Сегодня мы прощались съ нашимъ корпусомъ, директоромъ его ген.-лейт. Григорьевымъ, командиромъ роты Его Величества полк. Забѣлинымъ и нашими офицерами-воспитателями. Покидая родной корпусъ, мы уносили съ собой въ нашихъ сердцахъ любовь къ нашей кадетской семьѣ и благодарность всѣмъ тѣмъ, кто въ теченіе многихъ лѣтъ неустанно заботился о насъ, оберегалъ насъ и вложилъ въ насъ тотъ духъ, который со временемъ помогъ намъ стать достойными офицерскаго званія. Послѣ трогательнаго прощанія мы всѣ въ тотъ же день отправились въ свои училища.

Пріѣхалъ я, помню, въ Училище на извозчикѣ, одинъ со своимъ чемоданомъ. Войдя черезъ главный подъѣздъ въ большую переднюю, я былъ встрѣченъ училищнымъ швейцаромъ Михаломъ, который, узнавъ, куда я вышелъ, рассказалъ мнѣ, какъ пройти въ помѣщеніе сотни. Подойдя къ началу лѣстницы, я былъ остановленъ юнкеромъ эскадрона при шашкѣ, который встрѣчалъ всѣхъ пріѣзжавшихъ. Очень привѣтливо онъ спросилъ меня также куда я вышелъ и услышавъ, что въ сотню, показалъ, гдѣ находятся ея помѣщенія. Тогда подняться на третій этажъ и даже съ чемоданомъ, большихъ затрудненій не представляло и вотъ, наконецъ, я на площадкѣ сотни. Здѣсь насъ вновь пріѣхавшихъ встрѣтилъ дежурный по сотнѣ, которымъ въ этотъ день былъ юнкеръ Талаласевъ, — донецъ. Въ то время всѣ юнкера сотни носили еще форму своего войска и когда они были внѣ строя, то это разнообразіе формъ и, особенно, черкески Кубанцевъ и Терцевъ, было очень красочно, но зато въ строю это же разнообразіе нарушало единство строя и отчетливость линій.

Дежурный по сотнѣ спросилъ мою фамилію и какого я войска; узнавъ и то и другое, онъ въ свою очередь назвалъ свою фамилію и мы пошли въ третій взводъ, гдѣ я явился взводному портупей-юнкеру Сеоеву, который и показалъ мнѣ мою койку. Сеоевъ сразу же расположилъ меня къ себѣ, не дѣлая для этого никакихъ усилій. Скромный и серьезный, спокойный и пріятный въ обращеніи какъ со старшими, такъ и съ младшими, что одно уже является большимъ достоинствомъ.

Слѣдующее, что предстояло мнѣ сдѣлать, это получить форму сотни, для чего я отправился въ цейхгаузъ. Мы сдавали сначала нашу кадетскую форму, а потомъ получали новую: защитную рубаху, погоны, шаровары, высокіе сапоги, безкозырку, поясъ и бѣлье. Когда мы получили шашку, винтовку и патронташъ, точно не помню, но это было сдѣлано въ одинъ изъ ближайшихъ дней. Полученіе всѣхъ этихъ вещей дало намъ возможность встрѣтиться съ каптенармусомъ сотни, старикомъ вахмистромъ Николаемъ Орловымъ. Къ сожалѣнію я не помню, какого полка былъ вахмистръ Орловъ, кажется одного изъ драгунскихъ, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ незамѣнимъ на своей должности. Онъ точно зналъ, что у него имѣется въ цейхгаузѣ и гдѣ это лежитъ. Оберегалъ онъ свое имущество очень тщательно, вещи намъ выдавалъ почти по росту и одѣты мы были достаточно хорошо. Все же надо сказать, что форма степовыхъ казаковъ того времени не была очень нарядной и, естественно, многіе юнкера, чтобы придать ей нѣкоторую элегантность, заказывали собственные сапоги, иногда шаровары и безкозырки, но обязательнымъ это не было.

Около пяти часовъ дня былъ обѣдъ и мы строемъ прошли въ столовую, гдѣ разошлись по столамъ. Команда «смирно» и кто-то низкимъ голосомъ запѣлъ молитву. Тихіе звуки и такія знакомыя слова молитвы: «Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ» перенесли меня въ столовую нашего корпуса и тутъ я почувствовалъ, что Училище — это только продолженіе прошлаго и для насъ все здѣсь будетъ такимъ же близкимъ, какъ и оставленная кадетская семья. Послѣ обѣда и до вечерней зори мы были свободны, использовавъ это время, чтобы познакомиться другъ съ другомъ.

Вновь пріѣхавшіе и принадлежащіе къ одному и тому же войску сейчасъ же переходили на «ты», но это была скорѣй кадетская традиція, чѣмъ войсковая, а поэтому очень скоро весь младшій курсъ былъ тоже на «ты».

Безъ четверти восемь гдѣ-то внизу трубачъ проигралъ повѣстку. Все пришло въ движеніе и мы, молодые, быстрымъ шагомъ направились на площадку, легко перегоня юнкеровъ старшаго курса. Неожиданно быстро этотъ потокъ изъ коридоровъ принялъ форму развернутаго строя. Нѣсколько замѣчаній взводныхъ пор-

тупей-юнкеровъ, появленіе вахмистра сотни Кофанова, и на площадкѣ водворилась полная тишина. Этажомъ ниже, на площадкѣ же, замеръ эскадронъ. Чуть слышно доносился до насъ заглушенный звонъ шпоръ: дежурный офицеръ вышелъ изъ своей комнаты на площадку. Мертвую тишину нарушалъ спокойный и увѣренный голосъ вахмистра Кофанова. Онъ называлъ фамилію за фамиліей и въ отвѣтъ раздавалось четкое и короткое «я» молодыхъ юнкеровъ или слегка уставшее «хорунжихъ». Переключка кончилась и черезъ нѣсколько мгновеній все зданіе наполнилось звуками вечерней молитвы. Пѣли эскадронъ и сотня. Въ сотнѣ были не только отличные джигиты, но и прекрасные пѣвцы.* Пѣла сотня очень хорошо и мы любили пѣть, не говоря уже о красотѣ старинныхъ казачьихъ пѣсенъ. Мнѣ трудно себѣ представить кого-либо бывшаго на военной службѣ и, особенно, въ одномъ изъ военныхъ училищъ, чтобы онъ могъ забыть церемонію вечерней зори, а вспоминая ее, чтобы его не охватило самое искреннее волненіе. Въ самой скромной обстановкѣ вечерняя зоря всегда была очень торжественной и трогательной. Молитва воина возносилась къ Всевышнему.

Послѣ зори эскадронъ и сотня подъ командой своихъ вахмистровъ пошли въ столовую къ вечернему чаю. Еще съ дѣтскихъ лѣтъ вечерній чай былъ для меня очень уютнымъ и пріятнымъ временемъ дня и я думаю, то же испытывали и большинство моихъ друзей, сидѣвшихъ за тѣмъ же столомъ, и потому, въ этотъ первый вечеръ въ Училищѣ, разговоры были особенно оживленными и дружескими. Да это и понятно, — мы были подъ впечатленіемъ всего пережитаго за день и всего того новаго, что такъ сразу ворвалось въ нашу молодую жизнь. Даже старшій курсъ почти не замѣчалъ нашего присутствія, уйдя совершенно въ воспоминанія о прошедшемъ лѣтѣ.

Изъ столовой мы уходили въ одиночномъ порядкѣ. Одни шли обратно въ сотню, но многіе — въ буфетъ, который открывался вечеромъ въ гимнастическомъ залѣ на первомъ этажѣ. Идя изъ столовой, я неожиданно встрѣтилъ своего стараго друга Дениса Давыдова. Онъ окончилъ Александровскій кадетскій корпусъ и мы встрѣчались въ Петербургѣ, но эта встрѣча была послѣ долгаго перерыва и мы ничего не знали другъ о другѣ. Оказалось, что онъ приписался къ Терскому казачьему войску и вышелъ въ сотню, что меня весьма обрадовало. Конечно, теперь мы отправились въ буфетъ, гдѣ за стаканомъ чая съ традиціоннымъ печеніемъ «Прогрессъ» провели очень пріятно вечеръ, вспоминая

* Одинъ изъ нихъ былъ особенно замѣтенъ: юнкеръ, впоследствии портупей-юнкеръ Евгений Нагасецъ, Кубанскаго войска.

«доброе старое время». Къ сожалѣнію мы были въ разныхъ взводахъ, — Давыдовъ во второмъ, а я — въ третьемъ.

Въ этотъ вечеръ заснулъ я очень скоро и спалъ крѣпко и хорошо. Встать рано на слѣдующее утро было не очень легко, тѣмъ болѣе, что мы только что возвратились изъ почти трехмѣсячнаго лѣтняго отпуска. Помогла кадетская привычка, выработанная за семь лѣтъ пребыванія въ корпусѣ. Одѣться и быть готовымъ стать въ строй взяло не такъ ужъ много времени, къ тому же рѣдко кому нужно было бриться.

Въ это утро, уже въ строю, я первый разъ могъ хорошо рассмотреть нашего вахмистра Федора Кофанова, Кубанскаго казачьяго войска. Средняго, или чуть ниже, роста, стройный, очень подтянутый, съ коротко остриженной головой, съ очень серьезнымъ, почти строгимъ лицомъ. Военный отъ головы до ногъ, вахмистръ Кофановъ невольно вызывалъ уваженіе и расположеніе къ себѣ.

Послѣ утренней молитвы намъ объявили порядокъ дня, а затѣмъ мы строемъ пошли въ столовую. По окончаніи утренняго чая и до начала лекцій желающіе могли пройти въ училищный садъ, передъ главнымъ зданіемъ на Ново-Петергофскомъ проспектѣ, переименованномъ въ Лермонтовскій въ слѣдующемъ году. Прогулка эта продолжалась около получаса и была нѣкоторымъ развлеченіемъ.

Первые четыре часа утромъ были посвящены лекціямъ и я до сихъ поръ помню одну изъ нихъ, по артиллеріи. Читалъ ее полковникъ Піотровскій, который, какъ мы слышали и скоро убѣдились сами, былъ прекраснымъ лекторомъ, но очень строгимъ и требовательнымъ. Выраженіе «читать лекціи» было принято, но оно совершенно не соответствовало истинѣ, такъ какъ всѣ наши лекторы объясняли намъ свой предметъ исключительно на память. Такъ какъ полковникъ Піотровскій читалъ очень хорошо, ясно и понятно, никогда не торопился, а самыя существенныя мѣста повторялъ два или три раза, то не удивительно, что нѣкоторыя изъ его выраженій сохранились въ памяти до сего времени, такъ же какъ и его внѣшность: высокій, худой, съ рѣзкими чертами лица, которыя какъ-то подчеркивались его довольно густой бородой и пристальнымъ взглядомъ. Онъ, разумѣется, былъ фанатикомъ артиллерійскаго дѣла и его выраженіе: «Длинная тяжелая пушка» звучало такъ, что мы ясно могли слышать громъ орудійнаго выстрѣла.

Вообще же, составъ преподавателей былъ исключительно хорошимъ, что и понятно, конечно, такъ какъ въ Петербургѣ выборъ былъ большой и очень высокаго качества. Чисто военные предметы преподавались офицерами Генеральнаго Штаба и многіе изъ нихъ были профессорами въ Военной Академіи, осталь-

ные же предметы — или военными или штатскими преподавателями, и всё они были большие специалисты в своей области. Нѣтъ сомнѣнія, что въ нашемъ Училищѣ учебная часть была поставлена очень, если не исключительно, хорошо и юнкеръ кончая его былъ вполне подготовленъ къ занятію должности младшаго офицера. Въ памяти встаютъ, одинъ за другимъ, цѣлый рядъ лицъ, кто въ теченіе многихъ лѣтъ отдавалъ свои силы и трудъ дѣлу воспитанія военной молодежи. Ярче всѣхъ изъ этой плеяды нашихъ наставниковъ выдѣляется Начальникъ Училища генераль-маіоръ Евгеній Карловичъ Миллеръ. Его имя говоритъ само за себя и я, конечно, мало могу добавить къ тому, что уже всѣмъ извѣстно о ген. Миллерѣ. Юнкера очень любили и цѣнили его какъ начальника и всегда считали его рыцаремъ безъ страха и упрека. Такимъ генераль Миллеръ и былъ.

Непосредственное наблюденіе за нашими успѣхами лежало на инспекторѣ классовъ ген.-м. Осиповѣ. Отличительной чертой его было невозмутимое спокойствіе и доброжелательность, и это его отношеніе къ дѣлу и ко всѣмъ окружающимъ и создавало такую пріятную обстановку для занятій. Жизнь въ классномъ флигелѣ шла тихо и мирно.

Помощникъ инспектора классовъ полк. Ашикъ мнѣ болѣе памятенъ по его лекціямъ по топографіи и военной географіи и, очевидно, онъ заложилъ въ насъ очень глубокія и основательныя знанія, такъ какъ тридцать шесть лѣтъ спустя я могъ использовать ихъ на службѣ, къ сожалѣнію, не у себя на родинѣ, а въ другомъ государствѣ.

Законъ Божій преподавалъ настоятель училищной церкви священникъ о. Жилинъ. Если память мнѣ не измѣняетъ, то нашъ курсъ касался главнымъ образомъ исторіи Христіанской Церкви. Къ репетиціямъ мы подготавливались достаточно хорошо, но внѣ этихъ отношеній мы, къ сожалѣнію, знали о. Настоятеля мало.

Военную исторію, тактику, топографію и съемки мѣстности мы проходили подъ руководствомъ офицеровъ Генеральнаго Штаба и въ разное время и въ разныхъ классахъ у насъ были ставшіе впоследствии очень извѣстными, а тогда уже считавшіеся выдающимися штабъ-офицеры: А. П. Богаевскій, Егорьевъ, Одинцовъ, Плющикъ-Плющевскій, Приходкинъ, Савельевъ, Сычевъ, Черемисовъ и многіе другіе, имена которыхъ, къ сожалѣнію, за давностью лѣтъ исчезли изъ памяти.

Военную администрацію читалъ намъ ген.-м. Даровскій, обладавшій талантомъ возбуждать нѣкоторый интересъ къ такому сухому предмету. Лично для меня администрація не была такимъ ужъ непріятнымъ предметомъ и я ее зналъ довольно хорошо. Любимымъ выраженіемъ генерала Даровскаго, если юнкеръ не зналъ пройденнаго курса, было: «Административное убожество».

Многими оно принималось почти какъ шутка, но для другихъ это было довольно угрожающее предупрежденіе.

Военное законовѣдѣніе, очень важный и трудный предметъ, мы проходили съ полк. Завадскимъ и надо сказать, что мы довольно основательно знали наиболѣе важныя положенія и имѣли ясное представленіе о законахъ.

Преподавателемъ русскаго языка былъ Виноградовъ и мы изучали исторію русской литературы. Предметъ былъ очень интересный, преподаватель исключительно знающій, но курсъ былъ слишкомъ обширный для того времени, которое могло быть предоставлено для него.

Артиллерію намъ преподавали полк. Піотровскій и полк. ф. Майдель, оба очень знающіе артиллеристы, прекрасные лекторы, къ тому же требовательные и строгіе.

Къ сожалѣнію, я не помню, кто намъ преподавалъ фортификацію и конно-саперное дѣло. Послѣ нашего выпуска конно-саперное дѣло было всецѣло въ рукахъ шт. ротм. Горленко, 4 гусарскаго Мариупольскаго ген. фельдм. кн. Витгенштейна полка, и при Училищѣ была сформирована конно-саперная команда.

Однимъ изъ выдающихся лекторовъ былъ нашъ ветеринарный врачъ ст. сов. Лавриновичъ. Его лекціи всегда вызывали большой интересъ и мы ихъ ждали, что и понятно: выходя въ конницу и связывая свою службу съ конемъ, мы старались узнать о немъ возможно больше, а лекторъ, къ тому же, преподавалъ намъ свой предметъ очень живо, приводя примѣры изъ своего многолѣтняго опыта или вообще изъ жизни. Не удивительно, что мы просто заслушивались сидя на лекціяхъ доктора Лавриновича, къ тому же онъ былъ магистромъ ветеринарныхъ наукъ и авторомъ серьезныхъ трудовъ по своей спеціальности. Учебникъ иппологіи написанный имъ чуть ли не до русско-японской войны до сихъ поръ является лучшимъ руководствомъ изъ всѣхъ написанныхъ на русскомъ языкѣ.

Военная гигиена внушалась намъ очень подробно старшимъ врачомъ Училища ст. сов. Соколовымъ. Однако, кажется, мы не съ такимъ рвеніемъ относились къ ней, какъ къ иппологіи, но это было понятно: думать и беспокоиться о своемъ здоровьѣ въ двадцать лѣтъ и когда оно въ прекрасномъ состояніи, не было увлекательно и интересно. Очень интересную теорію о подагрѣ мы слышали на одной изъ лекцій доктора Соколова. Касаясь вопроса о вредѣ злоупотребленія спиртными напитками, онъ замѣтилъ, что мнѣніе, будто шампанское способствуетъ появленію и развитію подагры, ошибочно, но что тѣ, кто пьетъ шампанское, обыкновенно люди съ хорошими средствами и потому они пьютъ много, больше чѣмъ слѣдуетъ, и притомъ много ѣдятъ, и вотъ это обиліе питья и ѣды, по его мнѣнію, и можетъ служить при-

чиной появленія подагры. Сомнѣваюсь, чтобы многіе изъ слышавшихъ такое предупрежденіе, отказали бы себѣ въ стаканѣ добраго вина.

Учитель нѣмецкаго языка ст. сов. Брандтъ очень отличался отъ всего состава преподавателей, главнымъ образомъ потому, что онъ былъ старенькимъ, хотя я думаю, что былъ онъ моложе, чѣмъ я теперь. Небольшого роста, съ сѣдой, коротко подстриженной бородкой, въ черномъ сюртуке, онъ держался всегда очень прямо, — очевидно пребываніе въ военномъ училищѣ многіе годы оставило на немъ свой слѣдъ. Трудно было ему нести свои обязанности и, хотя внѣшне онъ дѣлалъ все, чтобы его лекціи были плодотворны, но годы сказывались и внутренній огонь чуть теплился. Несмотря на все это, ст. сов. Брандтъ былъ достаточно строгимъ и мы дѣлали успѣхи. Юнкера къ нему хорошо относились, но все же иногда продѣлывали надъ нимъ всякія шутки. Если репетиція по нѣмецкому языку была въ читальной комнатѣ сотни, то на далекомъ пути туда, по коридорамъ изъ класснаго флигеля, его встрѣчали нѣсколько дежурныхъ по какому-то фантастическимъ отдѣламъ Училища съ подробнымъ рапортомъ. Ст. сов. Брандтъ внимательно выслушивалъ этихъ мнимыхъ дежурныхъ, стоя смирно съ очень серьезнымъ лицомъ. Эта церемонія сокращала время репетиціи иногда минутъ на двадцать. Какъ долго оставался въ Училищѣ ст. сов. Брандтъ послѣ 1912 года, я не знаю, но это было характерно въ Императорской Россіи, что старикамъ преподавателямъ давали возможность продолжать служить, пока они сами не уходили.

Лекціи продолжались до двѣнадцати часовъ, то есть до завтрака, а послѣ него начинались строевыя занятія. Въ строевую подготовку юнкера входили, кромѣ ѣзды, вольтижировка, фехтованіе, гимнастика, пѣшій строй и стрѣльба, а также уставы, стрѣлковое дѣло,ковка и сигналы. Строевая подготовка всецѣло лежала на смѣнныхъ офицерахъ во главѣ съ командиромъ сотни юнкеровъ полк. Алексѣемъ Кирилловичемъ Грековымъ. Составъ смѣнныхъ офицеровъ сотни былъ отличный: молодые, но уже съ большимъ служебнымъ опытомъ, а иногда даже и съ боевымъ, послѣ участія въ Русско-Японской войнѣ. Почти всѣ имѣли Императорскіе призы или готовились ихъ получить за тотъ или иной видъ спорта.

Старшимъ по службѣ былъ есаулъ Леонидъ Ивановичъ Соколовъ, Донского войска. По окончаніи сотни въ 1893 году, онъ былъ выпущенъ Л. Гв. въ Казачій Его Величества полкъ, въ спискахъ котораго и числился до зачисленія его по Гвардейскимъ казачьимъ войскамъ въ 1911 году.

Есаулъ В. Деревянкинъ, Донского войска. По окончаніи сотни въ 1896 г. онъ былъ выпущенъ въ комплектъ Донскихъ ка-

зачьихъ полковъ. Въ 1917 году лѣтомъ онъ командовалъ 21 Донскимъ казачьимъ полкомъ. За открыто высказанныя вѣрноподданническія чувства Государю Императору, за рѣзкое порицаніе дѣйствию временнаго правительства и за осужденіе введенныхъ демократическихъ началъ въ арміи, онъ былъ отчисленъ отъ командованія полкомъ. О дальнѣйшей его службѣ и судьбѣ мнѣ ничего не извѣстно.

Подъесаулъ А. Сутуловъ, Донского войска, окончилъ сотню въ 1900 году и выпущенъ въ комплектъ Донскихъ казачьихъ полковъ. За фехтованіе на эскадронахъ и рапирахъ награжденъ Императорскими призами. Въ гражданскую войну на Дону, командуя отдѣльнымъ отрядомъ, былъ нѣсколько разъ упомянутъ въ сводкахъ командующаго Донской арміей за успѣшныя дѣйствія противъ красныхъ. Дальнѣйшая судьба его мнѣ неизвѣстна.

Есаулъ Н. Скляръ, Терскаго войска, выпуска 1897 года въ 1 Сунженско-Владикавказскій Генерала Слѣпцова полкъ. Состоя въ Училищѣ и до зачисленія по Гвардейскимъ каз. войскамъ въ 1911 году, числился и носилъ форму Л. Гв. Атаманскаго Е. И. В. Г. Н. Ц. полка. Дальнѣйшая служба и судьба его мнѣ неизвѣстна.

Есаулъ Н. Гордѣевъ, Уральскаго войска, окончилъ сотню въ 1896 году и выпущенъ въ 1 Уральскій каз. полкъ. Числился Л. Гв. въ Уральской Его Величества сотнѣ до зачисленія его по Гвардейскимъ каз. войскамъ въ 1911 году. По слухамъ погибъ въ гражданскую войну на Уралѣ.

Подъесаулъ Демяникъ, Кубанскаго войска, 1 Таманскаго Генерала Безкровнаго полка, воспитанникъ сотни. Дальнѣйшая судьба его мнѣ неизвѣстна.

Подъесаулъ Абу-Бекиръ Мекбулатовичъ Тургіевъ. По окончаніи сотни въ 1904 году выпущенъ въ 1 Сунженско-Владикавказскій Ген. Слѣпцова полкъ и въ составѣ полка участвовалъ въ Русско-японской войнѣ. Послѣдній разъ я встрѣтился съ нимъ въ Ростовѣ-на-Дону, кажется, весной 1919 года.

Но душой сотни, какъ и ея командиромъ былъ полковникъ А. К. Грековъ и, благодаря ему и прекрасному подбору смѣнныхъ офицеровъ, сотня всегда была на большой высотѣ во всѣхъ отношеніяхъ: строевомъ и въ смыслѣ внутренняго порядка. Въ теченіе двухъ лѣтъ моего пребыванія въ Училищѣ я не помню ни одного случая серьезнаго нарушенія дисциплины или какихъ-либо недоразумѣній между юнкерами, также не помню, чтобы мнѣ пришлось слышать о подобныхъ случаяхъ до и послѣ моего времени; правда, и составъ юнкеровъ въ сотнѣ былъ таковъ, что ему позавидовало бы любое учебное заведеніе.

Полковникъ Грековъ, Донского войска, окончилъ сотню въ началѣ ея существованія въ 1892 году и былъ выпущенъ, какъ мнѣ помнится, въ 13 Донской Ген. Фельдм. Кн. Кутузова-Смолен-

скаго полкъ, который входилъ въ составъ I Донской каз. дивизіи, расквартированной вблизи Австро-венгерской границы и считавшейся одной изъ лучшихъ дивизій по боевой подготовкѣ. Въ какомъ году полк. Грековъ былъ командированъ въ Училище, не могу сказать, но по зачисленію въ списки сотни онъ былъ переведенъ Л. Гв. въ Казачій Его Величества полкъ, въ коемъ и числился до 1911 года. Такъ какъ всѣ офицеры военныхъ училищъ, начиная съ начальника училища и до курсовыхъ смѣнныхъ включительно, числились по Гвардіи, то они зачислялись въ зависимости отъ рода войскъ по гвардейской пѣхотѣ, артиллеріи или кавалеріи, у казаковъ же такого порядка зачисленія не существовало и, поэтому, офицеры сотни зачислялись въ списки гвардейскихъ казачьихъ частей. Въ 1911 году, почти одновременно, а можетъ быть и одновременно съ пожалованіемъ сотнѣ общей, новой формы одежды, былъ учрежденъ порядокъ зачисленія по Гвардейскимъ казачьимъ войскамъ. Такъ и были зачислены всѣ офицеры казачьихъ училищъ и нѣкоторые чины Штабовъ Войсковыхъ Наказныхъ Атамановъ, какъ, на примѣръ, въ Донскомъ войскѣ — Войсковые Есаулы.

Послѣ многихъ лѣтъ командованія сотней полковникъ Грековъ получилъ I Донской казачій Генералиссимуса Князя Суворова полкъ, съ которымъ участвовалъ въ войнѣ 1914—1917 гг. Во время войны I Донской казачій полкъ былъ осчастливленъ Монаршей милостью и Государь Императоръ принялъ на Себя Шефство полка. Въ 1915 году полк. Грековъ былъ назначенъ командиромъ бригады въ 4-й Донской каз. дивизіи съ производствомъ въ генераль-маіоры. Во время моего прикомандированія къ 19 Донскому каз. полку я послѣдній разъ встрѣтился съ ген. Грековымъ. Встрѣча была на походѣ, ген. Грековъ стоялъ на небольшой полянкѣ со своимъ вѣстовымъ и, какъ всегда, своимъ пристальнымъ взглядомъ внимательно осматривалъ проходившихъ въ конномъ строю казаковъ. Это было лѣтомъ, въ іюль 1915 года, время было трудное и видъ у насъ не былъ параднымъ, что было особенно видно по конскому составу. Отдавъ честь генералу Грекову и отвѣтивъ на его привѣтствіе громкимъ «Здравія желаю, Ваше Превосходительство», мы разъѣхались. Въ гражданскую войну, въ 1918 году, Донскимъ Атаманомъ генераломъ Красновымъ ген. Грековъ былъ назначенъ генераль-губернаторомъ г. Ростова-на-Дону и въ этой должности въ томъ же году онъ скончался отъ сыпного тифа.

Мои воспоминанія о сотнѣ тѣсно связаны съ именемъ полковника А. Г. Грекова и съ перваго же дня нашего прибытія въ Училищѣ, что бы не случилось, что бы мы не дѣлали, мы всегда чувствовали вліяніе командира сотни. Особенно это сказывалось въ системѣ обученія ѣздѣ, которая въ наше время была поставлена

очень хорошо и въ соотвѣтствіи съ современными требованіями въ конницѣ.

Согласно расписанію, уже на второй день нашего пребыванія въ Училищѣ у насъ была ѣзда. Наша шестая смѣна построилась на площадкѣ сотни въ ожиданіи смѣннаго офицера. Старшимъ въ смѣнѣ былъ юнкеръ Чуйковъ, оставшійся по болѣзни на второй годъ на младшемъ курсѣ. Хотя почти всѣ изъ насъ были сыновьями офицеровъ и я увѣренъ, что умѣли немного ѣздить, но все же какое-то волненіе мы испытывали. Наконецъ на площадку почти вбѣжалъ по лѣстницѣ нашъ смѣнный офицеръ. Средняго роста, хорошо сложенный, молодой, красивый, въ черкескѣ, съ Анненскимъ темлякомъ на кавказской шашкѣ, подъесаулъ Тургіевъ дѣйствительно былъ образцомъ офицера. Чтобы характеристика подъесаула Тургіева была полнѣе, я хочу сейчасъ сказать то, что онъ намъ говорилъ уже много позже.

Стараясь развить въ насъ тотъ духъ и то отношеніе къ своимъ обязанностямъ и къ службѣ вообще, которые онъ считалъ единственно достойными офицера и воина, подъесаулъ Тургіевъ намъ не разъ повторялъ, что *намъ не нужны офицеры-ремесленники, а нужны офицеры-фанатики*. Судя по тому, какъ онъ самъ относился къ службѣ и сколько изъ его бывшихъ воспитанниковъ пало смертью храбрыхъ, завѣтъ подъесаула Тургіева глубоко прошелъ въ наши души и сердца.

Поздоровавшись еще на ходу и быстро оглядѣвъ строй смѣны, подъесаулъ Тургіевъ приказалъ юнкеру Чуйкову вести смѣну на плацъ, на ѣзду. Какъ правило, ѣзда производилась въ манежѣ и смѣны сотни пользовались своимъ манежемъ и однимъ изъ манежей эскадрона. Манежъ сотни былъ длиннѣе манежей эскадрона, но уже. По срединѣ одной изъ длинныхъ сторонъ манежа была устроена ложа, откуда удобно было наблюдать за ѣздой или съ противоположной стороны ложи за вольтижировкой, которая происходила въ особой квадратной пристройкѣ. Въ хорошую погоду ранней осенью или весной смѣны сотни ѣздили по плацу передъ главнымъ зданіемъ Училища, но на противоположной сторонѣ Лермонтовскаго проспекта. Тамъ же были и конюшни сотни.

На этомъ плацу и была наша первая ѣзда. Придя на плацъ, мы увидѣли уже выведенныхъ туда лошадей, посѣдланыхъ только попонками, и вѣстовыхъ, которые держали ихъ за чумбуры. Завѣдовалъ конюшнями и былъ вахмистромъ команды вѣстовыхъ Л. Гв. Казачьяго Его Величества полка подхорунжій Тулаевъ. Высокаго роста, очень представительный, спокойный, съ той особой выправкой, которой отличались всѣ сверхсрочные въ Императорской арміи, подхор. Тулаевъ держалъ вѣстовыхъ въ строгой дисциплинѣ, а лошадей и конюшни въ отличномъ порядкѣ. Въ эту первую ѣзду мы получили лошадей, оказавшихся

противъ каждыа юнкера, но въ дальнѣйшемъ смѣнный офицеръ очень часто распредѣлялъ ихъ самъ и нѣкоторымъ юнкерамъ давалъ лошадей по ихъ способностямъ, а другимъ — въ наказаніе. Сѣсть на коня, стоящаго на мѣстѣ, не пользуясь стременемъ не такъ просто и легко для большинства и тутъ помогаютъ привычка, ростъ, а иногда сила, а вотъ свой вѣсъ всегда приковываетъ къ землѣ. Къ счастью на помощь приходили вѣстовые, ловко подсаживая юнкеровъ, подставляя руку подъ лѣвое согнутое колѣно. Протянувъ конецъ чумбура подъ подпругу и разобравъ поводья въ двѣ руки, мы были готовы. Раздалась команда смѣннаго офицера и мы вытянулись справа по одному за головнымъ номеромъ, которымъ былъ юнкеръ Чуйковъ. Плацъ былъ очень большой и на немъ не было никакихъ мѣстныхъ предметовъ, чтобы ограничить кругъ, по которому мы шли шагомъ и, такимъ образомъ, все зависѣло отъ головного номера. Замѣчанія подесаула Тургіева постепенно знакомили насъ съ правилами ѣзды и мы понемногу свыклись съ новымъ положеніемъ. Для большинства это не было трудно, но тѣ, кто получили тряскихъ лошадей, должны были примѣнить всю свою ловкость и гибкость, чтобы не потерять равновѣсія, а грунтъ на плацу былъ довольно твердый и паденіе съ коня даже на рыси было бы чувствительно.

Въ этотъ же день у насъ былъ и пѣшій строй. Такого совершенства въ выправкѣ въ пѣшемъ строѣ, котораго достигали въ нашихъ военныхъ училищахъ, въ кавалерійскихъ и казачьихъ достичь не могли, главнымъ образомъ потому, что у насъ не было достаточно времени, а кромѣ того особенности нашего вооруженія имѣли большое значеніе. Но, принимая все это во вниманіе, я долженъ сказать, что выправка и отчетливость всѣхъ движеній, перестроеній и пріемовъ были на высотѣ и училищные караулы были блестящими во всѣхъ отношеніяхъ. Помню, уже офицеромъ, встрѣчая юнкеровъ кавалерійскихъ и казачьихъ училищъ, я всегда обращалъ вниманіе на ихъ выправку и какую-то особенную подтянутость.

Второй день прошелъ довольно быстро и какъ-то незамѣтно быстро. Четыре часа лекцій и четыре часа строевыхъ занятій, а вечеромъ два часа для подготовки къ репетиціямъ совершенно не давали намъ возможность думать о чемъ-либо другомъ, а тѣмъ болѣе считать время. Все то, что мы теперь дѣлали и чѣмъ занимались, было для насъ ново, интересно и насъ захватывало. Къ вечеру, конечно, чувствовалась легкая усталость, но все же молодость взяла свое, и послѣ вечерняго чая я пошелъ въ буфетъ. Это было мѣсто встрѣчи съ друзьями и отдыха, если вы не занимаетесь гимнастикой.

Обстоятельства въ моей жизни сложились такъ, что мнѣ пришлось быть въ трехъ корпусахъ: Одесскомъ, Петровскомъ Пол-

тавскомъ и Первомъ кадетскомъ, который я и кончилъ. Уже будучи въ Петербургѣ я заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ и въ очень тяжелой формѣ, такъ что мнѣ пришлось остаться на второй годъ. Изъ-за этого я отсталъ отъ своего класса, но выйдя въ Училище, я встрѣтилъ многихъ изъ моихъ однокашниковъ по тремъ корпусамъ и двумъ выпускамъ, и ихъ оказалось довольно много, большинство въ эскадронѣ и шесть въ сотнѣ. Почти всѣхъ изъ нихъ мнѣ удалось повидать въ буфетѣ и это были очень пріятныя встрѣчи. Вечеръ прошелъ оживленно, въ безконечныхъ разговорахъ и воспоминаніяхъ, но и настоящее было полно надеждъ и радостей. То, что буфетъ былъ въ гимнастическомъ залѣ, можетъ быть и не придавало буфету уюта, но зато это имѣло и положительную сторону. Юнкера, пришедшіе въ буфетъ, чтобы полакомиться, видя тамъ другихъ упражнявшихся на различныхъ снарядахъ, невольно сами заинтересовывались этимъ и присоединялись къ гимнастамъ. На этомъ поприщѣ и въ такой обстановкѣ завязывались первыя знакомства юнкеровъ сотни и эскадрона, а отношенія старшаго и младшаго курсовъ становились болѣе дружескими.

Дни проходили очень быстро одинъ за другимъ. Мы, молодые, уже начали привыкать къ новой обстановкѣ и намъ это нравилось настолько, что даже то, что мы не могли ходить въ отпускъ до принятія присяги, насъ не очень огорчало. Постепенно отношенія со старшимъ курсомъ становились болѣе близкими, а иногда и дружескими, но это не значило, что младшій курсъ былъ совершенно на равномъ положеніи со старшимъ. Насъ не цукали, но установленнымъ порядкомъ, если не традиціей было, что юнкеръ старшаго курса, не говоря уже о вахмистрѣ и портупей-юнкерахъ, могъ сдѣлать замѣчаніе молодому, а тѣмъ болѣе дружеское указаніе въ нужномъ случаѣ. Это считалось естественнымъ, и такъ какъ «хорунжіе» никогда не переходили границъ и не превышали власти, то все шло гладко, всѣ были довольны и жизнь шла тихо и спокойно, и даже весело.

Мнѣ очень повезло, — почти рядомъ съ моей койкой была койка юнкера и вскорѣ портупей-юнкера С. В. Болдырева. На рѣдкость пріятный, милый, интересный и въ то же время очень дисциплинированный юнкеръ, съ которымъ сразу же установились дружескія отношенія. Черезъ годъ Сергѣй Владиміровичъ вышелъ въ 1 Донской казачій Генералиссимуса Князя Суворова полкъ въ Москву, а въ 1914 году, въ самомъ началѣ войны, за очень опасную, но важную и удачную развѣдку былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-й степени и, кажется, первымъ или однимъ изъ первыхъ въ эту войну. До сихъ поръ я сохранилъ къ нему самыя теплыя чувства и очень цѣню его дружбу.

Какъ-то незамѣтно я подружился съ другимъ юнкеромъ стар-

шаго курса и нашего взвода Михаиломъ Борисовымъ, но, къ стыду своему, теперь забылъ его отчество. И Сергѣй Болдыревъ и Михаилъ Борисовъ были во многихъ отношеніяхъ разными людьми, но, если можно опредѣлить качество людей калибромъ, то они несомнѣнно были одного калибра и очень крупнаго. Михаилъ Борисовъ былъ не очень высокаго роста, отлично сложенъ, прекрасный гимнастъ, а еще лучшей ѣздокъ. Ѣздилъ онъ дѣйствительно замѣчательно. Видѣть его на конѣ, а кстати конь у него былъ по имени «Динамитъ», было одно удовольствіе и, я думаю, не только для конника. Посадка Михаила Борисова была настоящая казачья, я бы сказалъ идеальная. Происходитъ это тогда, когда всадникъ глубоко опустился въ сѣдло и, пружиня на согнутыхъ ногахъ на стременахъ, почти не отдѣляется отъ мягкой подушки сѣдла и въ то же время сохраняетъ полную свободу дѣйствія корпусомъ для рубки, уколовъ пикой, прыжковъ черезъ препятствія и для джигитовки. При всемъ этомъ его посадка была очень красива. Михаилъ Борисовъ въ 1911 году былъ записанъ на мраморную доску въ ложѣ манежа первымъ за ѣзду. Онъ не былъ портупей-юнкеромъ, пожалуй, потому, что онъ и не старался имъ стать, но онъ былъ отличный юнкеръ во всѣхъ отношеніяхъ.

Будучи очень талантливымъ и способнымъ, онъ съ портупей-юнкеромъ Сеоевымъ, взводнымъ взвода, написали слова пѣсни, называвшейся «Пѣсня Царской Сотни», которую старшій курсъ пѣлъ во время «офицерскаго обхода» по помѣщенію сотни въ началѣ учебнаго года. Такой обычай, или даже традиція, были во многихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, но мнѣ кажется, что нигдѣ пѣсни, пѣвшіяся во время такого обхода, не были такими глубокими по смыслу и полными достоинства, какъ у насъ въ сотнѣ.

Юнкеръ Михаилъ Борисовъ 6 августа 1911 года былъ произведенъ въ хорунжіе въ 4-й Донской казачій Атамана графа Платова полкъ, стоявшій въ г. Щучинѣ Ломжинской губерніи на германской границѣ. Въ 1915 году осенью мы опять встрѣтились въ Петербургѣ и оба послѣ раненія. Встрѣча была радостной, очень веселой, но, къ сожалѣнію, послѣдней.

Время до принятія присяги прошло довольно быстро и, наконецъ, наступилъ этотъ знаменательный и рѣшающій день въ нашей жизни. Было это въ началѣ октября 1910 года и я думаю, въ день тезоименитства Государя Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича. Эскадронъ и сотня въ парадной формѣ были выстроены въ одномъ изъ манежей эскадрона, вдоль противоположныхъ длинныхъ его сторонъ. Командиры эскадрона и сотни и смѣнные офицеры уже нѣсколько разъ обошли строй, дѣлая поправки и замѣчанія. Трудно сказать, что мы переживали въ этотъ моментъ, но очевидно важность и торжественность того, что насъ

ожидало, заставило насъ взволноваться. Находясь въ строю, воинъ могъ быть подѣ впечатлѣніемъ самыхъ различныхъ чувствъ и настроеній, но сознание долга, скрѣпленное дисциплиной, не позволяли ему поддаться ихъ вліянію. Такъ очевидно было и съ нами. Внѣшне строй представлялъ изъ себя юнкеровъ въ нарядной формѣ, хорошо выправленныхъ, съ яснымъ, смѣлымъ взоромъ, для которыхъ сейчасъ весь міръ заключался въ томъ, что они дѣлали или должны были сдѣлать, и у нихъ не было мѣста для раздумій и колебаній. На правомъ флангѣ эскадрона, сверкая начищенными трубами, стояли трубачи, насколько помню, хоръ трубачей Офицерской Кавалерійской Школы. Дивизиономъ командовалъ полковникъ Ярминскій, командиръ эскадрона. Раздалась команда, дивизионъ взялъ шашки «на-крауль», блеснула сталь клинковъ салютующихъ офицеровъ и все застыло въ ожиданіи. Трубачи играютъ сигналъ «подъ штандарты» и черезъ боковыя ворота въ манежъ входитъ адъютантъ, за нимъ штандартный портупей-юнкеръ со штандартомъ и взводъ эскадрона. Вотъ штандартъ уже на правомъ флангѣ эскадрона; взводъ становится на свое мѣсто. Только утихли звуки сигнала, какъ въ манежъ вошелъ начальникъ Училища ген. Миллеръ и обошелъ строй дивизиона, здороваясь съ юнкерами. Громкіе отвѣты и опять наступила полная тишина. Аналой выносятся на середину манежа и настоятель о. Жилинъ медленными движеніями кладетъ на него святое Евангеліе и св. Крестъ. Штандартъ выносятся къ аналою и туда же идутъ пѣвчіе. Все дѣлается совершен-

Штандартный взводъ въ Дудергофѣ.

но безшумно и эта тишина придаетъ еще бѣольшую торжественность.

Адъютантъ Училища шт. ротм. Зякинъ выходитъ на середину манежа, между эскадрономъ и сотней, и громкимъ голосомъ читаетъ параграфъ за параграфомъ слова старой присяги, установленной еще Императоромъ Петромъ Великимъ. Принимающіе присягу, какъ будто немного торопясь, отвѣчаютъ «клянусь», когда въ концѣ каждаго параграфа присяга отъ нихъ этого требуетъ. По окончаніи чтенія присяги мы подходимъ къ аналою и цѣлуемъ св. Евангеліе, св. Крестъ и полотнище штандарта. Начинается молебенъ, который продолжается недолго и заканчивается окропленіемъ св. водой всѣхъ присутствующихъ. Штандартъ относится на правый флангъ эскадрона. Генераль Миллеръ поздравляетъ насъ съ принятіемъ присяги и еще разъ напоминаетъ намъ всю важность и серьезность этого событія для каждаго воина. Послѣ этого мы проходимъ церемоніальнымъ маршемъ передъ начальникомъ Училища и онъ благодаритъ дивизионъ, эскадронъ и сотню отдѣльно, за отличный и блестящій видъ. По возвращеніи въ свои помѣщенія насъ поздравляетъ командиръ сотни полк. Грековъ. Команда «разойтись» и все наполняется веселыми, оживленными голосами. Смѣнные офицеры и юнкера старшаго курса поздравляютъ насъ, каждаго отдѣльно. Въ столовой насъ ожидалъ завтракъ и онъ прошелъ подъ впечатлѣніемъ всего только что пережитаго.

Послѣ завтрака желающіе могли идти въ отпускъ и я съ радостью воспользовался этимъ, но было это не такъ просто, такъ какъ являясь дежурному по Училищу офицеру надо было быть безукоризненно одѣтымъ и во время рапорта не сдѣлать ни одной ошибки. Наконецъ это препятствіе было преодолено и я очутился на Лермонтовскомъ проспектѣ. Для юнкеровъ сотни не было обязательнымъ ѣздить только на извозчикахъ, а потому, пройдя до Измайловскаго проспекта, я сѣлъ въ трамвай. Пробывъ кадетомъ въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ, для меня выходъ въ городъ не былъ ничѣмъ новымъ, и даже возможность пропустить офицера и не отдать установленную честь не беспокоила, но вотъ какъ надѣта у меня папаха, было очень важно. Папаху совершенно не чувствуешь, а она должна быть набекрень, на правый бокъ и на одинъ палецъ надъ правой бровью. Все — то, что я юнкеръ Сотни, что на мнѣ новая форма, что сегодня чудный солнечный день и что я молодъ, меня очень радовало и счастьемъ казалось не будетъ конца. Отпускъ былъ только до вечера и я провелъ его у моего старшаго брата, который въ это время былъ въ Военной Академіи.

Какъ артиллеристу, окончившему Михайловское Училище, брату все, что я рассказывалъ о нашемъ Училищѣ было очень

интересно и многое ново. Наша жизнь, порядки и традиции были ему незнакомы, а нѣкоторые представлялись въ иномъ видѣ. Годомъ позже, когда я уже былъ на старшемъ курсѣ, мой братъ какъ-то вечеромъ пріѣхалъ меня навѣстить. Пріѣхалъ онъ въ неурочное время, но дежурный по Училищу офицеръ все же разрѣшилъ мнѣ пройти въ пріемную. Во время нашего разговора трубачъ проигралъ сигналъ «повѣстка» и почти сейчасъ же все зданіе загудѣло отъ быстро идущихъ и бѣгущихъ ногъ. Не прошло и полутора минутъ, какъ все затихло, не слышно было ни звука, наступила дѣйствительно полная тишина. Братъ мой спросилъ меня, что случилось, и я ему объяснилъ, что это эскадронъ и сотня построились на вечернюю зорю. «Какъ, такъ быстро!» воскликнулъ братъ и на мое замѣчаніе, что у насъ обыкновенно такъ собираются, добавилъ: «Да, это замѣчательно, — это конный духъ».

Время послѣ принятія присяги и до Рождества Христова шло незамѣтно быстро. Заняты мы были очень. Лекціи и строевыя занятія шли безъ перерыва, день за днемъ. За это время не произошло ничего особеннаго, но мы не жаловались на однообразіе, такъ какъ дѣлая успѣхи во всѣхъ отношеніяхъ, мы не теряли интереса. Мнѣ этотъ періодъ вспоминается какъ очень пріятный, даже уютный, и вообще осень въ Петербургѣ мнѣ всегда нравилась. Отношенія между юнкерами становились замѣтно болѣе тѣсными и дружескими. Мои сосѣди по взводу Сибирякъ Михайлъ Фроловъ, Сибирскаго кадетскаго Императора Александра I корпуса, и Уссуріецъ Николай Жигалинъ, Хабаровскаго Генерал-отъ-Кавалеріи Графа Муравьева-Амурскаго корпуса, и я стали уже старыми друзьями, но въ то же время, будучи въ разныхъ смѣнахъ и классахъ, видѣлись мы только вечеромъ, ложась спать. Мы дѣйствительно были заняты.

Говоря о томъ, что мы были очень заняты, слѣдуетъ сказать, что система лекцій и репетицій была для насъ новостью, но мы скоро къ ней привыкли и она намъ нравилась и даже немного льстила нашему самолюбію. Преимущество лекцій, по-моему, въ этомъ отношеніи было очевидно: зная, что не будетъ никакихъ вызововъ, легче было сосредоточиться и быть болѣе внимательнымъ къ тому, что говорилъ лекторъ. Также, готовясь къ репетиціямъ, мы охватывали болѣе обширную часть курса, что помогало вникнуть въ сущность преподаваемаго. Это было особенно ощутимо по такимъ предметамъ, какъ военная исторія, исторія русской литературы, тактика и нѣкоторые другіе.

Лекціи по тактикѣ полковника Генеральнаго Штаба Одинцова, въ свое время окончившаго эскадронъ нашего Училища и вышедшаго въ 12 гусарскій Ахтырскій генерала Дениса Давыдова полкъ, были всегда очень живыя, интересныя и поучитель-

ныя и, хотя и охватывали дѣйствія всѣхъ родовъ войскъ, но, конечно, тактику конницы мы разбирали болѣе подробно, причемъ примѣры, приводимые для болѣе яснаго представленія и пониманія различныхъ положеній иногда уходили въ глубь исторіи къ Ксенофону или къ войнѣ съ Японіей въ 1904—1905 годахъ.

Кажется, въ ноябрѣ 1910 года наше Училище посѣтилъ одинъ изъ представителей Императорскаго Дома Японіи, возможно, что это былъ Наслѣдникъ Престола. Въ день приѣзда Наслѣдника намъ объявили, что занятія будутъ идти по расписанію и, повидимому, высокому гостю желали показать всѣ виды подготовки, получаемой будущими офицерами въ Училищѣ. Наша смѣна была на занятіяхъ прикладкой и прицѣлкой, которыя происходили въ помещеніи третьяго взвода. Обходя одну за другой разныя группы, Наслѣдникъ и сопровождавшіе его чины свиты съ большимъ интересомъ все разсматривали и задавали иногда вопросы (на какомъ языкѣ происходилъ разговоръ, не помню). Когда же они стали приближаться къ группѣ, занимавшейся провѣркой прицѣла пользуясь новымъ приборомъ, очень простымъ, но очень точнымъ, юнкеръ этой группы, Забайкальскій казакъ, несомнѣнно бурятскаго происхожденія, приборъ этотъ спряталъ, а юнкера продолжали наводить винтовку и прицѣливаться въ мишень безъ прибора. Никто, кромѣ юнкеровъ этой группы, не обратилъ вниманія на то, что сдѣлалъ этотъ юнкеръ-Забайкалецъ, но когда его спросили послѣ окончанія занятій, почему онъ это сдѣлалъ, онъ просто отвѣтилъ, что приборъ новый и очень хорошій, японцы же — наши враги и онъ никогда не забудетъ, какъ они атаковали нашъ флотъ въ Портъ-Артурѣ. Это событіе, пожалуй, было самымъ значительнымъ за время до Рождественскаго отпуска. Время, которое до этого шло очень быстро, вдругъ стало тянуться медленно. Но вотъ осталась еще недѣля передъ отпускомъ, наконецъ три дня. Ожиданіе и предвкушеніе поѣздки домой всѣхъ очень оживило.

Въ разговорахъ рѣдко касались того, что предполагали дѣлать во время каникулъ, но вообще все, что не дѣлали и о чемъ не говорили, было сказано и сдѣлано въ какомъ-то повышенно дружескомъ тонѣ и съ какой-то особой стѣтливостью. Наканунѣ отъѣзда во взводахъ появились чемоданы и на койкахъ былъ разложенъ скромный выборъ личныхъ и носильныхъ вещей. Мы уѣзжали въ парадной формѣ: въ папахахъ и чекменяхъ, а Кубанцы и Терцы — въ черкескахъ и видъ у нихъ былъ очень нарядный и воинскій. Мои родные въ это время переѣхали въ Москву и пока жили у двоюроднаго брата въ Павловскомъ посадѣ, верстахъ въ пятидесяти отъ столицы.

Съ нетерпѣніемъ ждалъ я Рождественскій отпускъ: двѣ недѣли въ деревнѣ, или почти въ деревнѣ; ясная, зимняя и сухая по-

года; что можетъ быть пріятнѣй въ такой день, чѣмъ прогулка на лыжахъ. Этотъ спортъ меня очень привлекалъ и мнѣ очень нравился, а въ то время вообще онъ сталъ быстро развиваться въ Россіи, настолько успѣшно, что незадолго до войны 1914 года развѣдчики-лыжники Л. Гв. Измайловскаго полка совершили безпримѣрный пробѣгъ изъ Архангельска въ Петербургъ и въ очень короткій срокъ.

Уѣзжая въ первый продолжительный отпускъ, мы, младшій курсъ, какъ-то подсознательно чувствовали, что когда мы вернемся изъ него, то мы уже не будемъ себя чувствовать такими молодыми и что вообще насъ ждетъ много новаго и интереснаго и въ личной жизни, и въ жизни Училища: разнаго рода конныя состязанія, лагерь на Дудергофскомъ озерѣ, съемки и, наконецъ, маневры, которые заканчиваются парадомъ въ Высочайшемъ присутствіи.

Окончаніе корпуса, пріѣздъ и первые мѣсяцы въ Училищѣ оставили во мнѣ сильный слѣдъ и впечатлѣніе, и я искренне любилъ наше старое Училище, эту славную Гвардейскую Школу, которая дала такъ много доблестныхъ офицеровъ Императорской Россійской Арміи и гдѣ родилась и выросла славная Царская Сотня, которая въ свою очередь вилела новые лавры въ вѣнокъ вѣчной славы Николаевскаго Кавалерійскаго Училища.

Сергѣй Полковниковъ †

Выпускъ Сотни Николаевскаго Кавалерійскаго Училища 1903 года.

«Царская Сотня».

Взвод. портупей юнкеръ
А. Грековъ,

Приближается праздникъ Родной Школы и мысль невольно уходитъ въ незабвенное дорогое прошлое. Вспоминаются и трудовые будни, и красочные дни «конкуровъ», и традиціи, и прелесть Дудергофскаго лагеря, и юношескій пылъ молодежи, за спиной которой было всего лишь 18—19 лѣтъ. Все это создавало непередаваемую красоту и гармонію жизни.

Отдѣльные картинки казачьей сотни юнкеровъ Училища, или какъ ее называли — «Царской сотни», какъ въ калейдоскопѣ, проходятъ передъ глазами.

Строевыя занятія. Манежъ, ѣзда, вольтижировка, джигитовка, рубка. Вспоминается «богъ ѣзды» — лихой есаулъ Бекиръ Тургіевъ, съ его чуть ли не акробатическими номерами шашкой и винтовкой на полномъ карьерѣ.

А вотъ и пѣшій строй. Шашечные приемы. Мой смѣнный — мрачный есаулъ Фоминъ, съ холодно-презрительной усмѣшкой на тонкихъ губахъ, командуетъ: «Шашки въ нож...» И въ этомъ «нож...» — столько угрожающей интонаціи, что невольно вся смѣна натягивается, какъ струна. Затѣмъ слѣдуетъ короткая исполнительная команда: «ны!» Ать, два, три! Чувствуемъ, что сдѣлали хорошо, — но — куда тамъ! Все это еще очень далеко отъ того совершенства и идеала, котораго добивается есаулъ Фоминъ. Цѣлый потокъ жесткихъ, язвительныхъ и уничтожающихъ насъ словъ слышимъ мы отъ него по своему адресу. И снова: «Шашки вонъ!» и «Шашки въ ножны». Наконецъ, вдругъ, слышимъ: «Хорошо!» Это было такъ неожиданно, такъ невѣроятно, что есаулъ Фоминъ нами доволенъ, что мы растерялись и нашъ отвѣтъ получился катастрофически раздробленнымъ: «Р-р-р-ады стараться...»

— Шляпы, и отвѣтить, какъ слѣдуетъ, не умѣете!

Въ сотнѣ существовали традиціи, имѣвшія цѣлью, главнымъ образомъ, развитіе отчетливости и лихости юнкера, а также любви къ славному прошлому родныхъ Войскъ. Высшимъ органомъ, пекущимся о сохраненіи традицій, являлась администрація сотни — неофициальное начальство по линіи традицій, въ составѣ одного «полковника», двухъ «войсковыхъ старшинъ» и двухъ «есауловъ», одинъ изъ которыхъ являлся и «адъютантомъ» сотни. Старшій курсъ — «господа хорунжіе» — приглядывался къ юнкерамъ младшаго курса и намѣчалъ кандидатовъ для занятія этихъ должностей. Незадолго до окончанія Училища, эти назначенія объявлялись во время «ночного обхода». Объ этомъ «ночномъ обходѣ» мы, молодежь, на 90% состоявшая изъ бывшихъ кадетъ, слышали еще до поступленія въ Училище и съ трепетомъ его ждали.

...Глубокая ночь. Въ спальнѣ младшаго курса царить мертвая тишина. Утомленная тяжелымъ трудовымъ днемъ, молодежь крѣпко спитъ. (Послѣ выпусковъ военнаго времени въ восемь мѣсяцевъ, въ 1916 г. былъ введенъ годовой курсъ съ почти полной программой мирнаго времени. Это вызывало сильное напряженіе — ежедневно пять часовъ классныхъ занятій, или «капониравъ», какъ они назывались, и четыре — строевыхъ. Все было рассчитано по минутамъ, всюду надо было «пулей вылетать» и не удивительно, что къ концу дня, въ особенности первые дни, юнкера были безъ рукъ и безъ ногъ и пребывали въ нѣкоемъ обалдѣломъ состояніи).

...Сквозь сонъ слышу странные звуки. Съ трудомъ поднимаю вѣки и вижу необычайную картину — вдоль стѣнъ спальни, въ колоннѣ по одному, идутъ «господа хорунжіе», держа обнаженные шашки «подвысь» съ горящими свѣчами на острияхъ. Впереди «полковникъ» (Самсоновъ, астраханецъ, впоследствии офицеръ Л. Гв. Сводно-Казачьяго полка, недавно умершій въ Нью-Йоркѣ) и вся администрація сотни съ папкой громадныхъ размѣровъ алаго цвѣта, съ прикрѣпленными погонами, значками и др. эмблемами. «Вотъ онъ — обходъ», мелькаетъ мысль и я окончательно просыпаюсь.

Идя медленнымъ, размѣреннымъ шагомъ, «господа хорунжіе» поютъ и мелодичный звонъ шпоръ какъ бы вторить этой пѣснѣ. Поютъ негромко, но внятно, и каждое слово глубоко падаетъ въ мою душу:

*Съррый день едва мерцаетъ,
Скоро ногъ пройдетъ,
Офицерство совершаетъ
Свой ногой обходъ ...*

.....

*Русь! Гляди, какую силу
Казачи таятъ,
За тебя сойти въ могилу
Каждый будетъ радъ.*

При послѣднихъ словахъ волненіе охватываетъ все мое существо. Почти вся славная исторія казачья прошла передъ моимъ внутреннимъ взоромъ и сейчасъ чудятся мнѣ все многочисленныя доблестныя полки казачьи на всехъ фронтахъ Россійской Арміи и среди нихъ — онъ, мой, славнѣйшій изъ славныхъ — 1-й Волгскій Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича полкъ! Къ нему стремятся все мои мечты и желанія.

Юнкеръ Д. Вертеповъ
вып. 1 октября 1917 года.

Но вотъ слышится команда «полковника»: «Господа офицеры!» Строй останавливается, поворачивается лицомъ къ намъ, уже давно стоящимъ около своихъ кроватей, и опускаетъ шашки.

Полковникъ начинаетъ читать приказъ. Онъ составленъ въ старинныхъ и витіеватыхъ выраженіяхъ. Объявляется «нарядъ по гарнизону». Затѣмъ слѣдуетъ наказъ молодымъ о сохраненіи традицій и въ иносказательной формѣ дающей совѣты и нравоученія, какъ напр. «Не суйся попередъ батька въ пекло», т. е. — «не бери барьера раньше лошади» и много, много другихъ. Наконецъ, подходитъ пунктъ о назначеніяхъ.

«Назначаются: славнаго Уральскаго войска молодой Портновъ — полковникомъ Царской сотни; славнаго Сибирскаго войска Баландинъ и славнаго Кубанскаго войска Мельниковъ — войсковыми старшинами; лихого Терскаго

войска Вертеповъ — есауломъ и славнаго Донскаго войска Авчинниковъ — есауломъ-адъютантомъ сотни». По традиціи все войска именовались славными, а одно — Терское — лихимъ.

Привыкнувъ за полгода къ своему «есаульскому чину», мнѣ впослѣдствіи, послѣ производства въ настоящіе хорунжіе, было странно слышать обращеніе «господинъ хорунжій», — разжаловали какъ будто бы.

Торжественный ритуаль закончился пѣніемъ: «Царской сотнѣ многая лѣта! Еще разъ ей многая лѣта! Безъ конца ей многая лѣта» и... сказка кончилась.

Д. Вертеповъ

Юнкерскіе годы М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

въ Школѣ Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Кавалерійскихъ Юнкеровъ

1832 — 1834 гг.

М. Ю. Лермонтовъ
юнкеромъ л. гв. Гусарскаго полка.

Въ 1832 году М. Ю. Лермонтовъ подалъ прошеніе въ Императорскій Московскій Университетъ объ увольненіи его изъ Университета «по домашнимъ обстоятельствамъ» съ просьбой приложенія «надлежащихъ свидѣтельствъ для перевода въ Императорскій Санктъ-Петербургскій Университетъ съ зачетомъ времени его пребыванія въ Московскомъ Университетѣ на словесномъ отдѣленіи». Въ просьбѣ Лермонтову Петербургскій Университетъ отказалъ и разрѣшилъ приемъ на условіяхъ сдачи вступительныхъ экзаменовъ на 1-й курсъ.

Вмѣсто университета Лермонтовъ поступилъ въ Школу Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Кавалерійскихъ Юнкеровъ, несмотря на желаніе его бабушки Е. А. Арсеньевой «не видѣть своего внука военнымъ». Рядъ обстоятельствъ былъ причиной принятаго Лермонтовымъ рѣшенія: прельщалъ короткій срокъ обученія, соблазняла военная служба съ возможностью быстрой карьеры и скорой выслуги лѣтъ, наконецъ, уговоры друзей и родственниковъ, уже поступившихъ въ Школу.

4 Ноября 1832 г. Лермонтовъ со всѣми прочими «недорослями

изъ дворянъ» держалъ экзаменъ и по оцѣнкѣ полученныхъ балловъ былъ зачисленъ приказомъ отъ 20 ноября кандидатомъ въ Школу; 14 ноября былъ принятъ на службу лейбъ гвардіи въ Гусарскій полкъ на правахъ вольноопредѣляющагося унтеръ-офицера, а 18 декабря послѣдовалъ слѣдующій приказъ по Школѣ: «На основаніи предписанія завѣдующаго Школой Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Кавалерійскихъ Юнкеровъ г. генераль-адъютанта Нейгарта отъ 17-го числа сего декабря за № 273 опредѣленные на службу, на правахъ вольноопредѣляющихся, въ полки лейбъ-гвардіи недоросли Михайла Лермонтовъ въ Гусарскій, Александръ Головинъ въ Конный и Николай Вырубовъ въ Измайловскій, переименовываються первые двое въ юнкера, а послѣдній въ подпрапорщики съ показаніемъ по спискамъ изъ дворянъ, о чемъ объявляя по ввѣренной мнѣ Школѣ, предписываю гг. эскадронному и ротному командирамъ съ означенныхъ юнкеровъ Лермонтова и Головина и подпрапорщика Вырубова, взыскать за употребленную при разсмотрѣніи изъ документовъ вмѣсто гербовой простую бумагу съ cadaго за одинъ листъ по два рубля и доставить ко мнѣ для отсылки въ Уѣздное Казначейство. Генераль-маіоръ баронъ Шлиппенбахъ.»

Въ то время Школа Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Кавалерійскихъ юнкеровъ помѣщалась въ домѣ, купленномъ у графа И. Г. Чернышева, у Синяго Моста. Это былъ роскошный дворецъ, построенный въ 1764—1768 гг. по проэку архитектора де-ля-Мотта, куда Школа перешла изъ казармъ л.-гв. Измайловскаго полка (на углу 1-й роты) 10 августа 1825 года. Въ громадномъ дворцѣ гр. Чернышева гвардейскіе подпрапорщики занимали верхній этажъ, кавалерійскіе юнкера и классы — средній, а внизу находилась большая зала, называемая учебной, для фронтowychъ занятій. Юнкерскій эскадронъ былъ раздѣленъ на четыре отдѣленія: два кирасирскихъ тяжелой кавалеріи и два легкой: уланское и гусарское. Въ свободное отъ занятій время юнкера и подпрапорщики посѣщали другъ друга и были между собой въ дружескихъ отношеніяхъ. Въ шутку юнкера называли подпрапорщиковъ «крупой». Особенно часто приходили юнкера для пользованія разбитымъ роялемъ въ рекреационномъ залѣ. Иногда юнкеровъ и подпрапорщиковъ сводили въ одинъ классъ для изученія какого-либо предмета, главнымъ образомъ математики. Обращеніе въ Школѣ было мягкое и гуманное, но военная дисциплина и субординація были доведены до крайней строгости.

Командиромъ Школы съ 1831 по 1843 г. состоялъ генераль-маіоръ баронъ К. А. Шлиппенбахъ, командиромъ эскадрона съ 1832 по 1840 г. л.-гв. Кирасирскаго Его Величества полка полковникъ А. С. Стунѣевъ (между прочимъ, онъ былъ женатъ на сестрѣ жены М. И. Глинки, автора безсмертныхъ оперъ «Жизнь

за Царя» и «Русланъ и Людмила»). Въ Школѣ находилось нѣсколько офицеровъ изъ разныхъ гвардейскихъ кавалерійскихъ и пѣхотныхъ полковъ, которые завѣдовали отдѣленіями въ эскадронѣ и ротѣ и поочередно дежурили, кавалеристы по эскадрону, а пѣхотинцы по ротѣ. Въ эскадронѣ находились: ротмистры Осоргинъ, Клеронъ, шт.-ротмистры Кноррингъ, Эндуровъ, кн. Химшиевъ и поручикъ Бревернъ, въ ротѣ штабсъ-капитаны: А. Ф. Лишинъ (впослѣдствіи директоръ Строительнаго училища, нынѣ Институтъ гражданскихъ инженеровъ), Гольдгофъ, Романусъ, Нагель, Шиминъ, Седеркрейцъ. Казначеемъ былъ маіоръ Брунъ, адъютантомъ поручикъ Шиповъ. Должность инспектора классовъ занималъ инженерныхъ войскъ полковникъ Павловскій, преподавателями состояли: математики инженерныхъ войскъ капитанъ Ласковскій, топографіи подполковникъ О. М. Пѣтуховъ, русской словесности В. Т. Плаксинъ, французскаго языка Курнандъ. Врачъ штабъ-лѣкаръ Гассовскій. Юнкера съ особой любовью всегда вспоминали л.-гв. Уланскаго п. штабсъ-ротмистра Клерона, родомъ француза изъ Страсбурга. Онъ былъ очень привѣтливъ, остроуменъ, любилъ шутки и каламбуры, что всѣхъ юнкеровъ сильно забавляло, и относился къ нимъ дружески. Вообще взаимоотношенія команднаго состава съ юнкерами и подпрапорщиками были сердечныя и товарищескія. Взысканія и наказанія были очень рѣдкимъ явленіемъ. Обычно, по субботамъ, соблюдая строгую очередь, по два отъ кавалеріи и пѣхоты, отправлялись во дворецъ Вел. Кн. Михаила Павловича, гдѣ обѣдали съ Его Высочествомъ за однимъ столомъ.

Въ тѣ далекіе дни гвардейскіе юнкера не состояли при своихъ полкахъ, а находились въ Школѣ, гдѣ должны были пробыть два года, по прошествіи которыхъ выдержавшіе экзаменъ производились въ офицеры. Общей формы не было, каждый носилъ форму своего полка. Поступали въ Школу не моложе 17 лѣтъ и старше, иногда бывали случаи и въ 26. Большинство было домашняго воспитанія изъ богатыхъ домовъ и, за малымъ исключеніемъ, порядочные лѣнтяи. Поступавшихъ изъ разныхъ учебныхъ заведеній было незначительное количество. По этой причинѣ школьничество и шалости между юнкерами не имѣли большого успѣха. Молодые люди, поступившіе въ юнкера, старались держать себя серьезно и солидно. Разговоры больше касались кутежей, женщинъ, свѣтскихъ новостей и службы. Все это было, конечно, незрѣло и легкомысленно, и всѣ сужденія отличались присущимъ юности увлеченіемъ, порывомъ и недостаткомъ опыта, но побѣги страстей отдѣльныхъ лицъ уже проявлялись и показывали склонности юношей.

Поступивъ въ Школу Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Ка-

валерійскихъ Юнкеровъ, Лермонтовъ между своими товарищами ничѣмъ внѣшне не выдѣлялся. Фигура его не отличалась стройностью и красотой. Лицо оливковаго цвѣта съ крупными чертами было довольно пріятное. Выраженіе глубокихъ, умныхъ, большихъ, черныхъ какъ уголь глазъ было пронзительное, тяжелое и вмѣстѣ съ тѣмъ томное, невольно приводило въ смущеніе того, на кого они были устремлены. Лермонтовъ зналъ силу своихъ глазъ и любилъ смущать и мучить людей робкихъ и кроткихъ своимъ долгимъ выразительнымъ взглядомъ. Волосы имѣлъ темные и довольно рѣдкіе съ свѣтлой прядью немного выше лба, виски и широкій лобъ нѣсколько открытые, хорошо очерченныя губы, бѣлые какъ жемчугъ зубы и нѣжныя красивыя руки. Онъ былъ невысокаго роста, съ большой головой и нѣкоторой кривизной ногъ, какъ слѣдствіе болѣзни худосочія въ дѣтскомъ возрастѣ, широкоплечій, плотный и немного сутуловатый. Съ юныхъ лѣтъ Лермонтовъ мучился мыслью, что онъ некрасивъ и плохо сложенъ. Особенно усиливалось это сознаніе, когда зимой въ большіе морозы юнкера, отправляясь въ отпускъ, надѣвали шинель въ рукава, сверхъ мундировъ и ментиковъ; въ такомъ одѣяніи онъ казался крайне неуклюжимъ, что онъ и самъ признавалъ, и даже какъ-то разъ нарисовалъ на себя въ такой одеждѣ карикатуру. Но несмотря на свои недостатки, вся его наружность была необыкновенно привлекательной и невольно останавливала вниманіе cadaго, даже незнакомаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ Лермонтовъ былъ весьма ловкій въ физическихъ упражненіяхъ съ очень развитыми, крѣпкими мышцами. Ему доставляло большое удовольствіе показывать свою силу, главнымъ образомъ въ рукахъ. Въ этомъ онъ часто состязался съ юнкеромъ Карачинскимъ, извѣстнымъ въ Школѣ, какъ замѣчательный силачъ, гнувшій шомпола и дѣлавшій изъ нихъ узлы, какъ изъ веревокъ. Онъ и Лермонтовъ уплатили много денегъ за испорченные шомпола валерійскихъ карабиновъ унтеръ-офицерамъ, которымъ было поручено сбереженіе казеннаго оружія. Однажды, во время такого соревнованія, ихъ обоихъ засталъ командиръ Школы генераль Шлиппенбахъ. Онъ крайне поразился такому занятію юнкеровъ, обоимъ сдѣлалъ строгій выговоръ и отправилъ ихъ на сутки подъ арестъ. Лермонтовъ презабавно передавалъ этотъ случай и при этомъ заливался громкимъ смѣхомъ.

Лермонтовъ крѣпко сидѣлъ на лошади и былъ отличнымъ ѣздокомъ, но въ первые дни своего поступленія въ Школу, въ концѣ ноября мѣсяца, съ нимъ произошло несчастье, грозившее его оставить калѣкой на всю жизнь. Однажды, послѣ ѣзды въ манежѣ, будучи еще по школьному выраженію новичкомъ, подстрекаемый старшими юнкерами, чтобы показать свое знаніе въ ѣздѣ,

силу, ловкость и смѣлость, Лермонтовъ сѣлъ на молодую, мало выѣзженную лошадь, которая начала вертѣться и бѣситься около другихъ лошадей, находящихся въ манежѣ. Одна изъ нихъ ударила его въ правую ногу ниже колѣна и разбила ее до кости. Поэта безъ чувствъ вынесли изъ манежа. Онъ проболѣлъ болѣе двухъ мѣсяцевъ, находясь въ домѣ своей бабушки К. А. Арсеньевой, квартира которой находилась на Мойкѣ въ домѣ Ланского вблизи Школы. Это позволяло тайно посылать ей своему внуку, котораго она любила до обожанія, разные пирожки, паштеты и сладости. Добрая старушка была сильно огорчена случившимся и не отходила отъ больного. Всѣ юнкера, товарищи поэта, знали ее, уважали и любили. Лѣтомъ она жила въ Петергофѣ, недалеко отъ кадетскихъ лагерей, гдѣ обычно стояли юнкера Школы. Въ судьбѣ многихъ она принимала дѣятельное участіе и многіе изъ юнкеровъ часто бывали обязаны ей за различныя просьбы передъ начальствомъ. Когда эскадронъ проходилъ на конное ученіе мимо ея дачи, старушка появлялась у окна и издали крестила своего Мишу и всѣхъ юнкеровъ, пока весь эскадронъ, длинной лентой, не пройдетъ передъ домомъ и не скроется изъ вида.

Физическія упражненія юнкеровъ состояли изъ пѣшаго строя, фехтованія и танцевъ. Гимнастика въ тѣ времена не преподавалась. По пѣшему фронту Лермонтовъ, вслѣдствіе плохого сложенія, былъ очень слабъ. Эскадронный командиръ сильно напалъ на него за этотъ пробѣлъ, но онъ не былъ въ этомъ виноватъ. Лермонтовъ превосходно дрался на эскадронахъ и рапирахъ и любилъ это занятіе. Иногда, между лучшими бойцами, устраивались состязанія, привлекавшія большое количество зрителей-юнкеровъ. Поэтъ принималъ живое участіе въ этой борьбѣ и нерѣдко выходилъ въ ней побѣдителемъ. Танцевалъ онъ изящно и легко и считался однимъ изъ лучшихъ танцоровъ.

Школьная программа включала математику, географію, исторію, военное судопроизводство, топографію, фортификацію, артиллерію, тактику и военные уставы. Проходились также Законъ Божій, россійская словесность, французскій языкъ, нравственность. Съ большимъ усердіемъ Лермонтовъ изучалъ русскую словесность и исторію. Онъ часто скрывался въ пустыхъ классныхъ комнатахъ, стараясь пробраться туда незамѣченнымъ, и тамъ въ полномъ одиночествѣ проводилъ время за чтеніемъ или писалъ «до поздняго часа ночи». Самостоятельный выборъ книгъ для чтенія, безъ одобренія начальства, воспитанникамъ воспрещался, хотя это и не всегда исполнялось. Любители чтенія занимались имъ, большею частью, по праздникамъ, когда юнкеровъ отпускали изъ Школы. Лермонтовъ приходилъ въ отпускъ къ бабушкѣ Арсеньевой по воскресеньямъ и праздникамъ, гдѣ много читалъ и всегда находился съ книгой въ рукахъ, особенно съ томикомъ

Байрона или Вальтеръ-Скотта на англійскомъ языкѣ. Этотъ языкъ онъ зналъ, но не владѣлъ имъ свободно, какъ французскимъ или нѣмецкимъ.

Лермонтовъ сильно превышалъ своихъ товарищей по уму и развитію. Разница была настолько велика, что между ними трудно провести границу. Лѣтами онъ былъ не старше другихъ, но больше ихъ читалъ, имѣлъ шире кругозоръ, составилъ собственные взгляды на жизнь, которую успѣлъ достаточно изучить съ разныхъ сторонъ. По словамъ П. А. Висковатаго: «Рано измученный несчастными обстоятельствами жизни поэтъ созрѣлъ не по лѣтамъ и одинокій ввѣрялъ лишь музѣ свои мысли и скорбь души». Въ Школѣ Лермонтовъ былъ въ дружбѣ и въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми юнкерами, но не выносилъ фальши, лжи и неискренности. Онъ обладалъ также способностью подмѣчать въ каждомъ комическія и слабыя стороны. Стыскавъ эти свойства, онъ преслѣдовалъ свою жертву колкими насмѣшками и остротами, выводилъ изъ терпѣнія и, достигнувъ этого, успокаивался и оставлялъ ее въ покоѣ. Этой дурной привычки онъ не оставлялъ до конца своихъ дней, вызывая къ себѣ неприязнь и вражду. Благодаря своимъ блестящимъ способностямъ и уму, онъ невольно сдѣлался душою въ удовольствіяхъ, кутежахъ, похожденіяхъ и бесѣдахъ. По природѣ онъ былъ одаренъ нѣжной, чуткой душой, всегда готовый оказать каждому услугу, повеселиться и составить компанію, но свѣтъ оказывалъ на него самое дурное вліяніе. Всѣ хорошіе порывы души и сердца онъ старался въ себѣ заглушить и скрыть отъ другихъ. Ему было стыдно признаться въ любви и уваженіи къ женщинѣ. По его мнѣнію, все это былъ ненужный романтизмъ и временная душевная слабость, однако, въ домашней обстановкѣ поэтъ былъ привѣтливъ, добродушенъ и ровнаго характера.

Бликихъ друзей между юнкерами у Лермонтова было незначительное количество, среди нихъ онъ особенно тѣсно сблизился съ В. А. Вонлярлярскимъ, человѣкомъ уже пожившимъ, кончившимъ университетъ, добровольно промѣнявшимъ гражданскую службу на военную, ставшимъ впослѣдствіи извѣстнымъ беллетристомъ, авторомъ «Большой барыни», талантливымъ музыкантомъ, художникомъ и скульпторомъ. Вонлярлярскій своими неистощимыми разсказами «по вечерамъ» всегда привлекалъ большое количество юнкеровъ; Лермонтовъ не уступалъ ему въ остроуміи и шуткахъ. Къ числу близкихъ пріятелей принадлежали также два брата Мартыновыхъ, изъ которыхъ младшій, красивый и статный молодой человѣкъ, пріобрѣлъ такую печальную извѣстность въ судьбѣ поэта. Юнкера называли Мартынова „Homo force“ — свирѣпый человѣкъ. Онъ всегда хвастался своимъ здоровьемъ

и силой, но послѣ проявленія этихъ качествъ онъ обычно попадалъ въ лазаретъ.

Въ то же время въ ротѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ славился своимъ остроуміемъ и юморомъ К. Я. Булгаковъ, болѣе извѣстный среди молодежи подъ именемъ Кости Булгакова, очень талантливый и музыкальный юноша. Шутки и остроуміе его не ограничивались стѣнами Школы и были извѣстны даже Великому Князю Михаилу Павловичу, надъ которыми онъ иногда много смѣялся. Лермонтовъ охотно посѣщалъ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, тамъ онъ соперничалъ въ остроуміи съ Булгаковымъ и тамъ же, подъ аккомпаниментъ Мишеля Сабурова, пѣлись нескромнаго содержанія куплеты, шансонетки и пѣсни Беранже. Отъ сильныхъ кутежей Булгаковъ рано закончилъ свою жизнь.

Лермонтовъ былъ непремѣннымъ участникомъ всѣхъ проказъ, шутокъ и продѣлокъ юнкеровъ. Иногда, въ свободное время, они собирались около рояля, который арендовали на зиму, и подъ аккомпаниментъ пѣли хоромъ разныя пѣсни. Лермонтовъ присоединялся къ пѣсенникамъ и громко запѣвалъ совершенно другую пѣсню, что вносило полный разладъ въ пѣніе. Немедленно поднимался шумъ и нападки на Лермонтова, но онъ, довольный удавшейся шуткой, отъ души смѣялся. Однажды къ обѣду было подано мясо подъ соусомъ. Лермонтовъ вспыхнулъ, бросилъ ножъ и вилку и возмущенно закричалъ:

*Всякій день одно и то же
Мясо подъ хръномъ,
Тъмъ же манеромъ!*

Это очень развеселило всѣхъ присутствующихъ. Обычно всѣ его шутки не носили злостнаго характера, а искрились добродушнымъ юморомъ и весельемъ.

Въ учебныхъ заведеніяхъ, главнымъ образомъ закрытыхъ, почти повсемѣстно существуетъ обычай подвергать новичковъ различнымъ испытаніямъ въ отношеніи твердости и стойкости ихъ характера, поведенія и пониманія товарищества. За неповиновеніе, неисполненіе и неисправность слѣдуетъ наказаніе. Плохо приходится оказывающему сопротивление, держащемуся въ сторонѣ отъ товарищей, а особенно передающимъ своимъ родителямъ или родственникамъ обо всемъ происходящемъ въ ихъ средѣ, или жалующимся начальству. Въ первый годъ поступленія въ Школу новичку не разрѣшалось курить. Взысканія за куреніе были крайне строгими, вмѣстѣ съ виновниками отвѣчали и ихъ начальники, поэтому отдѣленные унтеръ-офицеры и вахмистра не желали подвергать себя отвѣтственности за людей, совершенно имъ незнакомыхъ и ничѣмъ не доказавшихъ крѣпость и вѣрность дружбы. Чтобы считаться настоящимъ юнкеромъ и

товарищемъ, требовались неустранимость и изобрѣтательность въ юнкерскихъ продѣлкахъ. Подчиняясь общему взгляду на новичковъ, Лермонтовъ не оставался къ этому безразличнымъ и любилъ ихъ помучить, болѣе чувствительнымъ способомъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ испытаній. Продѣлки его въ большинствѣ случаевъ производились по ночамъ. Передъ наступленіемъ времени ложиться спать, онъ собиралъ въ свою легко-кавалерійскую камеру товарищей, одинъ на другого садились верхомъ, покрывая себя и своего «коня» простыней и держали въ рукѣ по стакану воды. Эту конницу Лермонтовъ называлъ «Нумидійскимъ эскадронъ». Выжидалось время, когда намѣченная жертва засыпала и по данному сигналу «эскадронъ» въ глубокой тишинѣ трогался съ мѣста, окружалъ койку обреченнаго и, внезапно сорвавъ съ него одѣяло, каждый выливалъ на него свой стаканъ воды. Продѣлавъ нападеніе, кавалерія трогалась галопомъ въ свою камеру оставляя свою жертву совершенно мокрой. Иногда этотъ «Нумидійскій эскадронъ», главнымъ образомъ состоявшій изъ Лермонтова, Вонлярлярскаго, графа Тизенгаузена, братьевъ Череновыхъ и Энгельгарда, плотно взявшись другъ съ другомъ за руки, быстро скользилъ по паркету легко-кавалерійской камеры, сбивая съ ногъ попадавшихъ имъ навстрѣчу новичковъ, припирая ихъ къ желѣзнымъ кроватямъ, при этомъ ихъ умышленно задѣвали, стараясь сильно толкнуть плечомъ. Какъ-то разъ при такомъ нападеніи «флангъовый эскадрона» великанъ Тизенгаузенъ получилъ отъ новичка Боборыкина отвѣтный ударъ въ спину. Конница быстро разсыпалась по своимъ мѣстамъ. Вечеромъ, при возвращеніи съ ужина, Боборыкинъ получилъ въ затылокъ залпъ варенаго картофеля. Промолчавъ, онъ раздѣлся и легъ спать. Такая покорность понравилась старшимъ и съ этого дня они оставили его въ покоѣ, тогда какъ другимъ еще долгое время Энгельгардъ продолжалъ вставлять въ носъ по ночамъ «гусара» — свернутую бумажку, наполненную нюхательнымъ табакомъ. Много пришлось пережить такихъ непріятныхъ минутъ юнкерамъ кавалергардамъ Нарышкину и Уварову. Оба они воспитывались за границей и плохо говорили по-русски. Лермонтовъ прозвалъ Нарышкина «французомъ» и обоимъ имъ не давалъ покоя.

Обычно каждый юнкеръ въ Школѣ имѣлъ какое-либо прозвище. Лермонтовъ получилъ названіе «Маёшки» отъ М-г Маусих, горбатый уродъ, одинъ изъ героевъ давно забытаго французскаго романа. Похожденія этого героя были изображены въ цѣлой серіи карикатуръ. Лермонтову это названіе совершенно не подходило, но онъ всегда искренне смѣялся надъ своей сутуловатостью и нѣсколько неуклюжей наружностью. Впослѣдствіи подъ именемъ «Маёшки» онъ описалъ себя въ стихотвореніи «Монго».

Въ серединѣ апрѣля Лермонтовъ вернулся въ Школу, послѣ продолжительной болѣзни отъ полученнаго удара въ ногу копытомъ лошади и, несмотря на разныя продѣлки и проказы, онъ выдержалъ экзамены въ старшій классъ однимъ изъ первыхъ, о чемъ онъ пишетъ 19 іюня 1833 г. М. А. Лопухиной: «Я полагаю, что Вы будете рады узнать, что я, пробывъ въ Школѣ только два мѣсяца, выдержалъ экзаменъ въ первый классъ и теперь одинъ изъ первыхъ . . . это все-таки внушаетъ надежду на близкое освобожденіе». По окончаніи переводныхъ экзаменовъ въ концѣ іюня 1833 г. по Школѣ былъ отданъ приказъ о выступленіи въ лагерь, находящійся въ Петергофѣ, где она оставалась 2 мѣсяца и возвращались обратно въ августѣ мѣсяцѣ къ началу учебныхъ занятій. Въ лагерь Школа размѣщалась въ палаткахъ по 3 аршина въ длину и 2½ арш. въ высоту. Въ каждой палаткѣ находилось по 3 человекъ со всей амуницией и поклажей. Вся лагерная жизнь регулировалась приказами, издаваемыми по Отряду военно-учебныхъ заведеній, куда входили также правила посѣщенія воспитанниками народныхъ гуляній и садовъ, не иначе какъ командами при офицерѣ, а въ случаѣ отпуска съ родственниками. Одно изъ такихъ гуляній ярко и красочно описано по-этомъ въ поэмѣ «Петергофскій праздникъ».

Въ началѣ 1834 г. воспитанниками Школы сталъ издаваться рукописный журналъ «Школьная Заря», выходившій по средамъ. Главное дѣятельное участіе въ изданіи этого журнала принималъ Лермонтовъ, писавшій стихи, поэмы и рисовавшій карикатуры, а также Мартыновъ — прозу. Широко предлагалось каждому желающему помѣщать свои произведенія въ «Школьной Зарѣ» и оставлять свои рукописи въ назначенномъ для того столикѣ, находившимся при кровати въ одной изъ комнатъ. Подпись автора не являлась обязательной, рукописи могли оставаться и не подписанными. Накопившійся матеріалъ вынимался и сшивался въ одну, общую тетрадь и вечеромъ въ присутствіи всѣхъ юнкеровъ прочитывался. Такихъ тетрадей журнала было выпущено нѣсколько номеровъ, но ни одна изъ нихъ не сохранилась. Единственная подлинная тетрадь съ нарисованными поэтомъ карикатурами имѣлась у его школьнаго друга кн. В. С. Вяземскаго, но въ настоящее время мѣстонахожденіе этой чрезвычайно цѣнной и интересной тетради неизвѣстно. Сохранились отдѣльные списки «Школьной Зари», по которымъ возстанавливаются тексты нѣкоторыхъ поэмъ, помѣщенныхъ въ журналѣ М. Ю. Лермонтовымъ въ періодъ его юнкерскихъ лѣтъ. Между ними перу поэта принадлежали шуточная, нескромная поэма «Уланша», «Праздникъ въ Петергофѣ», «Посланіе къ Тизенгаузену», «Гошпиталь въ Петергофѣ», «Юнкерская молитва» и «Ода», подписанныя «гр. Діарбекиръ», но въ большинствѣ всѣ онѣ были не для печати. Въ прозѣ

были написаны имъ, подъ псевдонимомъ «Степановъ», «Пограничныя извѣстія», гдѣ героемъ выведенъ его пріятель по Школѣ кн. Шаховской, добрѣйшей души человекъ, всеобщій любимецъ, который всегда сердился, когда надъ нимъ подсмѣивались. Онъ имѣлъ физическій недостатокъ — большой носъ, который юнкера находили похожимъ на ружейный курокъ, за что князь получилъ прозвища «Курокъ» и «князь-Носъ». О немъ въ поэмѣ «Уланша» упоминается:

*Князь-носъ, къ съдлу прищкъ,
Никто рукою онъмълой
Его не ловитъ за курокъ.*

Обычно юнкера подшучивали надъ княземъ и рисовали разные карикатуры, гдѣ главнымъ образомъ фигурировалъ его огромный носъ. На одномъ изъ рисунковъ Шаховской былъ изображенъ лежащимъ на кровати въ своей камерѣ, съ рѣзко выдѣляющимся на подушкѣ носомъ, а поблизости нѣсколько юнкеровъ читаютъ у стола «Исторію носа кн. Шаховского», иллюстрированную картами, схемами, сочиненную его товарищами при ближайшемъ участіи Лермонтова.

Князь Шаховской былъ крайне влюбчивъ. Посѣщая своихъ знакомыхъ, онъ часто влюблялся и повѣрялъ свои сердечныя тайны друзьямъ, обычно называя предметъ своей любви «богиней». Какъ-то дежурный офицеръ, французъ, штабсъ-ротмистръ Клеронъ, случайно встрѣтился съ юнкеромъ Шаховскимъ въ одномъ домѣ, гдѣ князь былъ влюбленъ въ гувернантку недурной наружности, но довольно полную. Клеронъ, замѣтивъ увлеченіе Шаховского, рѣшилъ подшутить надъ нимъ, началъ ухаживать за гувернанткой и имѣлъ успѣхъ. Она осталась очарованной комплиментами и остротами Клерона. Шаховской былъ сильно взволнованъ легкомысліемъ и невѣрностью предмета своей страсти. Бывшіе тамъ юнкера рассказали о шутливомъ поведеніи Клерона. По этому случаю Лермонтовъ тотчасъ написалъ короткій, но ядовитый экспромтъ:

*О, какъ мила Твоя богиня,
За ней волозится французъ,
У нея лицо, какъ дыня,
Зато, какъ арбузъ.*

«Госпиталь въ Петергофѣ» — рассказъ въ стихахъ, героями котораго являются юнкера кн. А. И. Бяргинскій, впослѣдствіи фельдмаршалъ, покоритель Кавказа, и Н. И. Поливановъ, извѣстный подъ именемъ «Лафа». Оба — товарищи поэта по Школѣ. Однажды они устроили ночной походъ въ госпиталь, ради любовнаго развлеченія. Кн. А. И. Бяргинскій въ темнотѣ, по ошибкѣ, вмѣсто красивой служанки обнимаетъ слѣпую, дряхлую старуху,

поднявшую крикъ, на который прибѣгаетъ служитель со свѣчей, бросается на князя и сваливаетъ его, но въ этотъ моментъ подо-спѣвшій Поливановъ, покоритель красавицы служанки, сбиваетъ служителя и освобождаетъ кн. Барятинскаго. Нѣсколько бутылокъ шампанскаго смягчаютъ непріятное впечатлѣніе отъ прошедшей ночи.

Самымъ любимымъ, самымъ извѣстнымъ стихотвореніемъ среди юнкеровъ была знаменитая поэма Лермонтова «Уланша», которая была распространена въ многочисленныхъ копіяхъ. Въ этой поэмѣ описывается переходъ юнкеровъ изъ Петербурга въ лагерь Петергофа, но главнымъ образомъ ночлегъ шумнаго, веселаго уланскаго отдѣленія въ деревнѣ Ижоркѣ недалеко отъ Стрѣльны. Въ этой деревнѣ между юнкерами-уланами славилась красотой молодая, бойкая жительница, названная юнкерами «Уланшей». Она и послужила героиней поэмы.

*Идетъ нашъ шумный эскадронъ
Гремящей, нестрою толпой.
Повѣсѣ усталыхъ клонитъ сонъ.
Ужъ поздно, темной синевою
Покрылось небо, день угасъ,
Повѣсы ропщутъ . . .*

*.
Пора разстаться имъ съ концемъ.
Какъ должно вышелъ на дорогу
Уланъ съ завернутымъ значкомъ;
Онъ по квартирамъ важно, гинно
Повелъ нагальниковъ съ собой,
Хотя признаться, запахъ винный
Изоблигалъ его порой.
Но безъ вина, что жизнь улана?
Его душа на днѣ стакана,
И кто два раза въ день не пьянъ,
Тотъ, извините, не уланъ!
Сказать вамъ имя квартирьера?
То былъ Лафа, уланъ лихой,
Съ гъей молодецкой головой
Ни доппель-кюмель, ни мадера,
Ни даже шумное Аи
Ни разу сладить не могли . . .*

Лермонтовъ былъ натура богато одаренная талантами и способностями въ разныхъ отрасляхъ искусства. Онъ отлично игралъ на роялѣ и на скрипкѣ, хорошо пѣлъ романсы, вѣрнѣе говорилъ речитативомъ. Онъ очень недурно рисовалъ отдѣльныхъ лицъ, пейзажи и цѣлыя группы. Его рисунки отличались живо-

стью, бойкостью и увѣренностью карандаша. Поэтъ обладалъ способностью мѣтко и характерно схватывать отличительныя черты изображаемыхъ лицъ, зарисованныхъ имъ на портретахъ и карикатурахъ. Нѣсколько такихъ удачныхъ и вѣрныхъ рисунковъ было имъ сдѣлано въ Школѣ, причемъ онъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать зарисовки во время занятій и лекцій. Такой альбомъ многочисленныхъ рисунковъ, главнымъ образомъ относящихся къ школьному пребыванію поэта, былъ переданъ въ даръ Лермонтовскому музею б. воспитанникомъ Школы Н. Н. Манвеловымъ, выпуска 1835 г. Въ этой тетради помѣщено много рисунковъ Лермонтова изъ временъ его юнкерской жизни. На одномъ изъ нихъ была нарисована учебная ѣзда юнкеровъ. По срединѣ

Жизнь юнкеровъ Школы въ 1834 году.

(Рисунокъ изъ Лермонтовской тетради.)

манежа стоитъ командиръ эскадрона полковникъ Стунѣевъ съ бичемъ въ рукѣ, головной уланскій юнкеръ Поливановъ (Лафа), отличавшійся своей посадкой и ѣздой, затѣмъ жолонерскій унт.-офицеръ Жолмиръ, за нимъ гусарскій юнкеръ Вонлярлярскій, близкій другъ поэта и сосѣдъ по койкѣ. Очень удачно и характерно былъ изображенъ дежурный офицеръ и преподаватель кавалерійскаго устава шт.-ротмистръ В. И. Кноррингъ, извѣстный своими романическими похождениями. Отлично былъ сдѣланъ поясной портретъ отдѣленнаго унт.-офицера 4-го уланскаго взвода Хомутова, облокотившагося, въ шинели внакидку и нѣсколько другихъ зарисовокъ отдѣльныхъ юнкеровъ, послужившихъ Лермонтову оригиналами для его юнкерской тетради.

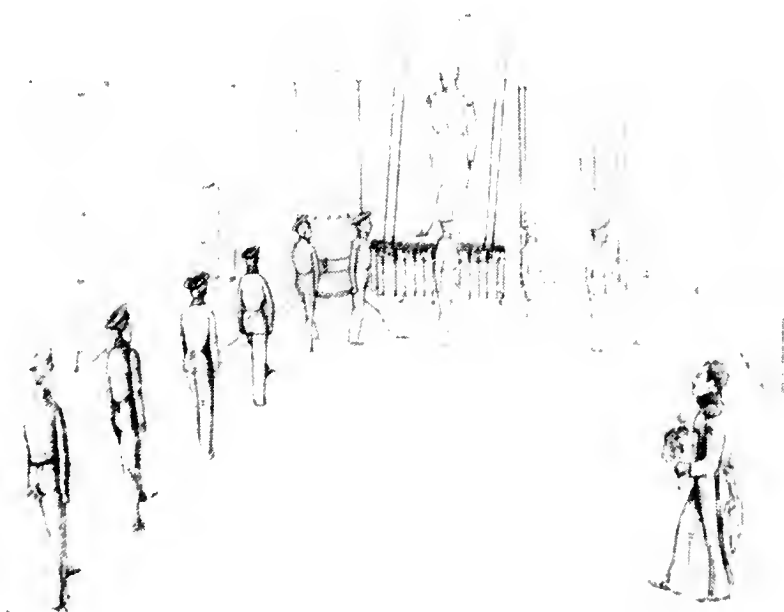

Учебная ѣзда въ манежѣ.

Рисунокъ М. Ю. Лермонтова изъ юнкерской тетради.

Карандашъ. 1832—1834.

Въ 1834 году, для поступленія въ Артиллерійское училище, пріѣхалъ въ Петербургъ родственникъ и другъ поэта А. П. Шанъ-Гирей. Онъ привезъ Лермонтову привѣтъ отъ В. А. Лопухиной, дѣвушки, которую Лермонтовъ любилъ первой, чистой, юношеской любовью, считавшейся имъ своей невѣстой. Она вышла замужъ, по волѣ родителей, за Бахметьева. Этотъ ударъ внутренне

**Маршировка юнкеровъ Школы Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ
и Кавалерійскихъ Юнкеровъ.**

Литографія по рисунку А. П. Шанъ-Гирея.

поэтъ тяжело переживалъ, но внѣшне отнесся къ привѣту Вареньки вполне равнодушно, что вызвало между друзьями ссору, правда, скоро окончившуюся примиреніемъ.

По словамъ Шанъ-Гирея, «нравственно Лермонтовъ въ Школѣ перемѣнился не менѣе, чѣмъ физически, слѣды домашняго воспитанія и женскаго общества исчезли», появился грубоватый, небрежный тонъ, юношеское удалъство лихости и разгула, безъ чего кавалеристъ не считался кавалеристомъ. Свой талантъ къ поэзіи и способности къ рисованію онъ использовалъ на карикатуры и шуточные, нескромныя по содержанію произведенія, получившія широкое распространеніе среди военной молодежи. Все это было наносное, напускное, юношеское и совершенно не соответствовало душевнымъ качествамъ и характеру Лермонтова и исчезло вмѣстѣ съ производствомъ его въ офицеры. Но первая репутація сильно ему повредила и долго оставалась препятствіемъ для оцѣнки личности поэта въ обществѣ.

Наряду съ юношескими проказами и разнаго рода увлеченіями, полученное Лермонтовымъ въ Школѣ воинское воспитаніе, духъ традицій конницы, славные геройскіе подвиги русской арміи и ея вождей захватили его и оставили глубокой, неизгладимый слѣдъ въ впечатлительной, чуткой душѣ поэта, развили въ немъ чувство истиннаго патріотизма и укрѣпили сознаніе долга, чести и доблести. Впослѣдствіи, будучи переведенъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, Лермонтовъ принималъ дѣятельное участіе въ покореніи Кавказа, отличаясь въ бояхъ съ чеченцами исключительной храбростью и мужествомъ, за что былъ представленъ къ Владиміру 4-й степени съ мечами и золотому оружію, но, благодаря непріязненному отношенію къ поэту высокихъ правящихъ круговъ въ Петербургѣ, обѣ награды были отмѣнены.

Въ юнкерскіе годы Лермонтовъ написалъ большую поэму «Хаджи Абрекъ» и нѣсколько лирическихъ стихотвореній, измѣнилъ вариантъ «Демона» и продолжалъ работу надъ начатой еще въ Москвѣ повѣстью «Вадимъ». Поэтъ старался скрывать отъ окружающихъ свои произведенія, читалъ ихъ неохотно и рѣдко и не давалъ списывать даже близкимъ друзьямъ. Родственнику и товарищу по Школѣ Н. Д. Юрьеву какъ-то удалось получить отъ него поэму «Хаджи Абрекъ». Завладѣвъ ею, Юрьевъ отнесъ поэму къ журналисту Сенковскому, напечатавшему ее, къ удивленію поэта, въ началѣ 1835 г. въ «Библіотекѣ для чтенія». Лермонтовъ былъ взбѣшенъ поступкомъ Юрьева, къ счастью, поэма имѣла успѣхъ, никто ее не критиковалъ, но все же онъ еще не рѣшался печатать свои произведенія. Въ Школѣ поэма «Хаджи Абрекъ» была представлена Лермонтовымъ преподавателю русской словесности В. Т. Плаксину. Прочитавъ ее, Плаксинъ поднялся на кафедру и въ присутствіи всего класса торжественно

произнесъ: «Привѣтствую будущаго поэта Россіи». Никто не подозрѣвалъ и не предполагалъ блестящаго и великаго таланта Лермонтова, но все же чувствовалось, что онъ можетъ быть гордостью Гвардейской Школы и безсмертной славой Россіи.

По прохожденію въ Школѣ Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Кавалерійскихъ Юнкеровъ двухгодичнаго курса науки и строевыхъ занятій, питомцамъ предоставлялось право производства въ офицеры, для чего необходимо было пройти предварительный смотръ и экзаменъ въ присутствіи Великаго Князя Михаила Павловича, въ то время командира Гвардейскаго корпуса и Начальника всѣхъ военно-учебныхъ заведеній. Для смотра приводился въ Михайловскій манежъ пѣхотный баталіонъ въ полномъ составѣ. Великій Князь поочередно вызывалъ для командованія баталіономъ или ротой гвардейскихъ подпрапорщиковъ и одновременно производилъ экзаменъ въ знаніи строевой пѣхотной службы, а кавалерійскимъ юнкерамъ верховой ѣзды и кавалерійскаго устава. Только успѣшно выдержавшіе испытаніе производились въ гвардію, иначе въ армію или оставлялись до слѣдующаго года.

Такой смотръ былъ произведенъ Великимъ Княземъ юнкерамъ и подпрапорщикамъ 10-го выпуска 1834 г. Большая часть юнкеровъ оказалась «весьма твердой въ верховой ѣздѣ, а пѣхотныхъ подпрапорщиковъ всѣхъ вообще совершенно знающими свое дѣло», на основаніи чего послѣдовалъ 22 ноября 1834 года Высочайшій приказъ «по кавалеріи о производствѣ по экзамену изъ юнкеровъ въ корнеты», въ томъ числѣ Лермонтова лейбъ-гвардіи въ Гусарскій полкъ.

Въ слѣдующемъ 1835 г. М. Ю. Лермонтову былъ выданъ оффиціальнѣй патентъ за подписью Военнаго министра графа А. И. Чернышева, удостовѣряющій его производство 22 ноября 1834 г. въ корнеты гвардіи.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ
и прочая, и прочая, и прочая

Извѣстно и вѣдомо да будетъ каждому, что МЫ Михайла Лермонтова, который НАМЪ Юнкеромъ служилъ, за оказанную его въ службѣ НАШЕЙ ревность и прилежность, въ НАШИ Лейбъ-Гвардіи Корнеты тысяча восемь сотъ тридцать четвертаго года Ноября двадцать втораго дня Всемилостивѣйше пожаловали и учредили; якоже МЫ симъ жалуемъ и утверждаемъ, повелѣвая всѣмъ НАШИМЪ подданнымъ онаго корнета Михайла Лермонтова за НАШЕГО Корнета Гвардіи надлежащимъ образомъ признавать и почитать: и МЫ надѣемся, что онъ въ семъ ему отъ НАСЪ Всемилостивѣйше пожалованномъ чинѣ такъ вѣр-

но и прилежно поступать будетъ, какъ то вѣрному и доброму
Офицеру надлежитъ. Во свидѣтельство чего МЫ сіе Военному
Министерству подписать и Государственною НАШЕЮ печатію
укрѣпить повелѣли.

Данъ въ Санктпетербургѣ лѣта 1835 Августа 1 дня.

Военный Министръ Графъ Чернышевъ.

Дежурный Генераль Главнаго Штаба Его Императорскаго
Величества Генераль Адъютантъ (подпись).

Исправляющій должность Вице-Директора (подпись).

Въ Инспекторскомъ Департаментѣ Военнаго Министерства
записанъ подъ № 499.

При запечатаніи въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ подъ
№ 19669.

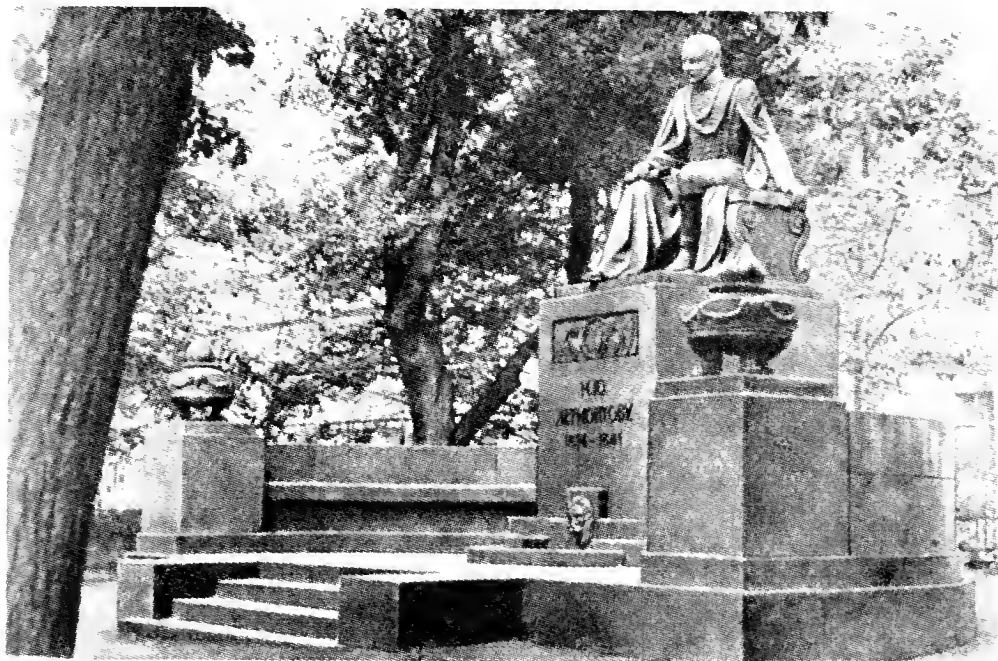
Корнетъ л. гв. Гусарскаго полка М. Ю. Лермонтовъ.

Одновременно съ Лермонтовымъ 10-го выпуска Школы Гвар-
дейскихъ Подпрапорщиковъ и Кавалерійскихъ Юнкеровъ лейбъ-
гвардіи въ Гусарскій полкъ были произведены два брата Андрей

и Александръ Череновы, а 1 января 1835 г. 11 выпуска, но со старшинствомъ 22 ноября 1834 г., вышли въ тотъ же полкъ его школьные товарищи кн. Николай Вяземскій и Александръ Тиранъ, производство которыхъ было отсрочено на нѣкоторое время.

Такъ незамѣтно, быстро промелькнули и окончились два года, проведенные М. Ю. Лермонтовымъ въ стѣнахъ Гвардейской Школы. Память о его пребываніи была увѣковѣчена созданиемъ при Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ Лермонтовскаго Музея, гдѣ были собраны многочисленные предметы, относящіяся къ имени великаго поэта, а въ 1914 году, по проѣкту скульптора Б. М. Микешина въ саду Школы былъ воздвигнутъ памятникъ М. Ю. Лермонтову, прожившему такъ мало и такъ много сдѣлавшему русскому народу и русской литературѣ.

К. Скуридинъ

Памятникъ Лермонтову. Скульптура Б. М. Микешина.
Бронза. 1914.

Постоянный командный составъ эскадрона и преподавательскій персоналъ Школы Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Кавалерійскихъ Юнкеровъ во время пребыванія тамъ М. Ю. Лермонтова, X выпускъ, 1832—1834.

Командиръ Школы ген. м. баронъ Конст. Антон. Шлиппенбахъ, 1831—1843.

Адъютантъ Школы гв. пор. Шиповъ 5-й, 1831—1834.

Командиръ эскадрона гв. ротм. Стунѣевъ, 1832—1840.

Офицеры эскадрона:

Гв. шт. ротм. Эндоуровъ, 1829—1833.

Гв. пор. Волковъ, 1829—1835.

Гв. пор. Осоргинъ, 1831—1833.

Гв. пор. Бревернъ, 1832—1834.

Гв. пор. Кноррингъ 4-й, 1832—1837.

Гв. шт. ротм. баронъ Дризенъ, 1832—1833.

Гв. пор. Теренинъ, 1833—1835.

Гв. пор. баронъ Штакельбергъ, 1833—1838.

Гв. шт. ротм. Клеронъ, 1833—1834.

Инспекторъ классовъ Воен. инж. полк. Павловскій, 1831—1850.

Преподаватели:

Шт. кап. Навроцкій, 1828—1833.

Шт. кап. Половцевъ 2-й, 1833.

Шт. кап. Фроловъ, 1833—1838,
впослѣдствіи Фл. ад., капитанъ.

Тактика и
военная исторія.

Маг. богосл. прот. Маловъ — законоучитель, 1827—1839.

Подполк. Ортембергъ — Артиллерія. 1832—1838.

Пор. Шмидтъ, 1823—1838 — Фортификація.

Полк. Тарасовъ, 1831—38 — Воен. топографія и ситуація.

Тит. сов. Веселовскій, 1826—1834 — Законовѣдѣніе.

Пор. Пѣтуховъ, 1826—1833 — Математика и механика.

Надв. сов. Вознесенскій, 1826—1838 — Исторія и географія.

Пор. Тихановъ, 1831—1851 — географія.

Шт. кап. Половцевъ 1-й, 1830—1833.

Проф. Талызинъ, 1832—1834.

Чин. 9 кл. Клеменовъ, 1833—1841.

Русскій языкъ.

Франц. подданный Бордэ, 1826—35 — французскій языкъ.

Не имѣющій чина Эбергардтъ 1-й, 1832—38 — Танцы.

Надв. сов. Гассовскій, 1823—1841, врачъ.

Шт. кап. Брунъ, 1824—1853 — смотритель дома, экономя и завѣд.
хоз. частью.

Кол. асс. Феодоровъ, 1832—1853 — письменоводитель.

Унтеръ-берейторъ Давыдовъ, 1829—1836.

По Ист. очерку Н. К. У. шт. ротм. Шкота

Десятый выпускъ изъ Школы Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ
и Кавалерійскихъ Юнкеровъ 1834 года.

Эскадрона:

2 іюля:

Вахмистръ

Бенкендорфъ Ермолай — Кавалергардскій Ея Велич. полкъ.

Унтерз-офицеры:

Шепелевъ Иванъ — Кавалергардскій Ея Величества полкъ.

22 ноября:

Мирбахъ Эрнстъ — Лейбъ-Гвардіи Конный.

Грицевичъ Ильдефонсъ — Лейбъ-Гвардіи Кирасирскій Его Вел.

Хомутовъ Леонидъ — Лейбъ-Гвардіи Конно-Гренадерскій.

Волоцкой Николай — Лейбъ-Гвардіи Конно-Гренадерскій.

Моллеръ Романъ — Лейбъ-Гвардіи Гродненскій гусарскій.

Юнкера:

Тизенгаузенъ, графъ Петръ — Кавалергардскій Ея Величества.

Синицынъ Афанасій — Лейбъ-Гвардіи Конный.

Штакельбергъ фонъ Карлъ — Лейбъ-Гвардіи Драгунскій.

Юрьевъ Николай — Лейбъ-Гвардіи Драгунскій.

Аврамовъ Провъ — Лейбъ-Гвардіи Драгунскій.

Шаховской, князь Іосифъ — Лейбъ-Гвардіи Уланскій.

Поливановъ Николай — Лейбъ-Гвардіи Уланскій.

Лермонтовъ Михаилъ — Лейбъ-Гвардіи Гусарскій.

Череновъ Андрей — Лейбъ-Гвардіи Гусарскій.

Череновъ Александръ — Лейбъ-Гвардіи Гусарскій.

Вонлярлярскій Василій — Лейбъ-Гвардіи Конно-Піонерный Эск.

Мартыновъ Михаилъ — Лейбъ-Кирасирскій Его Высочества На-
слѣдника Цесаревича.

Охотниковъ Василій — Новороссійскій Драгунскій.

По Ист. Озерку Н. К. У. шт. ротм. Школа

Памятникъ М. Ю. Лермонтову.

*Зажглась, друзья мои, война
И развились знамена зести;
Трубой завѣтною она
Манитъ въ поля кровавой мести.*
М. Ю. Лермонтовъ

Каждый царкосельскій лиценстъ свято чтитъ память своего Пушкина, такъ и мы, бывшіе юнкера Николаевскаго Кавалерійскаго Училища, отдаемъ ту же дань нашему славному поэту корнету Лермонтову. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ родился въ ночь съ 2 на 3 октября 1814 года. Въ газетномъ фельетонѣ, приуроченномъ къ 140-лѣтію со дня рожденія поэта, И. Опишня далъ описаніе его дѣтства, справедливо замѣтивъ, что печальныя историческія обстоятельства помѣшали достойно отмѣтить столѣтіе со дня смерти поэта. Авторъ фельетона перечислилъ всѣ извѣстные труды, посвященные его памяти. Слѣдуетъ подчеркнуть то обстоятельство, что въ довоенной Россіи, въ средѣ нашей интеллигенціи, къ людямъ, выбравшимъ себѣ военную карьеру относились свысока и, видимо, вслѣдствіе этого въ біографическихъ очеркахъ о Лермонтовѣ удѣлялось очень немного строкъ пребыванію его въ Военномъ Училищѣ. Первое полное собраніе сочиненій поэта было издано Марксомъ въ 1891 году. Біографъ, — безъ подписи, — утверждаетъ, что «въ письмѣ, писанномъ вслѣдъ за окончаніемъ курса Училища, Лермонтовъ называетъ два года проведенные въ Школѣ «ужасными», но прибавляетъ при этомъ, что «жилъ въ Школѣ по наружности весело и безопасно, одинаковой съ товарищами жизнью». Прочтя же письмо Лермонтова къ М. А. Лопухиной, мы убѣждаемся въ томъ, что онъ по собственному влеченію идетъ на военную службу, ибо пишетъ онъ ей: «Быть можетъ это особенная воля Провидѣнія — умереть съ пулей въ груди, — это стоитъ медленной агоніи старика. Итакъ, если начнется война, клянусь Вамъ Богомъ, всегда буду впереди».

15 іюля 1966 года исполнилось 125 лѣтъ со дня смерти поэта и, въ связи съ этимъ, я хочу познакомить читателей съ тѣмъ, какъ сохранялась память о немъ въ нашей Школѣ. Традиціи эскадрона Школы прекрасно описаны Е. Вадимовымъ въ его книжкѣ «Корнеты и звѣри». Къ сожалѣнію, трудно точно установить, появленію какихъ традицій мы обязаны корнету Лермонтову, но

наша школьная «Звѣриада», по обилію въ ней остроумныхъ строкъ, несомнѣнно носить слѣды его участія въ ея составленіи. Въ наше время существовала такъ называемая «Лермонтовская черта», — символическая линія, прочерченная репейкомъ шпоры «благороднаго корнета», которую не имѣлъ права перешагнуть сугубый звѣрь». По традиціи же, вскорости послѣ принесенія присяги вновь поступившими юнкерами, корнетство устраивало торжественное чтеніе «приказа по курилкѣ», относительно котораго молва утверждала, что онъ былъ впервые написанъ Лермонтовымъ. Помѣщеніе 2-го взвода, въ которомъ состоялъ Лермонтовъ, считалось «Лермонтовскимъ взводомъ», равно какъ и весь составъ этого взвода, а одна изъ комнатъ классаго флигеля была всецѣло посвящена ему и носила названіе «Лермонтовскій Музей». Въ него были перенесены бумаги изъ обоихъ столичныхъ университетовъ, скудно освѣщавшія студенческіе годы великаго поэта. Тамъ же сохранялись его подлинныя рукописи, рисунки и нѣсколько принадлежавшихъ ему вещей. Завѣдовалъ музеемъ полковникъ Граве, почему-то строго слѣдившій, чтобы при посѣщеніи музея мы не имѣли при себѣ ни бумаги, ни карандашей.

Слѣдуя завѣту своего славнаго корнета:

*За золото купишь зетьре жены,
Конь же лихой не имьетъ цѣны, —
Онъ и отъ вихря въ степи не отстанетъ,
Онъ не измѣнитъ, онъ не обманетъ . . .*

мы, являясь желанными гостями всѣхъ свѣтскихъ баловъ Петербурга, къ неудовольствію «прекраснаго пола», не тратили особенно своихъ силъ на головокружительные танцы, храня ихъ для своего вѣрнаго друга. Это было тоже своего рода традиція.

Я не помню памятниковъ М. Ю. Лермонтову въ Европейской Россіи. Тому, кому посчастливилось посѣтить мѣста его невольныхъ скитаній, кому удалось побывать на Кавказѣ, навсегда запомнился живописный путь отъ станціи Минеральныя Воды до Кисловодска. Раннее утро, свѣжій степной воздухъ, наполненный ароматами цвѣтущихъ полей, врывается въ окна желѣзнодорожныхъ вагоновъ; силуэты Бештау, Машука и Верблюдъ-горы окутаны легкимъ туманомъ, а по мѣрѣ восхода солнца вдали начинаетъ открываться прекрасная панорама темно-синихъ вершинъ Кавказа. Быстро спускаясь отъ станціи Бештау къ Пятигорску, поѣздъ останавливается подъ склономъ Машука на «Лермонтовскомъ разъѣздѣ». Взоры всѣхъ невольно приковываетъ видъ мѣста дуэли со стоящимъ на немъ памятникомъ поэту. Въ то же время, на желѣзнодорожной платформѣ старый слѣпой бандуристъ своею задушевною пѣсней придаетъ какой-то особый, грустно-романтическій колоритъ этому исторически печальному мѣсту.

Въ теченіе многихъ лѣтъ Николаевское Кавалерійское Училище изыскивало возможности къ собранію необходимыхъ средствъ для сооруженія памятника своему славному питомцу. Устраивались ежегодно «Лермонтовскія выставки» шумливаго характера, приносившія немалый доходъ.* Великимъ же постомъ въ Михайловскомъ манежѣ устраивался Конный праздникъ,** сборъ съ котораго также шелъ въ фондъ на сооруженіе памятника. Въ одинъ изъ такихъ праздниковъ было выручено 12 тысячъ рублей. Весь Петербургъ собирался въ этотъ день въ манежѣ, во главѣ съ Великими Князьями и высшимъ военнымъ начальствомъ. Послѣ праздника 1909 года въ манежѣ сотни Училища была устроена выставка проэктвъ будущаго памятника. Экспертъ, юнкеръ сотни, Уссуриецъ Б. Курбатовъ, остановилъ свое вниманіе на модели, изображавшей поэта въ формѣ Тенгинскаго пѣхотнаго полка, въ буркѣ, стоящаго на скалѣ. Но комиссія одобрила другой проэктъ, — поэтъ въ парадной гусарской формѣ безъ головного убора сидитъ на скамьѣ, облокотившись на руку. Въ такомъ видѣ, наконецъ, въ 1913 году былъ сооруженъ и поставленъ передъ фасадомъ Училища памятникъ нашему славному корнету. Увы, многимъ изъ насъ такъ и не удалось увидѣть воочию результатъ нашихъ юнкерскихъ стараній

Вл. Хороманскій

«Военная Быль» № 26.

Лермонтовскій музей въ Петербургѣ,
въ Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ.
(Съ фотографіи 1916 г.)

* См. статью подъ этимъ названіемъ.

** См. конію программы Коннаго праздника 1911 года.

Лермонтовская выставка.

На четвертой недѣлѣ Великаго поста все Училище говѣло. Всѣ занятія на этой недѣлѣ отмѣнялись, за исключеніемъ ѣзды. Всѣ офицеры и юнкера эскадрона, каждый день утромъ и вечеромъ, регулярно посѣщали службы Божія въ своей церкви. Въ назначенные дни исповѣдывались и причащались. Между службами юнкера были свободны, было довольно много свободного времени. Въ эти дни господа корнеты старались не тревожить молодыхъ своимъ цукомъ.

Когда я въ 1911 году былъ на старшемъ курсѣ, корнетство устроило въ пустомъ помѣщеніи второго взвода такъ называемую Лермонтовскую выставку и вырученныя деньги были распределены: четвертая часть на церковь, другая четверть на школу солдатскихъ дѣтей при Школѣ, а остальную сумму рѣшено было передать въ фондъ памятника великому поэту, корнету Школы Лермонтову, который долженъ былъ быть воздвигнутъ въ скверѣ на площадкѣ передъ главнымъ входомъ въ Училище. Точно не знаю, когда возникла эта идея выставки, но при мнѣ она была сдѣлана дважды.

Устройство выставки было поручаемо Предсѣдателю корнетскаго комитета, которому въ помощь выбирались три-четыре корнета изъ числа болѣе остроумныхъ и обладавшихъ художественнымъ вкусомъ, а всѣмъ остальнымъ, не только корнетамъ, но и сугубымъ, предписывалось проявить свой художественный талантъ, рисуя картины и карикатуры не только на сугубцевъ и корнетовъ, но и на начальство Школы.

Вся выставка дѣлилась на два отдѣла: художественный и шуточный. Въ первомъ отдѣлѣ преобладали картины и, главнымъ образомъ карикатуры, иногда очень злостныя. Такъ вспоминается карикатура на полковника Школы К. Былъ небывалый случай, что этотъ полковникъ во время обѣда въ столовой занялся обрѣзываніемъ своихъ ногтей, на что и была нарисована карикатура на него и его ногти, летяціе въ суповую миску. На послѣдовавшемъ аукціонѣ бѣдному полковнику пришлось заплатить что-то около семи рублей, чтобы спасти карикатуру изъ чужихъ рукъ. Ко дню открытія выставки всѣ юнкера къ ней готовились, накопившая средства, такъ какъ посѣщеніе выставки и аукціонъ передъ закрытіемъ стоили довольно дорого. Входъ на выставку сто-

иль полтинникъ, выходъ — рубль. При распродажѣ экспонатовъ была введена американская система, то есть назначалась первоначальная цѣна, а потомъ кто больше дастъ, и каждый доплачивалъ разницу въ кассу.

Во время выставки продавались такъ называемыя «индульгенціи», которыя давали право молодымъ откупиться за совершенное сугубство, а кромѣ того, можно было приобрести право заставить любого корнета сдѣлать десять поворотовъ кругомъ въ своемъ присутствіи. За подобныя индульгенціи взымалась плата по строгой расцѣнкѣ, а именно: за откупъ сугубства или 10 поворотовъ корнета — по рублю, за маіора — 2 рубля, за полковника — 3 рубля, за нашивочныхъ — 4 рубля, за взводныхъ — пять, а за «земного бога» — 25 рублей. Никто изъ получившихъ такую индульгенцію не имѣлъ права отказаться и впослѣдствіи метить молодому. Зная хорошо, на какую цѣль шли деньги, всѣ охотно все исполняли, а передъ закрытіемъ выставки и видя, что у молодыхъ средства изсякаютъ, многіе корнеты за повороты сбавляли цѣну и вертѣлись и за четвертакъ. Несмотря на то, что многіе были со средствами, они какъ-то не рѣшались предъявлять индульгенцію не только полковникамъ и взводнымъ капраламъ, но тѣмъ паче и «земному богу», хотя и имѣли на то полное право.

Однажды при мнѣ выставку посѣтилъ самъ Начальникъ Училища ген. Миллеръ съ командиромъ и всѣми офицерами эскадрона. Надъ нѣкоторыми карикатурами они много смѣялись, а ген. Миллеръ откупилъ довольно удачный рисунокъ себя, не въ карикатурномъ видѣ, гуляющимъ въ скверѣ передъ зданіемъ Училища. Съ открытія выставки и до ея закрытія цукъ прекращался и молодые пользовались всѣми правами корнетовъ.

Въ мое время такая выставка дала около 500 рублей и считалась одной изъ самыхъ удачныхъ.*

Привожу нѣкоторые экспонаты, сохранившіеся въ памяти:

«Яблоко раздора» — гнилое яблоко.

Яблоко, которое Ева предложила Адаму — красивое яблоко.

Часть бороды Черномора — кусокъ старой мочалки.

Семь паръ чистыхъ и семь паръ нечистыхъ — манежныя перчатки.

«Крокодиловы слезы» — баночка съ чистой водой.

«Египетская тьма» — баночка съ черной жидкостью.

Лѣстница, которую Авраамъ видѣлъ во снѣ — наклонная лѣстница.

* Ко дню столѣтія рожденія поэта, 1 октября 1914 г. было собрано всего 36 581 руб. 88 коп. Памятникъ же обошелся въ 36 266 руб. 89 коп. Прим. Ред.

Окно, которое Петръ Великій прорубилъ въ Европу — одно изъ
оконовъ взвода.

Хворостина, которой крестьянинъ гналъ гусей въ городъ прода-
вать — лоза для рубки.

Кусочекъ сыра, который ворона держала въ клювѣ — старыи
кусокъ сыра.

Посудина, въ которой Пилать умывалъ руки — старыи тазъ.

«Яйцо Колумба» — скорлупа отъ яйца.

Манна упавшая съ неба — крупа.

Очки, которыми мартышка вертѣла и такъ и сякъ — старыя очки.

Сапоги Скорохода — старыя казенныя сапоги.

Златая цѣпь, по которой ходилъ ученый котъ — старая мѣдная
цѣпочка.

Одна изъ ножекъ, на которыхъ стояла избушка — обглоданная
куриная ножка.

Чурбанъ, съ которымъ возился Мишка — полѣно.

«Гордіевъ узелъ» — узелъ изъ куска старой веревки.

«Ахиллесова пята» — кусокъ каблука.

Копье Донъ Кихота — деревянная пика.

Платокъ дамы, полученный рыцаремъ — грязный носовой пла-
токъ.

Иерихонская труба — пѣхотный горнъ.

«Вѣтка Палестины» — старая вѣтка.

«Гвоздь выставки» — обыкновенный ржавый гвоздь на подушкѣ.

«Шпора благороднаго корнета» — огромная шпора, въ которой
обыкновенно спали молодые, получивъ шпоры за ѣзду.

«Жизнь сугубаго» — стеклянный шарикъ, висѣвшій на тонкомъ
волоскѣ.

«Прогрессъ» — печенье того же названія, продававшееся въ юн-
керской лавочкѣ.

За отдѣльную плату можно было осмотрѣть выставку кар-
тинъ работы «земного бога», вахмистра эскадрона. Картина № 1
— «Видъ пустыни Сахары съ пирамиды» и № 2 — «Видъ пира-
миды изъ пустыни Сахары». Обѣ картины представляли изъ себя
два чистыхъ листа бумаги съ подписью вахмистра.

И все въ этомъ родѣ, было до ста такихъ «экспонатовъ».

И. Рубецъ

Закладка памятника М. Ю. Лермонтову.

Закладка памятника произведена была Е. И. В. Августѣйшимъ Президентомъ Императорской Академіи Наукъ Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ 1 октября 1913 года.

День былъ пасмурный, но безъ дождя. Домикъ каменщиковъ обратили въ павильонъ съ навѣсомъ, надъ мѣстомъ закладки, декорированнымъ зелеными гирляндами и матеріей цвѣтовъ Училища; помость былъ затянута алымъ сукномъ и коврами.

Съ $\frac{1}{2}$ 2 ч. стали съѣзжаться депутаціи. Первыми явились офицеры Л. Гв. Гусарскаго Его Величества полка въ полномъ составѣ и депутація отъ 77 пѣхотнаго Тенгинскаго полка (подполк. К. А. Поповъ, кап. И. Г. Гурбановъ и пор. С. Н. Быковъ). Пришли трубачи Л. Гв. Гусарскаго полка. Стали съѣзжаться депутаціи отъ полковъ, Академіи Наукъ, университета, военно-учебныхъ заведеній, города и приглашенные. Въ 2 часа прибылъ Е. И. В. Великій Князь Константинъ Константиновичъ съ Августѣйшими сыновьями — Князьями Иоанномъ, Гавріиломъ, Константиномъ и Игоремъ Константиновичами. Великій Князь, бывший въ формѣ Оренбургскаго казачьяго войска, обошелъ фронтъ выстроенныхъ юнкеровъ. Передъ мѣстомъ закладки сталъ 2-й Лермонтовскій взводъ юнкеровъ, имѣя на правомъ флангѣ штандартнаго портупей-юнкера Князя Крапоткина II (Сергѣя), а на лѣвомъ — взводнаго портупей-юнкера Шмидта.

Вахмистръ эскадрона Верещинскій на подносіе держалъ серебряные рубли чеканки 1913 года, вахмистръ сотни Поповъ держалъ подносіе съ лопаткой, а взводный портупей-юнкеръ Шмидтъ — подносіе съ киркой. Служилъ законоучитель Училища о. Иоаннъ Еленевскій. Пѣлъ хоръ пѣвчихъ изъ юнкеровъ.

Священникъ произнесъ краткое вдохновенное слово, отслужилъ молебенъ, прочелъ надписи на закладочной доскѣ и совершилъ чинъ закладки. Провозглашено многолѣтіе Государю. Слѣдуетъ вѣчная память болярину Михаилу. Какъ только замерли послѣдніе звуки вѣчной памяти, трубачи лейбъ-гусары сыграли первые такты похороннаго марша.

Затѣмъ въ Бѣломъ залѣ Училища состоялся актъ. Въ глубинѣ, подъ Царскими портретами, на возвышеніи стояла большая

модель будущаго памятника, вся въ зелени. На помостѣ высилась кафедра* и бюстъ Лермонтова, увѣнчанный лавровымъ вѣнкомъ. Справа устроена была Великокняжеская ложа. Актъ начался съ чтенія депеши, съ которой Великій Князь обратился къ Его Императорскому Величеству Государю Императору:

«99 лѣтъ назадъ, послѣ славныхъ годовъ Отечественной войны, когда русскій народъ въ дружномъ единеніи съ своимъ Монархомъ и арміей далъ Россіи неисчерпаемый источникъ національныхъ вдохновеній, родился великій Лермонтовъ.

Нынѣ, наканунѣ этого дня, велѣніемъ Вашего Императорскаго Величества, въ присутствіи многочисленныхъ депутацій военной, ученой, учебной и общественной Россіи, съѣхавшихся на этотъ общерусскій праздникъ со всѣхъ концовъ земли, мною заложенъ славному Русскому поэту, въ саду родного ему Училища памятникъ, воздвигаемый ему русской кавалеріей. Присутствующіе вознесли при этомъ молитвы Богу о ниспосланіи Вамъ, Государь, многолѣтняго свѣтлаго царствованія, здоровья, силъ и неувядаемой славы на счастье Государства и на радость Вашихъ подданныхъ. Генераль-Адъютантъ Константинъ».

Громовое ура и троекратно повторенный гимнъ покрыли чтеніе депеши.

Прочитанъ былъ докладъ А. В. Семеки о значеніи поэзіи Лермонтова, произнесены рѣчи депутацій и затѣмъ, неожиданно для всѣхъ, къ кафедрѣ подвинулся почтенный П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій. Опираясь на костыль, въ андреевской лентѣ, поддерживаемый секретаремъ Императорскаго Географическаго Общества Достоевскимъ, онъ вошелъ на кафедру и оперся о пьедесталь, на которомъ стоялъ бюстъ Лермонтова. Онъ заговорилъ тихимъ, но яснымъ старческимъ голосомъ:

«Я взошелъ на эту кафедру, какъ Вице-Президентъ Императорскаго Географическаго Общества, потому что Лермонтовъ былъ пѣвецъ природы, онъ былъ поэтъ-географъ!

Я вошелъ въ эти стѣны, какъ бывшій питомецъ Школы, окончившій курсъ ея въ 1845 году и занесенный здѣсь на мраморную доску. Но я главнымъ образомъ здѣсь еще и потому, что я единственный изъ присутствующихъ, знавшій и видѣвшій Лермонтова. 10-лѣтнимъ мальчикомъ, дядя возилъ меня въ домъ умиравшаго Пушкина и тамъ у гроба умершаго генія я видѣлъ и знавалъ великаго Лермонтова».

Появленіе этого маститаго старца произвело огромное впечатленіе. Точно разверзлась завѣса прошлаго. Трепетъ прошелъ по

* Кафедра эта съ гербомъ Лермонтова и его автографомъ сооружена пожертвованіями военнаго министра ген. адъют. Сухомлинова и нѣкоторыхъ другихъ бывшихъ питомцевъ Школы.

залу. Прошлое словно приблизилось. Многіе призадумались и поникли головой, нѣкоторые плакали, слушая рѣчь этого прекраснаго старца, вызвавшаго былые призраки, стоявшаго уже на рубежѣ иной жизни. Въ эту иную жизнь онъ и отошелъ! Ко дню открытія памятника Лермонтову его не стало. Благодарная Школа, его воспитавшая, руками своихъ юнкеровъ вынесла гробъ его до церкви, гдѣ его отпѣвали, и создала бронзовое изваяніе его, открываемое въ одинъ день съ Лермонтовскимъ памятникомъ, дабы и онъ могъ бессмертно присутствовать на открытіи того памятника, закладку котораго онъ такъ прекрасно и незабвенно отмѣтилъ.

М. Ю. Лермонтовъ, 1814—1914. Изданіе Высочайше утвержденнаго Комитета по сооруженію при Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ памятника М. Ю. Лермонтову. С. Петербургъ. 1914.

15 іюля 1914 г., въ день смерти М. Ю. Лермонтова, депутація отъ Николаевского Кавалерійскаго Училища, офицеръ при четырехъ юнкерахъ 2-го Лермонтовскаго взвода эскадрона, посѣтили могилу Лермонтова въ селѣ Тарханы, отслужили панихиду и возложили вѣнокъ отъ Школы, воспитавшей великаго русскаго поэта.

Лермонтовскій Музей при Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ въ С. Петербургѣ.

Мысль объ увѣковѣченіи памяти безсмертнаго русскаго поэта М. Ю. Лермонтова, б. воспитанника Школы Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Кавалерійскихъ Юнкеровъ (1832—1834), явилась у Начальника Николаевского Кавалерійскаго Училища генераль-маіора А. А. Бильдерлинга и всего состава Училища, когда было рѣшено создать въ Училищѣ «Лермонтовскій Музей». На осуществленіе этой мысли было получено надлежащее разрѣшеніе высшаго начальства и, за подписью ген. Бильдерлинга, разослано обращеніе къ родственникамъ, близкимъ друзьямъ, бывшимъ питомцамъ Школы, однополчанамъ и всѣмъ, кому была дорога память знаменитого поэта, подѣлиться своими воспоминаніями, а также имѣющимися у нихъ предметами, принадлежавшими М. Ю. Лермонтову, для предоставленія ихъ Музею.

Русское общество на призывъ широко откликнулось и со всѣхъ концовъ Россіи стали стекаться различные предметы, имѣвшіе отношеніе къ безвременно погибшему поэту. Въ теченіе нѣсколькихъ короткихъ лѣтъ тщательно собиралось все, что было связано съ памятью М. Ю. Лермонтова. Изъ помѣщенной статьи въ декабрьской книгѣ «Русской Старины» 1883 года и подробнаго каталога, изданнаго ко дню открытія Музея, былъ перечисленъ весь поступившій матеріалъ въ 705 номеровъ, раздѣленный на 16 отдѣловъ.

Въ 1-й отдѣлъ вошли: журналы, сборники и альманахи въ количествѣ 74 номеровъ, начиная съ 1835 года, въ которыхъ печатались произведенія поэта.

Во 2-ой: отдѣльныя изданія, сочиненій М. Ю. Лермонтова въ числѣ 40, начиная съ «Героя нашего времени» въ изданіи И. И. Глазунова въ С. Петербургѣ, 1840 года.

Въ 3-й: Сочиненія, журналы и сборники, помѣстившіе статьи и отзывы о произведеніяхъ, переводахъ, портретахъ М. Ю. Лермонтова и его рукописяхъ. Получено 210 различныхъ номеровъ, начиная съ 1839 года.

Въ 4-й: переводы произведеній великаго поэта на иностран-

ные языки. Собрано болѣе 50-ти отдѣльныхъ переводовъ на различные языки, включая первый переводъ на нѣмецкій языкъ. Всего поступило около 400 книгъ, въ чемъ особую помощь и содѣйствіе оказалъ бібліотекаръ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища того времени ротмистръ Буковскій и преподаватель русской словесности А. Мохначевъ.

Въ 5-й: рукописи М. Ю. Лермонтова, написанныя собственной рукой поэта, въ количествѣ 16 тетрадей, въ томъ числѣ и первая тетрадь, относящаяся къ 1828 году, когда М. Ю. Лермонтовъ былъ въ 14-лѣтнемъ возрастѣ. Въ этой тетради были также помѣщены три его акварельныхъ рисунка и двѣ поэмы: «Кавказскій плѣнникъ» и «Корсаръ». Въ остальныхъ — «Демонъ», «Испанцы», «Странный человѣкъ», «Бояринъ Орша» и «Мцыри», «Сказака для дѣтей», «Измаиль-бей», «Ангель смерти» и различныя мелкія стихотворенія. Изъ всѣхъ полученныхъ тетрадей 14 были пожертвованы А. А. Краевскимъ, находившимся въ дружескихъ отношеніяхъ съ безвременно погибшимъ поэтомъ и печатавшимъ его произведенія въ приложеніи къ «Русскому Инвалиду» и въ «Отечественныхъ Запискахъ». Между прочимъ, поэма Лермонтова «Пѣсня про купца Калашникова» впервые полностью была помѣщена въ литературномъ приложеніи къ «Русскому Инвалиду». Одиннадцатая тетрадь, содержащая «Ангель смерти», была пожертвована П. А. Ефремовымъ. Послѣдняя 16-я тетрадь была подарена родственницей поэта Е. П. Веселовской, ур. Шанъ-Гирей. Эта тетрадь содержала юношескія произведенія поэта, весь заглавный листъ былъ покрытъ собственными рисунками перомъ М. Ю. Лермонтова.

Кромѣ этихъ 16 рукописныхъ тетрадей было получено нѣсколько тетрадей, списанныхъ съ позднѣйшихъ, въ числѣ ихъ копія рукописнаго журнала «Школьная Заря», издававшася въ 1834 году воспитанниками Гвардейской Школы при ближайшемъ участіи М. Ю. Лермонтова, пожертвованная М. И. Семевакимъ. Подлинная тетрадь журнала съ карикатурами была сохранена школьнымъ другомъ поэта княземъ Н. С. Вяземскимъ. Въ «Школьной Зарѣ» перу М. Ю. Лермонтова принадлежало извѣстное шуточное, нескромное стихотвореніе «Уланша», подписанное «Графъ Діарбекиръ», «Пограничныя извѣстія» въ прозѣ, подписанныя «Степановъ», гдѣ героемъ выведенъ товарищъ М. Ю. Лермонтова по Школѣ кн. Шаховской, и, наконецъ, «Ода». Кромѣ того, тамъ же помѣщено было «Посланіе къ Тизенгаузену», рассказъ въ стихахъ «Гошпиталь въ Петергофѣ», героемъ котораго является князь А. М. Барятинскій, впоследствии фельдмаршалъ, и П. И. Поливановъ, оба школьные товарищи поэта. Въ Музеѣ имѣлись также корректурныя листы и различныя изданія

произведеній Лермонтова съ интересными помѣтками и вычеркиваніями цензуры.

Въ 6-й: картины и рисунки М. Ю. Лермонтова. Къ этому отдѣлу относились двѣ картины масляными красками изъ кавказской жизни, написанныя поэтомъ въ Селищенскихъ казармахъ Новгородской губерніи въ бытность его службы Лейбъ-Гвардіи въ Гродненскомъ гусарскомъ полку. Пожертвованы онѣ другомъ М. Ю. Лермонтова по Школѣ А. И. Арнольди. Три копіи акварельныхъ рисунковъ «Лейбъ-гусары подъ Варшавой въ 1831 году», подаренные офицерами Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка. Эпизодъ кавказской войны, написанный М. Ю. Лермонтовымъ совместно съ кн. Гагаринымъ на Кавказѣ. Эпизодъ изъ маневровъ юнкеровъ Гвардейской Школы, написанный поэтомъ во время его пребыванія въ Школѣ, пожертвованъ Д. А. Столыпнымъ. Два рисунка карандашомъ, сдѣланные М. Ю. Лермонтовымъ въ дѣтствѣ, — одинъ Божія Матерь со Спасителемъ, другой — дѣтская головка, пожертвованы К. М. Цѣхоновской. Кромѣ всего перечисленнаго — нѣсколько небольшихъ набросковъ перомъ и карандашомъ.

Въ 7-й: вещи, принадлежавшія М. Ю. Лермонтову. Пожертвованы: А. И. Арнольди — черкесскій поясъ, который поэтъ носилъ на Кавказѣ; княземъ С. Н. Трубецкимъ — серебряная пороховница съ монограммой «Л» на крышкѣ; А. А. Краевскимъ — кинжалъ, подаренный ему поэтомъ и туфли, находившіяся въ Тарханахъ.

Въ 8-й: портреты М. Ю. Лермонтова и его родственниковъ, начиная съ его прадѣда Юрія Петровича Лермонтова, дѣда и родителей поэта, были собраны въ Музеѣ. Портреты поясные и въ натуральную величину были отлично написаны масляными красками. Всѣ эти крайне рѣдкіе фамильные портреты находились въ родовомъ имѣніи Лермонтовыхъ с. Кропотово, Ефремовскаго уѣзда Тульской губерніи, и перешли по наслѣдству отъ Лермонтовыхъ къ двоюродной племянницѣ поэта Клеопатрѣ Матвѣевнѣ Цѣхановской и ею были переданы Музею. Портреты были сильно попорчены временемъ и превосходно реставрированы Сидоровымъ, реставраторомъ Императорскаго Эрмитажа. Имѣлась также большая фотографія съ портрета бабушки поэта Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой, ур. Столыпиной, вложившей въ воспитаніе своего внука всю свою душу; воспоминаніе о ней неразрывно связано съ именемъ великаго поэта. Далѣе, фотографія съ портрета М. Ю. Лермонтова въ раннемъ дѣтствѣ. Оригиналы этихъ двухъ фотографій находились въ собственности Д. А. Столыпина. Затѣмъ портретъ М. Ю. Лермонтова въ формѣ Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка, написанъ съ натуры его родственникомъ А. И. Шанъ-Гиреемъ. Этотъ портретъ въ свое время былъ

подаренъ поэтомъ княгинѣ Ухтомской, ур. Арнольди, которая и пожертвовала его Музею. Далѣе, портретъ, написанный съ натуры масляными красками на Кавказѣ художникомъ Шведе, по мнѣнію современниковъ, наиболѣе удачный и имѣющій большое сходство съ поэтомъ, пожертвованъ Д. А. Стольпинымъ. Акварельный портретъ М. Ю. Лермонтова, рисованный съ натуры художникомъ К. А. Горбуновымъ, подаренный имъ Музею. Акварельный портретъ поэта, нарисованъ художникомъ Клюндеромъ въ 1839 году, даръ редактора «Русской Старины» М. И. Семеvскаго, пожертвоваvшаго также собраніе акварельныхъ рисунковъ тридцати трехъ офицеровъ Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка, сослуживцевъ М. Ю. Лермонтова, начиная съ командира полка до младшаго офицера. Въ Музеѣ также находится большая фотографія съ портрета М. Ю. Лермонтова кисти художника Заболотскаго, принадлежащаго Д. А. Стольпину, а также большая фотографія съ оригинала портрета, написаннаго С. Л. Левицкимъ, подарокъ М. И. Семеvскаго.

9-й отдѣлъ: матеріалы для біографіи М. Ю. Лермонтова. Четыре приказа о немъ, отданные по Школѣ Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Кавалерійскихъ Юнкеровъ за подписью Начальника Школы генераль-маіора барона Шлиппенбаха и семь Высочайшихъ о прохожденіи поэтомъ военной службы. Патентъ, выданный на чинъ поручика, присланный Журавлевымъ, управляющимъ имѣніемъ Стольпиныхъ въ с. Тарханы, а также различные рисунки, акварели, фотографіи и гравюры, всего около тридцати, главнымъ образомъ мѣсть воспоминаній о великомъ поэтѣ, гдѣ онъ родился, воспитывался, жилъ и былъ похороненъ.

10-й отдѣлъ: собраніе различныхъ рисунковъ къ произведеніямъ поэта и нѣсколько фотографій съ неизданныхъ рисунковъ, всего 51 штука.

11-й отдѣлъ: музыкальныя произведенія на слова М. Ю. Лермонтова. Ихъ было собрано до 150 номеровъ, въ томъ числѣ двѣ оперы Рубинштейна: «Демонъ» и «Купецъ Калашниковъ». Кроме того находилось множество различныхъ романсовъ почти всѣхъ извѣстныхъ композиторовъ.

Такое обиліе предметовъ, болѣе 700, размѣщенныхъ въ нѣсколькихъ отдѣлахъ, имѣвшихъ прямое отношеніе къ жизни, и творчеству геніальнаго поэта, дало возможность открыть «Лермонтовскій Музей» въ надеждѣ и увѣренности на дальнѣйшее его пополненіе.

Музей имени М. Ю. Лермонтова былъ открытъ 18 декабря 1883 года въ С. Петербургѣ въ зданіи Николаевскаго Кавалерійскаго Училища на углу 12 роты и Ново-Петергофскаго проспекта, впоследствии переименованнаго въ Лермонтовскій. По описанію А. Висковатаго, «Русская Старина», томъ 41, «Торжественное от-

крытіе было очень скромное, но производило въ высшей степени отрадное впечатлѣніе. Кромѣ небольшого кружка военныхъ и всего состава воспитанниковъ Школы, присутствовала группа редакторовъ различныхъ литературныхъ журналовъ и писателей. Послѣ молебствія, а за нимъ провозглашенія о вѣчномъ упокоеніи раба Божія воина-болярина Михаила, совершено окропленіе святой водой Музея, послѣ чего послѣдовало краткое, содержательное слово Начальника Училища генералъ-маіора Бильдерлинга». Музею было отведено обширное, хорошее помѣщеніе. Стѣны были украшены портретами Лермонтова, его предковъ, родственниковъ и современниковъ. Вдоль стѣнъ стояли витрины съ различными въ нихъ манускриптами, автографами, рисунками-кариатурами, нотами и разными предметами, принадлежавшими М. Ю. Лермонтову. На стѣнахъ нѣсколько картинъ и рисунковъ великаго поэта.

Этотъ Музей, съ его безцѣнными коллекціями, — былъ превосходнѣйшимъ памятникомъ М. Ю. Лермонтову. Къ призыву объ основаніи «Лермонтовскаго Музея» всѣ слои общества отнеслись съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Всѣ, кто только чѣмъ-либо владѣлъ изъ вещей, рисунковъ, рукописей и портретовъ М. Ю. Лермонтова, отозвался и все почти полностью было передано къ устройству и пополненію «Лермонтовскаго Музея».

Вслѣдъ за открытіемъ Музея появились многочисленныя статьи въ различныхъ журналахъ и газетахъ съ подробнымъ описаніемъ собранныхъ коллекцій и призывомъ къ дальнѣйшему ихъ пополненію. Для осмотра Музея публикой былъ назначенъ воскресный день отъ часа дня. Посѣтители, среди которыхъ было много военныхъ, литераторовъ, художниковъ съ большимъ интересомъ осматривали собранные предметы, поступленіе которыхъ непрерывно продолжалось.

21 февраля 1884 года Государь Императоръ съ Государыней Императрицей осчастливили Музей своимъ посѣщеніемъ, гдѣ подробно съ исключительнымъ вниманіемъ и интересомъ изволили осматривать собранный въ немъ матеріалъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ со времени открытія Музея онъ пополнился многочисленными, самыми разнообразными пожертвованіями. Къ концу же третьяго года своего существованія Музей насчитывалъ 1164 эсконата вмѣсто 705, имѣвшихся первоначально.

1-й отдѣлъ обогатился подлинными рукописями знаменитаго поэта:

1. Три тетради рукописей, переписанныхъ собственной рукой М. Ю. Лермонтова: «Испанцы», «Станный человекъ» и «Два брата». Пожертвовалъ Б. Н. Чичеринъ.

2. Три черновыхъ тетради со 121 стихотвореніемъ, исправленны-

ми рукою М. Ю. Лермонтова. Эти крайне интересныя и частью неизданныя рукописи были куплены И. И. Глазуновымъ и переданы Музею.

3. Подлинное письмо М. Ю. Лермонтова и фотографическій съ него снимокъ поступили отъ редактора-издателя «Русской Старины» М. И. Семевскаго.

4. Стихотворенія «Любовь мертвеца» и «На Сѣверѣ дикомъ», написанныя рукою поэта на полулистѣ почтовой бумаги, случайно найденныя въ экземплярѣ стихотвореній М. Ю. Лермонтова изданія 1842 года, купленномъ на толкучемъ рынкѣ въ 1852 году А. Н. Аксаковымъ и пожертвованномъ имъ въ Музей.

Во 2-ой отдѣлъ — копии съ рукописей и корректуры.

Отъ П. А. Висковатаго:

1. Копія съ текста «Юнкерской молитвы».
2. Копія съ тетради стихотвореній М. Ю. Лермонтова, поднесенной имъ своему учителю рисованія А. С. Солоницкому.
3. Копии съ разныхъ мелкихъ стихотвореній поэта изъ бумагъ, принадлежавшихъ г-жѣ Гегель, ур. Верещагиной.

Отъ О. П. Квиста:

4. Копія съ поэмы «Демонъ», списанная съ редакціи 1840 года и собственноручно исправленная поэтомъ.

5. Копія со стихотвореній «Монго» и «Петергофскій праздникъ».

Отъ С. А. Шульца:

6. Копія съ поэмы «Демонъ».
7. Копія и корректурный оттискъ двухъ писемъ М. Ю. Лермонтова къ его другу и товарищу С. А. Раевскому. Поступило отъ М. И. Семевскаго.
8. Копія съ письма поэта къ Ф. Опочинину.
9. Копія съ прозы «Панорама Москвы».
10. Копія съ поэмы «Черкесы».
11. Копія восьми стихотвореній поэта изъ альбома Сашеньки Верещагиной.
12. Копія аттестаціи М. Ю. Лермонтова объ его успѣхахъ въ четвертомъ классѣ университетскаго благороднаго пансіона.
13. Копии хранящихся въ Чертковской библіотекѣ: стихотворенія «Расписку просишь ты, гусаръ» и двухъ отрывковъ прозы.

Въ 3-й отдѣлъ — картины и рисунки работы М. Ю. Лермонтова:

1. Рисунокъ карандашомъ, набросанный поэтомъ. Пожертвованъ бывшимъ воспитанникомъ Школы кн. В. Н. Мансуровымъ.

2. Акварель поэта, изображающая рать древнихъ воиновъ. Пожертвовалъ А. Н. Мясоѣдовъ.

3. Черкесъ, держащій коня въ поводу, рисунокъ, сдѣланный карандашомъ и подаренный поэтомъ своему учителю рисованія А. С. Солоницкому.

4. «Предокъ Лерма», портретъ воображаемаго испанскаго герцога Лерма, нарисованный поэтомъ масляными красками А. А. Лопухину. Происхожденіе этого портрета крайне интересно и не совсѣмъ обычно. М. Ю. Лермонтовъ, прїѣзжая въ Москву, часто останавливался въ домѣ своего друга А. А. Лопухина. Постоянно мѣняя занятія, онъ со страстностью отдавался найденному дѣлу. Одно время онъ сильно увлеклся математикой и въ одинъ изъ прїѣздовъ въ Москву къ Лопухину онъ до поздней ночи безуспѣшно работалъ надъ рѣшеніемъ какой-то задачи. Не найдя рѣшенія, утомленный М. Ю. Лермонтовъ заснулъ. Во снѣ онъ увидѣлъ человѣка, подсказавшаго искомое рѣшеніе. Лермонтовъ проснулся и тотчасъ же записалъ его на доскѣ, а углемъ на штукатурной стѣнѣ комнаты нарисовалъ портретъ приснившагося ему лица. Утромъ Лопухинъ пришелъ разбудить Лермонтова, увидѣлъ нарисованное и услышалъ отъ поэта подробный рассказъ сна. А. А. Лопухинъ, желая сохранить это характерное изображеніе, приказалъ мастеру сдѣлать рамку со стекломъ вокругъ рисунка, но мастеръ оказался настолько неумѣлымъ, что при первомъ прикосновеніи штукатурка съ рисункомъ рассыпалась. Лопухинъ былъ въ отчаяніи, но Лермонтовъ его успокоилъ, обѣщавъ «эту рожу намалевать на полотнѣ». Черезъ нѣсколько времени онъ послалъ Лопухину нарисованный масляными красками поясной портретъ неизвѣстнаго человѣка, помогшаго поэту рѣшить задачу. Этотъ портретъ былъ переданъ А. А. Лопухинымъ сыномъ, бывшимъ питомцемъ Школы, Лермонтовскому музею.

Въ 4-ый отдѣлъ — официальные документы.

1. Патентъ, данный Михаилу Лермонтову на чинъ корнета. Пожертвовалъ П. А. Висковатовъ.

2. Грамота на дворянское достоинство Тульской губерніи, выданная отцу поэта Ю. П. Лермонтову. Даръ П. А. Висковатова.

3. Два подлинныхъ военно-судебныхъ дѣла: о первой дуэли Лермонтова съ французскимъ подданнымъ Барантомъ и о второй дуэли съ Мартыновымъ. Дѣла эти, съ разрѣшенія Военнаго Министра, переданы были на храненіе въ Музей Главнымъ Начальникомъ Военно-суднаго управленія, Свѣт. княземъ Имеретинскимъ.

4. Подлинное дѣло Штаба Отдѣльнаго Гвардейскаго корпуса о дуэли М. Ю. Лермонтова съ Барантомъ. Передано на храненіе въ музей съ разрѣшенія Командующаго войсками Гвардіи и С. Петербургскаго Военнаго Округа Великаго Князя Владиміра Александровича.

5. Подлинныхъ шесть дѣлъ.

6. Въ копіи 19 дѣлъ.

Всѣ эти дѣла изъ разныхъ архивовъ и учреждений. Между

ними особенно интересны дѣла: о стихахъ М. Ю. Лермонтова на смерть Пушкина; о переводѣ Лермонтова л.-гв. въ Гусарскій полкъ изъ л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка; о предоставленіи Лермонтова къ наградамъ за дѣло при Валерикѣ и за командованія казаками-охотниками во время похода въ Большую и Малую Чечню въ 1840 году; выписки изъ журналовъ военныхъ дѣйствій; о перевозкѣ тѣла М. Ю. Лермонтова изъ Пятигорска въ с. Тарханы.

Въ отдѣлѣ 5-ый — отдѣльныя изданія сочиненій Лермонтова. Приобрѣтено три экземпляра.

Въ отдѣлѣ 6-ой — журналы и сборники, въ которыхъ помѣщены сочиненія М. Ю. Лермонтова. Приобрѣтено отдѣльныхъ книгъ, журналовъ и газетъ 27 экземпляровъ.

Въ отдѣлѣ 7-ой — переводы сочиненій Лермонтова. Приобрѣтено книгъ и газетъ 11 экземпляровъ.

Въ отдѣлѣ 8-ой — отзывы о Лермонтовѣ и его произведеніяхъ. Приобрѣтено 240 экземпляровъ журналовъ и газетъ.

Въ отдѣлѣ 9-ый — портреты М. Ю. Лермонтова.

1. Официальный портретъ Лермонтова въ профиль, карандашный набросокъ, сдѣланный съ натуры на Кавказѣ барономъ Паленомъ. Даръ П. А. Висковатова.

2. Гравюръ-портретовъ поэта изъ разныхъ изданій 11 экземпляровъ, въ томъ числѣ фото-гравюра портрета Лермонтова, написаннаго А. И. Астафьевымъ и пожертвованная имъ музею.

Въ отдѣлѣ 10-ый — портреты родственниковъ поэта.

1. Двѣ фотографіи съ портрета А. А. Столыпина (Монго), даръ П. А. Висковатова.

2. Фотографія А. П. Шанъ-Гирея. Даръ его сына.

Въ отдѣлѣ 11-ый — портреты современниковъ М. Ю. Лермонтова:

1. Портретъ карандашомъ г-жи Е. А. Хвостовой. Пожертвовала ея дочь А. А. Милюкова.

2. Акварельный портретъ Н. И. Поливанова (Лафа). Даръ его сына В. Н. Поливанова.

3. Акварельный портретъ герцога Е. Виртембергскаго, служившаго вмѣстѣ съ Лермонтовымъ въ эскадронѣ л.-гв. Гусарскаго полка въ 1839—1842 годахъ. Пожертвованъ Е. И. В. Великой Княгиней Вѣрой Константиновной, герцогиней Виртембергской.

4. Акварель — Н. И. Бухаровъ. Пожертвовалъ Д. Н. Бухаровъ.

5. Акварель — ген.-лейт. А. В. Галафѣевъ. Даръ П. А. Висковатова.

6. Гравюра — князь В. Ф. Одоевскій.

7. Гравюра — А. П. Ермоловъ.

Въ отдѣлѣ 12-ый — рисунки и біографіи Лермонтова. Приобрѣтено 25 гравюръ и литографій изъ разныхъ изданій.

Въ отдѣль 13-ый — рисунки къ сочиненіямъ Лермонтова. Отъ художника М. Зичи 4 тетради оригинальныхъ зарисовокъ:

1. Этюды и эскизы къ различнымъ поэмамъ М. Ю. Лермонтова и мѣстамъ, имъ описаннымъ въ повѣсти «Княжна Мэри». Всего 96 эскизовъ.

2. Два оригинальныхъ неизданныхъ рисунка перомъ къ «Пѣснѣ о купцѣ Калашниковѣ» съ текстомъ художника М. Зичи.

Отъ С. А. Шульца:

3. Видъ города Пятигорска.

4. Нѣсколько гравюръ къ произведеніямъ поэта.

Отъ А. Ф. Маркса:

5. Нѣсколько гравюръ къ произведеніямъ М. Ю. Лермонтова.

6. Дѣло подъ Валерикомъ, гравюра. Даръ П. А. Ефремова.

7. Приобрѣтено 26 гравюръ и литографій изъ разныхъ изданій.

Въ отдѣль 15-й — проэекты памятниковъ М. Ю. Лермонтову: Поступило 28 проэектовъ памятниковъ М. Ю. Лермонтову, представленныхъ на бывшіе конкурсы по сооруженію памятника поэту въ Пятигорскѣ.

Въ отдѣль 16-ый — вещи, принадлежавшія М. Ю. Лермонтову:

1. Желѣзная палка М. Ю. Лермонтова, взятая послѣ кончины поэта полицеймейстеромъ г. Пятигорска подполк. Бетаки. Пожертвована полк. А. И. Ивановымъ.

2. Книжечка стихотвореній чешскаго поэта В. Ганка, подаренная Лермонтову.

3. Столъ М. Ю. Лермонтова съ ящикомъ изъ краснаго дерева, служившій поэту въ дѣтствѣ въ с. Тарханахъ. Пожертвовалъ П. Н. Журавлевъ.

4. Ногтевая щеточка изъ рога, принадлежавшая поэту. Пожертвовалъ П. А. Висковитовъ.

5. Портфель работы Е. А. Арсеньевой, подаренный при письмѣ М. Ю. Лермонтовымъ на память о частныхъ занятіяхъ по топографіи преподавателю Школы Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Кавалерійскихъ Юнкеровъ О. М. Пѣтухову. Пожертвовалъ вмѣстѣ съ письмомъ Е. А. Арсеньевой М. О. Пѣтуховъ.

Собранный матеріалъ не давалъ права считать поставленную задачу законченной. Въ послѣдующее время ставилось цѣлью продолженіе сбора всего, что связано было съ жизнью и творчествомъ одного изъ величайшихъ поэтовъ Россіи, гордости и славы Гвардейской Школы.

Послѣ захвата власти большевиками и прекращенія существованія Николаевскаго Кавалерійскаго Училища судьба «Лермонтовскаго Музея» намъ не известна, но по нѣкоторымъ даннымъ весь находившійся матеріалъ размѣщенъ по разнымъ отдѣламъ библіотекъ и по музеямъ.

К. Скуридинъ

Освященіе памятниковъ бывшимъ питомцамъ Н. К. У.

9 Мая въ день Училищнаго праздника послѣ литургіи въ 11½ час. утра въ училищной церкви протоіереемъ И. В. Еленевскимъ отслуженъ былъ молебенъ. Къ этому часу въ Училище прибыла Августѣйшій Президентъ Академіи Художествъ Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Павловна и бывшіе питомцы Училища. Походный Атаманъ Е. И. В. Великій Князь Борисъ Владиміровичъ и Е. В. Князь Гавріилъ Константиновичъ; представитель Главнаго Управленія Военно-Учебныхъ заведеній, Инспекторъ строительной части Генераль-лейтенантъ Н. А. Архангельскій; бывшіе питомцы Училища, Генераль-Адъютантъ Фулонъ, Начальникъ ремонта арміи Генераль-лейтенантъ Химецъ, Генераль-отъ-кавалеріи Ломачевскій, Свиты Г. М. Князь Багратіонъ Мухранскій, Г. М. Павловъ; Депутація отъ Терскаго Казачьяго войска, отъ Л. Гв. Литовскаго полка (тамъ и тутъ служилъ Слѣпцовъ), отъ Л. Гв. Преображенскаго полка (куда выпущенъ былъ въ 1856 году композиторъ Мусоргскій) и многіе бывшіе питомцы Училища.

Великую Княгиню и Князей встрѣтили на нижней площадкѣ лѣстницы Начальникъ Училища со старшими чинами; вахмистръ 1 эскадрона Пегелау и вахмистръ сотни Сережниковъ поднесли Великой Княгинѣ букетъ. У входа въ церковь Великую Княгиню встрѣтила супруга Начальника Училища, а на порогѣ храма духовенство съ Крестомъ и Св. водою. Великая Княгиня съ Князьями прошла на лѣвый клиросъ. Протоіерей отецъ Еленевскій произнесъ краткую проповѣдь и отслужилъ молебствіе. Въ церкви справа въ колоннѣ по 6-ти стоялъ 2-й эскадронъ, слѣва вторая полусотня, присутствующіе посрединѣ и въ глубинѣ. Слева за юнкерами стояли сестры милосердія и раненые изъ лазарета для раненыхъ нижнихъ чиновъ при Училищѣ въ память убитыхъ бывшихъ питомцевъ Школы.

По окончаніи молебна Великая Княгиня подошла къ сестрамъ и раненымъ, бесѣдовала съ ними, послѣ чего обошла среднюю площадку и по коридору прошла въ новый учебный залъ, гдѣ уже были накрыты покоемъ столы и въ центрѣ главнаго стола помѣщенъ былъ кубокъ, какъ спортивный переходящій призъ, пожалованный покойнымъ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, два года подрядъ (до войны) взятый смѣннымъ офицеромъ Училища шт. ротм. Эймелеусомъ-Эймья. Послѣ

этого Великая Княгиня и Князь вернулись на среднюю площадку, гдѣ изъ церкви къ этому времени показался крестный ходъ съ хоругвями, крестами, иконами и свѣчами. Августѣйшіе посетители и присутствующіе вышли вслѣдъ за духовенствомъ въ главныя двери и направились къ памятнику Лермонтова. Тѣмъ временемъ юнкера эскадрона и сотни, имѣя на правомъ флангѣ хоръ трубачей изъ юнкеровъ и передъ серединой фронта штандартъ (со штандартнымъ портупей юнкеромъ Долина-Иванскимъ), выстроились налѣво и направо отъ главнаго входа подъ общей командою Командира 1 эскадрона Ротмистра Левенца.

ФОТОГРАФИЯ И ВЪЗРОСЛЫХЪ ЮНКЕРОВЪ

Иллюстрація В. Лобачева.

Формы обмундирования:	Гвард.	Кавал.	Гвард.	Кавал.	Юнкера	Юнкера
	подпрап.	юнкера	подпрап.	юнкера	эскадрона	кавал. сотни (Донецъ, вольска).
	1838 г.		1850 г.		1882 г.	1890 г.

Передъ памятникомъ Лермонтова провозглашено было Царское многолѣтіе и вѣчная память рабамъ Божиимъ Михаилу, Николаю, Модесту и Петру, послѣ чего процессія двинулась къ памятнику Мусоргскаго, на который возложилъ лавровый вѣнокъ Солисть Его Величества Шаляпинъ, съ надписью на лентахъ: «Слава безсмертному Мусоргскому, — Шаляпинъ»; памятникъ былъ окропленъ Св. водою и затѣмъ черезъ ворота и Лермонтовскій проспектъ процессія прошла къ скверу передъ тиромъ, гдѣ освященъ былъ памятникъ Слѣпцову. Все время шелъ мелкій дождь. Процессія вернулась тѣмъ же путемъ въ садъ и подошла къ памятнику П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго, около котораго сгруппировалась вся семья покойнаго въ двухъ поколѣніяхъ. Ве-

ликая Княгиня и Князя бесѣдовали съ каждымъ изъ нихъ, послѣ чего процессія вошла въ подъѣздъ класснаго флигеля и въ новое помѣщеніе Музеевъ Лермонтовскаго и Историческаго, которые были освящены. Великая Княгиня въ сопровожденіи Начальника Училища, Великій Князь и Князь Гавріиль Константиновичъ въ сопровожденіи Хранителя Музеевъ Гвардіи полк. Граве обошли и осмотрѣли Музей, причемъ депутація отъ Л. Гв. Лиговскаго полка передала серебряный вѣнокъ Слѣпцову въ Музей. Августѣйшія особы расписались въ книгѣ посѣтителей, послѣ чего послѣдовали къ крыльцу главнаго входа. — Походный атаманъ поздоровался съ парадомъ, поздравилъ съ праздникомъ и провозгласилъ здравицу Государю Императору.

Начальникъ Училища прочелъ передъ фронтомъ телеграмму Государя Наслѣдника Цесаревича и провозгласилъ Ему здравицу.

Юнкера прошли одинъ разъ по-шести и удостоились благодарности. Великій Князь и Князь Гавріиль Константиновичъ со всеми приглашенными и юнкерами прошли въ новый учебный залъ, гдѣ состоялся традиціонный юнкерскій завтракъ, во время котораго игралъ струнный оркестръ Л. Гв. Волынскаго полка.

Великая Княгиня съ ближайшей свитой и старшими генералами завтракала въ квартирѣ Начальника Училища.

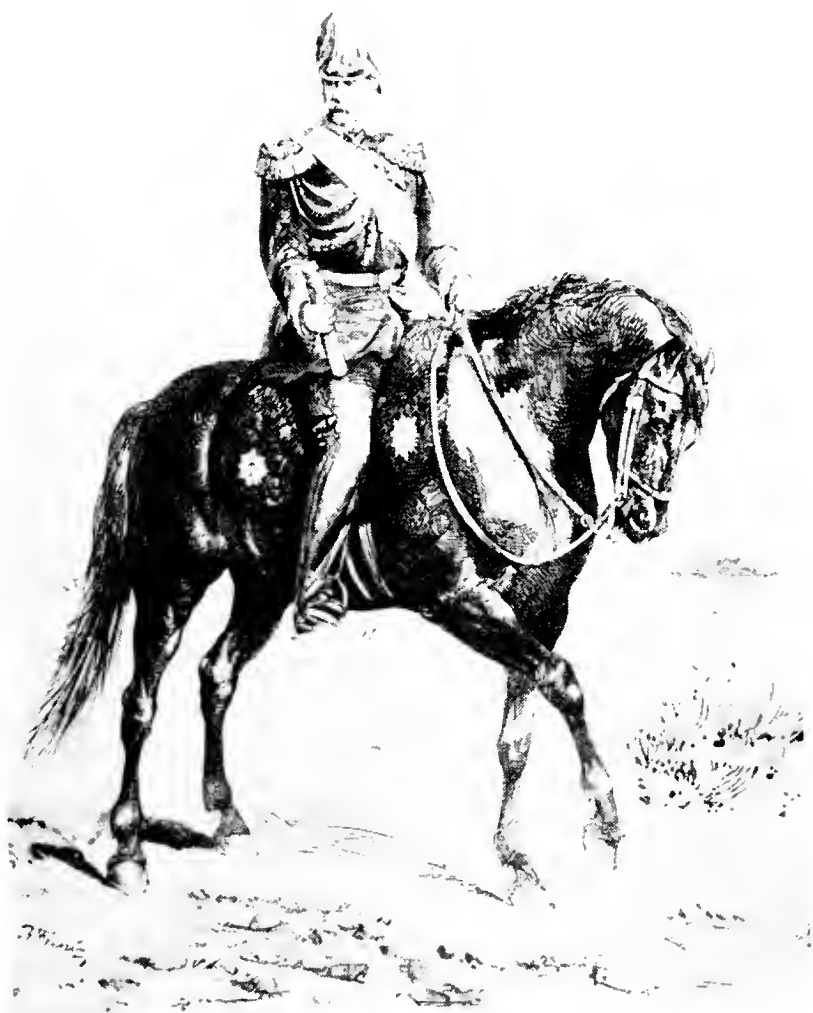
При отъѣздѣ Высочайшихъ Особъ юнкера выстроились шпалерами до воротъ и провожали отъѣзжающихъ криками «ура».

(Извѣстія Лермонтовскаго и Историческаго Музеевъ Н. К. У. № 1. 1916 годъ).

Выдающіеся воспитанники Училища.

Князь БАРЯТИНСКІЙ Александръ Ивановичъ.

(1814—1879)

Ген. фельдм., род. въ 1814 г. и на 17 году поступилъ въ Школу Гв. Подпр. и Кав. Юнкеровъ съ зачисленіемъ въ Кавалергардскій полкъ. 8 ноября 1833 г. произведенъ въ корнеты въ Лейбъ-Кирасирскій Его Выс. Насл. Цес. полкъ. Въ мартѣ 1835 г. ко-

мандированъ на Кавказъ. Въ декабрѣ 1835 г. награжденъ золотой саблею съ надписью «За храбрость». За дѣло 13 іюня 1845 г. награжденъ орденомъ св. Георгія 4 класса. Въ 1848 г. ген.-м. и зачисленъ въ Свиту Е. В. 6 янв. 1853 г. ген.-ад. 24 іюля 1854 г. участвовалъ въ побѣдѣ при Кюрукъ-Дара и пожалованъ орд. св. Георгія 3 класса. 26 августа 1856 г. произведенъ въ ген.-отъ-инф. За успѣхи въ Дагестанѣ пожалованъ орд. св. Георгія 2 класса и св. Андрея Первозваннаго съ «мечами». Въ 1859 г. фельдмарш. и Кабардинскій пѣх. п. названъ полкомъ Кн. Барятинскаго. Въ 1871 г. зачисленъ л. гв. въ Кирасирскій Ея В. полкъ. Шефъ 2-го Стрѣлк. б-на. Императоръ Германскій назначилъ шефомъ гусарскаго № 14 полка герм. арміи. Помимо многочисленныхъ русскихъ орденовъ и различныхъ знаковъ отличій былъ кавалеромъ 14 иностранныхъ орденовъ. Умеръ въ Женевѣ на 48 году службы (1879 г.).

СЛѢПЦОВЪ Николай Павловичъ.

(1815—1851)

Ген.-маіоръ, вып. 1837 г. л. гв. въ Литовскій полкъ. Въ 1840 г. перешелъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Въ 1845 г. командиръ Сунженскаго каз. полка. За выдающуюся храбрость получилъ нѣсколько орденовъ и «золотую саблю». Ген.-маіоръ въ 1850 г.

10 декабря 1851 года былъ убитъ пулею въ дѣлѣ въ Гехинскомъ ущельѣ. Императоръ Николай I Высочайшимъ приказомъ отъ 29 дек. 1851 года повелѣлъ въ память ген.-м. Слѣпцова, сформировавшаго Сунженскій каз. полкъ и постоянно водившаго его къ побѣдамъ, станицу Сунженскую, въ которой расположена штабъ-квартира полка, именовать СЛѢПЦОВСКОЙ.

СКОБЕЛЕВЪ Дмитрій Ивановичъ.

(1821—1880)

Выпуска изъ Школы 1840 г. въ Кавалергардскій Ея Величества полкъ. Въ 1853 г. ротмистръ. Командовалъ л. гв. Коннымъ полкомъ и Собств. Е. И. В. Конвоемъ. Въ 1860 г. ген. маіоръ, въ 1869 г. — ген. лейт. Въ 1876 при Вел. Кн. Николаѣ Николаевичѣ въ Дунайской арміи. На Шипкѣ велъ колонну войскъ изъ 9 пѣх. дивизіи. За отличіе въ Русско-турецкую войну 1877—78 гг. награжденъ орд. св. Георгія 4 и 3 ст.

«Бѣлый генералъ» Мих. Дм. СКОБЕЛЕВЪ въ Школѣ не воспитывался. Прим. ред.

Князь ДОНДУКОВЪ-КОРСАКОВЪ Александръ Михайловичъ.

(1820—1893)

Окончилъ СПБ университетъ, выпуска изъ Школы 1842 г. въ лейбъ-Кирасирскій Наслѣдника Цесаревича п. Съ 1844 по 1848 гг. на Кавказѣ, гдѣ былъ дважды раненъ. Въ 1848 г. переведенъ л. гв. въ Гусарскій полкъ и произведенъ въ полковники въ 1849 году. Въ 1853 г. переведенъ въ Нижегородскій драг. полкъ, которымъ командовалъ съ 1855 г. Съ полкомъ участвовалъ въ войнѣ на Кавказѣ, былъ раненъ, награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 ст. Съ 1860 до 1863 г. былъ начальникомъ Штаба Войска Донского.

Около 5 лѣтъ былъ въ отставкѣ. Въ 1869 г. пожалованъ генералъ-адъютантомъ и назначенъ Кіевскимъ, Волынскимъ и Подольскимъ ген. губернаторомъ. Въ войну 1877—78 гг. командовалъ 13 арм. корпусомъ, а въ 1878 г. по отъѣздѣ Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича принялъ начальство надъ Восточнымъ отрядомъ. Въ 1878 г. произведенъ въ ген.-отъ-кавалеріи и назначенъ Императорскимъ Россійскимъ комисса-

ромъ въ Болгаріи и командиромъ русскаго оккупационнаго корпуса тамъ. Организоваль правленіе страны и болгарскую армію. Въ 1880—1882 гг. былъ губернаторомъ въ Харьковѣ и Одессѣ, а съ 1882 по 1890 г. — главноначальствующимъ на Кавказѣ и командующимъ войсками Кавк. воен. округа. Съ 1890 г. — членъ Государственнаго Совѣта.

СЕМЕНОВЪ-ТЯНЪ-ШАНСКІЙ Петръ Петровичъ.

(1825—1914)

П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій окончилъ нашу Школу въ 1845 году, 18 выпускъ и выпущенъ коллежскимъ секретаремъ изъ унтеръ-офицеровъ роты.

Онъ былъ замѣчательнымъ географомъ и путешественникомъ. Первымъ изъ европейцевъ онъ проникъ въ труднодоступныя области Центрального Тянь-Шана и установилъ, что рѣка Чу не впадаетъ въ озеро Иссыкъ-Куль, открылъ истоки рѣкъ Нарына и Сарыджазъ, вторую по высотѣ Тяньшанскую вершину Ханъ-Тенгри, огромные ледники, покрывающіе ея склоны. Болѣе 40 лѣтъ Семеновъ-Тянь-Шанскій

руководилъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ и былъ кавалеромъ Императорскаго Ордена Св. Андрея Первозваннаго.

Скончался въ 1914 году.

*

*

*

МУСОРГСКІЙ Модестъ Петровичъ.

М. П. Мусоргскій произведенъ изъ нашей Школы въ 1856 г., 29 выпускъ, л. гв. въ Преображенскій полкъ. Черезъ два года онъ вышелъ въ отставку и всецѣло посвятилъ себя музыкѣ. Въ обществѣ Даргомыжскаго, Балакирева, Стасова и Кюи, составившихъ такъ называемую «Могучую кучку», Мусоргскій продолжалъ развивать свой талантъ. Кромѣ его оперъ «Борисъ Годуновъ», «Хованщина» и «Сорочинская ярмарка» Мусоргскій создалъ симфоническую картину «Иванова ночь на Лысой горѣ» и не окончилъ оперъ «Женитьба» и «Саламбо». Его музыкальному генію

мы обязаны также рядомъ «народныхъ картинокъ» и сатирическихъ произведеній, равно какъ и известнымъ фортепіаннымъ цикломъ «Картинки выставки».

М. П. Мусоргскій скончался въ С. Петербургѣ 16 марта 1881 г.

ОСТРОГРАДСКІЙ Всеволодъ.

Генераль-Инспекторъ Кавалеріи, ген.-отъ-кав., вып. 1864 г. л. гв. въ Гродненскій гусарскій полкъ.

1880—1884 — ком. 5 гус. Александрійскаго полка;

1884—1892 — ком. л. гв. Гродненскаго гус. полка;

1892 — ком. 1 бриг. 2 гв. кав. дивизіи;

1892—1895 — нач. 5 кав. дивизіи;

1895—1901 — нач. 2 гвардейской кав. дивизіи;

1901—1905 — пом. ген. инсп. кавалеріи;

1905—1917 — Ген. Инспекторъ Кавалеріи.

СУХОМЛИНОВЪ Николай.

Ген. лейт., Оренбургскій наказ. Атаманъ, вып. 1868 г. л. гв. въ Уланскій Его Величества полкъ.

1890—1897 — ком. эск. Никол. Кав. Училища.

1903—1909 — ком. 1 бриг. 9 кав. дивизіи.

1909—1911 — Нач. 9 кав. дивизіи.

СУХОМЛИНОВЪ Владиміръ.

Ген. Адъютантъ, ген. отъ кавалеріи, Военный Министръ, вып. 1867 г. л. гв. въ Уланскій Его Величества полкъ.

1884—1886 — Ком. 6 л. др. Павлоградскаго полка.

1886—1897 — Нач. Офиц. кавалер. Школы.

1897—1899 — Нач. 10 кав. дивизіи.

1904—1908 — Ком. войск. Кіевскаго военнаго округа.

1908—1909 — Нач. Генер. Штаба.

1910—1917 — Военный Министръ.

ПЛЕВЕ Павелъ.

Ген. отъ кавалеріи, Членъ Гос. Совѣта, вып. 1870 г. л. гв. въ Уланскій Его Величества полкъ.

1890—1893 — Ком. 12 др. Мариупольскаго полка.

1895—1899 — Начальникъ Николаевскаго Кавалер. Училища.

1901—1905 — Начальникъ штаба Войска Донскаго.

1905—1906 — Командиръ 13 арм. корпуса.

1906—1909 — Пом. ком. войсками Виленскаго воен. округа.

1909—1914 — Ком. войсками Московскаго военнаго округа.

1914—1915 — Команд. Арміей.

1915 — Главнокомандующій Сѣверо-Зап. фронтомъ.

МИЛЛЕРЪ Евгений.

Ген. лейт., вахм. выпуска 1886 г. л. гв. въ Гусарскій Его Величества полкъ.

1907—1909 — Ком. 7 гус. Бѣлорусскаго полка.

1910—1912 — Начальникъ Ник. Кавалерійскаго Училища.

Главнокомандующій Сѣверной Арміей въ гражданскую войну.

ПАВЛОВЪ Александръ.

Ген. лейт., вып. 1887 г. л. гв. въ Гусарскій Его Величества полкъ.

1903—1907 — Ком. 1 Нерч. п. Забайкальскаго казачьяго войска.

1907—1910 — Ком. л. гв. Уланскаго Ея Величества полка.

Командиръ Коннаго Корпуса въ Добровольческой Арміи.

Баронъ МАННЕРГЕЙМЪ Карлъ-Густавъ Карловичъ.

(1867—1951)

Окончилъ Гельсингфорскій лицей, выпуска изъ Школы 1889 г. въ 15 др. Александрійскій полкъ съ прикомандированіемъ къ Кавалергардскому полку. Командиромъ эскадрона Офицерской Кавалерійской Школы 1903 г.; въ кампанію 1904—05 гг. въ 52 др. Нѣжинскомъ полку; командиромъ л. гв. Уланскаго Его Величества полка 1911 г. Свиты Его Величества генераль-маіоромъ 1912; начальникомъ Отдѣльной Гвардейской кавалерійской бригады 1913 г.; ген. лейтенантомъ и начальникомъ 12 кав. дивизіи 1915 г.; Командиромъ 6 кав. корпуса 1917 г.; покинулъ русскую службу въ 1917 году.

Главнокомандующій сухопутными и морскими силами Финляндіи 1918 г.; ген.-отъ-кав. 1918 г.; Правителемъ Финляндіи 1918—1919 г.; Предсѣдателемъ Совѣта Оборонаы съ 1931 года; Фельдмаршаломъ съ 1931 г.; Президентомъ республики 1944—1946 гг. Гроссмейстеръ финляндскаго ордена Бѣлой Розы.

Совершилъ военно-политическую экспедицію длиною 14 000 км. верхомъ изъ рус. Туркестана черезъ кит. Туркестанъ, Кажу, Шензи и Шанси въ Пекинъ въ 1906—1908 гг.

Командовалъ финскими войсками въ трехъ войнахъ. Въ 1959 году фельдм. Маннергейму поставленъ памятникъ въ видѣ конной статуи на одной изъ площадей Гельсингфорса.

БОГАЕВСКІЙ Африканъ, Донской Атаманъ, вып. 1892 года.
УЛАГАЙ Сергѣй, Начальникъ Кубанской див., вып. 1897 года.
ДУТОВЪ Александръ, Оренбургскій Атаманъ, вып. 1899 года.
НАУМЕНКО Вячеславъ, Кубанскій Атаманъ, вып. 1903 года.
ШКУРО Андрей, командиръ Кубанскаго корпуса, вып. 1907 года.
БАБИЕВЪ Николай, начальникъ Кубанской дивизіи, вып. 1908 г.
АГОЕВЪ Константинъ, Терскій Атаманъ, вып. 1909 года.

Братья Панаевы.

Приказъ по Николаевскому Кавалерійскому Училищу

отъ 5 апрѣля 1916 г.

§ 2.

Объявляю съ гордостью и счастливымъ радостнымъ чувствомъ ВЫСОЧАЙШІЙ Рескриптъ на имя Военнаго Министра.

«Въ нынѣшнюю великую войну наша армія явила нескончаемый рядъ примѣровъ высокой доблести, неустрашимости и геройскихъ подвиговъ, какъ цѣлыхъ частей, такъ и отдѣльныхъ лицъ.

Особое Мое вниманіе привлекла геройская смерть трехъ братьевъ Панаевыхъ, офицеровъ 12-го гусарскаго Ахтырскаго генерала Дениса Давыдова, нынѣ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ полка ротмистровъ Бориса и Льва и штабсъ-ротмистра Гурія, доблестно павшихъ на полѣ брани.

Братья Панаевы, проникнутые глубокимъ сознаниемъ святости данной ими присяги, безстрашно исполнили свой долгъ до конца и отдали жизнь свою за Царя и Родину.

Всѣ три брата награждены орденомъ Св. Георгія 4-ой степени, и ихъ смерть въ открытомъ бою является завиднымъ удѣломъ воиновъ, ставшихъ грудью на защиту Меня и Отечества.

Такое правильное пониманіе своего долга братьями Панаевыми всецѣло отношу къ ихъ матери, воспитавшей своихъ сыновей въ духѣ беззавѣтной любви и преданности къ Престолу и Родинѣ.

Сознаніе, что дѣти ея честно и мужественно исполнили долгъ свой, да наполнить гордостью материнское сердце и поможетъ ей стойко перенести ниспосланное свыше испытаніе.

Признавая за благо отмѣтить заслуги передо Мною и Отечествомъ вдовы полковника Вѣры Николаевны Панаевой, воспитавшей героевъ сыновей, жалую ея, въ соотвѣтствіи со ст. 8-ю статута знака отличія Св. Равноапостольной княгини Ольги, симъ знакомъ 2-й степени и пожизненной ежегодной пенсіей въ 3000 рублей.

Пребываю къ Вамъ благосклонный.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано: «НИКОЛАЙ». Въ Царской Ставке, 2 апрѣля 1916 года».

Братья Борисъ и Левъ Панаевы были питомцами нашей Школы, и Училище съ удовлетворенной гордостью и благодарнымъ благоговѣйнымъ чувствомъ воспринимаетъ чудныя слова и прекрасную мысль Царскаго Рескрипта.

Предписываю Рескриптъ этотъ немедленно цѣликомъ записать на мраморную доску и помѣстить таковую въ новомъ учебномъ залѣ Училища.

Фотографическая копія подлиннаго рескрипта, присланная изъ Главнаго Штаба, помѣщена въ витринѣ Историческаго Музея.

Скульпторъ В. В. Лишевъ работаетъ надъ бронзовымъ барельефомъ братьевъ Панаевыхъ. Посрединѣ въ одеждѣ боярыни стоитъ В. Н. Панаева и держитъ въ рукахъ трехстворный образъ и три меча, которыми она благословляетъ склонившихся передъ нею трехъ сыновей своихъ въ образѣ древнерусскихъ витязей.

Въ Историческомъ Музеѣ Училища, въ особой «Панаевской витринѣ», помѣщены реликвіи, относящіяся къ покойнымъ братьямъ: бинокль, бывшій въ бою на Левѣ Панаевѣ, пробитый пулею, золотое оружіе его, клинокъ котораго былъ подаренъ ему юнкерами его смѣны, портреты, записныя книжки Бориса, мелкія воспоминанія о нихъ, а въ Георгіевской галлерей помѣщены ихъ портреты.

*Подлинный подписалъ
Генералъ-маіоръ Марзенко*

П Р И К А З Ъ

1-му Армейскому Корпусу.

№ 524.

2 августа 1921 года.

Гор. Галлиполи.

Объявляю приказъ Главнокомандующаго Русской Арміей отъ 19 іюля с. г. за № 281.

П Р И К А З Ъ

Главнокомандующаго Русской Арміей.

№ 281.

19 іюля 1921 года.

Яхта «Лукулль».

§ 1.

Кавалерійскому Училищу именоваться впредь «Николаевскимъ Кавалерійскимъ Училищемъ» съ присвоеніемъ формы одежды послѣдняго.

§ 2.

Славное НИКОЛАЕВСКОЕ КАВАЛЕРІЙСКОЕ УЧИЛИЩЕ дало нашей великой Родинѣ не одно поколѣніе блестящихъ кавалерійскихъ начальниковъ и неутомимыхъ истыхъ труженниковъ, превыше всего любящихъ свою Родину и высоко ставящихъ честь своей части и личную.

Имена беззавѣтно храбрыхъ РЫЦАРЕЙ долга и чести, БРАТЪЕВЪ ПАНАЕВЫХЪ, должны быть памятны каждому кавалеристу.

Увѣренъ, что старыя завѣты долга и безпредѣльной любви къ РОДИНѢ «СЛАВНОЙ ШКОЛЫ» будутъ въ сердцѣ каждаго офицера и юнкера возстановленнаго НИКОЛАЕВСКАГО КАВАЛЕРІЙСКАГО УЧИЛИЩА и двинуть ихъ на славный подвигъ во имя НАШЕЙ истерзанной ОТЧИЗНЫ, ЕЯ СЛАВЫ И ВЕЛИЧІЯ.

Подлинный подписалъ

Генералъ ВРАНГЕЛЬ

Поздравляя славное Кавалерійское Училище съ присвоеніемъ ему историческаго наименованія «НИКОЛАЕВСКОЕ», я убѣжденъ, что каждый офицеръ и каждый юнкеръ оправдаетъ надежды, возлагаемыя на нихъ РОДИНОЙ и ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМЪ.

Подлинный подписалъ

Генералъ-отъ-инфантеріи КУТЕПОВЪ

Николаевское Кавалерійское Училище въ Югославіи.

9 декабря 1921 года, послѣ годового пребыванія въ Галлиполи на скудномъ французскомъ пайкѣ, Николаевское Кавалерійское Училище погрузилось на пароходъ «Керсундъ» для слѣдованія въ Югославію. 12 декабря эшелоны Училища прибыли на станцію Джевждели для дальнѣйшаго слѣдованія въ г. Бѣлая Церковь въ провинці Банатъ. Въ этомъ городѣ уже находился Донской дѣвичій институтъ и много русскихъ бѣженцевъ. Училищу были отведены сербскія казармы «Короля Александра», заново отремонтированныя, но совершенно пустыя. Зданіе находилось за городомъ рядомъ съ большими казармами «Короля Милана». Начались энергичныя работы по устройству нормальныхъ жизненныхъ условій.

Радовались всѣ, и офицеры и юнкера. Да какъ было и не радоваться: три года гражданской войны въ условіяхъ невѣроятныхъ трудностей какъ физическаго, такъ и моральнаго значенія и послѣ всего этого — цѣлый годъ въ Галлиполи въ полной неизвѣстности о дальнѣйшемъ, къ тому же, на полуголодномъ положеніи.

Постепенно жизнь наладилась и начались занятія. Было получено новое обмундированіе изъ складовъ Главнаго Командованія, юнкера стали заказывать въ городѣ у сапожниковъ красивые сапоги, русскія дамы охотно принимали заказы на гимнастерки и бриджи. Очень скоро всѣ юнкера имѣли видъ достойный юнкера Гвардейской Школы, конечно, не временъ славнаго Императорскаго періода, но все же обращающій на себя взоры какъ институтокъ, такъ и мѣстныхъ дѣвицъ.

Для полноты описанія Школы и ея жизни, долженъ вернуть вниманіе читателя снова къ Галлиполійскому сидѣнію. Въ первыхъ числахъ августа 1921 года Кавалерійская дивизія генерала Барбовича начала погрузку для отправки на пограничную службу въ Югославію. И вотъ неожиданно въ эти дни я получилъ приказъ о назначеніи для усиленія штата въ Николаевское Кавалерійское Училище. Жалко было разставаться съ офицерами и гусарами родного мнѣ Бѣлорусскаго гусарскаго Императора Александра I полка, но одновременно и радостно было на душѣ отъ

этого назначенія. Кто изъ кавалерійскихъ офицеровъ не остается на всю жизнь глубоко и нѣжно преданнымъ своей Школѣ? Окончивъ Южную Школу — Елисаветградское Кавалерійское Училище — полвѣка тому назадъ, я до сихъ поръ помню каждую мелочь быта и службы въ немъ, неизгладимыя и прекрасныя воспоминанія живутъ въ моей душѣ. А теперь, служба смѣннымъ офицеромъ въ Гвардейской Школѣ, хоть и за рубежомъ Россіи, наполняла гордостью все мое существо.

Начальникъ Училища ген. штаба ген.-лейт. Говоровъ, выслушавъ мой рапортъ, приказалъ мнѣ вступить въ командованіе полуэскадронъ изъ вольноопредѣляющихся, прибывшихъ изъ покидающихъ Галлиполи полковъ. Полуэскадронъ временно оставался въ лагерѣ въ ожиданіи отъѣзда пѣхотной дивизіи въ Болгарію. Черезъ мѣсяцъ мы присоединились къ Училищу, которое располагалось въ портовыхъ блокгаузахъ въ городѣ Галлиполи. Моихъ юнкеровъ разбили по эскадронамъ, а я получилъ назначеніе во 2 эскадронъ. Здѣсь я узналъ, что Инспекторомъ классовъ былъ ген. Линицкій, въ 1916 году бывший начальникомъ штаба нашей 7 кавалерійской дивизіи. Произошла радостная встрѣча. Командиромъ дивизіона былъ 10 уланскаго Одесскаго полка полковникъ Синегубъ, бывший Николаевецъ, прекрасный наѣздникъ, окончившій Офицерскую Кавалерійскую Школу, съ виду очень суровый, но доброй души человекъ и глубоко порядочный во всѣхъ отношеніяхъ. Послѣ расформированія Школы онъ былъ старшимъ инструкторомъ въ Сербской офицерской кавалерійской школѣ въ г. Нишѣ, гдѣ пользовался общимъ уваженіемъ.

Командиромъ 1 эскадрона былъ 9 драг. Казанскаго полка подполковникъ кн. Шаховской, обладавшій свирѣпой внѣшностью и громовымъ голосомъ, вспыльчивый, но добрый по натурѣ.

2 эскадронъ командовалъ 4 драгунскаго Новотроицко-Екатеринославскаго полка полк. Горчаниновъ, — хорошій наѣздникъ, опытный строевой офицеръ, нѣсколько раздражительный, благодаря своей болѣзни. Онъ окончилъ Тверское Училище въ одинъ годъ съ ген. Говоровымъ, Начальникомъ Училища.

Смѣнными офицерами на взводахъ были почти все штабъ-офицеры, но молодые по лѣтамъ и производства гражданской войны. Большинство изъ нихъ было много разъ ранено и они прошли боевую подготовку на протяженіи шести лѣтъ Великой и Гражданской войнъ.

Въ 1 эскадронѣ несли службу: 15 улан. Татарскаго полка подполковникъ Сухачевъ, 10 гус. Ингерманландскаго полка полковникъ Цѣшковскій, 10 ул. Одесскаго полка подполк. Корниловъ, 7 гус. Бѣлорусскаго полка подполк. Стафіевскій и 9 драг. Казанскаго полка подполк. Бергелесъ.

Во 2 эскадронѣ служили: 18 гус. Нѣжинскаго полка полк. Ле-

вандовскій, 10 улан. Одесскаго полка полк. Патаридзе, 6 драг. Глуховскаго полка подполк. Гусаковъ и 7 улан. Ольвіопольскаго полка подполковникъ Рожновъ.

Особымъ взводомъ эстандартъ-юнкеровъ командовалъ 13 драг. Военнаго Ордена полка полк. Гейцыгъ.

Вслѣдствіе сложности довольствія юнкеровъ, была установлена должность завѣдующаго, которую занималъ 13 гус. Нарвскаго полка подп. Магденко.

Гимнастику, фехтованіе и разные виды спорта преподавалъ подполк. Фирсовскій и его помощникомъ былъ шт. ротм. Петъ, оба 10 ул. Одесскаго полка.

Адъютантомъ Училища былъ 6 гус. Клястицкаго полка ротм. Фрейманъ, а казначеемъ — 5 драг. Каргопольскаго полка ротм. Фрейманъ, его братъ.

Завѣдовалъ хозяйствомъ 4 драг. Новотроицкаго-Екатеринославскаго полка подполк. баронъ Толь, а Помощникомъ Инспектора классовъ былъ ген. шт. подполк. Козубскій, въ прошломъ офицеръ 4 гус. Маріупольскаго полка.

Всѣ эти офицеры были строевые, прошедшіе боевую школу двухъ войнъ и видѣвшіе славное время Имперіи и ужасы революціи. Всѣ они были непримиримыми врагами совѣтской власти. О педагогическомъ составѣ рѣчь будетъ позже, такъ какъ онъ былъ сформированъ окончательно уже въ Югославіи.

Жизнь Училища въ Галлиполи протекала въ нелегкихъ условіяхъ, какъ для офицеровъ, такъ и для юнкеровъ и поэтому понятна та радость, когда Школа погрузилась на «Керасундъ» и навсегда покинула Галлиполи.

Благодаря исключительному отношенію Короля Александра къ русскимъ, очень скоро какъ командный составъ, такъ и юнкера почувствовали себя въ полномъ смыслѣ равноправными съ населеніемъ страны, а большое количество русскихъ, проживавшихъ въ Бѣлой Церкви, дало нашимъ юнкерамъ возможность проводить отпускные дни въ семейной обстановкѣ у своихъ знакомыхъ. Это было очень существенно, такъ какъ юнкера были молодыми людьми, оторванными революціей отъ своихъ семей, они естественно скучали по семьямъ, а не мало было и такихъ, которые сильно тосковали.

Очень скоро, благодаря общимъ стараніямъ, Училище стало во всѣхъ отношеніяхъ образцовой воинской частью. По приказанію Начальника Училища мнѣ было поручено пріобрѣсти инструменты для хора трубачей. Взявъ съ собой двухъ юнкеровъ, я объѣхалъ нѣсколько городовъ, которые раньше были въ составѣ Австро-Венгріи. Тамъ въ музыкальныхъ магазинахъ и у частныхъ лицъ мнѣ удалось пріобрѣсти нужные инструменты. Среди юнкеровъ нашлись музыканты и былъ составленъ хоръ труба-

чей. А когда приѣхалъ бывшій капельмейстеръ Александрійскаго гусарскаго полка и занялся хоромъ, то очень скоро трубачи стали предметомъ вниманія всего города.

Когда по улицамъ города проходили эскадроны или команды юнкеровъ, то нельзя было не любоваться ихъ видомъ, — красивая форма, алыя безкозырки, шашки на бѣлыхъ портупеляхъ, при хорошей строевой выправкѣ, — все это вмѣстѣ взятое создавало красивую картину, которой даже мы, смѣнные офицеры, любовались и гордились. Каждый эскадронъ и взводы, безъ вызова пѣсенниковъ впередъ, могли пѣть на маршѣ и притомъ очень хорошо.

Командный составъ офицеровъ былъ изъ окончившихъ одно изъ трехъ кавалерійскихъ училищъ. Это давало нѣкоторыя преимущества, такъ какъ юнкера отъ своихъ офицеровъ получали свѣдѣнія о жизни и традиціяхъ Гвардейской, Южной и Сѣверной Школъ. Такимъ образомъ, каждый могъ дѣлать выводы и брать лучшее отъ каждой для своего усовершенствованія. За рѣдкимъ исключеніемъ, всѣ офицеры относились снисходительно къ «цуку», который, конечно, существовалъ и регламентировался юнкерами, которые были въ кавалерійскихъ училищахъ въ Россіи и не успѣли ихъ окончить. Были и «корнетскіе комитеты».

Долженъ сказать, что мнѣ не пришлось наблюдать или слышать о формѣ цука, носившей оскорбительный или изнурительный характеръ. Мое личное мнѣніе, — цукъ приносилъ несомнѣнную пользу: изъ увальней въ короткій срокъ дѣлались отчетливые, изящные по выправкѣ и манерамъ юнкера.

Среди офицеровъ отношенія были самыми дружескими внѣ службы и строго оффиціальными на службѣ. Дисциплинированность, выправка, соблюденіе положеннаго по уставамъ, были на должной высотѣ и являлись примѣромъ для юнкеровъ. Три смѣнныхъ офицера жили въ казармахъ съ юнкерами, наблюдая за порядкомъ и правильнымъ несеніемъ внутренней службы. Конечно, дежурный офицеръ и весь суточный нарядъ изъ юнкеровъ само собою былъ и несъ свою положенную службу.

Надо отдать должное этимъ юнымъ, русской славы, воинамъ. Потерявъ все, буквально все, семью, родныхъ, надежды о своей личной жизни, — они не потеряли вѣры въ свой долгъ служенія вѣрой и правдой Россіи. Не связанные ничѣмъ, кромѣ своего добровольнаго желанія, они переносили необычайныя лишенія въ годы гражданской войны, болѣзни, раненія, — безнадежность будущаго, — и все это не лишило ихъ желанія остаться подъ знаменами никѣмъ не признаваемой Русской Арміи въ изгнаніи.

Вспоминая годы, проведенные среди этихъ «нищихъ рыцарей», я не могу не склонить свою сѣдую нынѣ голову въ знакъ признанія ихъ русской доблести.

По прибытіи Училища въ Бѣлую Церковь составъ юнкеровъ пополнился кадетами, окончившими курсъ Сараевскаго, Крымскаго и Донскаго корпусовъ, находившихся тоже въ Югославіи. Всѣ они были зачислены на младшій курсъ и съ этого времени оба курса были укомплектованы и начались регулярныя занятія.

Въ первые годы послѣ оставленія Русской Арміей героически защищавшагося ею Крыма, — большое количество русскихъ военныхъ и штатскихъ сосредоточилось въ гостепріимной Югославіи. Среди нихъ оказалось не мало старшихъ чиновъ съ крупными именами большихъ военныхъ авторитетовъ. Благодаря этому, Николаевское Кавалерійское Училище, прибывъ въ Бѣлую Церковь, уже черезъ короткій срокъ имѣло блестящій педагогическій составъ. Въ большинствѣ это были генералы генеральнаго штаба, съ большимъ служебнымъ стажемъ. Особенное вниманіе обращалъ на себя широко извѣстный Ген. шт. Ген. лейт. Карцевъ, знаменитый Командиръ 5 гусарскаго Александрійскаго полка. Японская война принесла ему почетное званіе «бога войны», которое крѣпко утвердилось и осталось съ нимъ до конца его дней. Здѣсь былъ и ген. Мальцевъ, профессоръ Артиллерійской Академіи, извѣстный своими трудами, а также генералы Эрнъ, Поповъ и другіе. Были также и изъ причисленныхъ къ генеральному штабу молодые штабъ-офицеры полковники Слезкинъ, Козубскій, Петельчицъ, Фрейманъ. Вотъ примѣрный перечень предметовъ и преподавателей: Русскій языкъ и литература — полк. Яценко-Борзаковскій. Военная исторія — ген. Эрнъ, ген. Говоровъ. Тактика — ген. Биковскій. Военная географія — ген. Карцевъ. Военная администрація — полк. Фадѣевъ. Артиллерія — ген. Мальцевъ. Топографія — полк. Ряснянскій. Военная психологія — ген. Линицкій, ген. лейт. Римскій-Корсаковъ. Военное законодѣніе — полк. Лосевъ. Иппологія — вет. врачъ Шиллеръ. Конно-саперное дѣло — полк. Базаревичъ. Французскій языкъ — ген. Поповъ, полк. гр. Гейденъ. Гимнастика и фехтованіе — полк. Фирсовскій, ротм. Педь.

Объ ихъ заслугахъ и трудахъ по образованію юнкеровъ, думаю, что судить должны они сами, мы же, строевые офицеры, изъ бесѣдъ съ ними получили много интересныхъ и цѣнныхъ указаній.

Въ утренніе часы до обѣда, какъ и раньше въ училищахъ, читались лекціи, а послѣ обѣда были строевыя занятія. Къ сожалѣнію, Училище не имѣло конскаго состава и это, конечно, было большимъ минусомъ въ дѣлѣ подготовки юнкеровъ. Юнкера, прибывшіе изъ полковъ, прошли курсъ ѣзды въ боевой обстановкѣ, но изъ кадетскихъ корпусовъ многіе не имѣли представленія о верховой ѣздѣ. Рядомъ съ Училищемъ, въ казармѣ «Короля Петра», былъ расквартированъ дивизионъ 4 кавалерійскаго полка

Югославской арміи. Но кромѣ вольтижировочныхъ коней, лишь иногда Училище получало лошадей подѣ хорѣ трубачей. Причиной этого было все еще не налаженное послѣ войны фуражное довольствіе.

Вѣ Училищѣ былѣ прекрасный хорѣ пѣвчихъ, который пѣлѣ вѣ церкви, создавая своимѣ пѣніемѣ особенное торжественное молитвенное настроеніе. Кромѣ того, хорѣ имѣлѣ обширный репертуарѣ свѣтскаго пѣнія и его концерты пользовались громаднымѣ успѣхомѣ среди русскихъ и сербовѣ.

Балѣ, данный Училищемѣ вѣ частномѣ залѣ «Бургѣ», произвелѣ на мѣстное населеніе большое впечатлѣніе. Ихѣ удивило то, что входѣ былѣ по пригласительнымѣ билетамѣ, а не за плату, какѣ здѣсь было принято. Не менѣе удивлены были мѣстные приглашенные также тѣмѣ, что мороженое, пирожные, сладости и прохладительные напитки можно было получать вѣ кіоскахѣ безплатно.

Но такія развлечения бывали рѣдко. Жизнь юнкеровѣ проходила вѣ занятіяхѣ и строевой подготовкѣ. Дисциплина была очень строгой, проступки и упущенія по службѣ не оставлялись безѣ взысканія. Коридоры вѣ эскадронныхѣ помѣщеніяхѣ вѣ послѣслужебное время наполнялись иногда весьма длинными шеренгами юнкеровѣ, стоящихѣ «подѣ шашкой». Дежурные офицеры честно несли службу и навѣрно не разѣ насѣ вспоминали недобрымѣ словомѣ тѣ, изѣ кого мы хотѣли сдѣлать блестящихѣ кавалерійскихѣ офицеровѣ.

Незамѣтно прошелѣ годѣ и подошло время производства старшаго курса вѣ корнеты. Корнетѣ — какое чарующее слово, сколько еще неизвѣданныхѣ жизненныхѣ прелестей и достиженій по службѣ сулитѣ оно счастливому обладателю этого чина. День производства былѣ назначенѣ на 4 ноября 1922 года.

Наканунѣ прибылѣ вѣ Бѣлую Церковь ген. лейт. Е. К. Миллерѣ, бывшій Начальникѣ Училища и вахмистрѣ эскадрона, вѣ послѣдствіи Главнокомандующій Сѣверной Арміей противѣ большевиковѣ. Вѣ его портфель лежала судьба 120 юнкеровѣ, ожидающихѣ производства вѣ офицеры — приказѣ Главнокомандующаго Генерала Врангеля. Мнѣ было приказано замѣнить больного адъютанта и приготовить хорѣ трубачей для участія вѣ церемоніи производства вѣ конномѣ строю. Я спросилѣ Начальника Училища, какой играть гимнѣ, послѣдній при мнѣ спросилѣ объ этомѣ ген. Миллера, который не задумываясь отвѣтилѣ: «Гимнѣ у насѣ только одинѣ — «Боже, Царя храни».

На другой день, 4 ноября 1922 года, послѣ молебствія, состоялась церемонія производства и затѣмѣ парадный обѣдѣ вѣ честь произведенныхѣ вѣ корнеты, на которомѣ присутствовалѣ ген. Миллерѣ и пріѣхавшіе сѣ нимѣ штабные и сербскіе офицеры во

главѣ съ маіоромъ Тодоровичемъ, начальникомъ гарнизона. Черезъ нѣкоторое время молодые корнеты разѣхались по своимъ полкамъ, находившимся на службѣ по охранѣ границъ Югославіи, а съ границъ стали прибывать изъ полковъ въ Училище для поступленія на младшій курсъ добровольцы со среднимъ образованіемъ, а также кадеты изъ корпусовъ.

Неожиданно пришло распоряженіе о переводѣ Училища изъ казармъ въ новое помѣщеніе въ городѣ. Встрѣчено это было офицерами и юнкерами съ удовольствіемъ, такъ какъ помѣщеніе было болѣе удобно и уютно, а кромѣ того, въ хорошей части города. При царившемъ въ Училищѣ порядкѣ и дисциплинѣ, потребовалось немного времени, чтобы все устроить и начать нормальную жизнь. Мнѣ приказано было, какъ и раньше, жить въ стѣнахъ Школы.

Постепенно начались приготовленія къ празднованію столѣтняго юбилея Училища, основаннаго въ 1823 году. Намѣчалась обширная программа торжествъ, ожидался приѣздъ Генерала Врангеля, Донского Атамана ген. Богаевского, Начальника Кавалерійской дивизіи ген. Барбовича, его Начальника Штаба генерала Крейтера и многихъ бывшихъ юнкеровъ Училища и гостей. Рѣшено было пригласить на балъ институтокъ Донского и Харьковскаго институтовъ, послѣднихъ классовъ. Харьковскій институтъ находился въ гор. Турски Бечей.

Туда я однажды на балъ возилъ 50 юнкеровъ. Поѣздка эта была большимъ развлеченіемъ. Балъ былъ блестяще организованъ и буквально кипѣлъ весельемъ. Кромѣ того, кормили насъ эти два дня пребыванія въ институтѣ прямо на убой. И когда команда «танцоровъ» покидала институтъ съ лихимъ пѣніемъ «Ѣдутъ, поютъ юнкера Гвардейской Школы» . . . не одна, думаю, дѣвчья головка съ грустью склонилась, опечаленная столь быстрой разлукой.

Теперь, когда я вспоминаю тѣ годы, годы надежды, вѣры въ скорое уничтоженіе коммунизма на родной землѣ, проходившіе почти что въ обычной русской обстановкѣ, то все это представляется сказкой. Кароль Александръ, скромно, незамѣтно сдѣлалъ жизнь многихъ десятковъ тысячъ русскихъ людей, покинувшихъ свою родину, въ условіяхъ которой, этой жизни, страшныя душевныя переживанія постепенно залѣчивались. Каждый изъ насъ до конца дней своихъ долженъ помнить, чѣмъ мы обязаны Генералу Врангелю и благородному Королю Александру.

Въ заботахъ повседневной службы дни летѣли быстро и незамѣтно приближалось время юбилейныхъ торжествъ, назначенныхъ на 9 мая 1923 года, — день Школьнаго праздника. Вотъ уже надъ главнымъ входомъ водрузился красиво исполненный плакатъ: «И были вѣчными друзьями солдатъ, корнетъ и гене-

ралъ». Во внутреннемъ дворѣ соорудили площадку, обвитую яркой зеленью. На передней, покатой стѣнкѣ площадки были выложены изъ бѣлаго камня даты 1823—1923, а между ними вензеля Императоровъ Александра I и Николая II. Въ саду на видномъ мѣстѣ бросался въ глаза большого размѣра училищный нагрудный знакъ, мастерски исполненный изъ глины и позолоченный. Усиленно шла подготовка къ гимнастическому празднику, который былъ назначенъ на второй день торжества, а вечеромъ въ этотъ день предстоялъ балъ въ городскомъ залѣ «Бургъ». Заботъ всемъ хватало. Каждый офицеръ, каждый юнкеръ и каждый солдатъ команды имѣли ту или иную нагрузку.

Однако, занятія и служба продолжались въ обычномъ порядкѣ. Строевое начальство старалось до мельчайшихъ деталей устранить все дефекты выправки, исполненія приемовъ съ холоднымъ оружіемъ и винтовками и довести развернутый фронтъ эскадрона на мѣстѣ и на маршѣ до полной безупречности. Надо сказать, что было много юнкеровъ, строевая подготовка которыхъ была доведена до совершенства. Я до сихъ поръ съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю смѣну старшаго курса моего Лермонтовскаго взвода, второго, 1 эскадрона.

**2-й Лермонтовскій взводъ 1 эскадрона
Николаевскаго Кавалерійскаго Училища
въ г. Бѣлая Церковь, Югославія, 1923 годъ.**

Слѣва направо:

Верхній рядъ: Володиміровъ, Багровъ, Богомольць,
Лаговойкой, Лонгиновъ.

Средній рядъ: Тимченко, Ширенглеvesкій, подп. Ста-
фіевскій, Скрябинъ, Стацевичъ Александръ.

Нижній рядъ: Стацевичъ Георгій, Черноглазовъ,
де Боккаръ.

Къ глубокому сожалѣнію, вмѣсто того, чтобы отдать свои силы и знанія на служеніе Вѣрѣ, Престолу и Отечеству въ славныхъ полкахъ Императорской конницы, имъ, надѣвшимъ корнетскіе погоны, пришлось взяться за кирки и лопаты. Но и здѣсь они показали себя достойными сынами своей великой родины — Россіи.

*
* *
*

Необходимо включить въ этотъ очеркъ два событія, которыя произошли почти одновременно.

22 марта 1922 года Главнокомандующій Генераль Врангель посѣтилъ наше Училище. Его пріѣздъ вызвалъ среди населенія города большое оживленіе и любопытство. Мнѣ лично пришлось слышать отъ жителей, что даже посѣщеніе города Императоромъ Францемъ-Іосифомъ и Императоромъ Карломъ не было такъ торжественно обставлено, какъ Генерала Врангеля. Уже задолго до прибытія спеціального поѣзда вокзалъ былъ очищенъ отъ публики. Передъ выходомъ на площади былъ выстроенъ почетный караулъ отъ Училища. Всѣ окна и двери домовъ на улицахъ, по которымъ долженъ былъ прослѣдовать Генераль Врангель, по распоряженію мѣстныхъ властей были закрыты. Подъѣзды и ворота наблюдались юнкерами съ заряженными винтовками, по улицамъ ходили патрули. Правительство боялось покушенія.

Въ назначенное время прибылъ поѣздъ. Немедленно изъ него выгрузилась рота сербскихъ жандармовъ и заняла вокзалъ и окружающій его раіонъ. Главнокомандующій былъ встрѣченъ Начальникомъ Училища, Начальникомъ гарнизона и мѣстными властями. Генераль Врангель, выслушавъ рапортъ командира, поздоровался съ почетнымъ карауломъ, послѣ чего караулъ въ строю по шести прошелъ церемоніальнымъ маршемъ. Затѣмъ былъ поданъ пароконный экипажъ 4-го кавалерійскаго полка Сербской арміи, въ которомъ Главнокомандующій отбылъ въ Училище. Въ этотъ день стояла прекрасная погода и царило особенное оживленіе не только среди русскихъ, но и у мѣстныхъ жителей.

Въ этотъ день рано утромъ скончался проживавшій въ Училищѣ ген. лейт. С. П. Зыковъ. Гробъ съ тѣломъ покойнаго былъ перенесенъ въ церковь и у гроба днемъ стояли парные часовые юнкера, а ночью офицеры.

Генераль Врангель посѣтилъ лекціи, занятія, осмотрѣлъ помѣщенія эскадроновъ, неоднократно бесѣдовалъ съ юнкерами и офицерами. Онъ присутствовалъ на банкетѣ, устроенномъ мѣстной русской колоніей и на слѣдующій день отбылъ въ г. Панчево, гдѣ находился штабъ Кавалерійской дивизіи ген. Барбовича. Въ день отъѣзда Генерала Врангеля изъ г. Панчево въ г. Бѣлградъ серб-

скіе офицеры пригласили его въ гарнизонное собраніе и когда чествованіе закончилось, на рукахъ черезъ весь городъ отнесли его на пароходъ.

26 марта состоялись торжественныя похороны ген. Зыкова при громадномъ стеченіи народа. Николаевское Кавалерійское Училище въ полномъ составѣ съ трубачами сопровождало гробъ покойнаго. Подъ звуки «Коль славенъ» и ружейные залпы гробъ съ покойнымъ генераломъ Зыковымъ, кавалеромъ ордена Св. Георгія Побѣдоносца 4-й и 3-й степени, медленно опустился въ могилу. Все было кончено . . . Церемонія погребенія произвела на мѣстное населеніе сильное впечатлѣніе.

*

* * *

Какъ уже раньше было сказано, въ Училищѣ царило возбужденіе и все было направлено на подготовку къ столѣтнему юбилею и стремленію «не ударить лицомъ въ грязь» и показать Гвардейскую Школу во всемъ блескѣ даже при столь необыкновенномъ положеніи, находясь внѣ Россіи.

Начало юбилейныхъ торжествъ было назначено на 9 мая, въ день училищнаго праздника. Уже за нѣсколько дней до 9 мая стали прибывать гости — бывшіе юнкера Школы. Желающіе размѣщались въ отведенныхъ помѣщеніяхъ Училища и зачислялись на довольствіе. 8 мая прибылъ Генералъ Врангель со своей свитой и былъ, какъ и въ прошлый разъ, торжественно встрѣченъ на вокзалѣ. Прибыли также Донской Атаманъ ген. Богаевскій, генералъ Барбовичъ, ген. Крейтеръ и многіе другіе.

9 мая послѣ Божественной литургіи въ церкви, на военномъ плацу Генералъ Врангель принималъ парадъ, на которомъ присутствовали всѣ гости, сербскіе офицеры гарнизона, многіе прибывшіе делегаты отъ организацій и институтки Донского и Харьковскаго институтовъ. Послѣ парада на внутреннемъ плацу Начальникъ Училища принималъ поздравленія, подарки и адреса отъ различныхъ организацій. Кавалерійская дивизія поднесла большую красивую братину. Вечеромъ былъ балъ въ городскомъ залѣ, который прошелъ очень весело и затянулся далеко за полночь.

На другой день состоялся гимнастическій праздникъ. Работа на снарядахъ вызвала немало восторга, особенно со стороны институтокъ и кадетъ Крымскаго корпуса. Воспользовавшись положеніемъ ординарца отъ Училища при Генералѣ Врангелѣ, накануне ночью, подождавъ, когда Генералъ остался одинъ, я рискнулъ попросить его о производствѣ юнкера моей смѣны А. Стацевича въ младшіе портупей-юнкера. Послѣдовалъ удивленный вопросъ Генерала: «Какъ же это можно сдѣлать?» — Разказавъ

все подробно, я предложил воспользоваться гимнастическим праздником, на котором Стацевичъ обратитъ на себя вниманіе, какъ отличный гимнастъ. Генералъ Врангель засмѣялся и сказалъ: «Ну, хорошо, только покажите его мнѣ во-время».

Стацевичъ нашивки получилъ. Командиръ эскадрона и дивизиона старались убѣдить меня, что это дѣло моихъ рукъ, но я оставался глухъ и нѣмъ.

Торжества закончились, гости разъѣхались и Училище снова погрузилось въ изученіе науки, какъ побѣждать враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Въ это время внѣшній видъ юнкеровъ былъ и по выправкѣ и по однообразію обмундированія на должной высотѣ. Лѣтомъ всѣ были въ бѣлыхъ гимнастеркахъ, красиво сшитыхъ мѣстными русскими дамами, зимой — въ защитныхъ. Жители города между собой называли юнкеровъ «црвена капа», по цвѣту безкозырки. Выходить въ городъ юнкера были обязаны при холодномъ оружій, при шашкѣ, офицеры — также, кромѣ того съ револьверами.

Вскорѣ Начальникъ Училища ген. Говоровъ былъ уволенъ въ отставку и въ командованіе Школой временно вступилъ генералъ-маіоръ Линицкій. Занятія шли ускореннымъ темпомъ. День производства въ офицеры 2-го выпуска былъ назначенъ на 12 іюля 1923 года. Старшій курсъ имѣлъ нелегкую задачу — позаботиться о формѣ своего полка. Правда, это сводилось главнымъ образомъ къ офицерской фуражкѣ и погонамъ. Однако и это было дѣломъ довольно труднымъ, такъ какъ при разнообразіи цвѣтовъ кавалерійской формы, не всѣ цвѣта можно было достать въ Югославіи. Какъ и всегда раньше, выходящіе во 2-ой лейбъ-драгунскій Псковскій Е. И. В. Государыни Императрицы Маріи Феодоровны полкъ, къ нашему общему удивленію, не были забыты Вдовствующей Императрицей и получили нужное сукно для околыша фуражки и другихъ надобностей. Каждый годъ въ день Тезоименитства Государыни Маріи Феодоровны совершался молебенъ и парадъ съ участіемъ полнаго состава Училища.

Въ общемъ, жизнь въ Школѣ кипѣла. Но было одно обстоятельство, которое заставляло задуматься о судьбѣ будущихъ корнетовъ. Дѣло въ томъ, что предстояла полная реорганизація пограничной стражи, въ составѣ которой несли службу кадры почти всѣхъ кавалерійскихъ полковъ. Дальнѣйшій приѣмъ былъ прекращенъ и всталъ вопросъ, какъ и куда устроить производимыхъ въ офицеры. Главное Командованіе позаботилось и выходъ былъ найденъ. Предлагалось всѣмъ, кто можетъ устроить свою жизнь самостоятельно, поступленіе въ высшія учебныя заведенія въ Прагѣ, на правительственную стипендію, или въ составѣ офицерскаго эскадрона отправиться на работы по постройкѣ дороги

Кральево-Рашка. Всѣ вздохнули свободнѣй, зная, что не будутъ брошены на произволъ судьбы.

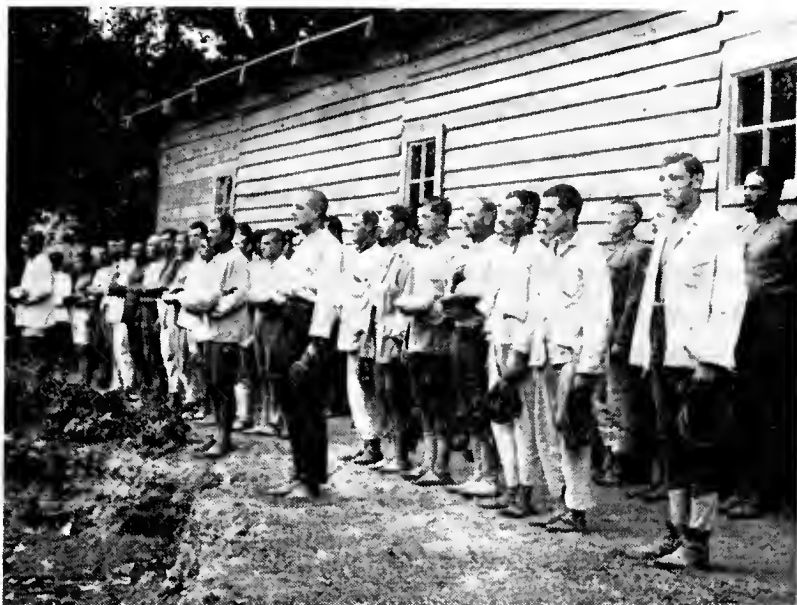
Наконецъ насталъ желанный день — 12 іюля 1923 года. Молодежь, парадъ, церемонія производства въ корнеты старшаго курса, вечеромъ — традиціонный выпускной балъ, танцы, веселье. Дальнѣйшій пріемъ въ Училище былъ прекращенъ, слѣдующій выпускъ долженъ былъ быть третій и послѣдній. Судьба общеобразовательнаго курса оставалась пока нерѣшенной. Этотъ курсъ былъ основанъ, такъ какъ часть добровольцевъ изъ полковъ не имѣла средняго образованія. Произведеннымъ корнетамъ былъ данъ отпускъ до выясненія дня отъѣзда на работы.

16 іюля было получено приказаніе ген. Барбовича о сформированіи Офицерскаго эскадрона изъ корнетовъ выпуска 12 іюля 1923 года и солдатъ нестроевой команды, оставшихся за штатомъ Училища. Командиромъ Офицерскаго эскадрона былъ назначенъ подполк. Стафіевскій, которому было приказано явиться въ штабъ дивизіи въ г. Панчево. Прибывъ въ Панчево, я явился къ ген. Барбовичу, который мнѣ далъ инструкціи служебнаго характера и письмо къ главному инженеру строительной фирмы Слободчикову. Контора фирмы находилась въ г. Кральево, куда я и отправился. Инженеръ Слободчиковъ оказался милѣйшимъ человекомъ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ на обѣдъ, во время котораго я познакомился съ типомъ предстоящихъ работъ, организаціей жизни, оплатой труда и другими деталями. Послѣ обѣда въ автомобилѣ мы отправились на 11-й километръ къ начальнику работъ этого раіона инженеру Липскому. Липскій оказался тоже очень милымъ человекомъ съ широкимъ размахомъ бывшихъ русскихъ инженеровъ. Тамъ мнѣ показали только что построенный баракъ, на берегу горной, быстрой рѣчки съ порогами. Переговорили о всѣхъ подробностяхъ работы, оплаты и жизненныхъ условій. Поужинали у Липскаго, который насъ угостилъ прекраснымъ мѣстнымъ розовымъ виномъ.

Возвратившись въ Панчево, я доложилъ подробно ген. Барбовичу, который тутъ же отдалъ распоряженіе эскадрону именоваться «Офицерскимъ эскадронѣмъ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища» и приказалъ безъ задержки везти эскадронъ въ городъ Кральево по желѣзной дорогѣ.

19 іюля произошло трогательное прощаніе съ г. г. офицерами и юнкерами, а на другой день мы покинули навсегда славную Гвардейскую Школу. Воспоминаніе о прожитыхъ годахъ въ Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ на зарѣ, какъ оказалось, цѣлаго полвѣка эмиграціи, настолько запечатлѣлись въ моей памяти, что я пишу этотъ очеркъ, не имѣя совершенно никакого матеріала въ своемъ распоряженіи, а только исключительно по памяти. Въ силу этого покорнѣйше прошу меня великодушно про-

стить, если я кого-либо забылъ упомянуть или пропустилъ какое-либо событіе, а возможно и ошибся въ послѣдовательности и точности изложенія всего происходившаго въ Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ въ г. Бѣлая Церковь въ Югославіи.

Николаевское Кав. Училище въ Югославіи.
Офицерскій эскадронъ выпуска 1923 года на
работахъ. Вечерняя молитва.

Прибывъ въ г. Кралеево, Офицерскій эскадронъ Н. К. У. производилъ земляныя работы, а также строилъ мосты и знаменитую подпорную стѣну изъ гранита на 11-мъ километрѣ отъ гор. Кралеево. Молодые, жизнерадостные, закаленные суровой жизнью корнеты быстро втянулись въ работу, набили себѣ основательные мускулы и загорѣли до черно-синяго цвѣта. Взятый изъ Бѣлой Церкви поварь, кубанскій казакъ, кормилъ насъ вкусными борщами. Въ котелъ каждый день отправлялся цѣлый баранъ, хлѣбъ былъ бѣлый, прекрасно выпеченный и очень вкусный. Въ общемъ, не жизнь, а малина. Рѣка была въ 100 метрахъ отъ барака, купались по нѣскольку разъ въ день. Упражнялись на параллельныхъ брусьяхъ и турникѣ. И опять я долженъ воздать должное моимъ подчиненнымъ, какъ корнетамъ, такъ и солдатамъ. Въ эскадронѣ царила дисциплина, порядокъ, взаимное уваженіе и братская выручка болѣе слабыхъ при исполненіи работъ. Иногда устраивались и пиры съ застольными пѣснями. Изъ Бѣлграда получали газеты и журналы, посѣщали городъ Кралеево, гдѣ проживало нѣсколько русскихъ семействъ.

*

* *

1 сентября 1923 года состоялось производство послѣдняго старшаго курса въ корнеты, а общеобразовательнаго курса — въ унтеръ-офицеры съ правомъ производства въ офицерскій чинъ по удостоенію начальства. Послѣ этого весь составъ Училища прибылъ 9 сентября въ г. Кральево на работы. Первый эскадронъ сталъ на семнадцатомъ километрѣ, а второй — на тридцать пятомъ. Начальникомъ Училища былъ назначенъ ген. м. Чекатовскій, штабъ Училища размѣстился въ самомъ городѣ Кральево.

Въ сравнительно тяжелыхъ условіяхъ прошла зима 1923—1924 года. Бараки были легкаго сооруженія, натопить ихъ было трудно, теплаго обмундированія не было, да къ тому же и работы шли съ большими перерывами. Крыши стали протекать, дожди чередовались съ морозами, скоро половина пола моей комнаты покрылась льдомъ, — пришлось перебраться на сухую половину.

И, тѣмъ не менѣе, настроеніе оставалось хорошимъ, смѣялись, пѣли. Основательная группа, въ томъ числѣ и я, продолжали купанье до самаго Рождества Христова; никто не заболѣлъ, а наоборотъ, всѣ закалились и окрѣпли. Наступала весна, а съ ней и надежды, какъ каждый годъ, о походѣ или десантѣ для уничтоженія большевиковъ въ Россіи. Прошелъ слухъ, что всѣ офицеры и нижніе чины 1-го и 2-го Сводныхъ кавалерійскихъ полковъ откомандировываются въ свои части, а также что въ ближайшее время также будутъ откомандированы корнеты 3-го и 4-го кав. полковъ. 14 мая 1924 года и я получилъ предписаніе отправиться съ группой корнетовъ въ свой 2-й кавалерійскій полкъ и 24 мая, сдавъ эскадронъ полковнику Гейцыгъ и распрощавшись со всѣми, на этотъ разъ уже навсегда, я покинулъ Николаевское Кавалерійское Училище, которое очень скоро затѣмъ было совершенно расформированно, а архивъ и имущество отправлено въ штабъ Кавалерійской дивизіи въ г. Панчево.

Въ заключеніе долженъ сказать, что въ этомъ очеркѣ я не называлъ фамилій юнкеровъ и не касался ихъ личной жизни, такъ какъ въ Памяткѣ, вѣроятно, этой темой займутся сами бывшіе юнкера того времени. Я прекрасно помню вахмистровъ, портупей-юнкеровъ и юнкеровъ всѣхъ трехъ выпусковъ, среди которыхъ было много выдающихся своими военными качествами. Ихъ непоколебимая преданность Вѣрѣ, Престолу и Отечеству не вызывало сомнѣнія и можно съ увѣренностью сказать, сложись судьба Россіи по-другому, русская конница въ ихъ лицѣ имѣла бы прекрасныхъ офицеровъ, закаленныхъ въ горнилѣ невѣдомыхъ до революціи испытаній.

А. Стафіевскій

ПРИКАЗЪ ШТАБА ГЕНЕРАЛА ВРАНГЕЛЯ.

29 мая 1923 г.

№ 03211.

Сремски Карловци,

Югославія.

9/22 мая Николаевское Кавалерійское Училище праздновало свой 100-лѣтній юбилей. Разбросанные по всему свѣту бывшіе питомцы «Славной Школы» горячо откликнулись на праздникъ родного Училища, и не одну сотню телеграммъ прислали въ Бѣлую Церковь тѣ изъ нихъ, кто по дальности разстоянія не могъ пріѣхать и провести въ родной семьѣ этотъ дорогой для каждого Николаевца день. 8/21 мая наканунѣ праздника, послѣ съѣзда старыхъ питомцевъ Школы, коихъ было свыше 50 человекъ, въ училищной церкви послѣ всенощной была отслужена панихида по Императорамъ Александрѣ I, Николаѣ I, Александрѣ II, Александрѣ III, Николаѣ II и всѣмъ питомцамъ Училища, павшимъ на полѣ брани, въ крамолѣ убіеннымъ и умершимъ.

Около 12 час. ночи въ Бѣлую Церковь прибылъ Генераль Врангель. Съ вокзала ген. Врангель отправился въ Училище, помѣщеніе котораго и садъ красиво были убраны и освѣщены разноцвѣтными фонарями. У входа стояли два юнкера въ парадныхъ, историческихъ формахъ Училища, а у помѣщенія, отведеннаго для Главнокомандующаго, прекрасно подобранные парные часовые. Не мало было потрачено трудовъ, не мало было проявлено творчества и искусства г. г. офицерами и юнкерами Училища, чтобы привести все въ тотъ блестящій видъ, въ которомъ Училище было представлено въ день юбилея. Одновременно съ генераломъ Врангелемъ на юбилей прибыло много гостей и депутація Харьковскаго дѣвичьяго института изъ Турскаго Бечея во главѣ съ его начальницей Н. А. Неклюдовой.

9/22 мая въ 9 час. утра въ училищной церкви была отслужена Божественная литургія, на которой присутствовалъ ген. Врангель, старые Николаевцы, многочисленные гости и представительницы двухъ дѣвичьихъ институтовъ, Маріинскаго Донского и Маріинскаго Харьковскаго. За обѣдней пѣлъ прекрасный хоръ юнкеровъ.

Въ 11 часовъ дивизионъ юнкеровъ былъ построенъ на громадномъ плацу противъ казармъ Короля Александра, лѣвѣе стояли старые Николаевцы подъ командой старѣйшаго изъ нихъ ген. лейт. Здановича, выпуска 1868 года. Среди старыхъ питомцевъ Школы были и представители братской намъ по крови и духу Сербской арміи: полковникъ Христочъ, выпуска 1876 года, маіоръ Симичъ и другіе. Далѣе стояли гости и среди нихъ представители

мѣстнаго гарнизона и администраціи, неизмѣнно съ рѣдкимъ вниманіемъ и симпатіей относящіеся къ Училищу, а также сербскіе летчики-офицеры, прилетѣвшіе на праздникъ на 4 аэропланахъ; лѣвѣе гостей тянулись голубые и малиновые ряды институтокъ, а затѣмъ кадетъ Крымскаго кадетскаго корпуса, который замыкалъ четырехугольникъ.

Генераль Врангель обошелъ строй, поздоровался съ юнкерами и поздравилъ ихъ съ праздникомъ. Затѣмъ былъ отслуженъ молебенъ, послѣ чего начался церемоніальный маршъ. Впереди юнкеровъ проходили повзводно старые Николаевцы, причемъ передъ первымъ взводомъ шелъ ген. лейт. Здановичъ, а передъ вторымъ — полк. Христочъ. Юнкера прошли прекрасно и лихо отвѣтили Главнокомандующему на его благодарность за отличный парадъ. Послѣ церемоніальнаго марша ген. Врангель еще разъ поздравилъ Училище съ 100-лѣтнимъ юбилеемъ, указавъ на заслуги Училища передъ Царемъ и Родиной и благословилъ юнкеровъ иконой, поднесенной ему въ 1920 году въ Мелитополѣ населеніемъ Сѣверной Тавріи, провозгласивъ «Ура» славному Николаевскому Училищу. Начальникъ Училища прочиталъ передъ строемъ «распоряженіе» генерала Врангеля:

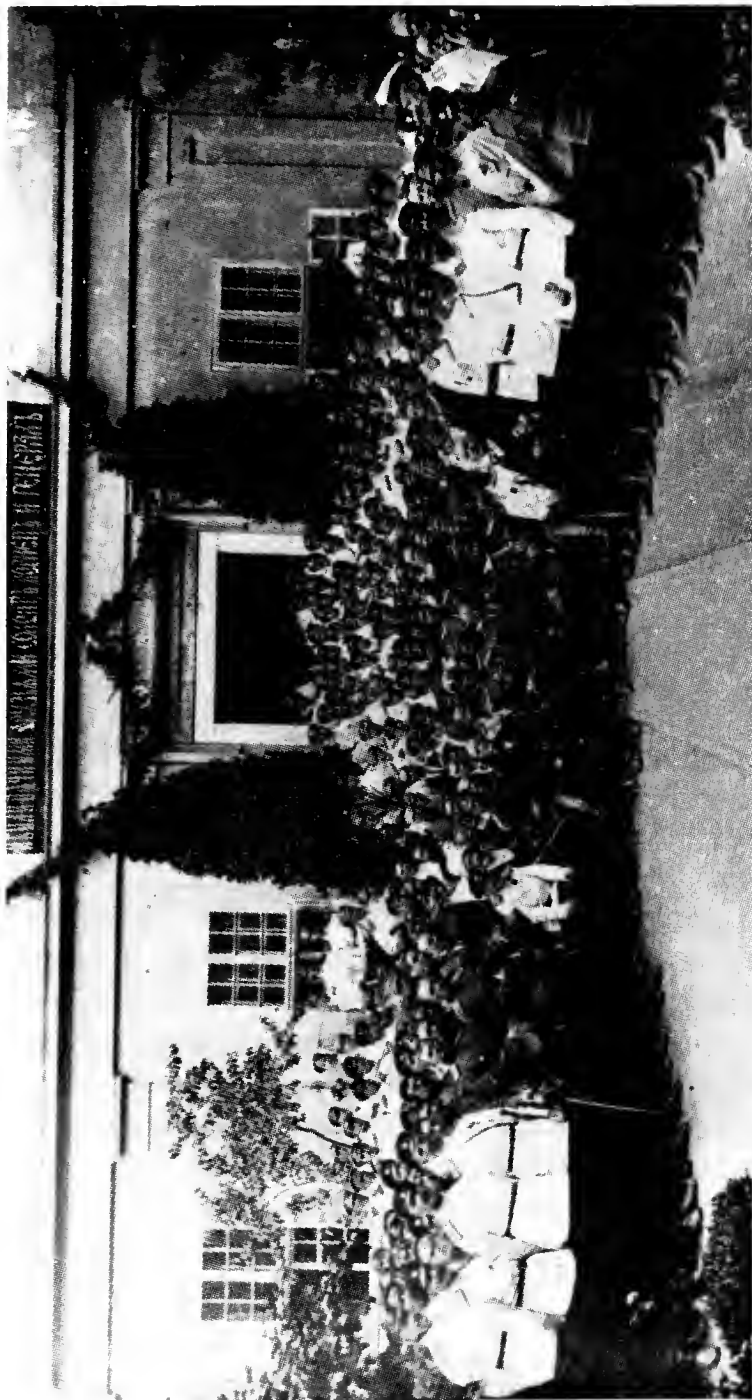
«Сегодня Николаевское Кавалерійское Училище празднуетъ свой столѣтній юбилей. Сто лѣтъ подрядъ питомцы Славной Школы пополняли ряды бессмертной Русской конницы. Сколько славныхъ дѣлъ, сколько яркихъ страницъ русской исторіи связано съ ихъ именами. Великая Россія наша разорена и обезчещена. Русская Армія — въ изгнаніи, но живъ русскій духъ въ ея рядахъ. Свято донесемъ его до родной земли. Возстанетъ Русь, воскреснетъ Великая Армія, непобѣдимая Русская конница; ея ряды, какъ и встарь, пополнятся питомцами Славной Школы, потомками тѣхъ, кто кровью вписалъ свое имя въ исторію Русской Земли.

Славному Николаевскому Училищу «Ура»!»

Прочитавъ приказъ, ген. лейт. Говоровъ провозгласилъ «Ура» въ честь Главнокомандующаго. Пропустивъ еще разъ юнкеровъ, ген. Врангель благодарилъ ихъ за блестящій парадъ и отправился затѣмъ въ Училище, гдѣ снялся въ общей группѣ со старыми Николаевцами, гостями и юнкерами.

Въ 13 часовъ дивизионъ юнкеровъ былъ построенъ на площадкѣ передъ Училищемъ. Ген. Врангель провозгласилъ «Ура» во славу и возрожденіе Россіи, послѣ чего началось поднесеніе подарковъ и адресовъ депутаціями, прибывшими на юбилей. Ген. лейт. Барбовичъ и ген. м. Крейтеръ поднесли Училищу отъ Кавалерійской дивизіи художественной работы серебряную братину. Старые питомцы Славной Школы — Общество бывшихъ юнкеровъ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища въ лицѣ ген. лейт. Здановича, полк. кн. Андронникова и майора Симича, благослови-

ли Училище иконой Св. Георгія Побѣдоносца. Отъ Крымскаго кадетскаго корпуса прочиталь адресъ Директоръ его ген. лейт. Римскій-Корсаковъ, отъ Бѣлоцерковскаго подотдѣла Союза офицеровъ — ген. м. Пожарскій, отъ русской колоніи въ Бѣлой Церкви — полковникъ Случевскій, отъ Маринскаго Донскаго института

Столѣтній юбилей Николаевскаго Кавалерійскаго Училища 22 мая 1923 года
въ г. Бѣлая Церковь, Югославія.

Въ центрѣ группы сидятъ въ первомъ ряду слѣва направо: ген. Карцевъ, ген. Баратовъ, ген. Барбовичъ, ген. Здановичъ (старѣйшій Николаевецъ), ген. Врангель, полк. Христичъ югосл. армии, ген. Богаевскій, ген. Говоровъ,

Начальникъ Училища и городской голова г. Бѣлая Церковь.

— Инспекторъ классовъ г. Стороженко, отъ Общества быв. воспитанниковъ Императорскаго Александровскаго Лицея — В. Д. Евреиновъ и отъ сербскихъ офицеровъ, бывшихъ Николаевцевъ, отставной маіоръ сербской службы Р. Симичъ; въ этомъ адресѣ

особенно ярко была подчеркнута связь, которая существует между сербами и воспитавшимъ ихъ роднымъ Училищемъ.

Послѣ поднесенія подарковъ и адресовъ состоялся общій обѣдъ съ юнкерами. Первые тосты за здравіе Его Величества Короля Александра и за славу и процвѣтаніе Училища провозгласилъ ген. Врангель. Послѣ словъ Главнокомандующаго слѣдовалъ цѣлый рядъ тостовъ и всѣ они были полны рѣдкой сердечности и теплоты по адресу Славнаго Училища. Особенно сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ произвелъ съ большимъ энтузіазмомъ сказанный тостъ маіоромъ Симичемъ, въ которомъ онъ въ яркихъ и сильныхъ выраженіяхъ указалъ на исключительное значеніе Россіи и Государя Императора Николая II въ дѣлѣ спасенія Сербіи въ тяжелую годину Міровой войны.

Во время обѣда было прочитано множество телеграммъ и привѣтствій, полученныхъ Училищемъ со всѣхъ концовъ свѣта къ его вѣковому юбилею. Обѣдъ прошелъ въ рѣдкомъ единеніи и за дружескимъ обмѣномъ рѣчами и теплыми словами невольно чувствовалось, что бесѣдуютъ не сербы и не русскіе, а одна дружная семья, одинъ великій славянскій народъ.

Вечеромъ въ лучшемъ залѣ города состоялся концертъ и балъ. Инспекторъ классовъ ген. шт. ген. м. Линицкій прочиталъ краткій историческій очеркъ жизни Училища за сто лѣтъ, послѣ чего начался концертъ. Прекрасная и разнообразная программа, хоръ трубачей и пѣвчихъ, декламація и живая картина были отлично выполнены юнкерами, а концертъ доставилъ всѣмъ приглашеннымъ громадное удовольствіе. Балъ прошелъ тоже съ рѣдкимъ оживленіемъ и пріятно было смотрѣть, какъ веселились институтки, впервые видѣвшія такой блестящій праздникъ.

На другой день въ 9 часовъ утра на плацу Училища былъ устроенъ гимнастическій праздникъ. Подъ умѣлымъ руководствомъ опытнаго инструктора юнкера показали прямо чудеса ловкости и смѣлости. Сокольская гимнастика подъ музыку хора трубачей и упражненія на снарядахъ были продѣланы лихо и отчетливо. Во всемъ видна солидная подготовка и тренировка.

Въ 13 часовъ Генераль Врангель отбылъ изъ Бѣлой Церкви подъ звуки хора трубачей Училища и оркестра кадетъ.

Блестящій праздникъ вѣкового юбилея Славной Школы останется на долго въ памяти всѣхъ на немъ присутствовавшихъ. Тяжелыя испытанія на чужбинѣ не сломили славнаго духа Школы и молодое поколѣніе Николаевцевъ показало на праздникѣ, что оно достойно своихъ старыхъ однокашниковъ. Училище высоко держитъ свое знамя и свято хранитъ свои вѣковыя традиціи.

*Подлинное подписалъ Генералъ-лейтенантъ Кусонскій
Съ подлиннымъ вѣрно: Ген. Шт. полк. Подгертковъ*

ВАХМИСТРА Н. К. У. ЗА РУБЕЖОМЪ.

Выпускъ 1-й, 1922 года:

- 1 эскадронъ: Хмара-Борщевскій Петръ, въ кадры л. гв. Уланскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка.
- 2 эскадронъ: Сидоренко Семень, въ кадры 9 гус. Кіевскаго полка.

Выпускъ 2-й, іюнь 1923 года:

- 1 эскадронъ: Лошуновъ Николай, въ кадры 4 гус. Маріупольскаго полка.
- 2 эскадронъ: Критскій Владиміръ, въ кадры 12 ул. Бѣлгородскаго полка.

Выпускъ 3-й, 2 сентября 1923 года:

- 1 эскадронъ: Эрнъ Борисъ, въ кадры 18 др. Сѣверскаго полка.
- 2 эскадронъ: Нечипоренко Борисъ, въ кадры Конно-арт. дивизиона.

*

* *

КАВАЛЕРЫ ИМПЕРАТОРСКАГО ОРДЕНА СВЯТОГО
ВЕЛИКОМУЧЕНИКА И ПОБѢДОНОСЦА ГЕОРГІЯ.

Второй степени:

Барятинскій князь Александръ, ген. адъют., ген. отъ инф., вы-
пуска 1833 г.

Лорисъ-Меликовъ графъ Михаилъ, ген. адъют., ген. отъ кав., вы-
пускъ 1843 г.

Третьей степени:

Барятинскій князь Александръ, ген. адъют., вып. 1833 г.

Майдель баронъ Егоръ, ген. м., вып. 1837 г.

Скобелевъ Дмитрій, ген. л., вып. 1838 г.

Лорисъ-Меликовъ графъ Михаилъ, ген. адъют., вып. 1843 г.

Раухъ Отто, ген. шт. ген. м., вып. 1851 г.

Четвертой степени:

Копьёвъ Юрій, шт. кап., вып. 1823 г.

Астафьевъ Алексѣй, поручикъ, вып. 1826 г.

Барятинскій князь Александръ, ген. адъют., вып. 1833 г.

Слѣпцовъ Николай, полковникъ, вып. 1836 г.

Фирксъ баронъ Александръ фонъ, ген. лейт., вып. 1836 г.

Майдель баронъ Егоръ, ген. м., вып. 1837 г.

Скобелевъ Дмитрій, ген. лейт., вып. 1838 г.

Леоновъ Николай, ген. м., вып. 1842 г.

Дризенъ баронъ Александръ, ген. лейт., вып. 1843 г.

Артемьевъ Василій, подполковникъ, вып. 1845 г.

Татищевъ графъ Николай, полковникъ, вып. 1847 г.

Соловьевъ баронъ Николай, полковникъ, вып. 1848 г.

Кутлеръ Федоръ, шт. кап., вып. 1848 г.

Раухъ Отто, ген. шт. ген. м., вып. 1851 г.

Лерхе Морицъ, подполковникъ, вып. 1852 г.

Лорисъ-Меликовъ Иванъ, ген. м., вып. 1852 г.

Карасевъ Дмитрій, ген. м., вып. 1852 г.

Шереметьевъ Сергѣй, поручикъ, вып. 1853 г.

Хилковъ князь Александръ, подполковникъ, вып. 1853 г.

Оболенскій князь Николай, Св. Е. В. ген. м., вып. 1853 г.

Розенбахъ Николай фонъ, Св. Е. В. ген. м., вып. 1854 г.

Челищевъ Алексѣй, Св. Е. В. ген. м., вып. 1854 г.
Черевинъ Петръ, Св. Е. В. ген. м., вып. 1855 г.
Пантелѣевъ Александръ, полковникъ, вып. 1856 г.
Вейсъ Константинъ, полковникъ, вып. 1857 г.
Меллеръ-Закомельскій баронъ Александръ, полк., вып. 1862 г.
Зальца баронъ Антоній, кап., вып. 1862 г.
Грековъ Митрофанъ, полковникъ, вып. 1862 г.
Эристовъ князь Давидъ, полковникъ, вып. 1862 г.
Меллеръ-Закомельскій баронъ Сергѣй, ротм., вып. 1865 г.
Бураго Александръ, кап., вып. 1866 г.
Адріановъ Николай, шт. кап., вып. 1866 г.
Сухомлиновъ Владиміръ, ген. шт. подполк., вып. 1867 г.
Бектабековъ князь Евсей, кап., вып. 1870 г.
Плеве Павелъ, ген. отъ кав., вып. 1870 г.
Карангозовъ Константинъ, шт. кап., вып. 1873 г.
Вельяшевъ Леонидъ, ген. лейт., вып. 1875 г.
Марковъ Василій, ген. м., вып. 1884 г.
Чоглоковъ Григорій, ген. лейт., вып. 1887 г.
Павловъ Александръ, ген. лейт., вып. 1887 г.
Маннергеймъ баронъ Карлъ, Св. Е. В. ген. м., вып. 1889 г.
Эрдели Иванъ, ген. м., вып. 1890 г.
Абалешевъ Александръ, Св. Е. В. ген. м., вып. 1891 г.
Богаевскій Африканъ, Св. Е. В. ген. м., вып. 1892 г.
Фесенко Михаилъ, полковникъ, вып. 1894 г.
Непокойчицкій Александръ, подполковникъ, вып. 1894 г.
Борисъ Владиміровичъ Вел. Князь, Св. Е. В. ген. м., вып. 1896 г.
Лазаревъ Сергѣй, полковникъ, вып. 1896 г.
Ильенко Николай, ротм., вып. 1896 г.
Бискупскій Василій, полк., вып. 1897 г.
Скляръ Николай, полк., вып. 1897 г.
Улагай Сергѣй, есаулъ, вып. 1897 г.
Панаевъ I Борисъ, ротм., вып. 1898 г.
Каргановъ Николай, подполковникъ, вып. 1899 г.
Сахновскій Леонидъ, ротм., вып. 1899 г.
Михайловъ Николай, ротм., вып. 1900 г.
Шкуратовъ Эрастъ, шт. ротм., вып. 1900 г.
Чавчавадзе князь Давидъ, ротм., вып. 1900 г.
Бѣляевскій Петръ, подъес., вып. 1901 г.
Панаевъ III Левъ, ротм., вып. 1902 г.
Суровцевъ Дмитрій, шт. ротм., вып. 1902 г.
Толстовъ Владиміръ, подъес., вып. 1905 г.
Соколовъ Михаилъ, ротм., вып. 1906 г.
Шкуро Андрей, есаулъ, вып. 1907 г.
Бабіевъ Николай, подъес., вып. 1908 г.
Рихтеръ Владиміръ фонъ, шт. ротм., вып. 1908 г.

Золотаревъ Николай, сотникъ, вып. 1909 г.
Агоевъ Константинъ, сотникъ, вып. 1909 г.
Скачковъ Владиміръ, шт. ротм., вып. 1909 г.
Кокаревъ Николай, сотникъ, вып. 1909 г.
Шахназаровъ Андрей, поручикъ, вып. 1910 г.
Бартеневъ Всеволодъ, поручикъ, вып. 1910 г.
Эльвергрень Георгій, поручикъ, вып. 1910 г.
Болдыревъ Сергѣй, сотникъ, вып. 1911 г.
Кофановъ Федоръ, сотникъ, вып. 1911 г.
Шамшевъ Николай, хор., вып. 1911 г.
Картацци Иванъ, корнетъ, вып. 1911 г.
Корниловъ Аркадій, корнетъ, вып. 1912 г.
Сосновскій Михаилъ, корнетъ, вып. 1912 г.
Негодный Артемъ, хорунжій, вып. 1912 г.
Покровскій Мина, хор., вып. 1912 г.
Скоробогатый Викторъ, хор., вып. 1913 г.
Лихвенцовъ, корнетъ, вып. 1913 г.
Трубачевъ Александръ, хор., вып. 12.VII. 1914 г.
Куликовскій Всеволодъ, прап., вып. 1.II.1915 г.
Ситкусъ, прап., вып. I. IV.1915 г.
Эмнихъ Игорь, корнетъ, вып. 1.II. 1916 г.

КАВАЛЕРЫ ГЕОРГІЕВСКАГО ОРУЖІЯ.

- Марковъ Василій, ген. м., вып. 1884 г.
Маннергеймъ баронъ Карлъ, Св. Е. В. ген. м., вып. 1889 г.
Розеншильдъ-Паулинъ Константинъ фонъ, полк., вып. 1892 г.
Молоствовъ Сергѣй, флиг. адъют., полк., вып. 1893 г.
Свѣчинъ Михаилъ, ген. м., вып. 1895 г.
Борисъ Владиміровичъ Е. И. В. Вел. Князь, Св. Е. В. ген. м.,
вып. 1896 г.
- Гончаренко Юрій, ротм., вып. 1897 г.
Носовичъ Анатолій, ротм., вып. 1899 г.
Лоріевъ Константинъ, есаулъ, вып. 1899 г.
Левенецъ Георгій, ротм., вып. 1899 г.
Гриммъ Эрикъ, ротм., вып. 1899 г.
Булацель Аркадій, ротм., вып. 1901 г.
Эвальдъ Федоръ фонъ, полковникъ, вып. 1902 г.
Науменко Вячеславъ, есаулъ, вып. 1903 г.
Дьяковъ Владиміръ, есаулъ, вып. 1903 г.
Татоновъ Георгій, ген. шт. кап., вып. 1904 г.
Чебышевъ Владиміръ, шт. ротм., вып. 1905 г.
Дьяковъ Василій, подъес., вып. 1905 г.
Соколовъ Валентинъ, подъес., вып. 1905 г.
Соколовъ Михаилъ, шт. ротм., вып. 1906 г.
Іоаннъ Константиновичъ Е. В. Князь, шт. ротм., вып. 1907 г.
Гавріилъ Константиновичъ Е. В. Князь, шт. ротм., вып. 1907 г.
Старженецкій-Лаппа Владиміръ, шт. ротм., вып. 1907 г.
Гажеевъ Владиміръ, есаулъ, вып. 1907 г.
Скворцовъ Михаилъ, подъес., вып. 1907 г.
Афанасьевъ Ипполитъ, шт. ротм., вып. 1907 г.
Рихтеръ Владиміръ фонъ, шт. ротм., вып. 1908 г.
Польманъ Сюзоръ фонъ, шт. ротм., вып. 1908 г.
Зборовскій Викторъ, сотн., вып. 1909 г.
Агоевъ Константинъ, подъес., вып. 1909 г.
Зиминъ Михаилъ, подъес., вып. 1909 г.
Крейтеръ Владиміръ, шт. ротм., вып. 1909 г.
Мартыновъ Борисъ, поруч., вып. 1909 г.
Крупенскій Илларионъ, поруч., вып. 1909 г.
Крупенскій Николай, пор., вып. 1909 г.
Петражкевичъ, поручикъ, вып. 1910 г.

Бартеневъ Всеволодъ, пор., вып. 1910 г.
Геништа Борисъ, пор., вып. 1910 г.
Ковалинскій Дмитрій, пор., вып. 1910 г.
Орловъ Алексѣй, корнетъ, вып. 1911 г.
Картацци Иванъ, корнетъ, вып. 1911 г.
Хакольскій, поручикъ, вып. 1911 г.
Ханъ Нахичеванскій Кельбагай, корнетъ, вып. 1911 г.
Раздеришинъ Илья, хор., вып. 1911 г.
Вачнадзе Князь, корнетъ, вып. 1912 г.
Лебедевъ Олегъ, хор., вып. 1912 г.
Корниловъ Аркадій, корнетъ, вып. 1912 г.
Ивановъ Георгій, хор., вып. 1912 г.
Эггеръ Владиміръ, корнетъ, вып. 1912 г.
Дриневицъ Сергѣй, корнетъ, вып. 1913 г.
Хохлачевъ Николай, хор., вып. 1913 г.
Лихвенцовъ, корнетъ, вып. 1913 г.
Михайловъ Борисъ, корнетъ, вып. 1913 г.
Сафоновъ Сергѣй, корнетъ, вып. 1913 г.
Галушкинъ Николай, хор., вып. 1913 г.
Галушко, хор., вып. 1913 г.
Фетисовъ, корнетъ, вып. 1913 г.
Эмнихъ Викторъ, корнетъ, вып. 1913 г.
Энель фонъ, корнетъ, вып. 1913 г.
Ощевскій-Кругликъ, корнетъ, вып. 12 іюля 1914 г.
Дадешкеліани Князь Александръ, хор., вып. 12 іюля 1914 г.
Шенгелай Владиміръ, корнетъ, вып. 12 іюля 1914 г.
Вдовенко Борисъ, хор. вып. 1 октября 1914 г.
Рихтеръ Александръ, прап., вып. 1 февр. 1915 г.
Грековъ Андрей, прап., вып. 1 февр. 1915 г.
Ширинскій-Шихматовъ Князь, прап., вып. 1 февр. 1915 г.
Ергушевъ Павелъ, прапорщикъ.

СПИСОКЪ
ФЕЛЬДФЕБЕЛЕЙ ШКОЛЫ ПОДПРАПОРЩИКОВЪ И
ВАХМИСТРОВЪ ЭСКАДРОНА ПО ПОРЯДКУ ВЫПУСКОВЪ
СЪ ОСНОВАНІЯ ШКОЛЫ.

1823 годъ.

Теличевъ Иванъ, фельдфебель, Л. Гв. Московскій полкъ.

29 марта 1825 года, 1 выпускъ.

Шиповъ І, Николай, фельдфебель, Л. Гв. Семеновскій полкъ.

6 января 1826 года, 2 выпускъ.

Астафьевъ Алексѣй, фельдфебель, Л. Гв. Семеновскій полкъ.

3 апрѣля 1827 года, 3 выпускъ.

Мезенцевъ Николай, фельдфебель, Л. Гв. Преображенскій полкъ.

25 марта 1828 года, 4 выпускъ.

Рудзевичъ Николай, фельдфебель, Л. Гв. Измайловскій полкъ.

Храповицкій Михаилъ, вахмистръ, Кавалергардскій полкъ.

24 марта 1829 года, 5 выпускъ.

Князь Голицынъ Александръ, фельдфебель, Л. Гв. Преображен-
скій полкъ.

1 іюля 1830 года, 6 выпускъ.

Брянчаниновъ Николай, фельдфебель, Л. Гв. Измайловскій п.

Сталь фонъ Гольстейнъ Борисъ, вахмистръ, Л. Гв. Уланскій п.

19 апрѣля 1831 года, 7 выпускъ.

Самсоновъ Евгений, фельдфебель, Л. Гв. Преображенскій полкъ.

Штиглицъ Федоръ, вахмистръ, Кавалергардскій полкъ.

1 іюля 1832 года, 8 выпускъ.

Глуховъ Андрей, фельдфебель, Л. Гв. Литовскій полкъ.

Липхардъ Левъ, вахмистръ, Л. Гв. Уланскій Его Высочества На-
слѣдника Цесаревича полкъ.

1 іюля 1833 года, 9 выпускъ, Кн. Бяратинскаго.

Баронъ Меллеръ-Закомельскій Николай, фельдфебель, Л. Гв. Се-
меновскій полкъ.

Перовскій Борисъ, вахмистръ, Кавалергардскій полкъ.

22 ноября 1834 года, 10 выпускъ, Лермонтовскій.

Вырубовъ Николай, фельдфебель, Л. Гв. Егерскій полкъ.

Бенкендорфъ Ермолай, вахмистръ, Кавалергардскій полкъ.

31 августа 1835 года, 11 выпускъ.

Чебышевъ Николай, фельдфебель, Л. Гв. Измайловскій полкъ.

Новосильцовъ Ардаліонъ, вахмистръ, Кавалергардскій полкъ.

1 июля 1836 года, 12 выпускъ, Сльщцовскій.

Сльщцовъ Николай, фельдфебель, Л. Гв. Литовскій полкъ.

Булгаковъ Александръ, вахмистръ, Кавалергардскій полкъ.

6 сентября 1837 года, 13 выпускъ.

Ралль Василій, фельдфебель, Л. Гв. Егерскій полкъ.

Глѣбовъ I, Федоръ, вахмистръ, Л. Гв. Кирасирскій Его Величества полкъ.

24 октября 1838 года, 14 выпускъ.

Арпсъ Егоръ, фельдфебель, Л. Гв. Измайловскій полкъ.

Миллеръ Левъ, вахмистръ, Л. Гв. Конный полкъ.

*8 августа 1842 года, 15 выпускъ.**

Бахметьевъ 2, Юрій, фельдфебель, Л. Гв. Преображенскій полкъ.

Казнаковъ Николай, вахмистръ, Л. Гв. Гродненскій гусарскій п.

8 августа 1843 года, 16 выпускъ.

Мазараки 2, Илья, фельдфебель, Л. Гв. Семеновскій полкъ.

Лошкаревъ Александръ, вахмистръ, Л. Гв. Конно-Гренадерскій п.

10 августа 1844 года, 17 выпускъ.

Гернгроссъ Николай, фельдфебель, Коллежскій секретарь.

Гурко 2, Николай, вахмистръ, Л. Гв. Конный полкъ.

10 августа 1845 года, 18-й выпускъ.

Волоцкій Александръ, фельдфебель, Л. Гв. Преображенскій п.

Мещериновъ Григорій, вахмистръ, Л. Гв. Конный полкъ.

12 августа 1846 года, 19-й выпускъ.

Дохтуровъ Петръ, фельдфебель, Л. Гв. Преображенскій полкъ.

Воейковъ Платонъ, вахмистръ, Л. Гв. Конный полкъ.

14 августа 1847 года, 20-й выпускъ.

День 2, Эдуардъ, фельдфебель, Л. Гв. Преображенскій полкъ.

Кирковичъ Александръ, вахмистръ, Л. Гв. Гусарскій полкъ.

13 июня 1848 года, 21-й выпускъ.

Ракѣвъ Георгій, фельдфебель, Л. Гв. Преображенскій полкъ.

Нейдгардтъ Михаилъ, вахмистръ, Л. Гв. Уланскій полкъ.

29 мая 1849 года, 22-й выпускъ.

Лукашъ Николай, фельдфебель, Л. Гв. Семеновскій полкъ.

Абаза 4, Николай, вахмистръ, Коллежскій секретарь.

8 августа 1850 года, 23-й выпускъ.

Васильчиковъ Викторъ, фельдфебель, Л. Гв. Преображенскій п.

Шидловскій Артуръ, вахмистръ, Кавалергардскій полкъ.

7 августа 1851 года, 24-й выпускъ.

Графъ Татищевъ Димитрій, фельдфебель, Л. Гв. Преображенскій полкъ.

Дараганъ Михаилъ, вахмистръ, Кавалергардскій полкъ.

* Школа была преобразована въ четырехклассное Училище въ 1838 году.
Примѣч. ред.

13 августа 1852 года, 25-й выпускъ.

Давыдовъ Василій, фельдфебель, Л. Гв. Преображенскій полкъ.
Стольпинъ Алексѣй, вахмистръ, Л. Гв. Конный полкъ.

13 августа 1853 года, 26-й выпускъ.

Князь Оболенскій Николай, фельдфебель, Л. Гв. Преображенскій полкъ.

Зміевъ, вахмистръ, умеръ отъ тифа.

17 іюня 1854 года, 27-й выпускъ.

Азанчевскій 1, Николай, фельдфебель, Л. Гв. Преображенскій п.
Князь Крапоткинъ Дмитрій, вахмистръ, Л. Гв. Конный полкъ.

11 іюня 1855 года, 28-й выпускъ.

Волковъ Александръ, фельдфебель, Л. Гв. Преображенскій п.
Баронъ Врангель Михаилъ, вахмистръ, Л. Гв. Конный полкъ.

16 іюня 1857 года, 29-й выпускъ.

Пантелѣевъ Александръ, фельдфебель, Л. Гв. Преображенскій п.
Бердяевъ Александръ, вахмистръ, Кавалергардскій полкъ.

6 іюня 1857 года, 30-й выпускъ.

Охотниковъ Павелъ, фельдфебель, Л. Гв. 1 Стрѣлковый Его Величества баталіонъ.

Звегинцевъ 1, Владиміръ, вахмистръ, Кавалергардскій полкъ.

11 іюня 1858 года, 31-й выпускъ.

Голынский Александръ, фельдфебель, Л. Гв. 1 Стрѣлковый Его Величества баталіонъ.

Грохольскій Фаддѣй, вахмистръ, Л. Гв. Конный полкъ.

16 іюня 1859 года, 32-й выпускъ.

Волковъ Павелъ, фельдфебель, Л. Гв. Преображенскій полкъ.
Звегинцевъ 2, Иванъ, вахмистръ, Кавалергардскій полкъ.

16 іюня 1860 года, 33-й выпускъ.

Балкашинъ Александръ, фельдфебель, Л. Гв. Уланскій Его Величества полкъ.

Столпаковъ Алексѣй, вахмистръ, Гусарскій Бѣлорусскій полкъ.

16 іюня 1861 года, 34-й выпускъ.

Баронъ Каульбарсъ 1, Николай, фельдфебель, Л. Гв. Гатчинскій баталіонъ.

Ушаковъ Александръ, вахмистръ, Л. Гв. Драгунскій полкъ, съ прикомандированіемъ Л. Гв. къ Конно-Піонерному эскадрону.

13 іюня 1862 года, 35-й выпускъ.

Князь Чегодаевъ Сергѣй, фельдфебель, Л. Гв. Царскосельскій стрѣлк. баталіонъ.

Баронъ Меллеръ-Закомельскій 1, Александръ, вахмистръ, Л. Гв. Гусарскій полкъ.

12 іюня 1863 года, 36-й выпускъ.

Поповъ Григорій, фельдфебель, Л. Гв. Преображенскій полкъ.
Лесли Александръ, вахмистръ, Кавалергардскій полкъ.

23 мая 1864 года, 37-й выпускъ.

Баронъ Каульбарсъ Василій, фельдфебель, Л. Гв. Гатчинскій баталіонъ.

Зыковъ Иванъ, вахмистръ, Л. Гв. Кирасирскій Его Величества п.
7 августа 1865 года, 38-й выпускъ.

Траубенбергъ Константинъ, вахмистръ, Л. Гв. Конный полкъ.
8 августа 1866 года, 39-й выпускъ.

Брянчаниновъ Александръ, вахмистръ, Кавалергардскій полкъ.
17 іюля 1867 года, 40-й выпускъ.

Дембскій 1, Константинъ, вахмистръ, Л. Гв. Уланскій Его Величества полкъ.

12 іюля 1868 года, 41-й выпускъ.

Карандѣевъ Александръ, вахмистръ, Л. Гв. Конно-Гренадерскій п.
12 іюля 1869 года, 42-й выпускъ.

Мусманъ Борисъ, вахмистръ, Кавалергардскій полкъ.
21 іюля 1870 года, 43-й выпускъ.

Высоцкій Владиміръ, вахмистръ, Л. Гв. Гродненскій гус. полкъ.
17 іюля 1871 года, 44-й выпускъ.

Веймарнъ Иванъ, вахмистръ, Л. Гв. Конно-Гренадерскій полкъ.
17 іюля 1872 года, 45-й выпускъ.

Ивановъ 1, Павелъ, вахмистръ, Л. Гв. Казачій Его Величества п.
10 августа 1873 года, 46-й выпускъ.

Рахманиновъ Сергѣй, вахмистръ, Л. Гв. Конный полкъ.
7 августа 1874 года, 47-й выпускъ.

Князь Багратіонъ-Мухранскій Александръ, вахмистръ, Л. Гв. Конный полкъ.

4 августа 1875 года, 48-й выпускъ.

Сорохтинъ Леонидъ, вахмистръ, Л. Гв. Гусарскій Его Величества полкъ.

18 іюля 1876 года, 49-й выпускъ.

Жилинскій Яковъ, вахмистръ, Кавалергардскій полкъ.
17 апрѣля 1877 года, 50-й выпускъ.

Комаровъ Александръ, вахмистръ, Л. Гв. Конный полкъ.
16 апрѣля 1878 года, 51-й выпускъ.

Вогакъ Константинъ, вахмистръ, Л. Гв. Уланскій полкъ.
8 августа 1879 года, 52-й выпускъ.

Мамаевъ Анатолій, вахмистръ, Л. Гв. Уланскій Его Величества п.
8 августа 1880 года, 53-й выпускъ.

Львовскій Александръ, вахмистръ, Кавалергардскій полкъ.
8 августа 1881 года, 54-й выпускъ.

Гревсъ Дмитрій, вахмистръ, 16 Драгунскій Нижегородскій полкъ.
7 августа 1882 года, 55-й выпускъ.

Левицкій Николай, вахмистръ, Л. Гв. Конный полкъ.
12 августа 1883 года, 56-й выпускъ.

Донауровъ Петръ, вахмистръ, Л. Гв. Драгунскій полкъ.

14 августа 1884 года, 57-й выпускъ.

Козелло-Поклевскій Владиславъ, вахмистръ, Л. Гв. Гродненскій
Гусарскій полкъ.

7 августа 1885 года, 58-й выпускъ.

Свѣчинъ Иванъ, вахмистръ, Л. Гв. Гусарскій Его Величества п.

11 августа 1886 года, 59-й выпускъ.

Миллеръ Евгеній, вахмистръ, Л. Гв. Гусарскій Его Величества п.

7 августа 1887 года, 60-й выпускъ.

Покотиловъ Александръ, вахмистръ, Л. Гв. Уланскій Его Вели-
чества полкъ.

9 августа 1888 года, 61-й выпускъ.

Половцевъ Андрей, вахмистръ, Кавалергардскій Ея Величества
полкъ.

10 августа 1889 года, 62-й выпускъ.

Бѣлиховъ Иванъ, вахмистръ, Л. Гв. Уланскій Его Величества п.

10 августа 1890 года, 63-й выпускъ.

Масловъ Михаилъ, вахмистръ, Л. Гв. Уланскій полкъ.

5 августа 1891 года, 64-й выпускъ.

Баронъ Корфъ Германъ, вахмистръ, Л. Гв. Гродненскій Гус. п.

2 августа 1892 года, 65-й выпускъ и 1-й сотни.

Гловацкій Василій, вахмистръ эскадрона, Л. Гв. Уланскій Его
Величества полкъ.

Абрамовъ Александръ, вахмистръ сотни, Л. Гв. Атаманскій
Е. И. В. Н. Ц. полкъ.

7 августа 1893 года, 66-й выпускъ и 2-й сотни.

Макѣевъ Евгеній, вахмистръ эскадрона, Л. Гв. Уланскій Его Ве-
личества полкъ.

Траилинъ Сергѣй, вахмистръ сотни, Л. Гв. Казачій Его Величе-
ства полкъ.

8 августа 1894 года, 67-й выпускъ и 3-й сотни.

Бражниковъ Николай, вахмистръ эскадрона, Л. Гв. Уланскій Его
Величества полкъ.

Сидоровъ Александръ, вахмистръ сотни, Л. Гв. Казачій Его Вели-
чества полкъ.

12 августа 1895 года, 68-й выпускъ и 4-й сотни.

Князь Андронниковъ Георгій, вахмистръ эскадрона, Л. Гв. Улан-
скій Его Величества полкъ.

Дударевъ Василій, вахмистръ сотни, въ комплектъ Донскихъ ка-
зачьихъ полковъ.

12 августа 1896 года, 69-й выпускъ и 5-й сотни.

Давыдовъ Георгій, вахмистръ эскадрона, Л. Гв. Конно-Гренадер-
скій полкъ.

Якушевъ Яковъ, вахмистръ сотни, Л. Гв. Атаманскій Е. И. В.
Н. Ц. полкъ.

13 августа 1897 года, 70-й выпускъ и 6-й сотни.

Князь Елецкій Леонидъ, вахмистръ эскадрона, Л. Гв. Уланскій
Его Величества полкъ.
Фоминъ Василій, вахмистръ сотни, Л. Гв. Атаманскій Е. И. В.
Н. Ц. полкъ.

8 августа 1898 года, 71-й выпускъ и 7-й сотни.

Князь Церетелли Иванъ, вахмистръ эскадрона, Л. Гв. Драгун-
скій полкъ.
Власовъ Николай, вахмистръ сотни, въ комплектъ Донскихъ ка-
зачьихъ полковъ.

8 августа 1899 года, 72-й выпускъ и 8-й сотни.

Носовичъ Анатолій, вахмистръ эскадрона, Л. Гв. Уланскій Его
Величества полкъ.
Сариновъ Михаилъ, вахмистръ сотни, Л. Гв. Казачій Его Вели-
чества полкъ.

9 августа 1900 года, 73-й выпускъ и 9-й сотни.

Ладыженскій, вахмистръ эскадрона, Л. Гв. Уланскій Ея Величе-
ства полкъ.
Поповъ Евгений, вахмистръ сотни, Л. Гв. Казачій Его Величества
полкъ.

13 августа 1901 года, 74-й выпускъ и 10-й сотни.

Ивановъ Борисъ, вахмистръ эскадрона, Л. Гв. Уланскій Его Ве-
личества полкъ.
Балабинъ Филиппъ, вахмистръ сотни, Л. Гв. Казачій Его Вели-
чества полкъ.

10 августа 1902 года, 75-й выпускъ и 11-й сотни.

Оливъ Михаилъ, вахмистръ эскадрона, Кавалергардскій полкъ.
Золотаревъ Константинъ, вахмистръ сотни, Л. Гв. Казачій Его
Величества полкъ.

10 августа 1903 года, 76-й выпускъ и 12-й сотни.

Гурьевъ Сильвестръ, вахмистръ эскадрона, Л. Гв. Уланскій Ея
Величества полкъ.
Савицкій Вячеславъ, вахмистръ сотни, Кубанскій каз. дивизионъ.

9 августа 1904 года, 77-й выпускъ и 13-й сотни.

Беръ Всеволодъ, вахмистръ эскадрона, Л. Гв. Конно-Гренадер-
скій полкъ.
Татоновъ Георгій, вахмистръ сотни, 1 Сунженско-Владикавказ-
скій полкъ.

22 апрѣля 1905 года, 78-й выпускъ и 14-й сотни.

Главче Евгений, вахмистръ эскадрона, Л. Гв. Уланскій Его Вели-
чества полкъ.
Дьяковъ Василій, вахмистръ сотни, Л. Гв. Казачій Его Величе-
ства полкъ.

24 марта 1906 года, 79-й выпускъ и 15-й сотни.

Яндаловскій Александръ, вахмистръ эскадрона, Л. Гв. Конно-Гренадерскій полкъ.

Дьяковъ Георгій, вахмистръ сотни, Л. Гв. Атаманскій полкъ.

14 июня 1907 года, 80-й выпускъ и 16-й сотни.

Тамбиевъ Пишъ-Мурза, вахмистръ эскадрона, Л. Гв. Конно-Гренадерскій полкъ.

Кореловъ Александръ, вахмистръ сотни, Л. Гв. Атаманскій полкъ.

15 июня 1908 года, 81-й выпускъ и 17-й сотни.

Гурфевъ Василій, вахмистръ эскадрона, Л. Гв. Уланскій Его Величества полкъ.

Никитинъ, вахмистръ сотни, 1 Донской казачій полкъ.

6 августа 1909 года, 82-й выпускъ и 18-й сотни.

Крейтеръ Владиміръ, вахмистръ эскадрона, 1 Гусарскій Сумскій полкъ.

Зборовскій Викторъ, вахмистръ сотни, Кубанскій казачій дивиз.

6 августа 1910 года, 83-й выпускъ и 19-й сотни.

Геништа Борисъ, вахмистръ эскадрона, Л. Гв. Конно-Гренадерскій полкъ.

Сердюковъ Дмитрій, вахмистръ сотни, Л. Гв. Казачій Его Величества полкъ.

6 августа 1911 года, 84-й выпускъ и 20-й сотни.

Вольскій Викторъ, вахмистръ эскадрона, Л. Гв. Конно-Гренад. полкъ.

Кофановъ Федоръ, вахмистръ сотни, 1 Лабинскій казачій полкъ.

6 августа 1912 года, 85-й выпускъ и 21-й сотни.

Алексѣевъ Николай, вахмистръ эскадрона, Л. Гв. Уланскій Его Величества полкъ.

Полковниковъ Сергѣй, вахмистръ сотни, Л. Гв. Казачій Его Величества полкъ.

6 августа 1913 года, 86-й выпускъ и 22-й сотни.

Глинскій Михаилъ, вахмистръ эскадрона, Л. Гв. Конно-Грен. полкъ.

Шляхтинъ Николай, вахмистръ сотни, 10 Донской казачій полкъ.

12 июля 1914 года, 87-й выпускъ и 23-й сотни.

Верещинскій, вахмистръ эскадрона, Л. Гв. Гродненскій гус. п.

Поповъ Иванъ, вахмистръ сотни, Л. Гв. Атаманскій полкъ.

1 октября 1914 года, 88-й выпускъ и 24-й сотни.

Линицкій Александръ, вахмистръ эскадрона, Л. Гв. Уланскій Его Величества полкъ.

Семеновъ Василій, вахмистръ сотни, Л. Гв. Атаманскій полкъ.

1 декабря 1914 г., 89 выпускъ, 25-й сотни и 1-й ускоренный.

Демидовъ, вахмистръ эскадрона, 5 Гусарскій Александрійскій п.

Щербаковъ Константинъ, вахмистръ сотни, Кизляро-Гребенская
запасная сотня.

1 февраля 1915 г., 90-й вытукъ, 26-й сотни и 2-й ускоренный.
Эрдели Георгій, вахмистръ эскадрона, Л. Гв. Кирасирскій Ея Ве-
личества полкъ.

Орѣховъ Владиміръ, вахмистръ сотни, Екатеринодарская запас-
ная сотня.

1 июня 1915 г., 91-й вытукъ, 27-й сотни и 3-й ускоренный.
Де-Роберти, вахмистръ эскадрона, Л. Гв. Гусарскій полкъ.
Верецака Леонидъ, вахмистръ сотни, комплектъ Кубанскихъ ка-
зачьихъ полковъ.

1 октября 1915 г., 92-й выт., 28-й сотни и 4-й ускоренный.
Слѣпянь Александръ, вахмистръ эскадрона, 19 Драгунскій Ар-
хангелогородскій полкъ.
Стефановскій, вахмистръ сотни, комплектъ Кубанскихъ казачь-
ихъ полковъ.

1 февраля 1916 г., 93-й выт., 29-й сотни и 5-й ускоренный.
Баронъ Корфъ, вахмистръ эскадрона, 1 Кавказскій Пограничный
конный полкъ.

Голубовъ, вахмистръ сотни, 2 Астраханскій казачій полкъ.

1 октября 1916 г., 94-й выт., 30-й сотни и 6-й ускоренный.
Князь Дондуковъ-Изьѣдиновъ Георгій, вахмистръ эскадрона,
Л. Гв. Гусарскій Ея Величества полкъ.

Бѣлоусовъ Алексѣй, вахмистръ сотни, комплектъ Терскихъ ка-
зачьихъ полковъ.

1 февраля 1917 г., 95-й выт., 31-й сотни и 7-й ускоренный.
Пегелау Михаилъ, вахмистръ эскадрона, по армейской кавалеріи.
Сережниковъ Григорій, вахмистръ сотни, Л. Гв. Сводно-Каз. п.

1 октября 1917 г., 96-й выт., 32-й сотни и 8-й ускоренный.
Русановъ Николай, вахмистръ эскадрона, 2 Лейбъ-Гусарскій Пав-
лоградскій полкъ.

Семилѣтовъ Василій, вахмистръ сотни, комплектъ Донскихъ ка-
зачьихъ полковъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

- Историческій Очеркъ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища. Школа Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ и Кавалерійскихъ Юнкеровъ. 1823—1873. В. Потто. СПБ. 1873 г. 326 стр.
- XXV-я годовщина Николаевскаго Кавалерійскаго Училища. Составилъ адъютантъ Училища ротм. И. И. Буковскій подъ редакціей Начальника Училища ген. м. А. А. Бильдерлинга. 1864—1889. СПБ. 1889. 214 стр., 2 портр., 4 рисунка и 1 планъ. Изд. Березовскаго, С. Петербургъ.
- Историческій Очеркъ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища. 1823—1898. Составленъ л. гв. Уланскаго Е. В. Г. И. Александры Феодоровны полка шт. ротм. Шкотомъ. СПБ. 1898. Типогр. М. Стасюлевича. 131 стр. и 120 стр. приложеній.
- Памяти Ф. Ф. Грязнова, быв. Начальника Училища, 1903, убитаго революціонерами въ Тифлисъ. Въ пользу Константиновской начальной школы. СПБ. 1908. 8 страницъ.
- Четверть вѣка Казачьей Сотни Николаевскаго Кавалерійскаго Училища. 67 стр. Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ. СПБ. 1915.
- М. Ю. Лермонтовъ. 1814—1914. Изданіе Высочайше утвержденнаго Комитета при Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ по сооруженію помятника М. Ю. Лермонтову. Его біографія, творчество и открытіе помятника въ саду Училища. Изданіе въ продажу не поступило. Изд. Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ. СПБ. 1914. 50 стр. со многими портретами и рисунками.
- Извѣстія Лермонтовскаго и Историческаго Музеевъ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища подъ редакціей Предсѣдателя Комитета Музеевъ. № 1. 1916. Въ продажу не поступило. Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ. Петроградъ 1916. 87 стр.
- Н. П. Слѣпцовъ. 1815 — 6/XII — 1915. Покоритель Чечни и Дагестана, фельдфебель 12 выпуска 1836 года. Изданіе Комитета Историческаго Музея Николаевскаго Кавалерійскаго Училища. Въ продажу не поступило. Петроградъ. Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ. 1916. 130 стр. со многими портретами и рисунками.

- М. П. Мусоргскій. 1839—1881, 29 выпуска 1856 года. Изданіе Историческаго Музея Н. К. У. Въ продажу не поступило. Изд. Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ. Петроградъ. 1916.
- Корнеты и Звѣри. Очерки. Евгеній Вадимовъ. Изд. Н. З. Рыбинскаго. Бѣлградъ. 1929. 66 стр.
- Звѣриада. Записки Черкесова. Романъ. Юрій Галичъ. Рига, 1931. 364 стр.
- Общество бывшихъ юнкеровъ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища, 1921—1935. Парижъ. 1935. 24 стр.
- На мотивы Звѣриады. Воспоминанія о Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ. СПБ. 1896—1898. М. Владиславовичъ. Ровно. 1936. 169 стр.
- Императорскій Гвардейскій Офицеръ. Воспоминанія полковника П. Линдера на финскомъ языкѣ. Стр. 28—44 посвящены Николаевскому Кавалерійскому Училищу. Со многими фотографіями. 1894—1896. Гельсингфорсъ, 1938. 366 страницъ.
- Изъ нашего прошлаго. Воспоминанія членовъ Союза бывшихъ юнкеровъ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища въ г. Гельсингфорсѣ. Первая и вторая тетради, 73 и 66 стр. Гельсингфорсъ. 1943.
- Кадеты и Юнкера. Анатолій Марковъ. Изданіе Обще-Кадетскаго Объединенія въ Санъ-Франциско. Буэносъ-Айресъ. 1961. 302 стр.
- Записки вахмистра Носовича, 1897—1899. Рукопись, 1967.
- Далекое и близкое. Воспоминанія ген. л. Е. И. Балабина, гл. III, стр. 97—138 посвящены Сотнѣ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища, 1898—1900. Рукопись.

Составилъ В. Гранбергъ

Маршъ Школы.

Аранжировка л. гв. Гродненскаго Гусарскаго полка ротмистра

В. П. фонъ Девиза † — выпуска 1911 года.

Handwritten musical score for "School March" (Маршъ Школы). The score is arranged in five systems, each consisting of two staves (treble and bass clef). The tempo is marked "TEMPO DI MARCHIA". The key signature is one flat (B-flat major or D minor). The score includes various musical notations such as notes, rests, and dynamic markings like *f* and *mf*. The music is a march, characterized by its rhythmic patterns and melodic lines.

Юнкеръ В. II. фонъ Дервизъ.

ОТЪ РЕДАКТОРА.

Въ своемъ напутствіи новопроизведеннымъ офицерамъ выпуска 1898 года Начальникъ Училища ген. Плеве сказалъ:

*«Богъ, Царь, Родина» — три слова
Свято помните всегда, —
Ть слова — всему основа
Въ нашей жизни, господа.*

Памятка Николаевского Кавалерійскаго Училища является сборникомъ статей и фотографій, посвященныхъ нашей незабвенной «Славной Школѣ», видѣвшей въ своихъ рядахъ немало лицъ всероссійски извѣстныхъ, и за свое долгое существованіе выпустившей многія тысячи своихъ воспитанниковъ въ гвардейскіе и армейскіе полки Россійской Императорской Арміи.

Школа дала блестящій примѣръ воспитанія и внѣдренія кавалерійскаго духа молодежи, съ успѣхомъ примѣненный въ другихъ кавалерійскихъ училищахъ. Она же выковала казака-Николаевца, — примѣра офицерамъ казачьихъ войскъ, и безъ того выдающихся своими воинскими качествами.

Все это было, было тогда, когда Имперія Россійская спокойно и твердо двигалась по своему историческому пути, когда во всемъ свѣтѣ каждый имѣлъ свое опредѣленное мѣсто, когда царили понятія правды и справедливости, устои религіи и нравственности.

Но вотъ началась Великая война 1914 года и опять вся Россія восхитилась доблестью братьевъ Панаевыхъ и ихъ величайшей жертвой на алтарь Отечества. Это были тѣ, о комъ знали буквально всѣ въ то время, а сколько было тѣхъ, кто такъ же положилъ «животъ свой за други своя», о которыхъ знали лишь однополчане да оплакивающіе ихъ родственники!

Затѣмъ насталъ всероссійскій бунтъ, вылившійся въ революцію, и опять вздрогнулъ Петроградъ при извѣстіи о смерти полковника Левенца, командира эскадрона Школы, убитаго предательской рукой.

Поднято было знамя Бѣлой борьбы, и вотъ въ день Георгіевскаго праздника, 26 ноября 1917 года, полуэскадронъ Школы, казалось бы послѣдніе Николаевцы, уже несутъ потери въ бою подъ Ростовомъ-на-Дону.

Но послѣдними они, однако, не оказались. Еще разъ заалѣла безкозырка и блеснули бѣлые ремни нашей формы въ двадцатыхъ годахъ въ Югославіи, къ сожалѣнію, на короткое время.

Однако, хорошее умереть не можетъ, блестящее умереть не должно, особенно въ наше время торжества шкурничества, лжи и безнравственности. Это хорошее нужно какъ-то сохранить, даже среди чуждаго и иногда враждебнаго общественнаго порядка, сохранить обрывки воспоминаній людей на склонѣ ихъ жизненнаго пути о томъ, что сейчасъ кажется далекой мечтой.

Этимъ руководствовались Николаевцы, своими жертвами издавая эту книгу.

Тѣ пробѣлы и недочеты, которые могутъ оказаться въ воспоминаніяхъ и спискахъ, будутъ понятны каждому, кто знаетъ, съ какими затрудненіями сопряжена въ наше время подобная работа. Позволительно, однако, надѣяться, что эти недочеты, допущенные не по винѣ авторовъ и составителей, найдутъ снисхожденіе у читателя этой книги.

Редакторъ считаетъ своимъ долгомъ выразить глубокую благодарность не только подписчикамъ и жертвователямъ, но и всѣмъ приславшимъ свои статьи и множество рѣдкихъ фотографій, равно какъ и помогшимъ совѣтами и постаравшимся придать книгѣ ея настоящій видъ.

ПАМЯТКА НИКОЛАЕВСКАГО КАВАЛЕРІЙСКАГО
УЧИЛИЩА.

О г л а в л е н і е .

Часть первая — общеисторическая.

Письмо Министра Императорскаго Двора	6
Обращеніе генерала А. М. Грекова	7
Николаевское Кавалерійское Училище. Истор. очеркъ	8
Гвардейская Школа. В. Хороманскій	16

Часть вторая — Эскадронъ.

Подъ кровъ Двуглаваго Орла. В. Хороманскій	29
Послѣдній маршъ Эскадрона. В. Юлкинъ	30
Нѣчто о Школѣ Гвардейскихъ Подпрапорщиковъ. 1825	31
Изъ воспоминаній кн. Н. В. Репнина. 1854	35
Штрихи прошлаго	39
Въ Училищѣ. Бар. Э. ф. Мендъ. 1896	40
Высочайшее посѣщеніе Школы. Е. Вадимовъ. 1898	52
Изъ писемъ. Е. Лукашевъ. 1906—1908	55
Призовая ѣзда. И. Рубецъ. 1911	61
Спортъ въ Школѣ. И. Рубецъ. 1911	65
Программа Коннаго праздника. 1911	66
Изъ корнетовъ Школы въ Корнеты Полка. С. Дриневиць. 1913	71
Страничка былаго. К. Розеншильдъ-Паулинъ. 1914	81
Обычай и традиціи. Г. Гриневъ. 1914—1915	82
Изъ воспоминаній. В. Великосельскій. 1915	94
Тревога. А. Арсеньевъ. 1916	104
Изъ воспоминаній ген. Улановскаго. 1917	107
Убійство полк. Левенца. К. Скуридинъ. 1917	109
Николаевцамъ. Н. Воробьевъ	111
Изъ писемъ. С. Дриневиць. 1918	112

Часть третья — Казачья Сотня.

Съ Кубани, Терека, Урала. Стихотвореніе	114
Обходъ Сотни. Стихотвореніе	116
Четверть вѣка Сотни. 1915	117
Гвардейская Школа, 1891—1893. А. Баженовъ	121

«Гунибы». Н Русскій, Н. Грековъ. 1910	142
Первые шаги въ Царской Сотнѣ. С. Полковниковъ. 1910	159
Царская Сотня. Д. Вергеповъ. 1917	178

Часть четвертая — М. Ю. Лермонтовъ.

Юнкерскіе годы М. Ю. Лермонтова. К. Скуридинъ	181
Постоянный составъ Школы 1832—1834	198
Списокъ X выпуска Школы. 1834	199
Памятникъ М. Ю. Лермонтову. В. Хороманскій	200
Лермонтовская выставка. И. Рубецъ	203
Закладка памятника Лермонтову	206
Лермонтовскій Музей. К. Скуридинъ	209

Часть пятая — выдающіеся Николаевцы.

Освященіе памятниковъ М. Ю. Лермонтову, М. П. Слѣпцову, М. П. Мусоргскому и П. П. Семенову-Тянь- Шанскому	218
Князь А. И. Барятинскій	221
Н. П. Слѣпцовъ	222
Д. И. Скобелевъ	223
Князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ	223
П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій	224
М. П. Мусоргскій	225
В. М. Остроградскій	225
Н. А. Сухомлиновъ	225
В. А. Сухомлиновъ	226
П. А. Плева	226
Е. К. Миллеръ	226
А. А. Павловъ	226
Баронъ Г. К. Маннергеймъ	227
А. П. Богаевскій	227
А. Дутовъ	227
В. Науменко	227
А. Шкуро	227
Н. Бабіевъ	227
К. Агоевъ	227
Приказъ по Училищу о братьяхъ Панаевыхъ	228

Часть шестая — Училище въ Югославіи.

Приказъ по 1 Армейскому корпусу объ основаніи Училища	230
Николаевское Кавалерійское Училище въ Бѣлой Церкви. А. Стафіевскій	231
Приказъ штаба ген. Врангеля по поводу столѣтія основанія Училища	245

Списокъ вахмистровъ Н. К. У. за рубежомъ	249
Часть седьмая — приложения.	
Списокъ Георгіевскихъ кавалеровъ	250
Списокъ фельдфебелей и вахмистровъ	
Школы и Училища	255
Библиографія	263
Рояльныя ноты марша Школы. В. ф. Деввизъ	265
Отъ редактора	267

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

U604
.S257
R1
1969

